

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2018

Том 17. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2018

Volume 17. No. 3

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2018. Vol. 17. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue:

Applied and Experimental Linguistics: Vectors of Development

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Journal is registered by Federal Service for Supervision
of Mass Media, Communications and Protection of
Cultural Heritage (Russia) (Registration Certificate
ПН № ФС77-25016 of June 29, 2006)

The journal is included into the **Index of Peer-reviewed
Academic Journals and Publications that must publish
academic results of doctoral and candidate’s degree
theses** that came in force on December 1, 2015

Journal is included into **Web of Science Core
Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian
and international databases: **Russian Science Citation
Index; MLA (USA), CrossRef (USA), DOAJ
(Sweden), EBSCO (USA), ProQuest (USA), ERIH
PLUS (Norway), CiteFactor (Canada), COPAC* (Great
Britain), Google Scholar (USA), Journalindex.net
(USA), JournalSeek (USA), ULRICHSWEB™ Global
Serials Directory (USA), OCLC WorldCat® (USA),
SHERPA/RoMEO (Spain), MIAR (Spain), ZDB
(Germany), “CyberLeninka” Scientific Electronic
Library (Russia), “Socionet” Information Resources
(Russia) et al.**

Address of Editorial Office

Prospect Universitetsky 100, Volgograd, 400062.
Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal Website: <http://l.jvolsu.com>

English version of Website: <http://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Editorial Staff:

Prof. Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)
Prof. Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)
Prof. Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)
Prof. Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)
Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary and Copy
Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof. Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik); Prof. Dr. *N.S. Bolotnova*
(Tomsk); Prof. Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);
Prof. Dr. *S. S. Vogeler* (Brussels, Belgium); Prof. Dr.
V.Z. Demyankov (Moscow); Prof. Dr. *N.N. Zapolskaya*
(Moscow); Prof. Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);
Prof. Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd); Prof. Dr. *V.I. Karasik*
(Volgograd); Prof. Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);
Prof. Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia); Prof.
Dr. *L.P. Krysin* (Moscow); Prof. Dr. *O.A. Leontovich*
(Volgograd); Prof. Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);
Prof. Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Volgograd); Prof. Dr.
O.N. Prokhorova (Belgorod); Prof. Dr. *V.I. Terkulov*
(Donetsk, Ukraine); Prof. Dr. *E. Hoffmann* (Vienna,
Austria); Prof. Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd); Prof.
Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland), Dr. *R. Schmitt*
(Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova,*
M.V. Rassakhatskaya

Editor of English texts: *I.D. Volkova*

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing 22.10.2018.

Date of publication 20.11.2018. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 21,2. Published pages 22,8.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–64).

Order 150. «C» 26.

Open price

Published in the Publishing House
of Volgograd State University.

Bogdanova St. 32, Volgograd, 400062.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

© Volgograd State University, 2018

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2018. Т. 17. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера:

«Прикладная и экспериментальная лингвистика: векторы развития»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25016 от 29 июня 2006 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**; **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <http://l.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала: <http://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шентухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия); д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия); д-р филол. наук, проф. В.З. Демьянков (г. Москва); д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. Н.Н. Запольская (г. Москва); д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург); д-р филол. наук, доц. Д.Ю. Ильин (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград); д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия); д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия); д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва); д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург); д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород); д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина); д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия); д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград); д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша); д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова*,
М.В. Рассакатская

Редактор английских текстов *И.Д. Волкова*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 22.10.2018 г.

Дата выхода в свет 20.11.2018 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 21,2.
Уч.-изд. л. 22,8. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–64).
Заказ 150. «С» 26.
Свободная цена

Отпечатано в издательстве
Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, ул. Богданова, 32.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

«ПРИКЛАДНАЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ»

<i>Баранов А.Н., Паршин П.Б.</i> О метаязыке описания визуализаций текста	6
<i>Кушнерук С.П.</i> Естественное и искусственное в создании текстов современной коммуникации	16
<i>Катышев П.А., Осадчий М.А.</i> Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике	24
<i>Ильинова Е.Ю., Кочетова Л.А.</i> Дискурсивная саморепрезентация личности в англоязычном межличностном общении: корпусный прагмасоциолингвистический анализ	35
<i>Белоглазова Е.В., Кабакчи В.В.</i> Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования	49
<i>Курьянова И.В.</i> Возможности идентификации иноязычных говорящих по голосу и речи экспертными методами	60
<i>Сороколетова Н.Ю.</i> Вариативность мелодических паттернов обращения в англоязычном интервью	70

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Баталин С.В., Глебова Е.А.</i> Темпоральные и динамические характеристики гласных при нейтральном и эмфатическом ударении	80
<i>Фесенко О.П.</i> Фонетическая составляющая речевого портрета современной молодежи (на примере речи курсантов военного вуза)	91
<i>Ильин Д.Ю.</i> Лингвоэкологический портрет регионального топонимикона: критерии описания	99
<i>Киселева Л.А.</i> Параметры языкового моделирования эмоциональных ситуаций в художественном тексте	108
<i>Млечко А.В., Шамаев И.Н.</i> Дискурсивные практики традиционных и новых медиа	119

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

<i>Терецук А.А.</i> Лексические испанизмы в каталанском языке начала XX века	130
<i>Тахтарова С.С., Зубинова А.Ш.</i> Сравнение и метафора в идиостиле С. Кинга [На англ.]	139
<i>Милованова М.В., Свинкина М.Ю.</i> Репрезентация образа России в медиадискурсе Германии в контексте Чемпионата мира по футболу 2018	148
<i>Болотина Ю.П.</i> Реализация категории вежливости как способ репрезентации лингвокультурного типажа	158

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Лысакова И.П., Железнякова Е.А.</i> Лингвокогнитивные особенности учебного текста	166
<i>Цзян Вэй.</i> Вопросительные высказывания с частицей <i>ли</i> (<i>не ли</i>) в художественном тексте	174
<i>Абызов А.А., Здорикова Ю.Н.</i> Вариативность акцентной структуры слова (на примере прилагательных на <i>-овый</i>)	181
<i>Несмачнова Е.В.</i> Особенности выражения интраязыковой связи литературного произведения и его экранизации: эмоциональный аспект	189
<i>Махрова М.М.</i> Русскоязычные инфографики XXI века в интенциональном аспекте	195

ДИСКУССИИ

<i>Голованевский А.Л.</i> Поэтическая метонимия как тип лексического значения и ее отражение в лексикографической практике	203
<i>Петрова А.А., Шмитт Р., Штульберг О.Э.</i> Партисипативная ритуальность: мультимодальное исследование религиозной коммуникации в пространстве церкви	210

РЕЦЕНЗИИ

<i>Праццерук Н.В.</i> Блеск и нищета тотальной игры (Рец. на кн.: Снигирева, Т. А. Борис Акунин и его игровой мир [Текст] : монография / Т. А. Снигирева, А. В. Подчинов, А. В. Снигирев. – СПб. : Алетейя, 2017. – 178 с.) [На англ.]	223
--	-----

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE: APPLIED AND EXPERIMENTAL LINGUISTICS: VECTORS OF DEVELOPMENT

<i>Baranov A.N., Parshin P.B.</i> Towards the Metalanguage for Describing Text Visualizations	6
<i>Kushneruk S.P.</i> Combination of Natural and Artificial Factors in Making up Modern Texts	16
<i>Katyshev P. A., Osadchiy M.A.</i> A Method of Parametric Modeling in Forensic Linguistics	24
<i>Pulinova E.Yu., Kochetova L.A.</i> Self-Representation in English Spoken Discourse: Corpus-Based Pragmatic-and-Sociolinguistic Approach	35
<i>Beloglazova E.V., Kabakchi V.V.</i> Russian-Culture-Oriented Discourse of English: Prospects of Corpus Research	49
<i>Kuryanova I.V.</i> Expert Methods of Foreign-Language Speakers' Identification by Speech Prosody	60
<i>Sorokoletova N.Yu.</i> Direct Address in English Interview: Variations of Melodic Patterns	70

**EVOLUTION AND FUNCTIONING
OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Batalin S.V., Glebova E.A. Temporal and Dynamic Characteristics of Vowels under Neutral and Emphatic Stress 80

Fesenko O.P. Phonetic Aspect of Young People's Speech Portrait (Exemplified by Speech of Military Institute Cadets) 91

Ilyin D.Yu. Linguoecological Portrait of Regional Toponymicon: Description Attributes 99

Kiseleva L.A. Parameters of Language Modeling of Emotional Situations in the Literary Text 108

Mlechko A.V., Shamaev I.N. Discursive Practices of New and Traditional Media 119

**INTERCULTURAL COMMUNICATION
AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES**

Tereshchuk A.A. Lexical Interferences from Spanish in the Catalan Language of the Early 20th Century 130

Takhtarova S.S., Zubinova A.Sh. The Main Characteristics of Stephen King's Idiostyle 139

Milovanova M.V., Svinkina M.Yu. Representation of Russia's Image in German Media Discourse in the Context of the 2018 FIFA World Cup 148

Bolotina Yu.P. Realisation of the Category of Politeness as the Way of Representing the Linguacultural Type 158

MATERIALS AND REPORTS

Lysakova I.P., Zheleznyakova E.A. The Linguocognitive Characteristics of Educational Text 166

Jiang Wei. Interrogative Utterances with the Particle *Li* (*Ne Li*) in the Literary Text 174

Abyzov A.A., Zdorikova Yu.N. Accent Structure Variation in Adjectives Ending in *-овый* 181

Nesmachnova E.V. Intralingual Connection Between the Novel Text and Its Film Adaptation: the Emotional Aspect 189

Makhrova M.M. The Intentional Aspect of the Russian-Language Infographics of the 21st Century 195

DISCUSSIONS

Golovanevskiy A.L. Poetic Metonymy As a Type of Lexical Meaning and Its Reflection in Lexicographic Practice 203

Petrova A.A., Schmitt R., Stulberg O.E. Participative Ritualty: Multimodal Research on Religious Communication in the Church Interior ... 210

REVIEWS

Prascheruk N.V. Splendours and Miseries of Total Play in Akunin's Literary Oeuvre (Book Review: Snigireva T. A. Boris Akunin i ego igrovoy mir [Tekst] : monografiya / T.A. Snigireva, A.V. Podchinenov, A.V. Snigirev. – Saint Petersburg : Aleteya, 2017. – 178 p.) 223

www.volsu.ru

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1>

UDC 81'22
LBC 81.002

Submitted: 11.05.2018
Accepted: 14.06.2018

TOWARDS THE METALANGUAGE FOR DESCRIBING TEXT VIZUALIZATIONS

Anatoliy N. Baranov

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Pavel B. Parshin

Center for Global Problems, Institute of International Studies,
Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Interior of Russia;
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The paper deals with supposedly basic categories of metagraphemics, a study of various means of visual transformation of a text using resources of variability of broadly understood alphabetic writing signs, as well as possibilities of semantic interpretation of pictorial components of a text, such as pictures in the proper sense, figures, diagrams, schemes, etc. Similar, but not identical resources are available for other systems of writing; they call for special investigation and are not discussed here. Within metagraphemics, we suggest distinguishing, at least, the following phenomena (and, respectively, subsections of metagraphemics as a discipline): substantial metagraphemics, i.e. the study of material substance of a text; chromographemics (variability of colors of graphemes within a text); supragraphemics (variability of typefaces and fonts, as well as other graphic modifications within them); topographemics (spatial models of configuration of graphemes on plane or in space); syngraphemics (variability of punctuation); cinemographemics (animation of a visual text); iconic graphemics (a specific type of creolization of a text presupposing installing configuration of graphemes in a picture or transformation of graphemic configuration into a picture).

There is no fundamental difference between the metagraphemics and the creolization of the text (introduction of the image or its elements into the text). This allows us to use a single categorical apparatus of linguistic and cognitive semantics to describe the phenomena under discussion. At the same time, multimodal communication involves interpretation through various metalanguages that are not reducible to a single categorical apparatus.

We study the peculiarities of semantic interpretation of metagraphemic phenomena, analyze several examples of iconic supragraphemics, iconic topographemics with the elements of creolization and swastika expertise.

Key words: visual semiotics, metagraphemics, metalanguage, text visualization, image semantics, linguistic expertise.

Citation. Baranov A.N., Parshin P.B. Towards the Metalanguage for Describing Text Vizualizations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1>

УДК 81'22
ББК 81.002

Дата поступления статьи: 11.05.2018
Дата принятия статьи: 14.06.2018

О МЕТАЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЙ ТЕКСТА

Анатолий Николаевич Баранов

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, г. Москва, Россия

Павел Борисович Паршин

Центр глобальных проблем Института международных исследований МГИМО МИД России,
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные категории метаграфемы – научной дисциплины, в рамках которой исследуются способы визуализации текста средствами алфавитного письма, а также изучаются возможности семантической интерпретации изобразительной составляющей текста – рисунков, графиков, схем и пр. (Сходные, но не идентичные средства могут использоваться в других системах письма; они, однако, требуют специального анализа и здесь не обсуждаются). В рамках метаграфемы предлагается различать, как минимум, субстанциональную метаграфему, определяемую материальными средствами и инструментами передачи графем; хромографему (цветовое варьирование графем); супраграфему (варьирование гарнитур и графических выделений конфигураций графем в рамках одной гарнитуры); топографему (пространственное расположение конфигураций графем на плоскости или в пространстве); синграфему (варьирование пунктуационного оформления); кинемографему (анимация последовательностей графем); иконическую графему (креолизация текста, выстраивание конфигураций графем в изображение или его части).

Между метаграфемой и креолизацией текста (введением в текст изображения или его элементов) нет принципиальных различий. Это позволяет использовать единый категориальный аппарат лингвистической и когнитивной семантики для описания обсуждаемых феноменов. В то же время мультимодальная коммуникация предусматривает интерпретацию с помощью различных метаязыков, не сводимых к единому категориальному аппарату.

Рассматриваются особенности семантики феноменов метаграфемы, разбираются примеры из области иконической супраграфемы, иконической топографемы с элементами креолизации и лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: визуальная семиотика, метаграфема, метаязык, визуализация текста, семантика изображения, лингвистическая экспертиза.

Цитирование. Баранов А. Н., Паршин П. Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.1>

Постановка проблемы

Текст, будучи сложным языковым знаком, имеет означаемое (план содержания) и означающее (план выражения). Постулат структурализма гласит, что смысл, содержание и семантика речевых высказываний сосредоточены в первом, а «технические» аспекты передачи речевого сообщения охватываются вторым. В постструктурализме этот тезис был пересмотрен, поскольку стало ясно, что означающее влияет на означаемое – и в ряде случаев весьма существенно. Оказалось, например, что звуковая реализация речевых форм чувствительна к интонационной составляющей, а письменная – к тому, каким образом изобразительно передаются графемы и сопровождается ли собственно вербальный текст изображением, а также к ситуации, когда последний сам по себе формирует изображение¹.

Влияние «технической» стороны передачи речи на ее семантику особенно ярко про-

явилось в креолизованных текстах, то есть в таких, которые включают как составную часть те или иные невербальные компоненты – рисунки, изображения, графические элементы и пр. Тексты такого типа называются также мультимодальными, поликодовыми и комбинированными [Анисимова, 2003; Сорокин, Тарасов, 1990; Kress, van Leeuwen, 2001; 2006]; иногда между этими понятиями проводятся различия.

На связь языка с другими семиотическими системами внимание обращалось и ранее (см. классическую работу [Якобсон, 1985]), однако в последнее время исследование креолизованных, мультимодальных, поликодовых и т. п. текстов приобрело особую популярность, что объясняется несколькими причинами. Одна из них заключается в осознании того факта, что естественно-языковая коммуникация в обществе, взятая как целостный феномен, является мультимодальной и поликодовой всегда. Для того, чтобы указать пример чисто языковой коммуникации, пришлось

бы, скорее всего, пересмотреть представление о границах между естественным языком и другими семиотическими системами (это возможно: так, интонация когда-то относилась к паралингвистике, но по мере того, как развиваются средства ее описания, она все чаще рассматривается как языковой феномен).

Другая причина заключается в том, что креолизованные тексты оказываются важным объектом исследования в прикладных областях, имеющих междисциплинарный характер. Например, экспертиза товарных знаков – прежде всего комбинированных – в ряде случаев предполагает их сравнение с другими. Поскольку комбинированный товарный знак представляет собой соединение изображения с вербальным компонентом, то по существу это креолизованный текст, но ограниченный по объему. Анализ изображения более необходим при исследовании чисто изобразительного товарного знака, не включающего собственно вербальную составляющую. Креолизованные тексты и видеоматериалы, выступающие в качестве их разновидности, оказываются в центре внимания и в экспертизах других типов (выявление символики, сходной до степени смешения с нацистской, признаков экстремизма, порнографии и т. д.).

При очевидном научном интересе к способам визуализации текста (в частности к креолизованным текстам) и наличии социального заказа метаязыки описания сферы визуализации письменного языка отсутствуют, что существенно затрудняет любые исследования в данной области.

Метаграфемика и ее категориальный аппарат

Языковые знаки и их конфигурации, как и лежащее в их основе понятие языковой системы, представляют собой абстракции. В устной коммуникации языковые конструкции реализуются в звуковой оболочке, компонентами которой являются не только интонация, но и множество различных просодических ресурсов (ср. [Кодзасов, 2009]). Голос отдельного говорящего константен, хотя и допускает определенное варьирование, которое до сих пор слабо изучено. В художественной лите-

ратуре особенности произнесения текста – ритм, элементы просодии и т. д. – часто передаются в самой форме литературного произведения (например, в формальных характеристиках стиха). Иногда просодия отражается и графически (расположением строф, выделениями фрагментов текста). В сфере вокального искусства, театра и рекламы характеристики голоса оказываются уже вариативным ресурсом: голосовой кастинг, например, в звучащей рекламе, во многом определяет успешность сообщения (см., например, [Паршин, 2010]).

В письменной, и прежде всего в печатной коммуникациях, а также при восприятии изображений статического или динамического характера используется визуальный сенсорный канал. Опуская детали, можно сказать, что, выступая в визуальной форме, любая языковая конфигурация не только отображается средствами той или иной письменности, единицами которой выступают абстрактные графемы [Зализняк, 1979], но и дополнительно передается средствами еще одной семиотической системы (или набора таких систем – этот вопрос требует отдельного обсуждения), которую удобно обозначать термином **метаграфемика**, предложенным в свое время (немного в иной форме – «метаграфия» и наряду с некоторыми другими) И.Е. Гельбом [Гельб, 1982, с. 321], сославшимся также на Э. Хэмпла и Дж. Трейджера. Термин «метаграфемика» был использован в давней публикации авторов [Баранов, Паршин, 1989].

Итак, любое конкретное визуальное естественно-языковое сообщение не просто фиксируется на письме некоторой конфигурацией графем. Эта конфигурация реализуется на отдельном носителе с использованием того или иного маркирующего инструмента. Совокупность вариантов такой реализации задает **субстанциональную метаграфемiku** текста. Конфигурация графем обладает некоторым цветом – **хромографемикой**. Далее, она отображается с помощью различных шрифтов или гарнитур. Последние имеют широчайший репертуар формальных средств презентации, хотя из их множества на практике используется лишь малая часть. Выбор типа гарнитуры (например, с засечками и без них), варианты начертания, насыщенности, размер кег-

ля, сочетания прописных и строчных букв² и т. д. – все это в совокупности уместно называть **супраграфемикой**, то есть шрифтовым выделением той или иной конфигурации графем. Наконец последняя определенным образом расположена на плоскости, а иногда и в пространстве. Пространственное измерение графемной конфигурации формирует **топографемика**.

Визуальная презентация естественно-языкового сообщения может быть формально размечена с помощью различных пунктуационных знаков, варьирование которых тоже значительно (**синграфемика**). В современных технологиях письменный текст может анимироваться, то есть возникать в динамике – появляться постепенно или сразу, двигаться, мерцать и т. п. (**кинемографемика**). Графемы могут выстраиваться в изображение – стилизованный рисунок, а текст – иллюстрироваться изображением (**иконическая супраграфемика**).

Таким образом, метаграфематические средства, с одной стороны, переводят абстрактную графемную конфигурацию в конкретный материальный вид – письменную оболочку речевой формы. Это можно назвать **вариативной формальной интерпретацией**. С другой стороны, сами метаграфематические средства как инструменты формального варьирования текста (и результат такого варьирования) получают некоторую семантическую интерпретацию, которая может быть очень разнообразной. Метаграфематические средства формируют дополнительный канал (и даже каналы) передачи смысла, его усложнения, обогащения и дифференциации, однако их экспликация существенно осложнена по сравнению с восприятием смысла, выраженного «традиционными» его носителями – лексическими и синтаксическими единицами. Причина заключается в том, что средства визуализации текста менее конвенциональны, а во многих случаях еще и недискретны (ср. насыщенность цветовых выделений или «полужира»). Действительно, если постановка прописных букв в целом ряде случаев регулируется некоторыми правилами, то выбор той или иной шрифтовой гарнитуры, использование малых прописных букв, насыщенность литер, цвет, курсив, разрядка,

подчеркивание и пр. не регламентируются или почти не регламентируются орфоэпическими, пунктуационными, орфографическими и другими правилами.

Конкретные инструменты обсуждаемых формальных метаграфематических преобразований (особенно супра- и топографемики), а также их взаимодействие чрезвычайно разнообразны. Крайне слабое нормирование системы метаграфематических средств усугубляется еще и тем, что ее использование весьма различно в разных письменных традициях: достаточно, с одной стороны, сравнить курсив (супраграфематическое средство), а с другой – всякого рода кавычки (синграфематическое средство) в русской и англоязычной традициях. Более того, правила использования метаграфематических средств могут существенно варьироваться даже в конкретных дискурсах внутри одной письменной традиции. В этом случае выявление авторской семантики соответствующего графического выделения требует серьезного анализа (см. исследование семантики курсива в прозе В. Маканина в [Баранов, 2008]).

Следует отметить, что первые четыре вида формальной интерпретации текста – субстанциональная метаграфемика, хромографемика, супраграфемика и топографемика – реализуются *всегда*. Их восприятие и интерпретация зависят от степени маркированности используемых форм: немаркированная гарнитура (типа Times New Roman для современного русского текста) и стандартная верстка субъективно воспринимаются как отсутствие интерпретации (фон), тогда как маркированные решения (например, готический шрифт или елизаветинская гарнитура) заставляют читателя искать дополнительные смыслы текста («фигура» на общем фоне). Что же касается синграфемики (учитывая, что она может использоваться для выражения грамматических значений), кинемографемики и креолизации, то они факультативны и, видимо, должны рассматриваться как отдельные семиотические системы.

Все описанные выше ресурсы и способы их использования могут концептуализироваться (в дополнение к категориям поликодовости и мультимодальности) и посредством других терминологических решений, прежде

всего, в терминах **типографики** – технической практики со своей теорией, в которой, важную роль, в частности, играют категории **верстки** и **макетирования**. Литература по этому направлению чрезвычайно обширна, но изложение в ней обычно ведется либо в технических, либо в эстетических терминах, нас же интересует семиотическая модель, наброски которой представлены в [van Leeuwen, 2006]. А.А. Реформатский для формализации описания содержательной стороны макроструктуры текста разработал в начале 1930-х гг. «теорию зашит» (термин был позаимствован из шахматной терминологии) [Реформатский, 1933], однако эта интересная понятийно-терминологическая система не получила распространения в науке.

Метаграфемика в примерах

Семиотику метаграфемики можно описывать в стандартной терминологии классификации знаков по связи означающего и означаемого, то есть с опорой на различия произвольных (символических) и непроизвольных (иконических и индексных) знаков. Такое описание было предложено нами ранее на материале художественной литературы (см.: [Баранов, Паршин, 1989]). В настоящее

время в нашем распоряжении имеется обширный материал, почерпнутый главным образом из сферы рекламной коммуникации и оформления книг, описание и исследование которого невозможно без использования введенного терминологического аппарата. Позволим себе привести несколько примеров, далеко не исчерпывающих пространства возможных иллюстраций.

В воспроизводимой на рисунке 1 рекламе содержится призыв проверить готовность автомобиля к зимнему сезону, причем графемы сформированы стилизованными изображениями соответствующих инструментов: клещей, гаечных ключей, манометров и пр. Иконическая супраграфемика в данном случае имитирует субстанциональную.

На рисунке 2 представлена обложка книги по лингвистической экспертизе, в которой изобразительными средствами, с одной стороны, передается смысл «текст как объект исследования» (укрупненные папиллярные узоры отпечатков пальцев, выполненные в виде последовательностей графем), а с другой – идея судебной экспертизы, выражаемая иконическим знаком (отпечаток пальца – общеизвестный объект судебной экспертизы). Уменьшенный отпечаток одновременно является и рисунком, и текстом.

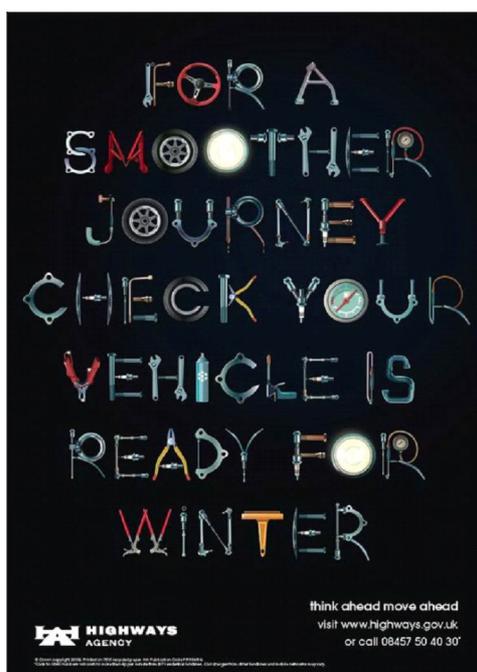

Рис. 1. Иконическая супраграфемика

Рис. 2. Иконическая топографемика с элементами креолизации

На рисунке 3 представлен еще один характерный пример иконической топографемики – использование диагональной строки, подчеркивающей плоскость носителя текста слева направо и снизу вверх, как иконического знака, повторяющего резолюцию на документе (отсюда «иконичность»).

Использование «диагонали резолюции» позволяет привнести в речевое сообщение идею волевого императива, которая в приведенном примере усиливается кур-

сивом – иконическим знаком рукописного текста.

Далее приведем пример использования терминологического аппарата метаграфемики при проведении лингвистической экспертизы комбинированных товарных знаков. По заявлению бдительного гражданина, увидевшего пропаганду нацистской символики в логотипе открытого страхового акционерного общества (ОСАО) «РЕСО-Гарантия», было проведено исследование соответствующего ком-

Рис. 3. Иконическая топографемика – «диагональ резолюции»

бинированного изображения на предмет сходства до степени смешения с нацистской свастикой (рис. 4).

По структуре данный логотип относится к комбинированным (креолизованным) изображениям, включающим вербальную (словесную) часть и собственно изображение. В заявлении имеется в виду собственно изобразительная часть логотипа. Для ее сравнения с нацистской свастикой необходимо было провести сопоставительное исследование обоих изображений, то есть изобразительной части логотипа и классического варианта нацистской свастики с соответствующим цветовым решением (топографемика, иконическая супраграфемика и хромографемика сравниваемых объектов), выделив наиболее существенные факторы различия и сходства. Проведение такого анализа предполагает наличие в метаязыке следующих подмножеств инвентаря единиц:

- стандартизованного описания геометрических фигур и их комбинаций;
- стандартизованного описания шрифтовых выделений;
- стандартизованного описания локусов расположения текста на плоскости носителя текста;
- стандартизованного описания часто встречающихся объектов – визуальных фреймов, опирающегося на толкования соответствующих слов;
- стандартизованного описания ракурсов изображения (передний и задний план, фокусирование, проекции – фронтальная, боковые, задняя, верхняя, нижняя);
- стандартизованного описания масштабирования объектов.

К настоящему времени унифицированных элементов словаря метаязыка метаграфемики нет, однако такое описание (и соответственно анализ) можно сделать, ориентируясь на уже имеющиеся возможности, дополняя лакуны на основе здравого смысла.

Для сравнения изобразительной части логотипа и нацистской свастики исследуем структуру обоих изображений, обращая внимание на характеристики, способствующие различению и сходству.

Изобразительный элемент логотипа ОСаО «РЕСО-Гарантия» помещен в левой части, центральную и правую занимает словесный элемент РЕСО (набранный прописными буквами рубленой гарнитурой Helois с жирным выделением графем), под которым помещен словесный элемент ГАРАНТИЯ, набранный существенно меньшим кеглем. Цвет логотипа – зеленый (Pantone 355). Комбинация зеленого и белого цветов (в вариантах логотипа с насыщенным черным) является фирменным изобразительным стилем компании. Рассматриваемый логотип имеет вариант в черном цвете, а также варианты исполнения вывороткой на черном и зеленом фоне. Изобразительный элемент на нем может располагаться не только слева, но и сверху – над словесным элементом.

Изобразительный элемент данного логотипа представляет собой комбинацию из четырех отрезков прямой линии, перпендикулярных друг другу, то есть размещенных под углом 90° с ориентацией низ-верх, право-лево, причем каждый из отрезков симметрично смещен относительно центра в сторону. Тем самым центральная часть изобразительного элемента остается пустой. Каждый из отрезков связан с двумя другими дугами таким образом, что одна дуга начинается с внешнего конца отрезка и примыкает к середине следующего. Вторая аналогично примыкает к середине данного отрезка и начинается с внешнего конца предшествующего. Дуги неориентированы, толщина дуг и отрезков одинакова.

Если рассматривать как изображение фигуру-«выворотку», ограниченную зелеными отрезками, то следует констатировать, что отрезки фигуры (белые на зеленом фоне) так-

Рис. 4. Логотип ОСаО «РЕСО-Гарантия»

же размещены перпендикулярно друг к другу, но как и в случае зеленой фигуры (см. выше), смещены относительно центра, а загнутые отрезки скошены по дуге, визуально напоминающая верхнюю часть секиры.

Нацистская свастика в стандартном случае представляет собой сочетание прямых и ломаных отрезков одинаковой толщины³. Центральная ее часть образована крестом из прямых отрезков. Конец каждого из них продолжается направо под прямым углом к основному отрезку, составляя около половины его длины (так называемый «мотыгообразный» крест). Толщина основных отрезков и продолжений одинакова. Цвет свастики – черный, фон – белая окружность. На флаге Национал-социалистической немецкой рабочей партии белый круг со свастикой помещен в центр красного прямоугольника, ориентация – «ромбовидная» (квадрат «поставлен» на один из углов). Реже свастика ориентирована как квадрат, поставленный на одну из сторон (например, на пряжке ремня войск СС).

Сравнение изобразительного элемента логотипа ОСаО «РЕСО-Гарантия» и нацистской свастики указывает на существенные визуальные различия. Во-первых, центральная часть изобразительного элемента «РЕСО-Гарантия» пуста, а в свастике центр сформирован перекрестием черных «мотыгообразных» отрезков. Во-вторых, отрезки свастики не смещены относительно друг друга, а отрезки логотипа ОСаО «РЕСО-Гарантия» симметрично смещены. В-третьих, в свастике отсутствуют дуги, а в логотипе ОСаО «РЕСО-Гарантия» они есть. В-четвертых, концы отрезков свастики не связаны внешними частями, а отрезки логотипа ОСаО «РЕСО-Гарантия» – связаны. В-пятых, их цветовые гаммы не совпадают, особенно в классическом варианте свастики при размещении на флаге, повязке и т. п.

Существенные различия обнаруживаются и между центральной фигурой-«вывороткой», ограниченной зелеными отрезками, и классическим вариантом нацистской свастики. (Предоставляем читателю возможность самостоятельно выполнить это небольшое упражнение по топографемике).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что изобразительный элемент

логотипа ОСаО «РЕСО-Гарантия» существенно отличается от нацистской свастики по графическим и цветовым параметрам. Сходство до степени смешения в этом случае не усматривается.

В разобранный примере визуальная часть комбинированного логотипа, представляющая собой недискретный феномен, переведена в дискретную форму с помощью элементов метаязыка метаграфемике. Изображение описано на метаязыке как сочетание геометрических фигур, ориентированных друг относительно друга, связанных между собой определенным образом и переданных визуально в определенном цвете. Выявлены наиболее существенные дискретные составляющие, формирующие представление о логотипе. Аналогичная процедура проведена для нацистской свастики. Сравнение изображений на предмет сходства до степени смешения (юридический термин) в таком случае получает формальное и почти алгоритмическое решение: выделенные дискретные элементы, существенные для восприятия визуальной составляющей логотипа и нацистской свастики, последовательно сравниваются между собой, что позволяет выделить характеристики сходства и различия.

Заключение

Современная терминология метаграфемике пока не устоялась и требует упорядочения с учетом практики использования некоторых терминов. Поэтому следует разграничить понятия мультимодальной и поликодовой коммуникации, отнеся к первой коммуникацию, осуществляемую с использованием различных сенсорных каналов, а ко второй – использующую различные коды в рамках какого-то одного сенсорного канала. Устная коммуникация на естественном языке всегда мультимодальна, поскольку в ней, помимо языка, представлены разнообразные «языки тела» и проксемика (ср. [Крейдлин, 2002]). Является ли она одновременно поликодовой в указанном выше смысле, зависит от того, каким образом проведены границы между естественным языком и паралингвистикой. Что касается визуальной языковой коммуникации, то она, напротив, в обычном случае мультимодальна.

модальной не является, хотя почти всегда является поликодовой. Действительно, визуально воспринимаемый текст всегда метаграфематически проинтерпретирован, и такая интерпретация образует семиотическую систему, отличную от естественного языка. Именно метаграфемика со всеми ее подразделами изучает устройство и функционирование этой системы. Кроме того, визуально воспринимаемый текст оказывается поликодовым, поскольку содержит иллюстративный материал. Следовательно, изучению подлежит, во-первых, этот материал в рамках визуальной семиотики [Kress, van Leeuwen, 2006]), во-вторых, взаимодействие текста и изображения. Категориальный аппарат лингвистической и когнитивной семантики для этого вполне пригоден. Грань между метаграфематическими эффектами и креолизацией текста по существу отсутствует, что позволяет использовать для их описания единый категориальный аппарат.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для письменных традиций с иероглификой содержательный аспект визуализации более очевиден, а в китайской культуре письменной речи взаимодействие визуальной части иероглифики с пропозициональной семантикой настолько значительно, что формирует особый слой семантики текста, требующий нетривиальных правил реконструкции смысла. Здесь этот феномен не обсуждается в силу ограниченного объема статьи и недостаточной компетентности авторов в области китайской иероглифики.

² Строчная буква, как графический ресурс, в орфографических системах некоторых языков используется для передачи грамматических значений.

³ По этическим соображениям нацистская свастика не воспроизводится, однако найти «классический» вариант изображения этого знака не составляет труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Е. Е., 2003. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : Academia. 128 с.
- Баранов А. Н., 2008. «Просодия» письменного текста: заметки о семантике курсива в повести В. Маканина «Предтеча» // Фонетика и нефонетика. К 70-летию С.В. Кодзасова. М. : Изд-во МГУ. С. 798–811.
- Баранов А. Н., Паршин П. Б., 1989. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфематики // Проблемы эффективности речевой коммуникации : сб. науч.-аналит. обзоров. М. : ИНИОН. С. 41–115.
- Гельб И., 1982. Опыт изучения письма. М. : Радуга. 376 с.
- Зализняк А. А., 1979. О понятии графемы // Balcanica. Лингвистические исследования / отв. ред. Т. В. Цивьян. М. : Наука. С. 134–152.
- Кодзасов С. В., 2009. Исследования в области русской просодии. М. : Языки славянской культуры. 496 с.
- Крейдлин Г. Е., 2002. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М. : НЛО. 581 с.
- Паршин П. Б., 2010. Личностные характеристики как элементы семиотической системы и возможности ее описания (голоса и лица в рекламе) // Поэтика и фоностилистика : Бриковский сборник. Вып. 1. М. : МГУП. С. 323–330.
- Реформатский А. А., 1933. Техническая редакция книги / при участии М. М. Каушанского. М. : Гос. изд-во легкой промышленности. 414 с.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., 1990. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов. М. : Наука. С. 180–186.
- Яacobson P. O., 1985. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. М. : Прогресс. С. 319–330.
- Kress G., Leeuwen T. van, 2001. Multimodal Discourse – The Modes and Media of Contemporary Communication. London : Arnold. 152 p.
- Kress G., Leeuwen T. van, 2006. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London : Routledge. 288 p.
- Leeuwen T. van, 2006. Towards a semiotics of typography // Information Design Journal + Document Design. Vol. 14, no. 2. P. 139–155.

REFERENCES

- Anisimova E.E., 2003. *Text linguistics and cross-cultural communication (based on the material of creolized texts)*. Moscow, Academia Publ. 128 p.
- Baranov A.N., 2008. The prosody of writing text: notes on semantics of italics in the novel *Forerunner* by Makanin. *Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu S.V. Kodzasova*. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 798-811.
- Baranov A.N., Parshin P.B., 1989. Influence capability of variation in the field of metagraphemics.

- Problemy effektivnosti rechevoy kommunikatsii: sb. nauch.-analit. obzorov.* Moscow, INION Publ., pp. 41-115.
- Gelb I., 1982. *A study of writing.* Moscow, Raduga Publ. 376 p.
- Zaliznyak A.A., 1979. About the notion of grapheme. Tsivyan T.V. ed. *Balkanica. Lingvisticheskie issledovania.* Moscow, Nauka Publ., pp. 134-152.
- Kodzasov S.V., 2009. *Studies in Russian prosody.* Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 496 p.
- Kreydlin G.E., 2002. *Non-verbal semiotics: body language and natural language.* Moscow, NLO Publ. 581 p.
- Parshin P.B., 2010. Personal characteristics as an element of semiotic system and how to describe it (voices and faces in advertising). *Poetika i fonostilistika: Brikovskiy sbornik.* Moscow, MGUP Publ., vol. 1, pp. 323-330.
- Reformatskiy A.A., 1933. *Technical editing of books.* Moscow, Izd-vo legkoy promyshlennosti. 414 p.
- Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., 1990. Creolized texts and their communicative function. Kotov R.G., ed. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya.* Moscow, Nauka Publ., pp. 180-186.
- Jacobson R.O., 1985. Language in relation to other communication systems. Jacobson R.O. *Izbrannyye raboty.* Moscow, Progress Publ., pp. 319-330.
- Kress G., Van Leeuwen T., 2001. *Multimodal Discourse – The Modes and Media of Contemporary Communication.* London, Arnold. 152 p.
- Kress G., Van Leeuwen T., 2006. *Reading Images – The Grammar of Visual Design.* London, Routledge. 288 p.
- Van Leeuwen T., 2006. Towards a semiotics of typography. *Information Design Journal + Document Design*, vol. 14, no. 2, pp. 139-155.

Information about the Authors

Anatoliy N. Baranov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Experimental Lexicography, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia; Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya St., 21/4, 105066 Moscow, Russia, ruslang@ruslang.ru, <http://www.researcherid.com/rid/J-7113-2017>

Pavel B. Parshin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Global Problems, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Interior of Russia, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russia; Associate Professor of Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St., 38, 119034 Moscow, Russia, p.parshin@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0400-9550>

Информация об авторах

Анатолий Николаевич Баранов, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом экспериментальной лексикографии, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия; профессор факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, ул. Старая Басманная, 21/4, 105066 г. Москва, Россия, ruslang@ruslang.ru, <http://www.researcherid.com/rid/J-7113-2017>

Павел Борисович Паршин, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра глобальных проблем, Институт международных исследований, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Россия; доцент кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, p.parshin@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0400-9550>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.2>

UDC 81'42
LBC 81.055.1

Submitted: 06.07.2018
Accepted: 10.08.2018

COMBINATION OF NATURAL AND ARTIFICIAL FACTORS IN MAKING UP MODERN TEXTS

Sergey P. Kushneruk

Volgograd Institute of Humanities, Volgograd, Russia

Abstract. The paper deals with external, extralinguistic conditions and rules which together with traditional linguistic regulators determine the content, form and structure of nonfiction texts as objects of analytical-and-synthetic and technical operations associated with the storage and current use of speech objects. It is shown that along with natural rules of the modern language, nonfiction texts are under the increasing influence of direct instructions and / or the derivatives from rules and requirements formulated beyond the speech regulation process, i.e. beyond linguistics. The external regulating actions not only determine the form and content of communicative means, but also change the general composition and sense of applied linguistics' tasks. Substantial and methodological changes of applied linguistics' interests depending on such factors as changes of the legal, social and economic environment are shown. Development of the factors mentioned above, is the basis for the rules which implementation demands the change of steady used speech-building principles; in some cases changes have ambiguous character if to look at them from the viewpoint of communicative traditions realized in the speech. The research of similar situations by the means of applied linguistics' methods and receptions taking the opportunity of high methodological mobility and confirmed effectiveness of natural-science and engineering resources' attraction has both exceptional sense and forecasting prospect.

Key words: applied linguistics, scientific-and-technical and documentary texts, text-making rules, communicative conditions, unification and standardization of speech objects, extralinguistic communicative conditions, formal textual regulation.

Citation. Kushneruk S.P. Combination of Natural and Artificial Factors in Making up Modern Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 16-23. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.2>

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 06.07.2018
Дата принятия статьи: 10.08.2018

ЕСТЕСТВЕННОЕ И ИСКУССТВЕННОЕ В СОЗДАНИИ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сергей Петрович Кушнерук

Волгоградский гуманитарный институт, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются внешние, нелингвистические условия и правила, которые в совокупности с традиционными интралингвистическими регуляторами определяют содержание, форму и состав нехудожественных текстов – объектов аналитико-синтетических и технических операций, связанных с хранением и текущим использованием речевых объектов. Показано, что наряду с естественными действиями правил современного языка, нехудожественные тексты испытывают все большее влияние прямых предписаний и / или производных от правил и требований, сформулированных за пределами речевого регулирования. Внешние регулирующие действия не только определяют облик и содержание коммуникативных средств, но и изменяют состав и характер задач прикладной лингвистики. Описаны их содержательные и методологические преобразования в зависимости от факторов правовой и социально-экономической среды. Показано, что развитие этих факторов формирует правила, реализация которых требует трансформации устойчивых речевых решений; в ряде случаев изменения имеют неоднозначный характер с точки зрения

коммуникативных традиций языка. Исследование подобных ситуаций с использованием приемов и методов прикладной лингвистики с ее высокой методической мобильностью и подтвержденными возможностями привлечения естественнонаучных и инженерных ресурсов имеет как частный прагматический смысл, так и прогностическую перспективу.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, научно-технические и документные тексты, правила создания текстов, условия коммуникации, унификация и стандартизация речевых объектов, экстралингвистические условия коммуникации, формальное текстовое регулирование.

Цитирование. Кушнерук С. П. Естественное и искусственное в создании текстов современной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 16–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.2>

Изъ чтенія актовъ и дѣловыхъ бумагъ вообще мы усматриваемъ троякій дѣловой слогъ: 1) установленный закономъ; 2) введенный прежнимъ канцелярскимъ и дѣловымъ обычаемъ и 3) новый дѣловой слогъ, образовавшийся преимущественно въ наше время въ министерствахъ и другихъ государственныхъ установленіяхъ.

Н.В. Варадинов. Делопроизводство (СПб., 1857)

Задачи прикладной лингвистики: развитие состава

Весьма условное противопоставление содержания терминов «теоретическая лингвистика» и «прикладная лингвистика» строится в том числе на появлении в какой-то период времени некоего внешнего вызова, совокупности проблемных ситуаций, не лингвистических по своей общей содержательной направленности, но предполагающих реализацию в жесткой последовательности технологических операций обязательной компоненты, имеющей исключительно лингвистическое содержание. Примером может служить формирование и решение большого класса задач, связанных, например, с разработкой автоматизированных систем информационного поиска (АИПС) в 60–70-е гг. прошлого века: процессы создания и применения поисковых языков регулировались не только правилами и принципами, «созревшими» в лингвистике того времени, но и требованиями, производными от применяемых компьютерных технологий, программных ограничений, поисковых стратегий и алгоритмов.

Из методических соображений существования и развитие прикладной лингвистики можно описать упрощенной формулой. Об-

щественный прогресс порождал технические, социально-бытовые, экономико-правовые задачи, которые невозможно было оставить без решения. Они актуальны, связаны с естественным развитием человеческих знаний и умений, а также социально значимы. При этом в содержание этих задач входят коммуникативные компоненты. Иногда само наличие «чего-то лингвистического» представители «белой кости» – доминирующего научно-практического направления – воспринимают как второстепенное составляющее с архаичным и малозначимым содержанием¹.

Все, о чем мы будем говорить ниже, не имеет отношения к речевым объектам (текстам), создаваемым и используемым в сферах публицистики, художественного творчества и разговорно-бытового общения, а касается текстов официально-деловых и, в некоторой степени, научно-технических, поскольку они требуют рассмотрения в связи с явно изменившимися условиями их порождения и функционирования.

Корреляция экстралингвистических условий с содержанием лингвистической методологии

Общее направление развития прикладной лингвистики с 50-х гг. прошедшего века хорошо прослеживается. Актуальными были задачи разработки поисковых языков, внедрения тезаурусных технологий и совершенствования аналитико-синтетических операций, в которых научно-технические тексты являлись основными объектами. Это обстоятельство определяло содержательный мэйнстрим прикладной лингвистики до середины 80-х годов. В разных аспектах успешно

исследовалась специфика терминообразования, терминологической типологии, терминологической лексикографии, системно-семантические организации терминосистем и логико-семантические особенности знаковых средств при создании искусственных языков для формализованных коммуникативных и аналитических систем².

Ряд социальных изменений, стремительных и неоднозначных в своем содержании, начавшихся в заключительные десятилетия прошедшего века, несколько изменил фокус лингвистических интересов. В некоторых важнейших направлениях, которые формируют основополагающие условия существования общества, происходили и до сих пор происходят содержательные трансформации, в результате которых возникают новые или радикально изменяются уже имеющиеся коммуникативные инструменты. Здесь речь может идти не только о документных текстах, которые представляют сведения в регламентированных формах и являются коммуникативными инструментами, связанными с государственным и региональным управлением, правом, экономикой, но и о новых в типологическом отношении текстах, появляющихся в рекламной коммуникации, в Public Relations, о текстах, имеющих межжанровый статус и являющихся речевым представлением таких, например, мероприятий, как международные специализированные форумы (например, Петербургский экономический форум, Давосский экономико-политический форум). Деформализация антуража, произвольность коммуникативного поведения и свобода выбора знаковых средств в принятых коммуникативных условиях способствовали созданию текстов, формы и состав речевых средств которых заметно отличаются от аналогичных параметров классических, «стилистически верных» речевых продуктов.

Условия и ограничения развития прикладной лингвистики

Вышесказанное порождает вопрос: в какой степени изменяющиеся условия создания коммуникативных инструментов, а именно – воздействие факторов интралингвистической и экстралингвистической природы – влияют

на состав задач, которые должны разрешаться в координатах прикладной лингвистики. При этом следует понимать, что и содержательные координаты прикладной лингвистики изменяются. Степень и направление этих трансформаций определяются развитием лингвистической теории, изменением состава задач, рассматриваемых социумом как актуальные, методическими и технологическими возможностями (часто связанными не с лингвистикой, а с сопряженными предметными сферами естественнонаучного содержания), с ограничениями и содержанием регуляторов речевых реализаций и даже с некоторой модой, отражающей гипертрофированные социальные представления об актуальности и важности задач, включающих лингвистические составляющие.

Рассмотрим некоторые из перечисленных факторов.

Развитие лингвистической теории.

Если максимально упростить содержание этого тезиса, то возникнет необходимость ответить на вопрос: как изменения теоретических представлений в области лингвистики влияют на решение практических задач, требующих вмешательства лингвиста?

Размышляя над содержательными параметрами лингвистической науки начала XXI в., О.Г. Ревзина исходит из того, что теоретическая лингвистика нашего века ориентирована на построение целостной теории языка, которая предполагает накопления и многомерные систематизации лингвистических явлений, расширение и детализацию дискурсивного анализа языковых единиц в их содержательном и стилевом разнообразии, анализ отношений между текстами разного состава и разных назначений [Ревзина, 2004]. Как видим, состав проблем не сводится к перечню частных теоретических задач, но организует комплексные описания, которые имеют вид модели действий с нечеткими границами этапов и содержанием конкретных теоретических операций.

По нашему мнению, для актуального спектра прикладных задач значимыми являются результаты теоретических исследований в следующих областях. Во-первых, необходим анализ общих тенденций, связанных с изменениями условий и организации построения

речевых продуктов. Эти исследования обеспечили бы обоснования создания релевантных текстовых объектов. Во-вторых, актуализируется такая теоретическая задача, как построение модели функциональных соответствий текстов. Очевидно, это направление является одним из направлений общей теории текста. В-третьих, более глубокого анализа требуют типовые коммуникативные ситуации с учетом изменений в их составе и в правилах реализации.

Состав актуальных задач. Этот тезис, точнее, видение его содержания может вызвать бурную дискуссию. Она будет обусловлена самими качествами прикладной лингвистики: множественностью частных задач со своими группами adeptов, прагматикой ситуаций. Осторожное по степени своего обобщения и восходящее к представлению В.А. Звегинцева соображение о том, что задачи прикладной лингвистики связаны с оптимизацией функции языка, приемлемо, если как удовлетворительное рассматривается некое общее представление о круге актуальных задач. Остальное – на усмотрение, но такое «усмотрение» связано с частными задачами, которые возникают в предметных областях, имеющих лингвистическую компоненту.

Безусловно, круг задач, подлежащих постановке и решению, как минимум, не сужается. Более того, растет состав дисциплин, обнаруживающих свою связь с лингвистикой и, соответственно, с необходимостью привлечения специалистов, которые должны разбираться в лингвистических аспектах некой специфической деятельности, ярким, но не единственным примером которой может служить экспертная деятельность – работа лингвистов, проводящих досудебные и судебные экспертизы и их исследование [Баранов, 2017]. Растущее число клиентских обращений, развитие содержательного разнообразия научных изысканий в этой области демонстрируют не только эффективность лингвистических операций, но и экспликативные возможности речевого материала, а также продуктивность некоторой совокупности лингвистических действий, результаты которых получают важные интерпретирующие качества в координатах юриспруденции.

Документные стандарты и прикладная лингвистика; юридическая лингвистика.

Еще одним примером расширения круга актуальных задач прикладной лингвистики является уровень внимания к совершенствованию лингвистических технологий, ориентированных на тексты, формы, состав и функции которых связаны с официально-деловой коммуникацией (ОДК)². Содержательный спектр собственно лингвистических подзадач при названных объектных условиях и широк, и противоречив. При работе с текстами ОДК иногда сложно понять, где заканчивается лингвистика и начинается что-то внешнее, относящееся, например, к области формализации и классификации понятий, к нахождению унифицирующих оснований. Более того, состав лингвистических задач будет наверняка изменяться под влиянием внешних факторов. Стремительная (по меркам естественного языкового развития) смена стандартов, которые определяют из-за пределов лингвистики формы и составы документных текстов, практически не обусловлена качественными параметрами инструментов ОДК, естественными коммуникативными потребностями. Последние стандарты на организационно-распорядительные документы регулировали, с точки зрения лингвистики, малозначащие нюансы, однако эти нюансы текстов, видимо, были принципиальными для сопряженной предметной деятельности. Стандарт на организационно-распорядительные документы 1997 г. был заменен очередным стандартом в 2003 г. (срок действия – 6 лет). Эта стремительная замена могла бы рассматриваться как обусловленная известными социально-правовыми преобразованиями. Основания очередной замены стандарта 2003 г. другим, введенным с июля 2018 г., можно найти, однако они вряд ли имеют однозначный и непреходящий характер [ГОСТ Р 6.30-97; ГОСТ Р 6.30-2003; ГОСТ Р 7.0.97-2016]. Есть причина полагать, что так называемая документная лингвистика с ее объектной спецификой и пристальным вниманием к связи между речевыми формами реквизитов и экстралингвистическими регуляторами их составов является одним из разделов «новой» прикладной лингвистики. Название этого раздела определяется классом объектов лингвистической деятельности.

Технологические и методические возможности документной лингвистики.

Этот раздел в значительной степени связан с дискуссионными сторонами именованной, основания для которых затронуты выше. В относительно недавний период времени под влиянием всеобщей компьютеризации социума, чрезвычайного расширения классов задач, решаемых с помощью компьютеров, хорошим тоном и показателем методической «продвинутой» стало появление в учебных планах филологических специальностей дисциплины «компьютерная лингвистика». В обсуждениях обнаружилась крайняя пестрота того, как этот термин понимается, каковы его системные качества. Часто дискуссия сводилась к тому, что «компьютерная лингвистика – это использование компьютера в лингвистических исследованиях и в коммуникативной практике». Следовательно, некоторый неоднородно понимаемый якобы раздел лингвистики получил наименование по универсальному, полезному инструменту. Только внедренность предмета, соизмеримая с бытовой прозаичностью зубной щетки или ключей от квартиры, может обусловить наименование научно-практической деятельности не по ее содержанию или по объекту действий, а по инструменту.

Вышеприведенные дискуссионные соображения связаны с тем обстоятельством, что в ряде случаев термин «прикладная лингвистика» (особенно в вузах, открывших это направление, но не нашедших возможности пригласить специалистов с базовой квалификацией) рассматривается как синоним термина «компьютерная лингвистика», что методологически неверно.

Охарактеризуем классы задач, относящиеся к прикладной лингвистике, при решении которых использование компьютеров позволяет получать эффективные и относительно надежные результаты:

– построение и хранение межпредметных тезаурусов большого объема и адаптивной изменчивости состава логико-семантических отношений, их использование при универсальной обработке массивов специальных текстов, создании аналитических обзоров и рефератов, моделировании семантических отношений для локальных терминологий, совершенствовании дескрипторных составов информационно-поисковых языков (ИПЯ). Красиво назван один

из аспектов этой работы завтрашнего дня: «Именованные сущности в текстах русского языка» [Можарова, Лукашевич, 2017, с. 14];

– автоматизированный перевод; явные недостатки нынешнего автоматизированного перевода свидетельствуют о сложности решаемых задач: уровень позитивности результатов в этой сфере зависит как от физических возможностей компьютерных систем, так и от совершенствования программных процессов, возможности которых пока разбиваются не столько о структурно-семантические различия языков, сколько о дискурсы, ситуативные привязки текстов, о то, что называется «окрасками» и затекстовыми особенностями, усваиваемыми не в качестве системных, языковых особенностей, а как надязыковые «отпечатки опыта»;

– лингвистическая экспертиза; классы задач, которые, на первый взгляд, решаются прикладной лингвистикой, но в отношении надежности получаемых результатов существуют либо несовпадающие интерпретации, либо вводятся допуски, оправдываемые мотивом «что можем, то и делаем». Примеры задач этой типологической группы находим в авторских экспертизах, в задачах с некорректно или неточно заданными условиями, с полифункциональной и полисемантической терминологией, а также в исследованиях, успех которых определяется принципом «чем больше материала, тем лучше»³. Анализ практически всего текстового наследия М.А. Шолохова, осуществленный скандинавскими учеными [Хьетсо и др., 1989], не позволил получить окончательного и определенного вывода в части авторства исследованных прозаических текстов. Да и возможен ли он при конечном объеме материала и дискуссионности реализуемых средств, в том числе – программных?..

Диапазон лингвистических колебаний, вызванных внеязыковыми факторами

Обратившись к вышесказанному, автор поймал себя на мысли, что общая окраска статьи может выглядеть пессимистичной. Фактически это не так: в настоящее время прикладная лингвистика находится в состоянии, предшествующем всплеску, содержательному взрыву. Важным фактором такой персе-

пективы становится активизация внешних условий, правил, ограничений, порождающих, в том числе, и речевые противоречия. Именно они, изменения внешних условий и правил, но не традиционные интралингвистические регуляторы, в значительной мере управляют состояниями, составами и формами текстов. Ярким проявлением таких изменений можно считать усиление влияния на качество речевого материала унифицирующих и стандартизирующих операций. Обратим внимание на тот факт, что внешние унифицирующие правила ориентированы не только на официально-деловые тексты, но и на тексты научно-технические, например, на инструкции, регулирующие формы текста, состав разделов и знаковых средств, внешние параметры научно-технических материалов. Такие инструкции иногда представляют собой весьма объемные брошюры.

Что регулируют правила, представленные в этих брошюрах? Орфографическую, пунктуационно-грамматическую и стилистическую правильность? Нет. Мы уже не ищем, например, и ответа на вопрос, почему ссылки на цитируемое издание должны выглядеть предписываемым образом? Лингвистикой всегда хотели «поуправлять», что-то в ней немного поправить. Такие желания демонстрировали юристы, специалисты в IT, культурологи, психологи, педагоги... Список может быть продолжен. Лингвисты тоже время от времени выступали с неожиданными инициативами, имевшими странные последствия⁴. В связи с действием унифицирующих правил лингвистическое сообщество проявляет сложные отношения к результатам стандартизации коммуникативных процессов. Пример осторожной оценки: «Создание ГОСТов в сфере электронной коммуникации только началось, и надо признать, что пока существующие ГОСТы, унифицирующие процесс вторичного, в том числе и библиографического отражения информационных ресурсов, задачу наиболее полного представления разных видов информационных объектов решают далеко не в полной мере» [Берестова, 2017, с. 9]. Расширению регулирующих условий способствует и развитие видов деятельности, которые обслуживаются коммуникативной средой, названной А.Б. Антопольским «инфосферой». К этим видам автор относит следующие структурные

составляющие исследовательской и научно-практической деятельности: академическая, вузовская, прикладная, волонтерская (любительская) [Антопольский, 2017, с. 14]. Совершенствование алгоритмов, ориентированных на развитие аналитико-синтетических операций, определяет содержание слабо прогнозируемой в содержательном отношении долговременной задачи, связанной с формализацией логико-содержательных операций в больших текстовых массивах [Лопатина, Зубов, Неретин, 2017].

Есть тем не менее основания надеяться на то, что прикладная лингвистика с оправданной межпредметностью, методическим развитием, интернациональными связями гармонизирует содержательные коллизии, вызванные как коммуникативными сложностями, так и воздействием внешних требований, имеющих форму стандартов и унификаторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Образное именование внутренних отношений между представителями разных предметных областей, участвующих в решении междисциплинарной научно-практической задачи («черная кость» и «белая кость» – устные высказывания в рамках международной конференции документоведов), метафорически выражает иерархизированные отношения разных групп специалистов при оценке собственной значимости в ходе решения общей задачи. Одним из наиболее показательных разделений на такие группы автор вышеприведенных метафор Н.А. Храмовская считает самооценку специалистов в области IT-технологий в процессе создания так называемых систем электронного хранения документных объектов. Естественно, специалисты-архивоведы, документоведы, менеджеры документационного обеспечения управления, создатели и редакторы документных текстов были отнесены к «черной кости», к специалистам второго ряда значимости. Подобные формы самоутверждения в некоторой степени проявлялись (и поддерживались общественным мнением) и в иных предметных сферах, например, в экономике, юриспруденции.

² По мнению автора, можно говорить о некоторой объектно-тематической периодизации прикладной лингвистики. Период 60-х – начала 80-х гг. был временем прикладной лингвистики с доминированием научно-технических текстов. «Грозди» более-менее связанных лингвистических задач были связаны именно с такими текстами, с их составом и обработкой: информационный поиск, терминове-

дение, аналитико-синтетические преобразования, научно-технический перевод, построение тезаурусов и классификаторов, и т. д. Далее (ориентировочно со второй половины 80-х гг.) следовал период, на протяжении которого прикладная лингвистика искала себя и в методиках преподавания, и в решениях частных задач, исходящих из исследования текста, общей коммуникативистики и теории дискурса. Ряд факторов, изменивших отношение к официально-деловой коммуникации, ввел в состав доминантных объектов исследования и обработки тексты соответствующей сферы. С определенной долей условности можно говорить (с середины 90-х гг. прошедшего века) о развитии прикладной лингвистики с доминированием объектов официально-деловой коммуникации.

³ Перечень задач, входящих в названные и неназванные в этом разделе исследовательские ситуации может быть значительно расширен. Для некоторых видов лингвистических задач применение мощных программно-компьютерных комплексов напоминает применение названных средств, например, в метеорологии или в исследовании физики ядерного взрыва; в областях, требующих многофакторной обработки очень больших по объему массивов. Снисходительное отношение к лингвистике, которая, как показывает связь содержаний в именовании «структурная, прикладная и математическая лингвистика», является точной наукой, обнаруживается, например, в так называемой юридической лингвистике. В юриспруденции терминология «оскорбление чувств верующих» рассматривается как содержательно непротиворечивый. В координатах лингвистики этот фразеологизм порождает ряд вопросов. Некоторые из них: «верующих» во что?, если речь идет о религии, то как быть с верованиями, содержания которых конфликтуют или противоречат друг другу?, слово «оскорбление» по своим понятийным признакам объектно соотносится только с личностью, с субъектом, что такое оскорбление чувства?, как можно «оскорбить чувство», если таковое является немотивированной субъективной и меняющейся реакцией?

⁴ Примером тому может быть невнятный и неэффективный Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «О государственном языке Российской Федерации» при всех попытках его периодического совершенствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антопольский А. Б., 2017. Инфосфера общественных наук: структура, границы, функции // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. № 4. С. 14–20.
- Баранов А. Н., 2017. Лингвистика в лингвистической экспертизе (методика и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 2. С. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2017.2.2>
- Берстова Т. Ф., 2017. Сущностное единство библиографической информации и метаданных // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. № 2. С. 1–12.
- ГОСТ Р 6.30-97. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. М. : ИПК Изд-во стандартов, 2001 (утратил силу). URL: <http://docs.cntd.ru/document/871001230>. docs.cntd.ru/document/. Загл. с экрана.
- ГОСТ Р 6.30-2003. Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. М. : Стандартинформ, 2007 (принят и введен в действие постановлением Госстандарта РФ от 03.03.2003 № 65-ст) (утратил силу). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200031361>. Загл. с экрана.
- ГОСТ Р 7.0.97-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов (утв. Приказом Росстандарта от 08.12.2016 № 2004-ст) (ред. от 14.05.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216461/. Загл. с экрана.
- Лопатина Н. В., Зубов Ю. С., Неретин О. П., 2017. Информационно-аналитическое обеспечение приоритетных направлений науки и техники: отраслевой и дифференцированный подходы // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. № 5. С. 15–21.
- Можарова В. А., Лукашевич Н. В., 2017. Исследование признаков для извлечения именованных сущностей из текстов на русском языке // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. № 5. С. 14–21.
- Ревзина О. Г., 2004. Лингвистика XXI века: на путях к целостности теории языка // Критика и семиотика. Вып. 7. С. 11–20. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/revzina-04.htm>. – Загл. с экрана.
- Хьетсо Г. и др., 1989. Хьетсо Г., Густавссон Г., Бекман Б., Гил С. Кто написал «Тихий Дон»? (Проблема авторства «Тихого Дона») / пер. А. В. Ващенко, Н. С. Ноздриной. М. : Книга. 186 с.

REFERENCES

- Antopolskiy A.B., 2017. Infosphere of social sciences: structure, borders, functions. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoy raboty*, no. 4, pp. 14-20.
- Baranov A.N., 2017. Linguistics in forensic linguistic expertise (methodology and the truth). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 18-27. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.2>.
- Berestova T.F., 2017. Intrinsic unity of bibliographic information and metadata. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoy raboty*, no. 2, pp. 1-12.
- GOST R 6.30-97. *Unifitsirovannye sistemy dokumentatsii. Unifitsirovannaya sistema organizatsionno-rasporyaditel'noy dokumentatsii. Trebovaniya k oformleniyu dokumentov* [Unified Documentation Systems. Unified System of Organizational and Administrative Documentation. Requirements for Registration of Documents]. Moscow, IPK Izd-vo standartov, 2001 (expired). URL: <http://docs.cntd.ru/document/871001230.docs.cntd.ru/document/>.
- GOST R 6.30-2003. *Unifitsirovannye sistemy dokumentatsii. Unifitsirovannaya sistema organizatsionno-rasporyaditel'noy dokumentatsii. Trebovaniya k oformleniyu dokumentov* [Unified Documentation Systems. Unified System of Organizational and Administrative Documentation. Requirements for Registration of Documents]. Moscow, Standartinform Publ., 2007 (adopted and enacted by the Resolution of the State Standard of the Russian Federation of 3 March 2003 No. 65-st) (expired). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200031361>.
- GOST R 7.0.97-2016. *Natsionalnyy standart Rossiyskoy Federatsii. Sistema standartov po informatsii, biblioteknomu i izdatelskomu delu. Organizatsionno-rasporyaditel'naya dokumentatsiya. Trebovaniya k oformleniyu dokumentov (utv. Prikazom Rosstandarta ot 08.12.2016 № 2004-st) (red. ot 14.05.2018)* [National Standard of the Russian Federation. System of Standards on Information, Librarianship and Publishing. Organizational and Administrative Documentation. Requirements for the Paperwork (approved by Order of Rosstandart of December 8, 2016 No. 2004-st) (ed. 05/14/2018)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216461/.
- Lopatina N.V., Zubov, Yu.S., Neretin O.P., 2017. Information and analytical support for priority areas of science and technology: Branch-Dependent and Differentiated Approaches. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoy raboty*, no. 5, pp. 15-21.
- Mozharova V.A., Lukashevich N.V., 2017. Analysis of the signs used for named objects retraction from Russian texts. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informatsionnye protsessy i sistemy*, no. 5, pp. 14-21.
- Revzina O.G., 2004. Linguistics of the 21st century: on the ways to integrity of the language's theory. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], iss. 7, pp. 11-20. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/revzina-04.htm>.
- Hetso G., Gustavsson G., Beckman B., Gil S., 1989. *The Authorship of The Quiet Don?* Moscow, Kniga Publ. 186 p.

Information about the Author

Sergey P. Kushneruk, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Criminal Law Disciplines, Volgograd Institute of Humanities, Griбанova St., 12, 400011 Volgograd, Russia, sp_kushneruk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5008-3946>

Информация об авторе

Сергей Петрович Кушнерук, доктор филологических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Волгоградский гуманитарный институт, ул. Грибанова, 12, 400011 г. Волгоград, Россия, sp_kushneruk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5008-3946>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.3>

UDC 81:347.791.3
LBC 81.055.1.3

Submitted: 08.06.2018
Accepted: 03.07.2018

A METHOD OF PARAMETRIC MODELING IN FORENSIC LINGUISTICS¹

Pavel A. Katyshev

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The paper contains a substantiation of the method of parametric modeling used in forensic linguistics. An expert analysis procedure is described as an algorithm for evaluating texts using a closed list of parameters by standard formulas. Parametrization is the modeling of a process or phenomenon includes such items as features of a phenomenon (process), normative (prototypical) forms of each of the phenomenon features (process) manifestation, manifestation variation range which does not destroy phenomenon (process) identity. Legal risk parametrization in communication is carried out by building a parametric forensic-linguistic model of the offense. This model consists of the following components: the parameter code, parameters' list for identifying verbal offense signs, each parameter identifying verbal offense signs qualitative manifestations, each parameter identifying verbal offense signs quantitative manifestations, each parameter identifying offense verbal signs qualification indices, all identification parameters offense verbal signs indices qualification sum. A parametric model is developed on the appeal speech act example; it allows building an expert analysis algorithm that can be checked and reproduced. According to this model, we can observe the presence or the lack of linguistic offense signs under Art. 280 of the Russian Federation Criminal Code (public appeal for extremist activity). In the analysis of the call for one and verbal manifestations of extremism, a classification of calls based on the characteristics relevant to forensic linguistic expertise is proposed.

Key words: forensic linguistics, forensic linguistic expertise, parameterization, speech act of appeal, extremism.

Citation. Katyshev P. A., Osadchiy M. A. A Method of Parametric Modeling in Forensic Linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 24-34. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.3>

УДК 81:347.791.3
ББК 81.055.1.3

Дата поступления статьи: 08.06.2018
Дата принятия статьи: 03.07.2018

МЕТОД ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ¹

Павел Алексеевич Катышев

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Михаил Андреевич Осадчий

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья содержит обоснование метода параметрического моделирования, который применяется при проведении судебной лингвистической экспертизы. Процедура экспертного анализа описана как алгоритм оценки текстов по закрытому перечню параметров в соответствии со стандартными формулами. Параметризация представляет собой моделирование процесса или явления, при котором выполняется установление состава признаков явления (процесса), нормативных (прототипических) форм проявления каждого из признаков явления (процесса), диапазона варьирования форм проявления каждого из признаков, не раз-

рушающего идентичности явления (процесса). Параметризация правового риска в коммуникации выполняется путем построения параметрической судебно-лингвистической модели правонарушения. На примере речевого акта призыва разработана параметрическая модель, позволяющая строить проверяемый и воспроизводимый алгоритм экспертного анализа и делать вывод о наличии либо отсутствии лингвистических признаков правонарушения, которое предусмотрено ст. 280 УК РФ (публичный призыв к экстремистской деятельности). В ходе анализа призыва как одного из вербальных проявлений экстремизма предложена классификация призывов, основанная на признаках, релевантных для судебной лингвистической экспертизы: наличием в высказывании образа адресата, образа способа совершения действия, образа объекта действия, вербального императива.

Ключевые слова: судебная лингвистика, судебная лингвистическая экспертиза, параметризация, призыв, экстремизм.

Цитирование. Катышев П. А., Осадчий М. А. Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 24–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.3>

Введение

Статья основана на исследованиях, проведенных ранее (см., например: [Осадчий, 2014]) и требующих переосмысления в свете существенно изменившейся экспертной практики последних пяти лет.

Правовая квалификация перформативна, представляет собой прямое действие, последствия которого носят неотвратимый и системный характер. По этой причине она стремится к идеалу точной, алгоритмизированной процедуры, ведущей к однозначным выводам. Любая неоднозначность и вариативность, свойственная объективным явлениям и процессам, преодолевается понятийными и процедурными конвенциями, вырабатываемыми правоприменительным и экспертным сообществами.

Все это в полной мере относится и к речевой коммуникации как сфере правоотношений. Корректное применение к коммуникации правовых оценок требует, прежде всего, операционализации субъективных исследовательских понятий [Леонтьев, 2009] и параметризации коммуникативного процесса. Последняя позволяет описать состав признаков явлений и процессов, прототипические формы проявления признаков и диапазон их варьирования; операционализация дает возможность упорядочить, алгоритмизировать оценку явлений и процессов с опорой на список заданных параметров и их значений.

Метод параметризации, зародившийся в сфере инженерии и точных вычислений, давно и успешно используется в лингвистичес-

ком моделировании [Демьянков, 1996]. Важным этапом развития параметрического моделирования в лингвистике стали работы, в которых принцип параметризации был выведен за пределы имманентной модели и применен к описанию деятельностного аспекта языка – процессам усвоения языка и патологии речи [Bates, Bretherton, Snyder, 1988; Flynn, O'Neil, 1988; Gleitman et al., 1988]. В последние годы элементы параметрического моделирования широко используются отечественными лингвистами в исследованиях по семантике [Заикина, 2012], теории дискурса [Булатова, 2011; Комалова, 2010; Назаров, 2012 и др.], психологии коммуникации [Долотин, 2008].

Принципы параметрического моделирования в судебной лингвистике

В общенаучном смысле параметризация представляет собой моделирование процесса или явления, при котором выполняются три действия:

- установление состава признаков явления (процесса);
- установление нормативных (прототипических) форм проявления каждого из признаков явления (процесса);
- установление диапазона варьирования форм проявления каждого из признаков, не разрушающего идентичности явления (процесса).

Таким образом, в качестве параметра можно рассматривать любой конститутивный

признак явления (процесса), описанный в динамике его качественного и количественного проявления в заданном диапазоне [Лопатников, 2003; Моисеев, 2006 и др.].

Параметризация правового риска в коммуникации выполняется путем построения параметрической судебно-лингвистической модели правонарушения. В данную модель закладываются следующие компоненты:

- 1) код параметра;
- 2) список параметров идентификации вербальных признаков правонарушения;
- 3) качественные проявления каждого параметра идентификации вербальных признаков правонарушения;
- 4) количественные проявления каждого параметра идентификации вербальных признаков правонарушения;
- 5) квалификационные показатели каждого параметра идентификации вербальных признаков правонарушения;
- 6) квалификационная сумма показателей всех параметров идентификации вербальных признаков правонарушения.

Параметрическая модель имеет вид таблицы (см. ниже), в которой перечисленные выше компоненты заложены в столбцах с первого по пятый. Квалификационная сумма показателей всех параметров вычисляется в нижней строке, там же описывается квалифи-

кационная формула вычисления получившейся суммы.

Из приведенной таблицы видно, что каждый параметр может иметь одно или несколько качеств проявления. Например, в случае с оскорблением параметр неприличности может выражаться обценными словами (качество 1), грубыми ругательствами (качество 2) или эвфемизмами и табуированными образами (качество 3). Количественная характеристика степени проявления каждого из качеств выполняется в системе двоичного исчисления от 0 до 1, где 0 означает непроявленность качества (например, если в высказывании нет обценных слов), а 1 – проявление качества (напротив, если в тексте есть обценные слова). В столбце «Квалификационный количественный показатель параметра» указывается суммарное значение параметра, необходимое для того, чтобы усматривать в тексте признаки правонарушения. Например, если проявление какого-либо параметра характеризует три качества, а квалификационная сумма показателей параметра задана в диапазоне от 1 до 3 [1; 3], это означает, что для идентификации по данному параметру признака преступления необходимо, чтобы параметр проявился на уровне хотя бы одного из характеризующих его качеств; если же квалификационная сумма показателей параметра зада-

Общий вид параметрической судебно-лингвистической модели

Код параметра	Наименование параметра	Качественные характеристики реализации параметра	Количественные характеристики реализации параметра	Квалификационный количественный показатель параметра (группы параметров)
Параметры группы А				
A1	Параметр 1	Качество 1	[0; 1]	Σ1
		Качество 2	[0; 1]	
A2	Параметр 2	Качество 1	[0; 1]	Σ0
Параметры группы В				
B1	Параметр 3	Качество 1	[0; 1]	Σ[1; 5]
		Качество 2	[0; 1]	
		Качество 3	[0; 1]	
		Качество 4	[0; 1]	
		Качество 5	[0; 1]	
B2	Параметр 4	Качество 1	[0; 1]	Σ[1; 4]
		Качество 2	[0; 1]	
		Качество 3	[0; 1]	
		Качество 4	[0; 1]	
Квалификационная сумма показателей параметров: $\Sigma A1A2B1B2 = [3; 10]$, при $\Sigma A1 = 0, \Sigma A2 = 1, \Sigma B1 = [1; 5], \Sigma B2 = [1; 4]$				

на в значении 0, это означает, что для идентификации признака преступления необходимо полное отсутствие проявлений по данному параметру. Например, для идентификации сведений порочащего характера необходимо, чтобы модальная рамка гипотетичности не проявилась ни в какой из форм (в тексте точно не должно быть слов *мне кажется, по моему мнению* и т. д.).

Нижняя строка «Квалификационная сумма показателей параметров» содержит данные о сумме «баллов», которую нужно «набрать», чтобы с уверенностью констатировать наличие вербальных признаков правонарушения. При этом важна не просто сумма «баллов», а то, на каких именно параметрах данные «баллы» набираются, то есть **квалификационная формула**. Например, признаки правонарушения *X* усматриваются по двум параметрам – Параметру А и Параметру В, квалификационная сумма равна 1, при квалификационной формуле ‘при $A=1, B=0$ ’. Если итоговая сумма 1 будет набрана по другой формуле – ‘при $A=0, B=1$ ’, то вербальные признаки правонарушения не усматриваются.

Структурная и семантическая параметризация призыва

В ходе расследования публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности правоприменитель сталкивается с трудностями понятийного и методологического характера, о чем неоднократно говорилось в специальной литературе [Баранов, 2007, с. 412–476; Бринев, 2010; Воронцов, 2007; Голев, 2007; Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2011, с. 87–96; Осадчий, 2014 и др.].

С когнитивной точки зрения успешный призыв формирует в сознании адресата речи картину действия, к которому осуществлен призыв, то есть образ базового фрейма SPO (субъект – действие – объект). Важнейшим условием успешности призыва как коммуникативного события является согласие адресата речи с ролью S (исполнителя действия, к которому осуществлен призыв) при заполненности слотов Р и О (ясном осознании способа совершения действия и объекта действия).

Вербальная составляющая успешного призыва в наиболее общем виде характе-

ризуется следующими лингвистическими признаками:

- 1) наличием в высказывании *образа адресата* (А);
- 2) наличием в высказывании *образа способа совершения действия* (Д);
- 3) наличием в высказывании *образа объекта действия* (О);
- 4) наличием в высказывании *вербально-го императива* (И).

Образ адресата в успешном призыве всегда равен адресату речи – декларированному или фактическому. При несовпадении образа адресата призыва и фактического адресата (или при отказе фактического адресата соотносить себя с образом адресата призыва) коммуникативный акт становится неуспешным. При этом на уровне локуции образ адресата призыва может характеризоваться как нулевой, так и максимальной конкретностью. Примером призывов, содержащих образ адресата с убывающей степенью конкретности, может служить следующий ряд: *Русский, решай!*; *Гражданин, защищай свои права!*; *Скажи власти свое «нет!»*; *Вперед, на баррикады!* В отличие от образа способа совершения действия и образа объекта действия образ адресата не имеет каких-либо квалификационных признаков в терминах ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 280 УК РФ. Степень конкретности образа адресата призыва, безусловно, имеет влияние на меру успешности призыва, но не изменяет квалификацию в терминах закона.

Образ способа совершения действия может иметь широкий диапазон конкретности – от нулевой до максимальной. Первый из них имеет место при призывных конструкциях, содержащих «чистое» побуждение. Например: *Русский, решайся! Давай же, вперед!* В приведенном высказывании вербальный императив сочетается с семантической неконкретностью (нулевой конкретностью). В этом случае успешность призыва оказывается под вопросом, поскольку высказывание не содержит оснований для заполнения слотов базового фрейма SPO. Даже при внутреннем согласии адресата речи с самоидентификацией ‘Я = S’ (*да, я тот самый русский, к которому обращаются*) отсутствие вербальных ос-

нований для заполнения слотов Р и О делает призыв неуспешным (*Что же именно делать, на что решаться?*). В такой ситуации большую роль может сыграть контекст: при наличии невербальных стимулов, детерминирующих ассоциативную деятельность адресата (изображений, фоновых событий), фрейм SPO может дополниться, повышая успешность призыва.

Максимальная конкретность образа способа совершения действия достигается при использовании глаголов с конкретным значением (***Выгнать их с рынка!***; ***Не пускайте их на избирательные участки, там место только русским***). Конкретизация призыва может происходить аналитическим путем, когда побудительная и конкретно-лексическая семантика реализуются в разных частях высказывания или в разных высказываниях, связанных на грамматическом и / или ассоциативно-композиционном уровне (*Русский, действуй! Настало время посадить всех инородцев на поезда до границы!*).

В судебной лингвистике степень конкретности образа способа совершения действия, по всей видимости, должна измеряться не только семиотически – по уровню абстракции семантики лексемы, обозначающей данный способ совершения действия, но и квалификационно – по достаточности / недостаточности оснований для идентификации квалифицирующего способа совершения действия, интерпретируемого в терминах ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 280 УК РФ (насильственные действия, действия, ограничивающие права и законные интересы объекта, действия по подготовке и совершению теракта и т. п.).

Образ объекта действия, как и образ способа совершения действия, может иметь разную степень проявления – от нулевой до максимальной. Нулевая степень проявления образа объекта действия может усматриваться в призывных высказываниях типа *Русский, решай! Все на борьбу!*, в которых нулевой образ объекта действия совпадает с лексическим нулем, то есть с отсутствием в высказывании лексического репрезентанта предмета / существа / явления как мишеней наводимого действия. При этом нулевой образ объекта действия имеет место и при наличии

в высказывании лексического репрезентанта объекта действия – лексемы с абстрактной семантикой в условиях минимального контекста. Ярким примером такого рода призыва является плакатное высказывание, получившее распространение в блогосфере рунета – *Долби систему!* Примером призыва, содержащего конкретный образ объекта действия может служить высказывание *Очистим страну от иноверцев!*

По аналогии со способом совершения действия в ходе судебного-лингвистического анализа степень конкретности образа объекта действия, по всей видимости, должна измеряться не только семиотически, но и квалификационно – по достаточности / недостаточности оснований для идентификации квалифицирующего объекта, интерпретируемого в терминах ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 280 УК РФ (национальной, расовой, социальной групп или их представителей; атрибутов конституционного строя, специфических объектов террористической деятельности и т. п.).

Вербальный императив является элементом речи с побудительным значением. Он может быть выражен императивной формой глагола (*Уничтожь!*) или семантически эквивалентными формами:

- инклюзивным волитивом (*Поборемся! Избавим! Дадим отпор!*);
- формами прошедшего времени в составе восклицательных высказываний (*Пошли! Встали!*);
- формами инфинитива в составе восклицательных высказываний (*Взять! Вставать!*);
- формами инфинитива в сочетании с частицами *давай, пусть* (*Давай бороться! Пусть грянет революция!*);
- неглагольными формами со значением побуждения в составе восклицательных высказываний (*В бой! Вперед! Огонь! Смерть врагам!*).

Наработанная экспертная практика позволяет утверждать, что в реальной коммуникации призывные высказывания не всегда соответствуют предложенной четырехкомпонентной модели призыва. Она может реализовываться как полно, так и частично. Возможна следующая парадигма вариантов реализации модели призыва:

- 1) **А** – **Д** – **О** – **И** (сильный полный призыв);
- 2) **А** – **Д** – **О** – **И** (сильный действенно-объектный призыв);
- 3) **А** – **Д** – **О** – **И** (слабый объектный призыв);
- 4) **А** – **Д** – **О** – **И** (слабый действенный призыв);
- 5) **А** – **Д** – **О** – **И** (слабый адресатный призыв);
- 6) **А** – **Д** – **О** – **И** (слабый адресатно-объектный призыв);
- 7) **А** – **Д** – **О** – **И** (слабый адресатно-действенный призыв).

Необходимо сразу уточнить, что термин «сильный» применительно к призыву употребляется в специальном судебно-лингвистическом смысле как указатель на возможность однозначной квалификации призыва в терминах закона (ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 280 УК РФ).

Итак, **сильным** является полный призыв, в котором эксплицитно реализованы все четыре компонента: вербальный императив, образ объекта действия, образ способа совершения действия и образ адресата. Дальнейшие варианты реализации модели предполагают «выпадение» одного или нескольких компонентов схемы, что отдаляет высказывание от эталонного (с точки зрения правоприменителя) призыва. При этом необходимо сделать две оговорки. Во-первых, предложенная модель не допускает «выпадения» вербального императива (И), поскольку без данного компонента высказывание не может быть доказательно квалифицировано как призыв (случаям косвенных и скрытых призывов оценка будет дана ниже). Во-вторых, невыраженность образа адресата не снижает силу призыва, поскольку его адресованность не коррелирует с каким-либо квалификационным признаком призыва, закрепленным в диспозиции ст. 280 УК РФ, то есть данный компонент в принципе не является значимым параметром при правовой квалификации события призыва. Следовательно, призывное высказывание, соответствующее схеме с невыраженным адресатом, по правилам предложенной модели будет относиться к разряду сильных призывов.

Выделение двух структурных типов призыва – *сильного* и *слабого* – может быть

сопоставлено с различием *определенных* и *неопределенных* призывов в: [Бринев, 2010, с. 182]. Важность такого различения следует из сути следственного процесса, частью которого является судебная лингвистическая экспертиза. Следствие направлено на установление в распространенном тексте не призывов в общем смысле, а конкретного вида призывов – так называемых «экстремистских».

Вариативность в способах выражения императивности приводит к изменению квалификации высказывания как в лингвистическом, так и в юридическом аспектах. Такая вариативность может заключаться в замене вербального императива на мягкое воление, выраженное вопросом-рекомендацией (*Не стоит ли начать борьбу?*), утверждением необходимости действий (*Необходимо собраться на митинг у здания администрации*) или обоснованием действий, выраженным как развернутой аргументацией, так и простым указанием на правильность или своевременность неких действий (*Настал час прекратить этот беспредел; Единственный выход для нас сейчас – заблокировать избирательный участок*). С лингвистической точки зрения такие акты мягкого воления обладают признаками эксплицитного вербального побуждения к действиям, то есть призыва или побуждения – в широком смысле.

Вместе с тем нельзя отрицать и того, что мягкое воление принципиально отличается от вербального императива как на формально-семантическом, так и на прагматическом уровнях. С формально-семантической точки зрения высказывания, выражающие мягкое воление, отличаются от призывов отсутствием системных императивов – лексических, грамматических или структурных компонентов, регулярно выражающих побудительное значение. Так, императивные формы глагола (*разрушь*), глагольные формы будущего времени с инклюзивным значением (*вытесним*), инфинитив (*встать*), неглагольные элементы со значением приказа в составе восклицательных высказываний (*подъем, в бой, огонь*) выражают побуждение в пределах конкретного (русского) языка регулярно, то есть являются системными императивами. В то же время этикетные вопросы-рекомендации, обоснование или утверждение необходимости дей-

ствий эксплицируют побуждение ситуативно. С прагматической точки зрения в высказываниях, выражающих мягкое воление, побуждение реализуется как одна из интенций говорящего, не обязательно даже основная. При этом в сильных призывах побуждение является главной интенцией.

Все эти соображения позволяют заключить, что высказывания, содержащие вербальный императив, и высказывания, выражающие мягкое воление, хотя и являются императивными, волеизъявительными в широком смысле, но должны быть четко отделены друг от друга как принципиально разные типы призыва. Кроме того, в первом случае можно говорить о прямом призыве, во втором – о косвенном призыве.

Итак, **косвенный призыв** является вариантом реализации модели призыва, при котором вербальный императив (компонент И) остается неэксплицированным и заменяется на одну из форм мягкого воления. При этом косвенный призыв в общем виде все же реализуется по модели призыва. Высказывание с косвенным призывом может содержать в большей или меньшей степени эксплицированный образ объекта действия, образ способа совершения действия и образ адресата. Исходя из этого, можно выстроить парадигму вариантов реализации модели косвенного призыва, подобную той, что была предложена выше для призыва:

1) **А – Д – О – И** (адресный действенно-объектный сильный косвенный призыв): в высказывании эксплицированы образ объекта действия, образ способа совершения действия и образ адресата (*Товарищ, настало время выкинуть эту власть из кабинетов!*);

2) **А – Д – О – И** (безадресный действенно-объектный сильный косвенный призыв): в высказывании эксплицированы образ способа совершения действия и образ объекта действия (*Самый верный шаг – депортировать всех черных*);

3) **А – Д – О – И** (адресно-действенный слабый косвенный призыв): в высказывании эксплицированы образ адресата и образ способа совершения действия (*Русский, тебе нужно драться за свою землю!*);

4) **А – Д – О – И** (адресный слабый косвенный призыв): в высказывании эксплициро-

ван только образ адресата (*Всем горожанам нужно начать активно и организованно сопротивляться*);

5) **А – Д – О – И** (адресно-объектный слабый косвенный призыв): в высказывании эксплицированы образ адресата и образ объекта действия (*Однопартийцы, да неужели ж мы не справимся с этой воровской властью?*).

Как и в случае с прямым призывом, термин «сильный» применительно к косвенному призыву употребляется в специальном судебно-лингвистическом смысле как указатель на возможность однозначной квалификации призыва в терминах закона. При этом очевидно, что ни один из вариантов реализации косвенного призыва не дает нам высказывания, которое могло бы быть квалифицировано как призыв в терминах ст. 280 УК РФ. Однако косвенные призывы могут быть квалифицированы в терминах ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти и вражды). Эти призывы в дальнейшем будут именоваться слабыми.

Таким образом, при всем типологическом различии прямой и косвенный призывы демонстрируют схожесть как по структуре высказывания, так и по структуре парадигмы варьирования. Прямой и косвенный призывы совокупно могут быть противопоставлены призыву, который отличается не способом реализации модели А–Д–О–И, а самой моделью образования.

В судебной практике часто приходится сталкиваться с текстами, в которых деятельные стимулы реализуются исключительно на уровне подтекста и могут быть распознаны адресатом только интуитивно. Иными словами, тексты не содержат ни прямых, ни косвенных призывов, но при восприятии текста интуиция адресата распознает некие стимулы. Тексты такого типа содержат информацию, подталкивающую, подстрекающую к каким-либо действиям, направленно формирующую у адресата желание действовать или чувство необходимости действий. Такие тексты нередко дают развернутую программу действий, к которым подстрекают, то есть автор программирует поведение адресата речи, нередко используя методы речевой манипуляции сознанием, воздействия на психи-

ку, подсознание читателя или слушателя. Такого рода случаи являются примерами реализации **скрытого призыва** и противопоставляются **открытому призыву** – прямому и косвенному.

Скрытый призыв является той проблемной зоной, в которой обостряется методологический конфликт между правоприменителем и экспертом-лингвистом. С точки зрения права скрытый призыв не может быть однозначно квалифицирован в терминах ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) или ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти и вражды), поскольку побудительный компонент речи в таких случаях не выделяется, не объективируется в конкретных лексемах или конструктах, которым можно было бы придать статус признака преступления. При этом лингвистический взгляд на скрытый призыв принципиально иной: наукой накоплено достаточно фактов, свидетельствующих в пользу того, что скрытый призыв обладает даже большим побудительным потенциалом, нежели открытый. Открытый призыв является в некотором смысле «честным» способом воздействия на поведение адресата речи, так как он открыт и быстро себя обнаруживает в глазах читателя или слушателя. Законопослушный адресат речи понимает, что на него оказывается воздействие, потому он может вовремя принять меры по обеспечению собственной информационной безопасности (чаще такими мерами становится простой уход от контакта). В случае со скрытым призывом реакция по противодействию запаздывает и адресат становится более уязвимым.

С процедурной точки зрения квалифицированным как «призыв к экстремистской деятельности» может быть только открытый прямой сильный призыв, поскольку он обладает объективированными, проверяемыми признаками призыва. Установление призыва в данном случае не требует применения узкоспециальных технологий, неклассических научных методов, по результатам использования которых могут быть получены выводы, не отвечающие принципу проверяемости и воспроизводимости.

Выводы

В параметрическую модель целесообразно закладывать характеристики открытого прямого сильного призыва. При этом параметр силы является сложным, он может быть разложен на параметр образа совершения действия и параметр образа объекта. Параметры открытости и прямоты являются в большей степени структурными, поскольку в их аспекте принципиальное значение для квалификации призыва имеет простое наличие конкретных структурных элементов в конфликтном высказывании (наличие в конфликтном тексте высказывания, построенного по схеме призыва, и наличие в данном высказывании вербального императива). В то же время такой параметр, как сила, разложенный на два более простых параметра – образа совершения действия и образа объекта, – является в большей степени семантическим, поскольку в аспекте данного параметра ключевым моментом выступает содержание структурных элементов призывного высказывания.

Призыв к совершению экстремистской деятельности – это высказывание (группа смежных высказываний), отвечающее следующим признакам в их совокупности:

- в высказывании реализована полная или сокращенная схема призыва (А–Д–О–И);
- в высказывании реализован вербальный императив;
- вербальный императив побуждает к совершению действия (действий) одним или несколькими из перечисленных способов: путем насильственных действий; путем террористической деятельности; путем нарушения прав, свободы и законных интересов; путем воспрепятствования, соединенного с насилием либо угрозой его применения; путем совершения преступлений (в том числе убийства, причинения вреда здоровью, побоев, хулиганства, вандализма и т. д.); путем пропаганды и публичного демонстрирования; путем организации, подготовки, подстрекательства; путем финансирования либо иного содействия в организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг;

– вербальный призыв побуждает к совершению действий в отношении одного или нескольких из перечисленных объектов: существующего конституционного строя; населения; человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; избирательных прав граждан, права на участие в референдуме или нарушения тайны голосования; законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций; человека как представителя политической, идеологической, расовой, национальной, социальной группы / предмета как атрибута политической, идеологической, расовой, национальной, социальной группы; нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

Косвенные и скрытые призывы не соответствуют данной модели, поскольку нечетко квалифицируются как призывы в смысле ст. 280 УК РФ и тяготеют к полю возбуждения вражды в смысле ст. 282 УК РФ. В связи с этим дальнейшее рассмотрение алгоритма экспертной оценки вербальных проявлений экстремизма требует обсуждения вопросов, связанных с вариантами дифференциации признаков преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 17-29-09170 «Исследование психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и декодирования поликодовых текстов экстремистской направленности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., 2007. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта : Наука. 592 с.
- Бринев К. И., 2010. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово. 363 с.
- Булатова Э. В., 2011. К вопросу о типологических и структурных параметрах дискурса // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. № 2 (89). С. 111–116.
- Воронцов С. А., 2007. Понятие экстремизма и его существенные признаки // Философия права. № 4. С. 65–71.
- Голев Н. Д., 2007 «...Восстать, вооружиться, победить...»: Шекспир и экстремизм // Юрислингвистика 8: Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 412–416.
- Демьянков В. З., 1996. Параметризация // Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 118–123.
- Долотин К. И., 2008. Количественная оценка эмоционального напряжения говорящего по временным параметрам квазисегментной структуры речевого сигнала (психофизическое шкалирование) // Вопросы психолингвистики. № 8. С. 128–133.
- Заикина О. Н., 2012. О параметрах комплексного анализа семантической категории (на примере концепта «Луна» в русском языке) // Человек. Культура. Образование. № 3 (5). С. 89–98.
- Комалова Л. Р., 2010. Диагностика уровня конфликтности предконфликтной коммуникации (по просодическим параметрам) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 592. С. 100–114.
- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н., 2011. Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. М. : РФЦСЭ. 326 с.
- Леонтьев Д. А., 2009. К операционализации понятия «толерантность» // Вопросы психологии. № 5. С. 3–16.
- Лопатников Л. И., 2003. Экономико-математический словарь: словарь современной экономической науки. М. : Дело. 520 с.
- Моисеев А. А., 2006. Автоматическая параметризация // Информационные технологии в проектировании и производстве. № 3. С. 85–88.
- Назаров Н. В., 2012. К вопросу об универсальных параметрах описания речевых произведений // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. № 1. С. 33–38.
- Осадчий М. А., 2014. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 256 с.

- Bates E., Bretherton I., Snyder L. S., 1988. From first words to grammar: Individual differences and dissociable mechanisms. Cambridge : Cambridge University Press. xii, 326 p.
- Flynn S., O'Neil W., 1988. Introduction // Linguistic theory in second language acquisition. Dordrecht ; Boston ; London : Kluwer. P. 1–24.
- Gleitman et al., 1988. Gleitman L. R., Gleitman H., Landau B., Wanner E. Where learning begins: Initial representations for language learning // Linguistic theory: Foundations. Cambridge : Cambridge University Press. P. 150–193.
- REFERENCES**
- Baranov A.N., 2007. *Linguistic expertise of the text: theory and practice*. Moscow, Flinta; Nauka Publ. 592 p.
- Brinev K.I., 2010. *Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. Dr. philol. sci. diss.* Kemerovo. 363 p.
- Bulatova E.V., 2011. The Discourse types and the methods of the discourse analysis. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, no. 2 (89), pp. 111-116.
- Vorontsov S.A., 2007. The notion of extremism and its essential features. *Filosofiya prava*, no. 4, pp. 65-71.
- Golev N.D., 2007. "...Rise up, arm, conquer...": Shakespeare and extremism. Golev N.D., ed. *Yurilingvistika 8: Russkiy yazyk i sovremennoe rossiyskoe pravo: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Jurilinguistic-8: The Russian Language and Contemporary Russian Law]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, pp. 412-416.
- Demyankov V.Z., 1996. Parameterization. *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [A Brief Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, MGU Publ., pp. 118-123.
- Dolotin K.I., 2008. Announcer's emotional state evaluation by means of quasisegmental structure of speech signal (psychophysical scaling). *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 8, pp. 128-133.
- Zaikina O.N., 2012. The parameters of complex analysis of semantic category (exemplified by the concept 'moon'). *Chelovek. Kultura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], no. 3 (5), pp. 89-98.
- Komalova L.R., 2010. Diagnosis of pre-conflict communication conflictivity (by prosodic parameters). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [The Academic Research Journal MSLU VESTNIK. Linguistics], no. 592, pp. 100-114.
- Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N., 2011. *Theoretical and methodological basis of judicial psychological and linguistic expertise in cases related to countering extremism*. Moscow, RFTsSE Publ. 326 p.
- Leontyev D.A., 2009. Towards an operational definition of tolerance. *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 3-16.
- Lopatnikov L.I., 2003. *Economic and mathematical dictionary: Dictionary of modern economics*. Moscow, Delo Publ. 520 p.
- Moiseev A.A., 2006. Automatic parameterization. *Informatsionnye tekhnologii v proektirovanii i proizvodstve*, no. 3, pp. 85-88.
- Nazarov N.V., 2012. On the universal parameters describing the discourse. *Vestnik Tsentra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kulturologiya. Pedagogika. Metodika*, no. 1, pp. 33-38.
- Osadchiy M.A., 2014. *The Russian language on the verge of law: Functioning of the modern Russian language in terms of legal regulation of speech*. Moscow, LIBROKOM Publ. 256 p.
- Bates E., Bretherton I., Snyder L.S., 1988. *From first words to grammar: Individual differences and dissociable mechanisms*. Cambridge, Cambridge University Press. xii, 326 p.
- Flynn S., O'Neil W., 1988. Introduction. *Linguistic theory in second language acquisition*. Dordrecht; Boston; London, Kluwer, pp. 1-24.
- Gleitman L. R., Gleitman H., Landau B., Wanner E., 1988. Where learning begins: Initial representations for language learning. *Linguistic theory: Foundations*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 150-193.

Information about the Authors

Pavel A. Katyshev, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, pakatyshev@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of General and Russian Linguistics, Vice-Rector for Science, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, MAOsadchiy@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0001-7964-9029>

Информация об авторах

Павел Алексеевич Катышев, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, pakatyshev@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-2492-6495>

Михаил Андреевич Осадчий, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, проректор по науке, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, MAOsadchiy@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0001-7964-9029>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.4>

UDC 811.111'27
LBC 81.432.1-006

Submitted: 27.07.2018
Accepted: 20.08.2018

SELF-REPRESENTATION IN ENGLISH SPOKEN DISCOURSE: CORPUS-BASED PRAGMATIC-AND-SOCIOLINGUISTIC APPROACH

Elena Yu. Ilyinova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Larisa A. Kochetova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper is devoted to a corpus-based pragmatic-social-and-linguistic analysis of the tag clause that is considered to be a form of discursive self-representation. Reflecting such social conventions of Britishness as distance regulation and communicative tonality of the tag clause is used in coordination with social status and a speaker's role in interactions. The research is based on oral speech samples from the British National Corpus. Social, demographic, regional, age and some other metadata of the corpus were supported by Lancaster Stats Tools online, which helped to integrate statistics on the frequency of tag clause usage, to characterize its syntactic variations and discourse value in English oral talks. Three syntactic models that differ in their predicative base may be used in English to construct the tag clause (affirmative, interrogative, imperative), and their choice reflects the varieties of pragmatic intentions, that may be: fact or detail verification, small talk, strong or weak position representation, consent, agreement or objection, disagreement, disbelief, disregard, or politeness. Corpus analysis of social indexes of speakers points to low level of gender preferences in the tag clause usage, proves correlation between various intentions of self-representation and the choice of tag clause models by social classes and age groups on a synchrony level, highlights negative dynamics in the frequency of tag clause in speech of modern young British.

Key words: discourse, corpus, corpus-based methodology, self-representation, sociolinguistic approach.

Citation. Ilyinova E. Yu., Kochetova L. A. Self-Representation in English Spoken Discourse: Corpus-Based Pragmatic-and-Sociolinguistic Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 35-48. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.4>

УДК 811.111'27
ББК 81.432.1-006

Дата поступления статьи: 27.07.2018
Дата принятия статьи: 20.08.2018

ДИСКУРСИВНАЯ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ: КОРПУСНЫЙ ПРАГМАСОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Елена Юрьевна Ильинова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Лариса Анатольевна Кочетова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье предлагается корпусно-ориентированный прагмасоциоллингвистический анализ разделительного предложения, которое рассматривается как одна из форм дискурсивной саморепрезентации личности, отражающая своеобразие такой конвенции англоязычного межличностного общения, как

дистанцирование и интонирование вербальных действий с учетом социального и ролевого статуса личности. Материалом исследования послужили фрагменты устного общения, зафиксированные в Британском национальном корпусе. Социально-демографические, региональные, возрастные и иные метаданные корпуса в сочетании с программными возможностями извлечения и статистической обработки информации о частотности использования форм разделительного предложения в устном общении позволили представить объективные данные о синтаксических вариантах и дискурсивной ценности исследуемой формы речи для англоязычной коммуникации. Разделительное предложение формируется в английском языке по трем синтаксическим моделям, формально различающимся по структуре предикативной базы (утвердительная, вопросительная, императивная основы), что отражает разнообразие прагматических задач коммуниканта: уточнить факты и детали, поддержать разговор, продемонстрировать сильную или слабую позицию в коммуникации, выразить согласие или несогласие, сомнение, уважение, презрение и пр. Изучение социолингвистических характеристик с опорой на методы корпусного анализа позволило доказать низкий уровень гендерной зависимости при выборе разделительного предложения для саморепрезентации личности в общении, установить корреляции между функцией саморепрезентации и формами разделительного предложения для разных социальных и возрастных групп на синхронном уровне, выявить в диахронном сравнении динамику снижения частотности использования данной формы речи представителями молодого поколения современных британцев.

Ключевые слова: дискурс, корпус, корпусная методология, саморепрезентация, социолингвистический подход.

Цитирование. Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А. Дискурсивная саморепрезентация личности в англоязычном межличностном общении: корпусный прагматосоциолингвистический анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 35–48. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.4>

Введение

Поиск возможностей системного представления репрезентации языковой личности в коммуникативной практике входит в число актуальных задач отечественной дискурсивной лингвистики. Опираясь на общие положения теории дискурса, исследователи фокусируют внимание на научном анализе такого объекта, как дискурсивная личность, включенная в типовые бытовые коммуникативные ситуации, а предметом избирают типы общения, выделяемые с учетом социально-ролевого статуса участников и цели коммуникации, рассматривают и собственно коммуникативные действия, погруженные в условия национально специфичного сценария общения [Ирисханова, 2009; Карасик, 2014; Матвеева, Ленец, Петрова, 2013; Почтарь, 2014; Plotnikova, 2013 и др.]. Отметим, что в работах отечественных авторов активно обсуждаются методики описания дискурса как «личностно, культурно и ситуативно детерминированной коммуникативной практики» [Карасик, 2014, с. 146]. Исследователей интересуют общие процессы текстопорождения и текстовосприятия, их соотношение, типы коммуникативных действий в контексте «тех задач,

которые решаются человеком по мере осуществления им речевых актов, разных по своим установкам и целям, по условиям их осуществления» [Кубрякова, 2004, с. 519–520], а также конвенции вербальных действий, обусловленные социолингвистической, национально-культурной, стилевой и тональной спецификой общения [Волкова, 2014; Карасик, 2014; Литвинова, 2015; Моторина, 2013; Atai, Sadr, 2008; Boncea, 2013; English Language..., 2018; Spencer-Oatey, 2000; Stubbs, 1983; Yang, 2013 и др.]. При этом общая тенденция, нацеленная на преодоление условных границ между лингвопрагматическим, когнитивно-семантическим и социокультурным подходами к изучению дискурса в его разных реализациях, дополняется методами корпусной лингвистики, внедряемыми в исследования, посвященные изучению разных форм вербальных действий [Чернявская, 2018; Baker, 2006; Brezina, 2018; Partington, 2010 и др.]. В частности, активное развитие корпусной лингвистики и формирование электронных корпусов текстов и устной речи открывают сегодня возможности для получения объективных данных об общих и вариативных моделях дискурсивных практик в разных коммуникативных ситуациях и с учетом заданных исследователем со-

циальных, прагматических, иных параметров, определяющих природу дискурса как «исторически сложившейся опосредованной языком формы социальной практики» [Историческая динамика дискурсивных практик, 2017, с. 5].

В данной работе представлена концепция изучения динамики некоторых приемов дискурсивной саморепрезентации личности в социолингвистическом аспекте, основанная на методах корпусной лингвистики.

Дискурсивность саморепрезентации личности в англоязычном межличностном общении

Представление о саморепрезентации личности в коммуникации соотносится с общим определением дискурсивной личности как типажа коммуниканта, «выделяемого на основании социолингвистических характеристик личностно либо статусно обусловленного общения» [Карасик, 2014, с. 182]. По мнению В.И. Карасика, дискурсивная личность проявляется в типовых формах коммуникативного поведения, которые могут быть описаны по признакам ситуативной и тематической отнесенности предмета речи, оценочного отношения к действительности или партнеру, стилистике и тональности речи [Карасик, 2014, с. 183]. Представляется, что в данном случае можно говорить о металингвистической дискурсивности или паттернах речемыслительной деятельности, характерных для личностно-ориентированной или социально-ориентированной коммуникативной практики. При этом коммуникативные поступки личности опираются на общие и национально-специфические конвенции межличностного общения, а их проявлением можно считать разновидности вербальных действий, выбор которых обусловлен социальным и прагматическим модусами общения, коммуникативным контекстом. Социальный аспект предполагает детальное описание фона коммуникации, разбор социальных и ролевых признаков коммуникантов, уточнение природы их влияния на речевую практику. Указывая на значимость фактора прагматики общения, мы подчеркиваем необходимость анализа металингвистических особенностей коммуникативной ситуации с учетом параметров перформатив-

ности высказываний, коммуникативного стиля и тональности общения.

Полагаем, что анализ речевого поведения дискурсивной личности с учетом разных индикаторов речевого поведения, проведенный на корпусном материале, открывает путь для выявления типичных предикативных моделей речи, проведения ранжирования вербальных действий с поправкой на социально-ролевой статус каждого участника коммуникативной ситуации. Иными словами, многоаспектный метадискурсивный анализ с опорой на достоверные корпусные данные о специфике перформативности речевой практики личности позволяет соотнести ее (личности) речевые поступки с общими и частными прагматическими задачами коммуникации, установив при этом приемы языковой саморепрезентации личности в границах определенного типа дискурса.

В фокусе данного исследования находится такой способ дискурсивной саморепрезентации личности в обычном бытовом общении, как использование разделительного вопроса. Он, по мнению многих специалистов, отражает национально-культурную специфику межличностных отношений в британской модели общения [Ларина, 2009; Fox, 2004; Pearson, West, Turner, 2005 и др.]. Однако подобные утверждения в значительной степени гипотетичны, поскольку они, по нашим сведениям, не получили серьезной лингвистической проверки.

Языковая сущность данной сложной синтаксической структуры высказывания, аттестуемой в грамматике английского языка как *tag question*, детально описана в аспектах структуры и общекатегориальной семантики. С точки зрения структуры оно состоит из двух логических компонентов – базового предложения и синтаксического присоединения, называемого присоединительным вопросительным предложением [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981, с. 180] или *clause tag* [Downing, 2015, p. 123–124]. В английском языке в качестве предикативной базы могут использоваться повествовательные, восклицательные, повелительные структуры, например, *He drank, didn't he?*, *You didn't think of that, did you?* (declarative base), *How nice it was there, wasn't it?* (exclamative base); *Tell him, Christopher, will you?* (imperative base). Вторая часть пред-

ложения (*clause tag*) – это минимальная предикативная структура, состоящая из оперативного сказуемого (позитивной или негативной формы вспомогательных глаголов *do*, *have*, *be*, некоторых модальных глаголов) и личного местоимения, замещающего семантическую составляющую субъекта в позиции подлежащего.

Данная модель разделительного вопросительного предложения активно используется в ходе коммуникативных интеракций для уточнения фактов, поддержания разговора, демонстрации согласия / несогласия, сомнения, но она не считается полностью независимой. С точки зрения общей коммуникативной задачи такие предложения указывают на интенцию «запроса о реальности, выраженной в предикативной связи» по отношению к утвердительной части предложения [Иванова, 1981, с. 180], при этом у носителей английского языка есть два варианта построения подобного предложения, различающихся по признаку контрастности предикативной составляющей высказывания. В соответствии с грамматической конвенцией британского варианта английского языка требуется выбирать отрицательную форму *tag*, если базовое предложение получило позитивную предикативную форму, и наоборот, например: *He is Harry Kane, isn't he? He isn't with Harry Kane, is he?* [Quirk et al., 1985, p. 810]. Грамматические правила английского языка допускают некоторую вариативность в расположении *clause tag*, в частности, основной считается финальная позиция (*You've lost the money, have you?*), но в отдельных случаях встречаются иные локации (напр., *It's easy, isn't it, to get used to this new style?*).

Полагая, что в целом сведения о структуре и категориальной семантике разделительного вопросительного предложения (далее – РВП) общеизвестны, перейдем к размышлениям о прагматическом аспекте его частого включения в англоязычную коммуникативную практику и о социально-ролевом фоне, влияющем на выбор формы исследуемой нами предикативной модели предложения. Несмотря на долговременный интерес к прагматическому назначению РВП в данном аспекте, оно представляется мало изученным. Знакомство с работами зарубежных и отечественных спе-

циалистов по грамматике и прагматике английского языка свидетельствует о наличии самых поверхностных выводов о значимости изучаемой единицы языка для коммуникативного взаимодействия. Так, отечественные специалисты по грамматике английского языка отмечали, что РВП в силу смысловой контрастности частей придает выразительность и утверждению, и вопросу (см., например: [Иванова, 1981, с. 180]). В публикациях зарубежных авторов представлены данные о вариативности построения предикативной структуры РВП и приведены авторские гипотезы о социокультурном и прагматическом фоне (контексте) их употребления в речи. В частности, первые наблюдения о роли РВП были зафиксированы в публикациях Р. Лакоффа, где она указала на тональность прагматической неопределенности, которую придает разговору РВП: «So a tag-question is really intermediate between a statement and a question: a statement assumes that the addressee will agree, and a question leaves the response of the addressee up to him, but a tag-question implies that, while the speaker expects a certain sort of response, the hearer may not provide it» [Lakoff, 2017, p. 21]. В книге А. Даунинг описание вариантов образования РВП сопровождается рядом комментариев. Во-первых, если структурно повествовательная модель основы точно следует грамматическому предписанию о полярности предикативной составляющей предложения, то в аспекте коммуникативной тональности допустима вариативность по модусу модальности – произнесение *tags* с восходящей интонацией следует воспринимать как выражение сомнения, призыв для подтверждения (*Am I right?*), нисходящая интонация отражает уверенность говорящего в правильности высказанного и ожидание подтверждения, согласия со стороны партнера (*I'm asking you to confirm this; I am seeking for agreement*) [Downing, 2015, p. 123–124]. Во-вторых, в англоязычной речевой практике выявляются варианты РВП с нулевой полярностью, что представлено, в первую очередь, в сочетании повествовательных предложений, чаще утверждений, с позитивным знаком в вопросительной части. Такие высказывания характеризуются наличием дискурсивных слов *Oh*, *So*, *Well now*, которые указывают на дополнитель-

ную прагматическую интенцию говорящего – придать своему высказыванию вид фразы, завершающей обсуждение, взять на себя право подводить итоги беседы, делать выводы, например: *So, that's what they call them now, don't they?*. Они также могут передавать знаки эмоциональной имплицатуры (выражать удивление: *Oh, so you are our new assistant, are you?*; передавать негативное отношение: *Well, I reckon so that's what she said about me, is it?*). В-третьих, в речевой практике выделяются варианты с полным рассогласованием правила полярности частей РВП. Такие случаи связаны с намерением продемонстрировать интерес к высказыванию партнера (например, *interest, involvement*). Так, в следующей ситуации на реплику шофера такси *I think I've lost my way* может последовать такая реакция пассажира *Have you?*, при этом в американской интеракции это может быть *You do? You have?* [Downing, 2015, p. 124]). А. Даунинг указывает и на гендерную специфику подобных форм РВП. Полное рассогласование правил полярности предикации и замещение референта в позиции подлежащего в высказывании *Ooh! I love squirrels, don't you?*, по мнению исследователя, свидетельствует о женской манере общения, связанной со стремлением поддерживать гармоничную тональность интеракции. Наряду с вышеуказанными вариантами использования моделей РВП с разными знаками полярности в зоне предикации в речевой практике наблюдается активная реализация композиционно усложненных моделей РВП. Они дополнены инициальными фразами *I think, I consider, I reckon, I suppose*, призванные внести в общение тональность отстраненности от высказываемого утверждения, например: *I think, he left before lunch, didn't he?*

Приведенные наблюдения о семантических особенностях модели РВП и ее прагматической ценности отличаются обобщенностью и требуют верификации. В частности, можно подвергнуть сомнению утверждения о гендерной прагматике РВП, на которые обратили внимание некоторые социолингвисты в прошлом веке. Так, следуя мнению Р. Лаккофф [Lakoff, 1972], Г. Юль указал на очевидные различия в тактиках женского и мужского речевого поведения, выраженные, в том

числе, в обращении к РВП: «They are used more often by women when expressing opinions. These features of women's speech all seem to be ways of inviting agreement with an idea rather than asserting it. Men tend to use more assertive forms and 'strong' language» [Yule, 2006, p. 224]. Отмечается, что РВП характеризуют вербальную практику женщин, которые, в силу своего второстепенного статуса в «мужском социуме» (masculine society), избегают прямых утверждений, предпочитая включать в свою речь знаки смягчения силы утверждения, в том числе с помощью РВП [Pearson, West, Turner, 2005, p. 102–103]. Дж. Пирсон и ее коллеги при этом критично воспринимают результаты гендерно ориентированных экспериментов, указывая на необходимость более точной градации испытуемых по социально-ролевому и прагматическому статусам: «It may be wise to examine the context (informal conversation, business meeting, etc.) and the function of tag questions (i.e. whether the purpose is to draw out conversational partners, to request agreement or confirmation, to forestall opposition, etc.), rather than simply searching for their presence» [Pearson, West, Turner, 2005, p. 103]. В цитируемом исследовании указано, что в отдельных случаях РВП активно используются и в речи мужчин, однако авторы приведенных работ не видят главного – различия по синтаксической модели, интенциям, социально-ролевому фону в использовании РВП свидетельствуют об особой прагматике данных форм, связанной, в том числе, с национально-культурными конвенциями межличностного общения в англоговорящем (британском) социуме, не приветствующем, но допускающем ранжирование межличностной дистанции и статуса с помощью намеренного выбора языковых средств. Справедливости ради отметим, что идея о статусных, в том числе гендерных, предпочтениях в использовании РВП в устной речи, порой занимала исследователей, которые предпринимали попытки проверить или опровергнуть указанное предположение на корпусе устной речи английского языка в сравнении с другими языками (см. например: [Dubois, Crouch, 1975; Jovanović, Pavlović, 2014; Weiss, 2015, etc.]).

Осмысление сведений о форме и прагматических функциях РВП позволили сфор-

мировать гипотезу нашего исследования: в англоязычной коммуникативной практике особую функциональную значимость имеет тактика дискурсивной саморепрезентации, позволяющая выстраивать и регулировать межличностные отношения в ходе общения; одним из метаязыковых средств саморепрезентации личности в англоязычном межличностном общении является разделительное вопросительное предложение (*tag clause*), частотность обращения к которому зависит от статусной, возрастной и гендерной принадлежности дискурсивной личности. Для получения объективных данных о частотности обращения к формам РВП в англоязычной традиции общения, о социальной стратификации лиц, использующих их в своей речевой практике, был проведен прагмасоциолингвистический анализ на материале репрезентативного корпуса устной речи¹.

**Корпусная методология
в социопрагматических исследованиях
коммуникации**

Корпусная методология, которая обеспечивает возможность анализа большого языкового / текстового материала, все чаще используется в дискурсивных исследованиях. Сопоставляя корпусно-ориентированный и дискурсивный анализ, В.Е. Чернявская указывает, что в интерпретативных концепциях корпусные методы связываются с достижением доказательности и преодолением тенденциозности и избирательности подходов [Чернявская, 2018, с. 32–33]. В последнее время на основе корпусных данных строятся когнитивно-дискурсивные модели, характеризующие смысловую организацию текстов единой жанровой принадлежности, выявляются воплощенные в дискурсе культурно-специфические смыслы, ценности, убеждения [Baker, 2006; Pyinova, Kochetova, 2016; Gabrielatos, 2018; Partington, 2010]. Парадоксальная, на первый взгляд, связь между дискурсом как текучим, нечетким и размытым понятием и статистикой, научной дисциплиной, оперирующей четкими категориями, не воспринимается таковой, если принять определение дискурса как сложного социокультурного феномена, включающего различные способы трансляции смысла. В этом случае его статистический

анализ ориентируется на смысловую составляющую слов, предложений, более сложных смысловых единств.

Методика анализа дискурса с использованием корпусного метода включает несколько этапов: 1) описание лингвистических данных корпуса, определение локальной и глобальной частотности языковых единиц, выявление ключевых слов, коллокаций и др.; 2) интерпретацию лингвистических данных корпуса с учетом ситуативно-дискурсивного аспекта, установление индексов и функций языковых структур в дискурсе; 3) объяснительность, отвечающую на вопросы о причинах употребления данных единиц и структур и характеризующую их обусловленность историческим, социальным, лингвокультурным контекстом.

В проведенном исследовании корпусный анализ английской устной речи был направлен на выявление социокультурных особенностей в использовании разделительных вопросов как способа дискурсивной саморепрезентации личности в ситуациях обыденного общения.

**Корпусный анализ
речевых актов саморепрезентации
дискурсивной личности в англоязычном
межличностном общении**

Материал исследования. Корпусная лингвистика опирается, прежде всего, на использование репрезентативного и сбалансированного аннотированного лингвистического корпуса, снабженного программным обеспечением для извлечения и статистической обработки лингвистически релевантной информации [McEnery, Hardy, 2011]. Под корпусом текстов традиционно понимают «большой, представленный в машиночитаемом виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [Захаров, Богданова, 2011, с. 7].

Эмпирической базой исследования послужили репрезентативные и сбалансированные корпуса устной британской речи, первый из которых относится к концу 1980-х – началу 1990-х гг. и является частью Британского национального корпуса, созданного в начале

1990-х гг. (далее – BNC1994), а второй содержит образцы британской устной речи, записанной в период с 2012 по 2016 г. (далее – BNC2014). Данные двух корпусов являются сопоставимыми, различаются по временным критериям и позволяют проследить динамику в использовании изучаемых языковых единиц в соответствии с социально-демографическими, региональными и др. параметрами. Уточним, что объем корпуса устной речи BNC1994 составляет 5 014 665 слов, это 153 скрипта устной речи 1 408 респондентов, записанной в период с 1985 по 1993 г. Корпус BNC2014 образован из 11 422 622 слов, он содержит 1 251 скрипт, представляющий фрагменты устной речи 672 респондентов. Метаданные корпуса включают возраст, пол, социально-экономический статус, уровень образования, регион проживания, диалект, что позволяет получить объективные данные о социальном статусе респондентов. Сведения о социальной стратификации в корпусе BNC2014 представлены в таблице 1. В корпусе BNC1994 отсутствует выделение подклассов А, В, D и Е, они сливаются в одну категорию.

Для дальнейшего анализа были поставлены следующие вопросы: 1) Отличается ли

(и если да, то насколько) частотность использования разделительных вопросов в двух корпусах? 2) Различается ли (если да, то насколько) дистрибуция разделительных вопросов между корпусами? 3) Различается ли (если да, то насколько) социально-классовая дистрибуция разделительных вопросов между корпусами? 4) Различается ли (если да, то насколько) возрастная, социальная и гендерная дистрибуция разделительных вопросов между корпусами? 5) Как изменяется дискурсивная саморепрезентация личности в английском устном бытовом дискурсе?

Методология исследования. Для ответа на поставленные вопросы необходимо было определить частотность использования разделительных вопросов (РВП) в соответствии с социально-демографическими параметрами в сравниваемых корпусах и установить, является ли это различие статистически значимым для каждого из исследуемых параметров. В целях выявления сходств и различий между двумя корпусами применялись статистические методы, в основе которых лежит нормализованная частотность, понимаемая как количество вхождений анализируемой

Таблица 1

Категоризация респондентов в соответствии с социально-экономическим статусом в BNC2014

№	BNC2014 Категории, выделяемые в соответствии с социально-экономической классификацией населения Бюро национальной статистики (National Statistics Socio-economic Classification (NS-SEC))	Социальное положение	BNC2014 Категории, выделяемые в соответствии с данными National Readership Survey Social Grade classifications (NRS 2014)
1	Высшие руководящие должности в административной и профессиональной деятельности	А	Высшие руководящие должности в административной и профессиональной деятельности
1.1	Крупные работодатели, менеджеры и административные работники высшего звена		
1.2	Высшие должности в профессиональной деятельности		
2	Менеджеры, административные работники и профессионалы младшего звена	В	Менеджеры, административные работники и профессионалы среднего звена
3	Должности среднего звена		
4	Мелкие работодатели и самозанятое население	C1	Супервайзеры, клерки, менеджеры, административные работники и профессионалы младшего звена
5	Работники сферы технического обслуживания и младшие супервайзеры		
6	Должности, требующие выполнения рутинных и самостоятельных действий	D	Низкоквалифицированный и неквалифицированный персонал
7	Должности, требующие выполнения рутинных действий		
8	Неработающие и безработные длительный период времени	Е	Пенсионеры, низкоквалифицированные рабочие и лица, живущие случайными заработками, безработные, получающие пособие
9	Студенты / иное		

единицы на тысячу или миллион слов. В устном корпусе BNC2014 содержится 32 500 случаев использования РВП (нормализованная частотность – 2 845,23), в корпусе устной речи BNC1994 – 16 500 употреблений (нормализованная частотность – 3 290,36). Установление синхронной и диахронной вариативности для каждого из параметров стратификации (социального, возрастного, гендерного) проводилось с опорой на сравнение нормализованной частотности использования РВП представителями разных возрастных категорий в каждом из корпусов (диахронная вариативность), а также на частотность употребления РВП представителями разных социальных классов в пределах одного корпуса (синхронная вариативность). Сходным образом анализировалась гендерная специфика использования изучаемой конструкции. Для построения графиков и установления статистической значимости различий в употреблении разделительных вопросов между двумя корпусами с учетом социально-демографической стратификации мы обратились к онлайн-ресурсу *Lancaster Stats Tools online*².

Социолингвистический аспект использования разделительных вопросов в британской устной разговорной речи

Установление характеристик по трем группам социолингвистических особенностей обращения к разделительным вопросам продолжим, представив данные корпусного анализа в виде таблиц, графиков, отражающих дистрибуцию использования конструкции РВП, так называемой ящичной диаграммы и статистических тестов.

В таблице 2 представлены данные о дистрибуции использования разделительных воп-

росов в корпусах британской устной речи в зависимости от социальной принадлежности говорящих, извлеченные из корпусов BNC1994 и BNC2014.

Статистический анализ не выявил значимых различий в частотности употребления разделительного вопроса в зависимости от социальной принадлежности в диахронном и синхронном аспектах, отметим лишь уменьшение случаев использования моделей разделительных вопросов представителями низшего среднего класса (в частности, работниками сферы технического обслуживания, младшими супервайзерами) по параметру нормализованной частотности: 3 335.75 (BNC 1994) и 1 737.55 (BNC 2014). На рисунке 1 представлен график дистрибуции разделительных вопросов в зависимости от социальной принадлежности говорящих. Длинная линия обозначает медиану, а короткая линия – среднюю величину.

Различия наблюдаются в корпусе BNC1994 для низшего среднего класса C2 (работники сферы технического обслуживания и младшие супервайзеры), представители которого чаще использовали данную конструкцию. В корпусе BNC2014 отмечаются расхождения в классе D (низкоквалифицированный и неквалифицированный персонал) и C2 (квалифицированные рабочие). На графике данные классы находятся в диаметрально противоположных экстремальных точках. Как свидетельствуют данные, статистически значимой диахронной вариативности в социальном аспекте за прошедший период времени не наблюдается, в целом в речи различных социальных классов приблизительно в сходной пропорции отмечены разделительные вопросы. Однако в речи представителей средне-

Таблица 2

Социально-стратифицированное использование разделительных вопросов в BNC1994 и BNC2014

Параметры	Абсолютная частотность		Нормализованная частотность		Размер корпуса (млн слов)	
	BNC 1994	BNC 2014	BNC 1994	BNC 2014	BNC 1994	BNC 2014
Класс						
Высший (A)	4 161	5 504	2 530.71	2 837.71	1,6	1.94
Высший (B)	–	7 794	–	2 669.93	1,6	2.92
Высший средний (C1)	4 028	4 422	3 071.74	2 927.77	1,3	1.51
Средний (C2)	4 230	307	3 335.75	1 737.55	1,2	0.18
Рабочий класс (D)	2 305	2 268	3 091.00	3 574.16	0,7	0.63
Рабочий класс (E)	–	11 384	–	2 952.79	0,7	0.39

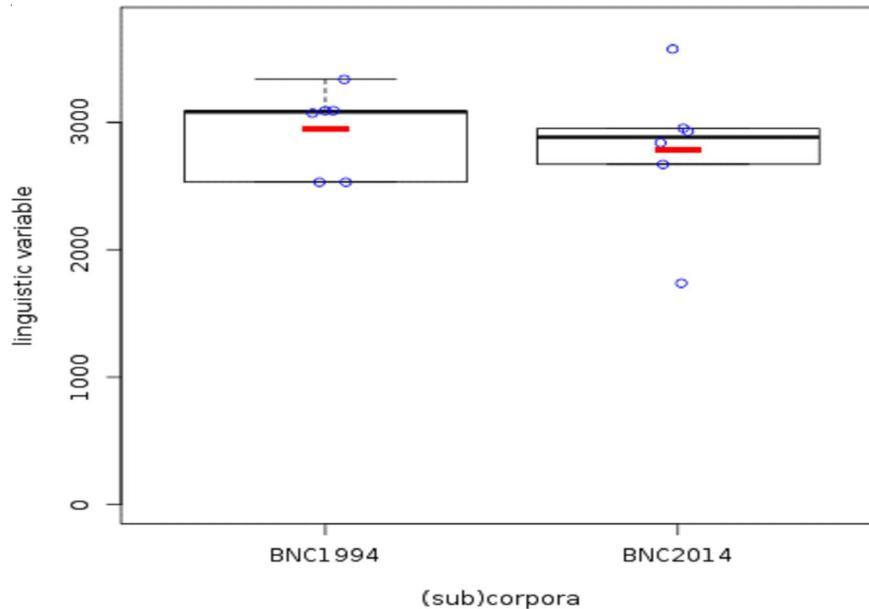

Рис. 1. Дистрибуция разделительных вопросов в зависимости от социальной принадлежности говорящих

го класса отмечается существенное снижение численности разделительных конструкций за изученный период, что свидетельствует о появлении признаков изменений коммуникативных конвенций в формах дискурсивной саморепрезентации в речи представителей данного социального слоя.

Анализ корпусных данных об использовании конструкции РВП в речи представителей различных возрастных групп позволил выявить значимую диахронную и синхронную вариативность. Как показывает таблица 3, в целом отмечается тенденция к снижению числа употреблений РВП в устной речи более молодыми респондентами. Об этом свидетельствуют данные о частотности, которые для данной таблицы были извлечены для идентичных возрастных групп двух корпусов, принадлежащих различным времен-

ным периодам. Наибольшие различия наблюдаются для самой молодой возрастной группы, наименьшие – для респондентов в возрасте от 35 до 44 лет.

Как показывает статистический анализ, расхождение частотности использования разделительных вопросов представителями самой младшей и самой старшей возрастных групп в корпусе BNC2014 обладает статистической значимостью, так как стандартная девиация имеет величину 2 188.23, что превышает среднее значение, которое составляет 1 772.69. В корпусе BNC1994 статистически значимых различий между сопоставляемыми группами не наблюдается, так как стандартная девиация составляет 936.80 при среднем значении нормализованной частотности 2 734.42.

На основании корпусных данных была построена диаграмма, позволяющая нагляд-

Таблица 3

Стратифицированное использование разделительных вопросов по возрастным группам в BNC1994 и BNC2014

Параметры	Абсолютная частотность		Нормализованная частотность		Размер корпуса (млн слов)	
	BNC 1994	BNC 2014	BNC 1994	BNC 2014	BNC 1994	BNC 2014
Возраст						
0–14	667	318	2 070.00	1 028.54	0,32	0,30
15–24	1 943	5 265	2 443.26	1 895.41	0,79	2,77
25–34	3 029	4 106	2 994,94	2 530.95	1,01	1,62
35–44	3 056	4 306	3 051.29	3 120.78	1,00	1,37
45–59	3 568	7 586	3 134.14	3 456.88	1,13	2,19
60+	2 532	7 818	3 394.84	4 236.08	0,74	1,84

но продемонстрировать изменения в потребности обращения к разделительным вопросам с учетом возрастного параметра. На рисунке 2 представлен график дистрибуции использования разделительных вопросов в зависимости от возрастной принадлежности говорящих. Наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению использования разделительных вопросов в британском устном разговорном дискурсе, о чем свидетельствуют точки экстремумов на обоих графиках.

Анализ гендерной маркированности респондентов в случаях использования ими разделительных вопросов в устной речи указал на совпадения в сравниваемых корпусах (табл. 4).

Данные о частотности обращения к РВП в гендерном аспекте, представленные в таблице 4, не показывают статистически значимых различий в диахронном и синхронном аспектах. Таким образом, выдвигаемые в указанных выше работах зарубежных исследователей предположения о связи разделительного вопроса с особенностями женской речи оказываются несостоятельными, что подтверждается данными корпуса.

Выводы

Исследование речевых форм общения методами корпусной лингвистики позволило верифицировать авторскую научную гипотезу о коммуникативно-прагматической значимости разделительного вопроса, о социолингвистических особенностях обращения к нему в англоязычном устном общении, о динамике его использования в диахроническом аспекте.

Корпусный подход к анализу репрезентативного материала, принадлежащего двум хронологически близким срезам в британском корпусе устной речи, позволил установить социолингвистическую синхронную вариативность в использовании разделительных вопросов с учетом фактора социальной стратификации говорящих и проследить динамику обращения к ним по социально-демографическому, возрастному, гендерному параметрам.

Нами выявлено изменение в дискурсивном поведении представителей низшего среднего класса, в речи которых наблюдается тенденция к уменьшению частотности

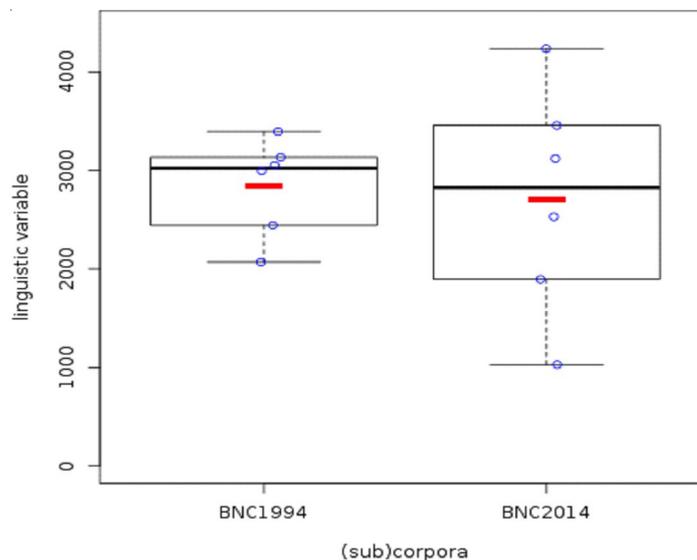

Рис. 2. Дистрибуция разделительных вопросов в зависимости от возрастной принадлежности говорящих

Таблица 4
Гендерный аспект использования разделительных вопросов в BNC1994 и BNC2014

Параметры	Абсолютная частотность		Нормализованная частотность		Размер корпуса (млн слов)	
	BNC 1994	BNC 2014	BNC 1994	BNC 2014	BNC 1994	BNC 2014
Женщины	8 597	19 891	2 998.01	2 812.54	2,94	7,01
Мужчины	6 159	12 720	2 923.63	2 924.82	2,05	4,34

употребления разделительных вопросов. Анализ показал значительные количественные колебания в использовании РВП разными возрастными группами при сравнении корпусов устной речи 1994 и 2014 гг., сопоставление частотности РВП в речи молодых и более старших возрастных групп свидетельствует о тенденции к уменьшению использования данного типа предложений. Существенных различий в употреблении РВП в гендерном аспекте в обоих корпусах выявлено не было, что опровергает ранее выдвигавшийся тезис о преобладании разделительных вопросов в женской речи как некатегоричного знака неуверенности в себе. Необходимо отметить, что полученные в результате корпусного анализа данные о социолингвистической вариативности дискурсивной саморепрезентации с помощью разделительного вопроса в различных социальных и возрастных группах и диахронных изменениях в его использовании не опровергают этнокультурной значимости данной синтаксической модели для британской коммуникативной традиции. В зависимости от прагматических условий коммуникации и социального статуса говорящих англичанам удастся реализовать разные прагматические задачи – от намерения установить требуемую межличностную дистанцию, указать на возможность / невозможность дискуссии или дальнейшего обсуждения вопроса, попытки выразить поддержку до (намеренной или ненамеренной) демонстрации подчиненной позиции, согласия, страха быть непонятым или отвергнутым.

Перспективным представляется продолжение данного исследования в аспекте изучения коммуникативной ценности разделительного вопроса в англоязычном общении с учетом возрастных и социально-статусных параметров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При анализе языкового материала использовались данные из British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

² В исследовании использовались статистические инструменты Lancaster Stats Tools online. URL: <http://corpora.lancs.ac.uk/stats>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волкова О. С., 2014. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 5 (24). С. 49–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>.
- Захаров В. П., Богданова С. Ю., 2011. Корпусная лингвистика. Иркутск : ИГЛУ. 161 с.
- Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г., 1981. Теоретическая грамматика современного английского языка. М. : Высш. школа. 285 с.
- Ирисханова О. К., 2009. Речевые акты уклонения: на стыке когнитологии и прагматики // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. М. : Языки славянских культур. С. 684–693.
- Историческая динамика дискурсивных практик, 2017. Историческая динамика дискурсивных практик : колл. монография / науч. ред. Л. А. Кочетова, Е. Ю. Ильинова. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 228 с.
- Карасик В. И., 2014. Языковое проявление личности. Волгоград : Парадигма. 450 с.
- Кубрякова Е. С., 2004. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры. 560 с.
- Ларина Т. В., 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Рукописные памятники Древней Руси. 512 с.
- Литвинова В. А., 2015. Коммуникативно-прагматическая специфика английского этического извинения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – Т. 14, № 5. – С. 109–113. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.12>.
- Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И., 2013. Основы прагмалингвистики. М. : Флинта : Наука. 232 с.
- Моторина Н. В., 2013. Лингвокультурный скрипт «посещение ресторана» в английском коммуникативном поведении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 6 (81). С. 24–27.
- Почтарь Е.И., 2016. Прагматические основы нарушения коммуникативного кодекса в современном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2014. № 3 (22). С. 129–134. DOI: <http://dx.doi.org/jvolsu2.2014.3.17>.
- Чернявская В. Е., 2018. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности каче-

- ственных и количественных подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2 (55). С. 31–37.
- Atai M., Sadr L., 2008. A cross-cultural genre study on hedging devices in discussion section of applied linguistics research articles // Teaching English Language and Literature Society of Iran. Vol. 2, no. 7. P. 1–22. URL: <http://www.sid.ir/En/Journal/ViewPaper.aspx?ID=162198> (date of access: 24.05.2018).
- Baker P., 2006. Using Corpora in Discourse Analysis. London ; New York : Continuum. 198 p.
- Boncea I. J., 2013. Hedging Patterns Used as Mitigation and Politeness Strategies // Annals of the University of Craiova. Series: Philology, English. Vol. 2. P. 7–23. URL: http://cis01.central.ucv.ro/litere/activ_st/anale_engleza/Annals_vol2_2013_Limba.pdf (date of access: 23.05.2018).
- Brezina V., 2018. Statistical choices in corpus-based discourse analysis // Corpus Approaches to Discourse / ed. by Ch. Taylor, A. Marchi. Oxford : Routledge. P. 259–280.
- Downing A., 2015. English Grammar : a university course. 3rd ed. N.Y. : Routledge. 652 p.
- Dubois B. L., Crouch I., 1975. The Question of Tag Questions in Women’s Speech: They Don’t Really Use More of Them, Do They? // Language in Society. Vol. 4, no. 3. P. 289–294.
- English Language..., 2018. English Language: Description, Variation and Context / ed. by J. V. Culpeper, P. Kerswill, R. Wodak, T. McEnery, F. Katamba. 2nd ed. London : Palgrave Macmillan. 686 p.
- Fox Kate, 2004. Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior. London : Hodder. 424 p.
- Gabrielatos C., 2018. Keyness analysis: nature, metrics and techniques // Corpus Approaches to Discourse / ed. by Ch. Taylor, A. Marchi. Oxford : Routledge. P. 225–258.
- Jovanović V. Ž., Pavlović V., 2014. The Use of Question Tags with Male and Female Speakers of English and Serbian // Jezici i kulture u vremenu i prostoru III. Chapter: XLVI / ed. by S. Gudurić, M. Stefanović. P. 491–504. URL: <https://www.researchgate.net/publication/298214908> (date of access: 22.04.2018).
- Ilyinova E. Yu., Kochetova L. A., 2016. Diachronic Perspective in Text and Discourse Studies: Review of Approaches // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – Т. 15, № 4. – С. 18–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.2>.
- Lakoff R., 1972. The Pragmatics of Modality // Papers from the Eighth Regional Meeting. Chicago : Chicago Linguistic Society. P. 229–246.
- Lakoff R., 1975. Language and Woman’s Place. New York : Harper and Row. 328 p.
- McEnery T., Hardy A., 2011. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge : Cambridge University Press. 301 p.
- Partington A., 2010. Modern diachronic corpus-assisted discourse studies on UK newspapers: an overview of the project // Corpora. Vol. 5, iss. 2. P. 83–108.
- Pearson J. C., West R., Turner L. H., 2005. Gender and Communication. N.Y. : McGraw-Hill. 285 p.
- Plotnikova S. N., 2013. Cognitive Scenario of Discourse of Deception // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, vol. 6, no. 4, pp. 589–602.
- Quirk R. et al., 1985. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. London : Longman. 1779 p.
- Spencer-Oatey H., 2000. Rapport management: a framework for analysis // Culturally Speaking : Managing Rapport Through Talk Across Cultures. London ; New York : Continuum. P. 11–46.
- Stubbs M., 1983. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Chicago : The University of Chicago Press. 279 p.
- Weiss S., 2015. 4 Verbal Habits Of Women That Don’t Mean What You Think They Do, Because The Policing Of Women’s Language Needs To Stop. Bustle Digital Group. URL: <https://www.bustle.com/articles/117516-4-verbalhabits-of-women-that-dont-mean-what-you-think-they-do-because-the-policing> (date of access: 7.03.2018).
- Yang Y., 2013. Exploring linguistic and cultural variations in the use of hedges in English and Chinese scientific discourse // Journal of Pragmatics. Vol. 50 (1). P. 23–36. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.01.008.
- Yule G., 2006. The Study of Language : An Introduction. Cambridge : Cambridge University Press. 273 p.

REFERENCES

- Volkova O.S., 2014. Communicative provocation as a strategy of destructive behavior in everyday conflict. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 5 (24), pp. 49–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.6>.
- Zakharov V.P., Bogdanova S.Yu., 2011. *Corpus Linguistics*. Irkutsk, IGLU Publ. 161 p.
- Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pocheptsov G.G., 1981. *Theory of modern English grammar*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981. 285 p.

- Iriskhanova O.K., 2009. Speech Acts of Evasion: the border line between cognitive and pragmatic sciences. *Gorizonty sovremennoy lingvistiki: traditsii i novatorstvo*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., pp. 684-693.
- Kochetova L.A., Ilyinova E.Yu., eds., 2017. *On historical dynamics of discourse practice*. Volgograd, Izd-vo VolGU. 228 p.
- Karasik V.I., 2014. *Linguistic representation of personality*. Volgograd, Paradigma Publ. 450 p.
- Kubryakova E.S., 2004. *Language and knowledge: on the way of getting knowledge about language: parts of speech in cognitive aspect. The role of language in cognition*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 560 p.
- Larina T.V., 2009. *The category of politeness and communication style: comparison of English and Russian linguocultural traditions*. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ. 512 p.
- Litvinova V. A., 2015. Communicative and Pragmatical Specificity of the English Ethical Apology. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 5, no. 29, pp. 109-113. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.12>.
- Matveeva G.G., Lenets A.V., Petrova E.I., 2013. *Basics of pragmatic linguistics*. Moscow, Flinta; Nauka Publ. 232 p.
- Motorina N.V., 2013. Linguocultural script 'at the restaurant' in the English communicative behavior. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 6 (81), pp. 24-27.
- Pochtar E.I., 2014. Pragmatic foundations of communication code failure in present-day discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (22), pp. 129-134. DOI: <http://dx.doi.org/jvolsu2.2014.3.17>.
- Chernyavskaya V.E., 2018. Discourse analysis and corpus methods: missing evidence-based link? Towards Qualitative and Quantitative Approaches in Language Studies. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2 (55), pp. 31-37. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.
- Atai M., Sadr L., 2008. A cross-cultural genre study on hedging devices in discussion section of applied linguistics research articles. *Teaching English Language and Literature Society of Iran*, vol. 2, no. 7, pp. 1-22. URL: <http://www.sid.ir/En/Journal/ViewPaper.aspx?ID=162198>. (accessed 24 May 2018).
- Baker P., 2006. *Using Corpora in Discourse Analysis*. London; New York, Continuum. 198 p.
- Boncea I.J., 2013. Hedging patterns used as mitigation and politeness strategies. *Annals of the University of Craiova. Series: Philology. English*, vol. 2, pp. 7-23. URL: http://cis01.central.ucv.ro/litere/activ_st/anale_engleza/Annals_vol2_2013_Limba.pdf. (accessed 23 May 2018).
- Brezina V., 2018. Statistical choices in corpus-based discourse analysis. Taylor Ch., Marchi A., (eds.) *Corpus Approaches to Discourse*. Oxford, Routledge, pp. 259-280.
- Downing A., 2015. *English Grammar: a university course*. New York, Routledge. 652 p.
- Dubois B.L., Crouch I., 1975. The question of tag questions in women's speech: they don't really use more of them, do they? *Language in Society*, vol. 4, no. 3, pp. 289-294.
- Culpeper J.V., Kerswill P., Wodak R., McEnery T., Katamba F., (eds.), 2018. *English language: description, variation and context*. London, Palgrave Macmillan. 686 p.
- Fox K., 2004. *Watching the English. The hidden rules of English behavior*. London, Hodder. 424 p.
- Gabrielatos C., 2018. Keyness analysis: nature, metrics and techniques. Taylor Ch., Marchi A. (eds.) *Corpus Approaches to Discourse*. Oxford, Routledge, pp. 225-258.
- Jovanović V. Ž., Pavlović V., 2014. The use of question tags with male and female speakers of English and Serbian. S. Gudurić, M. Stefanović. (eds.) *Jezici i kulture u vremenu i prostoru III. Chapter: XLVI*. Filozofski fakultet Univerzitet u Novom Sadu. pp. 491-504. URL: <https://www.researchgate.net/publication/298214908> (accessed 22 April 2018).
- Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A., 2016. Diachronic Perspective in Text and Discourse Studies: Review of Approaches. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 4, pp. 18-25. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.2>.
- Lakoff R., 1972. *The Pragmatics of Modality. Papers from the Eighth Regional Meeting*. Chicago, Chicago Linguistic Society, pp. 229-246.
- Lakoff R., 1975. *Language and Woman's Place*. New York, Harper and Row. 328 p.
- McEnery T., Hardy A., 2011. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge, Cambridge University Press. 301 p.
- Partington A., 2010. Modern diachronic corpus-assisted discourse studies on UK newspapers: an overview of the project. *Corpora*, vol. 5, iss. 2, pp. 83-108.
- Pearson J.C., West R., Turner L.H., 2005. *Gender and Communication*. New York, McGraw-Hill. 285 p.

- Plotnikova S. N., 2013. Cognitive Scenario of Discourse of Deception // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, vol. 6, no. 4, pp. 589-602.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J., et al., 1985. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London, Longman. 1779 p.
- Spencer-Oatey H., 2000. Rapport management: a framework for analysis. *Culturally Speaking: Managing Rapport Through Talk Across Cultures*. London; New York, Continuum, pp. 11-46.
- Stubbs M., 1983. *Discourse analysis: The sociolinguistic analysis of natural language*. Chicago, The University of Chicago Press. 279 p.
- Weiss S., 2015. *4 verbal habits of women that don't mean what you think they do, because the policing of women's language needs to stop*. URL: <https://www.bustle.com/articles/117516-4-verbalhabits-of-women-that-dont-mean-what-you-think-they-do-because-the-policing> (accessed 7 March 2018).
- Yang Y., 2013. Exploring linguistic and cultural variations in the use of hedges in English and Chinese scientific discourse. *Journal of Pragmatics*, vol. 50 (1), pp. 23-36. DOI: 10.1016/j.pragma.2013.01.008.
- Yule G., 2006. *The study of language: An introduction*. Cambridge, Cambridge University Press. 273 p.

Information about the Authors

Elena Yu. Ilyinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of English Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, ilynov@volsu.ru, english_philolog@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

Larisa A. Kochetova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of Department of English Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, kochetova@volsu.ru, english_philolog@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

Информация об авторах

Елена Юрьевна Ильинова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ilynov@volsu.ru, english_philolog@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3310-4020>

Лариса Анатольевна Кочетова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, kochetova@volsu.ru, english_philolog@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5278-7373>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.5>

UDC 811.111:008
LBC 81.432.1-006

Submitted: 13.05.2018
Accepted: 11.06.2018

RUSSIAN-CULTURE-ORIENTED DISCOURSE OF ENGLISH: PROSPECTS OF CORPUS RESEARCH

Elena V. Beloglazova

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Viktor V. Kabakchi

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The present paper deals with the processes defining the development of the English language as a means of international communication in the era of *globanglization*, i.e. the establishment of English as the global lingua franca. The spreading practice of applying the language to external cultures predetermines the need of adapting it to new situations and tasks. The above said adaptation results in the emergence of variants of English of international communication, characterized by secondary cultural orientation. One of these variants is the English, oriented towards the Russian culture, which is the result of the adaptation of English to the tasks of dealing learning with external culture.

The research highlighted here focuses on the Russian-culture-oriented discourse, aiming at identifying its markers – xenonymic Russianisms - on lexical, syntactic and stylistic levels. Apart from most evident cultural terms, Russianisms may take the form of literary allusions and quotations, proverbs and idioms, rhetorical and cognitive patterns. Thus, the formation of foreign-culture-oriented English is viewed in the light of expanding the language expressive potential, its development and enrichment.

The research is based on a complex methodology, combining traditional methods of linguistic analysis with corpus technologies aimed at verifying the hypotheses and reducing the subjectivism. For example, applying national corpora allows revealing the place of the Russian-culture-oriented discourse under study within the general discursive space of the English language by identifying the frequency and the mode of functioning of its markers, in particular in different national variants of the English language, and possibly in the evolutionary aspect.

Key words: culturonym, linguoculture, external linguocultural context, cultural orientation, primary cultural orientation, secondary cultural orientation, language of secondary cultural orientation, corpus linguistics.

Citation. Beloglazova E.V., Kabakchi V.V. Russian-Culture-Oriented Discourse of English: Prospects of Corpus Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 49-59. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.5>

УДК 811.111:008
ББК 81.432.1-006

Дата поступления статьи: 13.05.2018
Дата принятия статьи: 11.06.2018

ДИСКУРС АНГЛОЯЗЫЧНОГО ОПИСАНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Елена Владимировна Белоглазова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Виктор Владимирович Кабакчи

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, определяющие развитие английского языка международного общения на этапе «глобанглизации» – установления английского языка в роли глобальной lingua

franca. Распространяющаяся практика использования языка во вторичной культурной ориентации предопределяет необходимость его адаптации к новым ситуациям и задачам, результатом которой являются варианты английского языка международного общения, ориентированные на разные культуры. Один из таких вариантов обращен к русской культуре, что обусловило выбор его в качестве объекта исследования.

В статье выявляется специфика дискурса англоязычного описания русской культуры как результат адаптации английского языка при его вторичной культурной ориентации. Протекающие в нем процессы рассматриваются в свете расширения его выразительных возможностей, развития и обогащения. В основе исследования лежит комплексная методика, сочетающая классические лингвистические инструменты анализа с корпусными технологиями, которые служат для верификации выдвигаемых гипотез и преодоления субъективизма анализа.

Работа с национальными корпусами позволяет оценить место изучаемого дискурса в общем дискурсивном пространстве современного английского языка путем отслеживания частотности и функционирования его суперструктурных маркеров, в том числе в разных национальных вариантах английского языка и диахроническом аспекте.

Ключевые слова: культуроним, лингвокультура, инолингвокультурный контекст, культурная ориентация, первичная культурная ориентация, вторичная культурная ориентация, язык вторичной культурной ориентации, корпусная лингвистика.

Цитирование. Белоглазова Е. В., Кабакчи В. В. Дискурс англоязычного описания русской культуры: перспективы корпусного исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 49–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.5>

Введение

Язык, если он естественный, существует в тесной связи с исторически обслуживаемой им культурой, образуя с ней диалектическое единство – *лингвокультуру* – и выступая в качестве семиотической «надстройки» над ее «фундаментом».

Тесная связь, можно даже сказать двуединство, воплощается в специфичности языка, значительная часть лексикона в котором является культурно отмеченной, то есть в нем вырабатывается специальная номенклатура – *культуронимы*.

Вместе с тем ни один язык, менее всего международный, не может замыкаться исключительно на своей родной культуре и вынужден обращаться к другим. Таким образом, относительно любого языка представляется возможным говорить о *внутренней культуре* – той, к которой он обращен изначально, то есть о его *первичной культурной ориентации*, и о *внешних* для него культурах, с которыми его связывает *вторичная культурная ориентация*.

В статье предпринята попытка выявить, каким образом обращение к внешней культуре влияет на язык описания, а также к каким средствам прибегает язык для описания того, что в нем не имеет даже названия.

Методика

Объектом предпринятого исследования является дискурс англоязычного описания русской культуры – особая функциональная разновидность английского языка международного общения, специфику которой предопределяет ее вторичная культурная ориентация.

В основе изучения лежит разработанный В.В. Кабакчи метод опосредованного наблюдения и экстраполяции, который фактически является разновидностью сравнительно-сопоставительного метода [Кабакчи, 2007]. Алгоритм исследования включает следующие этапы:

- 1) отбор корпуса аутентичных текстов англоязычного описания русской культуры;
- 2) анализ этого материала (в широком смысле слова), направленный на выявление средств вербализации внешнекультурных реалий – *ксенонимов*;
- 3) когнитивно-семантический анализ ксенонимов в соотношении с лежащими в основе их появления фактами исходной лингвокультуры – *идионимами*;
- 4) дискурсивный анализ текстового корпуса.

Традиционные методы лингвистического анализа, перечисленные выше, дополняются корпусными, которые выступают «надежными инструментами верификации гипотез, преодолевая субъективизм интерпретативных

качественных методов, основанных на интуиции» [Ильинова, Кочетова, 2017, с. 48–49].

Эффективность корпусного подхода проявляется, по мнению Е.Е. Голубковой, в установлении частотности использования языковых единиц и определении прототипического значения как на уровне слов, так и на уровне морфем [Голубкова, 2012, с. 93, 96]. Этим и обусловлено использование корпусных методов в нашем исследовании.

Инолингвокультурный контекст в дискурсе англоязычного описания русской культуры

Описание иноязычной культуры неизбежно включает элементы инолингвокультуры, которые мы называем *инолингвокультурным контекстом*. Он характеризуется введением в текст на языке описания при его вторичной культурной ориентации языковых реалий внешней культуры.

В приведенном ниже фрагменте инолингвокультурный контекст (здесь и далее выделено нами. – Е. Б., В. К.) представлен значительным количеством элементов, которые имеют в нем большую смысловую нагрузку:

(1) Second, unofficial literature written within the **Soviet Union** came to include works circulated illegal in typewritten copies (**samizdat**), works smuggled abroad for publication (**tamizdat**), and works written “**for the drawer**”, or not published until decades after they were written (“**delayed**” literature) (Encyclopedia Britannica: Soviet Literature: Tamizdat).

Вкрапления инолингвокультурного контекста могут быть более или менее заметными. Например, если транслитерированное заимствование культуронима (см. в примере выше *tamizdat* и *samizdat*) является очевидно чужеродным и относится к внешней лингвокультуре, то кальки (“*for the drawer*” и “*delayed literature*”) читатель может попытаться проинтерпретировать в рамках внутренней лингвокультуры. Поскольку калькирование строится на комбинировании имеющихся в языке морфем, заимствование-калька является осмысленным в рамках языка описания и может соотноситься с фактом внутренней культуры. Эта возможность ложной культурной атрибуции заставляет авторов текстов

вторичной культурной ориентации вводить дополнительные средства остранения – в приведенном примере этой цели служат кавычки.

Таким образом, элементы инолингвокультурного контекста не только неизбежны при иноязычном описании культуры и служат для ее адекватного описания, но также являются частью стратегии порождения текста вторичной культурной ориентации. Эта стратегия направлена на дистанцирование от первичной культурной ориентации за счет дифференциации языковых средств, используемых для описания внутренней и внешней культуры.

Изменчивость инолингвокультурного контекста в дискурсе англоязычного описания русской культуры

Граница между элементами инолингвокультурного контекста и собственной лексикой языка описания может быть размытой. Поскольку контакт языков и их взаимопроникновение как неизбежное следствие этого контакта – естественный путь развития языков, синхронный срез лексики любого языка будет содержать следы взаимопроникновений в виде элементов инолингвокультурного контекста. При этом с течением времени эффект чужеродности в них может сглаживаться или вовсе утрачиваться в процессе ассимиляции ксенонимов.

Рассмотрим следующий пример:

(2) «Czars»

October revolutions just ain't what they used to be

It was 92 years, almost to the day, since the **Bolsheviks** stormed the **Winter Palace**. Sens. Joe Lieberman (I-Conn.) and Susan Collins (R- Maine), as fine a duo as **Lenin** and **Trotsky**, presided over the Senate Homeland Security and Governmental Affairs Committee, which for a couple of hours Thursday morning seemed more like the **Council of People's Commissars** (Washington Post, October 23, 2009).

Статья посвящена американским внутриполитическим проблемам и адресована сугубо американскому читателю, то есть ее нельзя охарактеризовать как текст иноязычного описания русской культуры. Тем не менее фрагмент изобилует культуронимами-русизмами (*Czars*, *Council of People's*

Commissars, Lenin, Trotsky, Bolsheviks, Winter Palace), введенными в него на правах единиц словаря английского языка.

В этом ряду примечателен русизм *czar*. Исходный культуроним *царь* раздвоился в английском языке на *tsar* и *czar*, первое слово типично для британского варианта языка, второе – для американского. Несмотря на то, что эти единицы встречаются в обоих стандартах английского языка, отмеченный выше семантический сдвиг (ассимиляция) наблюдается регулярно только у лексемы *czar* и только в американском варианте.

Например, в British National Corpus *czar* встречается 40 раз и единственным аномальным для него сочетанием является “*decency czar*”; причем на аномальность указывает графическое выделение словосочетания кавычками (BNC: *czar*). Лексема *tsar*, как мы отметили, типична для британского английского. Она встречается 580 раз, преимущественно в прямом значении русизма с типичной коллокацией *last, crowned, reign*. Контекст, когда рассматриваемое слово выражает то же значение, что и в (2), единичен: в нем словом *tsar* назван некто William Bennett, «бушующий» (*thundered*) перед Конгрессом при обсуждении темы наркотиков (BNC: *tsar*).

В корпусе американского английского языка обе рассматриваемые нами лексемы характеризуются более высокой частотностью. Однако если *tsar* традиционно используется в значении, отражающем российские реалии, сочетаясь с *Russian, last, under, reign* и т. п. (COCA: *tsar*), то *czar* регулярно употребляется в нетипичных контекстах. На семантический сдвиг указывают коллокаты, список которых открывают *drug* (252), *new* (64), *former* (38), *car* (36), *house* (30), *AIDS* (28), и лишь на седьмом месте находится *Russian* (27) (COCA: *czar*). В отличие от первичного культуронима, чаще всего встречающегося в конструкции «*tsar* + имя собств.» (напр. *Tsar Alexander*), вторичный является частью конструкции «имя нариц. + *tsar*», в которой существительное в препозиции номинирует сферу деятельности референта.

Отметим, что вне связи с исходной лингвокультурой могут использоваться не только ксенонимы-русизмы, но и ксенонимы из других языков, например, японизмы:

(3) Do not open your **kimono** about your personal life, because people will take advantage of your weaknesses (COCA: *kimono*).

В данном случае выражение *to open one's kimono* означает «раскрывать личные сведения». Оно стало широко использоваться в деловом дискурсе в значении «раскрытие внутрикорпоративной информации потенциальному партнеру».

Приведенные примеры позволяют сделать важное наблюдение: лексикон современного английского языка неоднороден и содержит следы инолингвокультурных контекстов всех тех языков, с которыми он вступал во взаимодействие на протяжении своей долгой истории, что особенно заметно в лексико-семантических полях «история» (*tsar / czar, boyar, Decembrist*); «география» (*steppe, Siberia, chernozyom / black earth*); «религия» (*starets, yurodiviy, domovoy*); «литература» (*Anna Karenina, Chekhov, Chechovian, «Dead Souls»*); «искусство» («*Swan Lake*», *the Mighty Handful / the Russian Five / the Mighty Five, the Bolshoi (Theatre)*); «кулинария» (*pelmeni, blini, borsch*); «быт» (*propiska, palaty, tapochki*). Указанную генеалогическую неоднородность английского лексикона наглядно иллюстрирует словарь тезаурусного формата.

В качестве иллюстрации рассмотрим лексико-семантическое поле HOUSE, как оно представлено в словаре-тезаурусе (Roget's International Thesaurus..., 1922). Это поле включает большое количество ксенонимов различного происхождения. Причем, во-первых, некоторые из этих культуронимов приведены обычным прямым шрифтом, а некоторые – курсивом, во-вторых, какие-то из них снабжены пометой об их лингвокультурно-источнике, а какие-то – нет.

Очевидно, отдельные из приведенных в словаре культуронимы уже настолько ассимилировались, что автор словаря посчитал возможным не указывать их происхождения. Такие слова не имеют ни графического выделения курсивом, ни специальных помет: *harem, seraglio, zenana, wigwam, jacal, tepee, topek, dorp, ghetto, piazza, plaza, khan, villa*.

Некоторые ксенонимы еще не утратили связи с исходной лингвокультурой, хотя воспринимаются как полноценные элементы ан-

глийского словаря: *hacienda* [Sp. Amer.], *chummy* [esp. Anglo-Indian], *kraal* [S. Africa], *rancho* [Sp. Amer.], *dak bungalow* [India], *shebeen* [Irish and Scot.], *the Hills* [India]. В тезаурусе они графически не выделены, но сопровождаются сведениями о происхождении. В ряде случаев составитель не уверен в статусе конкретного ксенонима и приводит сразу два варианта его представления: *chalet* or *chalet* [F.], *igloo* or *iglu* [Eskimo], *bustee* or *basti* [Hind.].

Культуронимы наибольшей степени экзотичности даются в тезаурусе курсивом, указывающим на их чужеродность, в сочетании с маркировкой их происхождения: *posada* [Sp.], *lares et penates* [L.], *dulce domum* [L.], *kala jagah* [Hind.], *chalet* [F.], *rus in urbe* [L.], *casa* [Sp., Pg. and It.], *Château* [F.], *alameda* [Sp.], *place* [F.], *estaminet* [F.].

Словарь языка в целом и инолингвокультурный пласт в частности подвижны. Изменения культуронимов связаны с состоянием конкретного языка, на которое влияют такие факторы, как международная ситуация, экономическое и культурное развитие общества, географическая близость к другим языкам и т. д.

Особенно нестабильной является последняя из указанных выше групп, воспринимаемая как экзотизмы и тесно связанная с исходной лингвокультурой. Из одиннадцати культуронимов этого статуса, приведенных в тезаурусе, век спустя актуальны только три: *estaminet*, *casa*, *château*. Актуальность *estaminet* весьма условна, поскольку в British National Corpus это слово встречается лишь три раза, причем только в декоративной функции.

Согласно British National Corpus ксеноним *casa* использован в 47 различных текстах, преимущественно в составе имен собственных (*Casa de Las Conchas*, *la Casa de la Vall*), грамматическая структура которых свидетельствует о том, что слово *casa* полностью не ассимилировано и семантически непрозрачно. Поэтому оно в ряде случаев дублируется калькой:

(4) Ahead of you as you walk along the length of the piazza is the **Casa del Manzoni**, **Manzoni's house** (BNC: casa).

Ксеноним *château* оказался более частотным (246 употреблений в 63 различных текстах),

и анализ контекстов, в которых он встречается, показывает, что этот культуроним постепенно утрачивает связь с исходной лингвокультурой, а также меняет свое значение:

(5) 'It was a mere **chateau** in the Italian style of architecture,' wrote Osbaldeston of Ebberston, 'and not large enough for us; but we took it (BNC: chateau).

Из приведенного фрагмента явствует, что вопреки данным словарей, фиксирующих значение «a castle or large country house in France» (LDCE: chateau), сегодня для англоговорящего *château* не обязательно замок, французский, большой, великолепный.

В более стабильной категории ассимилировавшихся инолингвокультурных заимствований также произошли заметные изменения:

– некоторые культуронимы настолько продвинулись к ядру лексикона, что легли в основу новообразований: ср. *garage* + *bungalow* = *garalow*;

– часть их отодвинулась ближе к периферии английского словаря; об этом свидетельствует их низкая частотность и слабая семантическая прозрачность (ср. *zenana*, *seraglio*);

– ряд культуронимов-заимствований вышел из употребления (*ingleside*, *jacal*, *topek*, *bustee* or *basti*, *dorp*, *khan*).

Помимо отмеченных изменений, лексико-семантическое поле HOUSE в современном английском языке обогатилось заимствованиями, не отмеченными в словаре начала XX в.: *palazzo* (356 вхождений в BNC), *dacha* (45 вхождений в BNC), *yurt* (30 вхождений в BNC), *lavvu* (8 вхождений в BNC).

В рассматриваемом лексико-семантическом поле можно отметить увеличение употребительности ксенонимов-русизмов. Например, в BNC, фиксирующем данные не позднее конца XX в., русизм *dacha* встречался 45 раз, то в его американском аналоге – COCA, отражающем новейшие тенденции в языке, отмечено 286 его употреблений.

Маркеры

инолингвокультурного контекста в дискурсе англоязычного описания русской культуры

Инолингвокультурный контекст может быть представлен не только отдельными сло-

вами, что показано в предыдущих разделах, но и другими языковыми единицами, прежде всего, *идиоматикой*. Фразеологизмы, пословицы, поговорки отличаются компактностью, яркостью, эмоциональной насыщенностью и ярко выраженным национальным колоритом [Кунин, 1964, с. 3], что делает их незаменимыми при описании культуры.

Фразеологизмы активно используют авторы путеводителей, публицистических и художественных произведений:

(6) Being curious can get you into trouble. We often tell people this in an attempt to warn someone not to ask too many questions about a certain topic, or to stop prying into the affairs of somebody else. However, Russians have a very different way of portraying the same meaning. “**Lyubopytnoi Varvare na bazare nos otorvali**”. The translation of this peculiar turn of phrase is ‘**Nosy Barbara had her nose torn off at the market**’, referring to the way in which being intrusive and nosy will only result in an unpleasant situation for you. In other words, as the proverb goes in English, ‘curiosity killed the cat’ (St. Petersburg in Your Pocket, February-March, 2015, p. 59).

(7) As a Russian proverb puts it, “**You never value what you have until you lose it**” (Time, 06.01.1992).

(8) Reagan ... bubbled his favourite Russian phrase, ‘**Trust but verify**’ ... (Time, 19.12.1990).

(9) ... illustrating it by the proverb, ‘**He wishes to climb the fir tree but is afraid to scrape his shins**’ (Nabokov V. Pnin).

Как показывают приведенные примеры, наиболее распространенным способом введения фразеологизма является калькирование, обычно сопровождающееся вводным оборотом, настраивающим читателя на восприятие чужеродной идиоматики (*as a Russian proverb puts it ...; his favourite Russian phrase; consider the wise Russian saying* и т. п.).

Отсутствие подобного указания может затруднить восприятие текста и / или исказить его смысл. Например:

(10) ‘Go? Where?’ – ‘Whither, dear Eleanor, the Tsar himself’s obliged to foot it,’ he intoned, accelerating rapidly for the glass door (Lear J. Death in Leningrad).

Фраза *Tsar himself’s obliged to foot it* не всеми может быть опознана как калька русского выражения «туда, куда сам царь пешком ходит».

В нашем материале имеются примеры, в которых англоязычные авторы используют русские пословицы при описании «своей» действительности. Например, размышляя в апреле 2008 г. о том, что президенту Бушу-младшему еще восемь месяцев управлять страной, журналист вспоминает русскую пословицу о рыбе, которая гниет с головы:

(11) ...consider the wise Russian saying, “The fish rots from the head.” For another eight months, America will be guided by one of the stupidest fish heads ever washed up by the Potomac (Teeter M.H. The St. Petersburg. Times, 01.04.2008).

Говоря о возможности переноса русских пословиц на англоязычную почву, следует учитывать и экстралингвистические факторы, в том числе требование политической корректности. В группе риска оказываются собственно уничижительные наименования этносов, а также идиомы, которые могут задеть те или иные меньшинства, например *незванный гость хуже татарина* или *горбатого могила исправит*. В русском языке эти выражения не являются оскорбительными, поскольку в результате лежащего в основе фразеологизации процесса семантического опрощения элементы фразеологизмов утрачивают прямые значения. Однако в переводе эти значения оживают, делая выражения неприемлемыми с точки зрения современной этики, что не всегда учитывается в англоязычных описаниях русской культуры:

(12) Not for Mom the old Russian adage «**An uninvited guest is worse than an invading Tatar**» (Bremzen A. Mastering the Art of Soviet Cooking).

(13) Khrushchev once turned on Neizvestny and exclaimed, “**Only death will cure the hunchback!**” (Salisbury H.I. The Soviet Union: The Fifty Years).

При включении в текст иноязычной идиомы следует также учитывать специфику ее подтекста. Так, в русском языке выражение *черного кобеля не отмоешь до бела* не имеет расистского или шовинистского подтекста, а его калька на английский язык в новом лингвокультурном окружении приобретает его.

Введение в иноязычный текст пословиц, содержащих неперебиваемые идиомы (*Взялся за гуж – не говори, что не дюж!*; *За семь верст киселя хлебать* и др.) в целом неце-

лесообразно, поскольку потребует пояснений, нивелирующих стилистический эффект. Кроме того, нежелательно и калькирование пословицы, особенно в тех случаях, когда буквальный перевод искажает оригинал (достаточно вспомнить хрущевскую *кузькину мать*, которую безуспешно пытались опознать западные переводчики). Приводимая ниже калька русской идиомы *на ней / нем нет лица*, которая встречается в англоязычном романе В. Набокова – пограничный случай (впрочем, нередкий у этого автора) и скорее воспринимается как художественный прием:

(14) “**On her there was no face,**” as Russians say to describe an expression of utter dejection (Nabokov V. Ada).

Инолингвокультурный контекст возможно ввести и посредством локализации идиом языка описания:

(14) take care of the pence and the pounds will take care of themselves → take care of the **копец**, and the **rubles** will take care of themselves (Carr J. A Northern Summer).

Этот прием, эффективно создающий местный колорит и минимально затрудняющий восприятие текста, оказался достаточно востребованным в различных жанрах иноязычного описания русской культуры. При этом локализации подвергаются общеизвестные фразеологизмы, из которых предпочтение отдается фразеологическим сращениям и единствам, а подстановка в них ксенонима порождает еще и ярко выраженный юмористический эффект:

(15) to keep up with the Joneses → Or perhaps the owners ... had built a garage to keep up with the Brezhnev (Newby E. Big Red Train Ride);

(16) to rob Peter to pay Paul → Robbing Pyotr to pay Pavel: the working generation is being called upon to plug the fiscal hole in the Russian pension system (www.israelnationalnews.com, 20.04.2018);

(17) to out-herod Herod → If that happened, pundits would surely argue that he [Trump] was trying to out-Putin Putin (https://www.salon.com, 18.01.2017).

Помимо фразеологизмов, инолингвокультурный контекст может быть представлен и другими *прецедентными текстами* русской культуры:

а) песнями:

(18) ‘**Shiroka strana moya rodnaya**’ (‘O vast is my country!’), the people are singing (Bremzen A. Mastering the Art of Soviet Cooking);

б) кинофильмами:

(19) **Circus**, a Hollywood-style musical comedy (Bremzen A. Mastering the Art of Soviet Cooking);

в) произведениями художественной литературы:

(20) ‘Did you remember to stop by the house on Povarskaya Street where Natasha from *War and Peace* lived?’ (Bremzen A. Mastering the Art of Soviet Cooking).

При этом можно отметить складывающийся корпус прецедентных текстов, значимых для описания русской культуры. Частотны в нем произведения А.П. Чехова:

(21) “**To Moscow, to Moscow, to Moscow!**” said Nick, reciting Chekhov (Wilson M. Meeting at a Far Meridian);

(22) “Huddled on our bony refugee sofa I read **Chekhov’s Three Sister’s** and whimpered along with the characters: ‘**To Moscow ... to Moscow**’ ” (Bremzen A. Mastering the Art of Soviet Cooking);

(23) “**To Moscow, to Moscow!**” – this has always been the yearning phrase proclaimed by characters in novels by **Anton Chekhov**. “**To Moscow!**”, they say full of longing because life is supposedly better in Moscow, where they anticipated work and opportunity. But in the end, they never go to Moscow. In June 2016 I, too, told myself: “**To Moscow!**” but with one difference – I actually went! (Ludwig A. https://culturalvistas.org).

В этот корпус также входит литературное наследие Л.Н. Толстого, хотя и в существенно усеченном объеме. Так, весьма остроумен «твит» Мэтью Иглесиаса, в котором «русская политическая тема» репрезентирована литературной аллюзией – вполне узнаваемой цитатой из романа «Анна Каренина» *Все смешалось в доме Облонских*:

(24) All was confusion in the house of the Trumps (Yglesias M., https://twitter.com/mattyglesias).

Однако, как отмечает Г.С. Морсон, одной из самых цитируемых в мировой литературе является фраза *Все счастливые семьи*

похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему, открывающая роман [Morson, 2007, с. 35]. Она включена в паремиологические словари, многочисленные сборники цитат и афоризмов:

(25) All happy families resemble one another, each unhappy family is unhappy in its own way (The Yale Book of Quotations, 2006, p. 766; The Oxford Dictionary of Quotations 1999, p. 779).

Встречается эта цитата и в произведениях аутентичной англоязычной художественной литературы:

(26) He laughed again, and this time Elaynora joined him. "Happy families are all alike," she said. Jack finished the Anna Karenina line. "Unhappy families are each unhappy in their own way" (Pollack R. The Fissure King).

Убедительным доказательством закрепления этой цитаты в мировой культуре являются ее обыгрывания и трансформации, подразумевающие уверенность автора в узнаваемости цитаты массовым читателем:

(27) Meetings. To twist an old statement, all happy meetings are like one another, every unhappy meeting is unhappy in its own fashion (Snow C.P. The Sleep of Reason).

Примечателен также пример использования данной цитаты как метафоры, поясняющей различия в вычислении уравнений обыкновенных разностных и частных производных:

(28) Ordinary differential equations are a happy family; perhaps they do not resemble each other but, at the very least, we can write them in a single overarching form $y' = f(t,y)$ and treat them by a relatively small compendium of computational techniques. (True, upon closer examination, even ODEs are not all the same <...>. How many happy families will survive the deconstructing attention of a mathematician?) (Iserles, 2009, p. 139).

Знаменитое высказывание Л.Н. Толстого послужило толчком для рассуждений Р. Элиора о социальной природе женщин:

(29) At all times and in all communities, happy women have resembled one another in that freedom of choice <...> were available to them to a greater or lesser degree (Elior, 2008, p. 14).

Оно легло в основу «принципа Анны Карениной» (*Anna Karenina principle*), заключающегося в том, что в любой сфере жизнедеятельности к неудаче ведет огромное разнообразие факторов и причин, успех же возможен лишь в одном случае, а именно: если удалось избежать всех возможных многочисленных рисков [Bornmann, Werner, 2012].

Прецедентным в мировой культуре стало и имя *Анна Каренина*, несущее широкий спектр смыслов-ассоциаций: «саморазрушающая страсть», «трагедия», «плохая мать». Например:

(30) I didn't relay any messy **Anna Karenina** details; I just said, after turning off my phone: "Your mother has kind of a headache this morning, so she is going to lie down for a bit (COCA: Karenina);

(31) The girl had a small dark face surrounded by a fur hat from which her gold eyes looked out. I thought of **Anna Karenina** at the railway station; her first appearance there and the last, because her end was foreshadowed in the beginning (COCA: Karenina);

(32) "Aren't you overdoing the **Anna Karenina** act just a bit?" (COCA: Karenina).

Другие имена из того же романа используются в качестве прецедентных гораздо реже:

(33) "Felix? Darling, is that you? Door's open! Is **Karenin** out there? Bring the bastard in" (Smith Z. NW);

(34) **Karenin** was on the mat. Felix gathered him sloppily into his arms. The cat's huge weight kept displacing itself: it wasn't possible to hold up its backside, belly and neck at the same time, something always fell through the gap. He whispered into its ear – "All right, K" – and stepped inside (Smith Z. NW).

Они обычно выступают лишь в качестве дополнения к имени *Анна Каренина* и не функционируют как автономная аллюзия:

(35) Not since Lydia Bennet eloped with Mr. Wickham, not since **Anna Karenina** ran off with **Count Vronsky**, has such a hue and cry been heard about purloined affections (COCA: Karenina);

(36) Despite what I'd imagined, she was in her mid-thirties, and the light summer dress she was wearing made her look even younger. <...> A sort of **Anna Karenina**, but without **Vronsky** or the screech of carriage wheels (COCA: Karenina).

Среди других прецедентных имен из произведений русской классики можно отметить следующие:

Обломов:

(37) ... for her I was another **Obломov**, another lout (COCA: Oblomov);

(38) The radio announcers, however, were used to filling dead air in any circumstance, albeit with a languor that would have been the envy of **Obломov** (COCA: Oblomov);

Раскольников:

(39) Approaching a darkened doorway, she felt like **Rodion Raskolnikov** skulking through shadows after the murder of an elderly pawnbroker... or **Anna Karenina**, determining in a moment of desperation to fling herself beneath the carriage of an onrushing train (COCA: Raskolnikov);

(40) I like how it addresses us as potential criminals who roll out of bed each morning feeling like **Raskolnikov** (COCA: Raskolnikov);

Карамазов:

(41) It's hard to witness, kids being sick, kids with mitochondrial disorder, kids being brave, et cetera. I feel like **Ivan Karamazov** or somebody like that. See how fat I'm getting? (COCA: Karamazov);

(42) A Dostoevsky-like aura surrounds one episode of the movie. Sounding very much like **Ivan Karamazov** in *The Brothers Karamazov*, Mickey asks a member of his family, "If there is a God, why is there so much evil?" (COCA: Karamazov).

Англоязычные авторы, создавая инолингвокультурный контекст пытаются вербально имитировать *когнитивные структуры*, специфичные для русского менталитета. Так, в следующих примерах авторы вводят образы, основанные на специфически русских сравнениях – гастрономических и политических:

(43) In the evenings, she strolled down the Neva embankment, its austere neoclassical **buildings the color of cucumber flesh, omelet batter, sour-creamed borsch** (Melnik K. *Snow in May*);

(44) **Bushy Brezhnevian eyebrows** were overtaking his forehead. A small island of hair, still blond, was moored at the geographical center of his pate (Shteingart G. *The Russian Debutante's Handbook*).

Имитироваться может как когнитивная, так и поверхностная структура высказывания. В последнем случае мы имеем синтаксическое уподобление, также отсылающее читателя к внешней лингвокультуре:

(45) "I'm under observation as we speak," said Mr. Rybakov, peering under Vladimir's desk (Shteingart G. *The Russian Debutante's Handbook*).

Инолингвокультурный контекст может имитировать «чужой» дискурс. Примечателен пример, в котором реплика, открывающая рассказ, «погружает» читателя в советское дискурсивное пространство, известное своей категоричностью, прямолинейностью и пренебрежением к принципам кооперативного общения.

(46) "**Grazhdanka**, it's forbidden to sit here. Follow me" (Melnik K. *Love, Italian Style, or in Line for Bananas*).

Категорический императив здесь вложен в уста представителя власти. Аналогична риторика персонажа П. Саймонс:

(47) "Tania, be quiet and sit down," Papa ordered his daughter. "It's about to begin. Irina, you, too. Sit" (Simons P. *The Bronze Horseman*).

Как видно из приведенного обзора, инолингвокультурный контекст может вербализоваться широким спектром средств, варьируясь в своей прозрачности для инокультурного читателя и выполняя в нарративе разные функции (культурологическую, стилистическую, эзотерическую и др.).

Заключение

и перспективы исследования

В контексте глобализации, в том числе «глобанглизации», то есть установления английского языка в роли глобальной *lingua franca*, повсеместно наблюдается переход с родного языка на язык-посредник: на английском общаются между собой бизнесмены, ученые, туристы; на нем пишут новости и инокультурную художественную литературу. Это привело не только к изменению значимости и представительности практики англоязычного описания внешней культуры, но и к его перестройке, вызванной такими факторами, как (1) большая частотность соответствующих дискурсивных событий, выступающих прецедентами и способствующих выработке единых принципов дискурсивного поведения, и (2) перемены в общемировой дискурсивной ситуации, отличительной чертой которой является противоборство тенденций к унификации и

упрощению средств коммуникации, с одной стороны, и к сохранению уникальности и идентификации дискурсивных сообществ, с другой. Таким образом, ранее относительно разрозненные и немногочисленные тексты вторичной культурной ориентации сегодня обретают черты единого дискурса, цементируемого как содержательно-тематическим стержнем, так и определенными дискурсивными стратегиями.

На этом этапе представляется оправданным введение в исследовательскую программу интерлингвокультурологии корпусных технологий. Корпусная методика жанрово-дискурсивных исследований апробирована в ряде работ [Ильинова, Кочетова, 2017; Колокольникова, 2010] и, несомненно, позволит не только верифицировать накопленные данные, но и получить новые результаты.

Так, работа с национальными корпусами позволяет оценить место исследуемого дискурса в общем дискурсивном пространстве современного английского языка путем отслеживания частотности и функционирования его суперструктурных маркеров, что показывает проведенное исследование лексико-семантического поля HOUSE. Возможности современных национальных корпусов также позволяют сравнить функционирование инолингвокультурных маркеров в разных национальных вариантах английского языка, различающихся как внутриязыковыми тенденциями, так и идеолого-политическим фоном, что иллюстрирует развитие русизма *czar / tsar* в британском и американском стандартах английского языка.

К перспективам исследования следует отнести создание корпуса текстов англоязычного описания русской культуры для системного изучения специфики данного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубкова Е. Е., 2012. Дискурсивная составляющая в исследованиях по когнитивной семантике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 638. С. 90–98.
- Ильинова Е. Ю., Кочетова Л. А., 2017. Динамика репрезентации процессуальной составляющей спортивного события в диахроническом корпусе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 2. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.5>.
- Кабакчи В. В., 2007. Типология текста иноязычного описания культуры и инолингвокультурный субстрат // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ. С. 51–70.
- Колокольникова М. Ю., 2010. Дискурс-анализ и корпусный анализ в исследованиях в области исторической дискурсологии // Известия Саратовского университета. Серия. Филология. Журналистика. Т. 10, вып. 2. С. 3–6.
- Кунин А. В., 1964. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре // Тетради переводчика. Вып. 2. М. : Междунар. отношения. С. 3–20.
- Bornmann L., Werner M., 2012. The Anna Karenina principle: A way of thinking about success in science // Journal of the American Society for Information Science and Technology. Vol. 63, № 10. P. 2037–2051.
- Morson G. S., 2007. Anna Karenina in Our Time: Seeing More Wisely. New Haven ; London : Yale univ. press, cop. 263 p.
- ИСТОЧНИКИ**
- BNC – British National Corpus. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed 7 March 2018)
- Carr J., 1806. A Northern Summer; or Travels round the Baltic, through Denmark, Sweden, Russia, Prussia, and part of Germany, in the year 1804. Glasgow : D. M'Kenzie. 300 p.
- COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (accessed 7 March 2018)
- Elior R., 2008. Dybbuks and Jewish Women in Social History, Mysticism and Folklore. Jerusalem ; New York : Urim Publications. 125 p.
- Iserles A., 2009. A First Course in the Numerical Analysis of Differential Equations. Cambridge University Press. 459 p.
- LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com> (accessed 7 March 2018)
- Roget's International Thesaurus of English Words and Phrases / ed. by C. O. S. Mawson. New York : Thomas Y. Crowell, 1922. URL: www.bartleby.com/110/ (accessed 7 March 2018)
- The Oxford Dictionary of Quotations / ed. by E. M. Knowles. Oxford University Press, 1999. 1136 p.
- The Yale Book of Quotations / ed. by F. R. Shapiro. Yale University Press, 2006. 1067 p.

REFERENCES

- Golubkova E.E., 2012. Discourse component in cognitive semantic research. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [MSLU Bulletin: the Humanities], no. 638, pp. 90-98.
- Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A., 2017. Dynamics of process constituent representation of a sport event in diachronic corpus. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 47-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.5>.
- Kabakchi V.V., 2007. Typology of foreign-culture-oriented texts and foreign-culture substrate. *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy* [Text Linguistics and Discourse Analysis: Traditions and Prospects]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGUEF, pp. 51-70.
- Kolokolnikova M.Yu., 2010. Discourse analysis and corpus analysis in historical discourse studies. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya. Filologiya. Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Philology. Journalism], vol. 10, iss. 2, pp. 3-6.
- Kunin A.V., 1964. On translating English idioms in English-Russian idiomatic dictionary. *Tetrad perevodchika* [Translator's Notes]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., no. 2, pp. 3-20.
- Bornmann L., Werner M., 2012. The Anna Karenina principle: A way of thinking about success in science. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, vol. 63, no. 10, pp. 2037-2051.

- Morson G.S., 2007. *Anna Karenina in Our Time: Seeing More Wisely*. New Haven; London, Yale univ. press. 263 p.

SOURCES

- British National Corpus*. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (accessed 7 March 2018)
- Carr J., 1806. *A Northern Summer; or Travels round the Baltic, through Denmark, Sweden, Russia, Prussia, and part of Germany, in the year 1804*. Glasgow, D. M'Kenzie. 300 p.
- Corpus of Contemporary American English*. URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (accessed 7 March 2018)
- Elior R., 2008. *Dybbuks and Jewish women in social history, mysticism and folklore*. Jerusalem; New York, Urim Publications. 125 p.
- Iserles A., 2009. *A first course in the numerical analysis of differential equations*. Cambridge University Press. 459 p.
- Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://www.ldoceonline.com> (accessed 7 March 2018)
- Mawson C.O.S. (ed.), 1922. *Roget's International Thesaurus of English Words and Phrases*. New York, Thomas Y. Crowell. URL: www.bartleby.com/110/ (accessed 7 March 2018)
- Knowles E.M. (ed.), 1999. *The Oxford Dictionary of Quotations*. Oxford, Oxford University Press. 1136 p.
- Shapiro F.R. (ed.) *The Yale Book of Quotations*. Yale University Press, 2006. 1067 p.

Information about the Authors

Elena V. Beloglazova, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Theory of Language and Translation Studies, Saint Petersburg State University of Economics, Moskatelny Lane, 4, 191023 Saint Petersburg, Russia, Beloglazova.e@unecon.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0267-9614>

Viktor V. Kabakchi, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Theory of Language and Translation Studies, Saint Petersburg State University of Economics, Moskatelny Lane, 4, 191023 Saint Petersburg, Russia, vkabakchi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2164-7017>

Информация об авторах

Елена Владимировна Белоглазова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, пер. Москательный, 4, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия, Beloglazova.e@unecon.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0267-9614>

Виктор Владимирович Кабакчи, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, пер. Москательный, 4, 191023 г. Санкт-Петербург, Россия, vkabakchi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2164-7017>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.6>

UDC 81'34
LBC 81.051

Submitted: 05.07.2018
Accepted: 01.08.2018

EXPERT METHODS OF FOREIGN-LANGUAGE SPEAKERS' IDENTIFICATION BY SPEECH PROSODY

Irina V. Kuryanova

Moscow State Linguistic University, Moscow Research Center, Moscow, Russia

Abstract. According to the data received from the surveys of the criminal environment in Russia over recent years, there is a substantial growth of the crimes committed by the Tadjik, Uzbek and criminal groups of other ethnical origin. In forensic phonetics, expert witnesses might be confronted with voice samples for auditory evaluation from a language they do not understand. In speaker identification experiments, it has been shown that knowledge of the target language affects recognition results. The present paper deals with possibility of primary recognition of people speaking foreign language or foreign-accented Russian for the purpose of their further voice identification. This paper also presents one of the automatically-assisted methods of speaker identification i.e. syntagma pitch pattern analysis method (on the ground of pitch pattern segments comparison). There is a brief description of the methodological background and main components of speech melodic structure. The author compares prosodic organization of utterances in speech behaviour of Russian speakers and speakers of foreign languages, and defines the properties of adequate understanding of the meaning of the utterance and of the speaker's communicative goal, including situations when the listener is not a native speaker of the language being used. The results of this study show that (a) experts with experience obtain significantly better recognition results than experts without work experience, (b) no clear evidence was found that the typological difference between the native language of the listener and the target language influenced recognition performance.

Key words: the Tajik language, the Gipsy language, speech interference, foreign speech perception, voice and speech identification, syntagma, melodic patterns of syntagmas, prosodic parameters of speech.

Citation. Kuryanova I.V. Expert Methods of Foreign-Language Speakers' Identification by Speech Prosody. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 60-69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.6>

УДК 81'34
ББК 81.051

Дата поступления статьи: 05.07.2018
Дата принятия статьи: 01.08.2018

ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ГОВОРЯЩИХ ПО ГОЛОСУ И РЕЧИ ЭКСПЕРТНЫМИ МЕТОДАМИ

Ирина Владимировна Курьянова

Московский государственный лингвистический университет,
«Московский исследовательский центр», г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование посвящено возможности первичного распознавания говорящих на незнакомом и интерферированном русском языке с целью их дальнейшей идентификации по голосу и речи. В статье рассмотрен один из автоматизированных методов идентификации иноязычных дикторов – метод анализа мелодического контура синтагм (на основе сравнения мелодического оформления различных фрагментов речевого сигнала). Дана краткая характеристика методологической базы, а также охарактеризованы основные компоненты мелодической структуры речи. Автором проведен сопоставительный анализ просодического оформления высказывания в речевом поведении иноязычных дикторов и определены некоторые особенности правильного распознавания говорящего, в том числе со стороны тех, для кого рассматриваемый язык является неродным. В результате исследования установлено, что опытные эксперты способны адекватно распознать и правильно идентифицировать иноязычного говорящего. Типологические различия между

родным языком эксперта и языком, подлежащим идентификации, не влияют на правильность распознавания по голосу и речи.

Ключевые слова: таджикский язык, цыганский язык, интерференция, восприятие иноязычной речи, идентификация по голосу и звучащей речи, синтагма, мелодический контур синтагм, просодические параметры речи.

Цитирование. Курьянова И. В. Возможности идентификации иноязычных говорящих по голосу и речи экспертными методами // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 60–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.6>

Введение

Идентификация иноязычного говорящего экспертом, не являющимся носителем исследуемого языка, представляет собой проблему, разработка которой может быть отнесена к приоритетным направлениям в области судебного речеведения и прикладной лингвистики в целом [Голощапова, 2009, с. 373].

На сегодняшний день судебная экспертиза стала самостоятельным научным направлением. Она имеет в своем распоряжении новые высокотехнологичные способы идентификации личности, в частности, фоноскопическую экспертизу на иностранных языках, которая становится все более востребованной в связи с высокой технической подготовленностью и оснащенностью преступных группировок [Голощапова и др., 2011; 2012]. Как показывает судебная практика, террористическая деятельность националистических, этнических, религиозных и иных организаций и структур, а также преступный бизнес, связанный с незаконным оборотом наркотиков, в настоящее время практически монополизированы этническими (в частности, таджикскими, азербайджанскими, цыганскими, узбекскими и др.) группировками. На заседании коллегии Федеральной службы безопасности Российской Федерации 5 марта 2018 г. президент России В.В. Путин призвал к созданию «надежных барьеров на пути трансграничной, транснациональной преступности» и подчеркнул, что к приоритетным задачам относится защита нашей территории прежде всего от «международных террористов, контрабандистов и наркодилеров» (стенограмма расширенного заседания коллегии ФСБ России от 05.03.2018).

Идентификация по голосу и речи – сложный многоэтапный процесс, предполагающий интеграцию достижений в различных научных областях (акустике, лингвистике, криминали-

стике, психофизиологии, психологии и др.) [Потапова и др., 2015, с. 185]. Исследования по данному вопросу, проводимые за рубежом (в частности, в Германии и Великобритании), основываются на методиках, принятых в этих странах. В частности, в работах О. Кестера и Н. Шиллера рассматриваются проблемы влияния родного языка реципиента при идентификации иноязычного говорящего [Köster, Shiller, 1997; Künzel, 1994; Nolan, 2002]. В отечественной науке первые труды, в которых ставится и разрабатывается данная проблема, включая методики изучения, принадлежат Р.К. Потаповой. Наше исследование посвящено поиску точных, а потому и эффективных методов идентификации говорящих на иностранном языке и опирается на положение о первостепенности просодических средств речи при восприятии высказываний [Потапова, Михайлов, 2012; Потапова, Потапов, 2006, с. 294; 2012, с. 319], в соответствии с которым решается задача выявления ключевых компонентов просодии, позволяющих идентифицировать говорящего на незнакомом эксперту языке.

Чтобы определить возможности первичного опознавания и некоторый объем индивидуальных признаков голоса и речи для успешной идентификации лиц, говорящих на иностранном языке, было проведено исследование, состоящее из двух экспериментов.

Эксперимент 1

Речевой материал. Материалом для эксперимента послужили аутентичные фонограммы: 14 записей, содержащих спонтанную диалогическую речь (разговор по телефону – контрольные фонограммы, $t = 57$ мин 28 с), и 12 записей спонтанной монологической речи (беседа на произвольную тему – опорные фонограммы, $t = 8$ ч 19 мин) на таджикском и цы-

ганском языке, а также на русском языке с признаками интерференции китайского.

Участниками диалогов и монологов являлись этнические таджики и цыгане, говорящие на национальном языке, а также китайцы, говорящие на русском языке, мужчины и женщины в возрасте 35–46 лет, преимущественно со средним (средне-специальным) образованием.

Субъекты. В качестве испытуемых в эксперименте участвовали 46 человек, которые были разделены на 2 группы согласно наличию / отсутствию у них экспертного опыта: в первую были объединены аудиторы-филологи, имеющие опыт экспертной работы, во вторую – включены аудиторы-филологи с отсутствием такого опыта. Для того, чтобы оценить влияние на степень надежности первичного опознавания не только опыта экспертной работы, но и, по возможности, знания / незнания аудиторами исследуемых языков, в состав реципиентов первой группы наряду с русскоговорящими экспертами, не владеющими таджикским, цыганским и китайским языками, были включены профессиональные эксперты со знанием таджикского языка, а также профессиональные филологи с опытом экспертной работы в области судебной фоноскопией, носители таджикского языка.

Метод. Перцептивно-слуховой анализ фонограмм проводился в соответствии со специально созданной инструкцией, следование которой исключало любые возможные неоднозначные толкования при проведении первого эксперимента. При подготовке инструкции и исследовательских таблиц были использованы образцы анкет и инструкций, разработанных Р.К. Потаповой и В.В. Потаповым при проведении многочисленных экспериментов по восприятию речи [Потапова, Потапов, 2012, с. 324–325]. Наряду с целью первичного опознавания дикторов, испытуемые должны были оценить значимость каждой из анализируемых характеристик при решении поставленной задачи: мелодики, темпоральных и тембральных особенностей, ритма, паузации, высоты голоса.

Результаты. В целом, по результатам эксперимента № 1 могут быть выделены 3 категории ответов: *верное опознавание* (аудиторы опознают диктора среди опорных

фонограмм), *ложное отклонение* (аудиторы не могут опознать диктора, голос и речь которого представлена на опорных фонограммах), *ложное принятие* (аудиторы неверно принимают за «своего» один из «чужих» голосов). Кроме того, в процессе прослушивания были зафиксированы случаи *неуверенного опознавания* (аудиторы опознают диктора среди опорных фонограмм, но сомневаются в правильности своего решения).

В протоколах, подготовленных профессиональными экспертами (группа испытуемых № 1, $N = 34$), в 100 % отмечено *верное опознавание* – не зафиксировано ни одного ошибочного опознавания вне зависимости от языка, на котором говорит диктор. Однако среди верных ответов в 31 % случаев наблюдалось *неуверенное опознавание* при исследовании экспериментального материала, содержащего эмоционально-насыщенную речь. Для удобства дальнейшей математико-статистической обработки результирующих данных эксперимента первая группа реципиентов была разделена на подгруппы.

В результатах обработки ответов русскоговорящих профессиональных экспертов, не владеющих таджикским и цыганским языками, со стажем экспертной работы от 4 до 10 лет (подгруппа «а», $N = 27$), случаи *неуверенного опознавания* были представлены следующим образом: речь на таджикском языке – 2,3 %, на цыганском – 3,7 % и интерферированном русском – 4,3 %.

Содержащие *неуверенное опознавание* ответы русскоговорящих профессиональных экспертов со знанием таджикского языка, но не владеющих цыганским и китайским, со стажем экспертной работы 5 лет (подгруппа «б», $N = 4$), распределяются следующим образом: таджикский язык – 4,3 % респондентов, цыганский язык – 2,1 %, русский язык с признаками интерференции китайского – 4,4 %.

У экспертов-носителей таджикского языка со стажем экспертной работы 7 лет (подгруппа «с», $N = 3$) *неуверенное опознавание* при идентификации дикторов, говорящих на таджикском языке, не отмечено, на цыганском и русском интерферированном составило 4,3 % и 5,6 % соответственно.

В протоколах, подготовленных группой испытуемых № 2 (профессиональные филоло-

ги без опыта экспертной работы, $N = 12$), представлены следующие категории ответов:

– случаи *верного опознавания* дикторов, говорящих на таджикском языке, составили 57 % (из них 19 % – *неуверенное опознавание*, 26 % – *ложное отклонение*, 17 % – *ложное принятие*);

– случаи *верного опознавания* дикторов, говорящих на цыганском языке, составили 62 % (из них 21 % – *неуверенное опознавание*, 27 % – *ложное отклонение*, 11 % – *ложное принятие*);

– случаи *верного опознавания* дикторов, говорящих на русском языке с признаками интерференции китайского, составили 68 %, из них 12 % – *неуверенное опознавание*, 10 % – *ложное отклонение*, 22 % – *ложное принятие*.

При этом наибольшее количество ошибок (*ложное принятие* и *ложное отклонение*) – 56 % – отмечено при исследовании экспериментального материала, содержащего эмоционально-насыщенную речь.

Статистическая обработка ответов испытуемых показала, что различия в точности распознавания между подгруппами первой группы аудиторов было несущественным. Как носители русского языка, владеющие таджикским языком и не владеющие ни одним из иных исследуемых языков, так и носители таджикского языка, не владеющие другими языками (кроме русского), одинаково точно идентифицировали иноязычных дикторов.

Сравнение ответов участников эксперимента групп № 1 и № 2 показало существенные отличия в опознавании иноязычной речи. Аудиторы группы № 2, не имеющие экспертного опыта по перцептивно-слуховому распознаванию голоса и речи, идентифицировали дикторов с контрольных и опорных фонограмм значительно хуже, чем испытуемые, являющиеся профессиональными экспертами. Кроме *ложного отклонения* и *ложного принятия*, отмечено большое количество случаев *неуверенного опознавания* говорящих. Если у группы профессиональных экспертов последнее отмечалось лишь при сопоставлении эмоционально-насыщенной и эмоционально-нейтральной речи, то среди испытуемых группы № 2 отмечены неуверенные ответы при анализе фонограмм, содержащих однотипную по

эмоциональной насыщенности речь. При этом статистические данные показали, что не обладающие экспертным опытом аудиторы выполнили задание точнее при сравнении фонограмм, содержащих эмоционально-нейтральную речь.

Исследование экспериментального материала на разных языках характеризуется рядом расхождений при оценке выраженности признаков в зависимости от принадлежности речи диктора конкретному языку.

В группе № 1 наблюдается следующее распределение оценок применительно к анализу используемых для опознавания признаков: таджикский язык – мелодика речи 80 %, тембр речи 15 %, паузация 5 %; цыганский язык – мелодика речи 70 %, тембр речи 20 %, темп речи 3 %, паузация 7 %; русский язык с признаками интерференции китайского – мелодика речи 60 %, тембр речи 22 %, паузация 18 %.

В группе № 2 оценки распределяются иначе: таджикский язык – мелодика речи 50 %, тембр 30 %, темп речи 10 %, паузация 10 %; цыганский язык – тембр речи 40 %, мелодика речи 30 %, темп речи 15 %, громкость голоса 10 %, паузация 5 %; русский язык с признаками интерференции китайского языка – тембр речи 50 %, мелодика речи 30 %, паузация 12 %, темп речи 8 %.

Таким образом, при восприятии иноязычной и интерферированной речи *подготовленные эксперты способны уверенно атрибутировать речевые фрагменты по принадлежности определенным дикторам*. При этом мелодика речи и сопутствующие воспринимаемые в комплексе признаки играют ведущую роль при первичном опознавании иноязычного говорящего.

Проведенный эксперимент № 1 показал продуктивность работы в этом направлении. Для того, чтобы продолжить предварительное исследование и оценить возможность идентификации иноязычного говорящего по просодическим параметрам голоса методом анализа мелодического контура, был выполнен эксперимент № 2.

Эксперимент 2

Речевой материал. С учетом вышеописанных результатов для проведения экспери-

мента № 2 был сформирован обновленный экспериментальный корпус: из речевого материала нами произведена выборка фонограмм, содержащих эмоционально-нейтральную спонтанную диалогическую и монологическую речь на таджикском, цыганском и русском интерферируемом языках.

Испытуемым было предоставлено 18 фонограмм, из которых 9 звуковых файлов составили контрольные звукозаписи голоса и речи лиц, говорящих на таджикском, цыганском и интерферируемом русском языках ($t = 45$ мин 35 с), и 9 опорных фонограмм – образцов, предназначенных для сравнительного исследования ($t = 7$ ч 9 мин).

Субъекты. В связи с большим процентом ложного и неуверенного опознавания дикторов непрофессиональными экспертами, а также в соответствии с основной задачей эксперимента № 2 – оценкой возможности успешной идентификации иноязычного говорящего экспертом, не являющимся носителем определяемого языка, – было принято решение об ограничении круга аудиторов, поэтому дипломированные филологи без опыта экспертной работы не привлекались.

В дальнейшем исследовании участвовали профессиональные эксперты ($N = 34$), имеющие право самостоятельного производства экспертиз по специальности «Идентификация по голосу и речи» с разным опытом и стажем экспертной работы, которые для удобства математико-статистической обработки результирующих данных эксперимента были разделены на 2 группы:

– № 1: профессиональные русскоговорящие эксперты, не владеющие рассматриваемыми языками, со стажем экспертной работы 5 лет и более ($N = 18$);

– № 2: профессиональные русскоговорящие эксперты, не владеющие изучаемыми языками, со стажем экспертной работы менее 5 лет ($N = 16$).

Метод. В эксперименте № 2 группам испытуемых предлагалось провести идентификационное сравнение голоса и речи дикторов, говорящих на разных языках, на основе анализа мелодического контура.

С этой целью на базе платформы SIS II – универсального акустико-лингвистического комплекса по идентификации дикторов по го-

лосу и речи – испытуемым требовалось провести сегментацию реплик говорящего на каждой из предложенных фонограмм, проанализировать индивидуальные характеристики основного голосового тона (кривой ЧОТ) на различных участках и провести сравнительное идентификационное исследование голоса и речи диктора на контрольной и опорной фонограммах на основе сравнения параметров мелодического контура голоса сравниваемых дикторов.

Разработанный метод позволяет эксперту анализировать и сравнивать основные характеристики мелодических структур, представленные как наборы значений параметров частоты основного тона (ЧОТ) для сопоставимых участков мелодического контура (опорных фрагментов).

Для выделенного экспертом фрагмента контура в автоматическом режиме рассчитывались значения начальной, конечной, минимальной, средней и максимальной ЧОТ, время максимума и минимума (координата максимального / минимального значения ЧОТ в процентах от общей длительности выделенного фрагмента), разница между значениями ЧОТ, скорость изменения, коэффициент изрезанности мелодического контура синтагмы, длительность выделенного фрагмента (в мс).

Подбор опорных фрагментов мелодического контура, подлежащих сравнению, осуществлялся испытуемыми на основе аудитивного и визуального анализа речевого сигнала. Такие фрагменты представляли собой синтагмы, а также их структурные составляющие (предшкалы, шкалы, ядерные слоги, ядерно-заядерные участки и т. д. с однотипным мелодическим оформлением).

Для достижения надежного идентификационного решения при сравнении фрагментов аудиторам было рекомендовано соблюдение следующих требований:

- 1) перед началом сравнительного анализа испытуемые должны были прослушать обе фонограммы, предназначенные для сравнения, и оценить их общую сопоставимость с точки зрения стиля и манеры речи, коммуникативной направленности, эмоциональной окраски;
- 2) поскольку метод предназначен для сравнения фонограмм без ярко выраженной эмоциональной и модалльной окраски, в слу-

чае необходимости участникам эксперимента следовало удалить из сигнала те участки, которые не соответствуют этому условию;

3) испытуемые должны (по возможности) подобрать элементы контура, имеющие ярко выраженную специфику и несколько примеров реализации в каждой из фонограмм (не менее 5);

4) аудиторы должны провести сравнение голосов в автоматическом режиме.

Параметры выделяемых экспертом на графике основного тона однотипных участков контура, сопоставимых с точки зрения реализационной специфики, коммуникативной и эмоционально-стилистической нагрузки, вычислялись автоматически, данные заносились в таблицу.

Автоматическое сравнение фонограмм осуществлялось на основе полученных средних (пороговых) значений по каждому параметру каждого типа / подтипа элементов мелодического контура. В процессе такого сопоставления для типов / подтипов рассчитывалась степень сходства и различия. Далее результаты сравнения отдельных типов суммировались для получения общего решения относительно тождества либо различия голосов.

При вычислении общего результата учитывались весовые коэффициенты, приписанные каждому параметру и типу фрагмента мелодического контура. Если показатель оценки сходства существенно превышал показатель различий, то вероятность тождества голосов считалась высокой. При высокой степени различий между фонограммами формулировалось решение о различии голосов. При незначительных различиях в оценках (менее 10 %) выдавалось сообщение о невозможности принять решение.

Результаты. Аудиторы группы №1, имеющие опыт экспертной работы более 5 лет, смогли успешно и уверенно выявить сопоставимые сегменты иноязычной речи во всех без исключения случаях. Сегментация сопоставимых фрагментов испытуемыми группы №2 (опыт работы менее 5 лет) была несколько затруднена в связи с отсутствием навыка восприятия таджикской, цыганской и интерферированной русской речи и потребовала больших временных затрат, однако в целом эту задачу аудиторы также выполнили успешно.

На основе метода анализа мелодического контура аудиторами группы №1 было установлено 9 лиц, говорящих на таджикском, цыганском и интерферированном русском языках, что составило 100 % от общего количества дикторов, подлежащих идентификации, а испытуемыми группы №2 – 7 лиц, что составило 77,7 %.

При анализе идентификационных отчетов, выполненных методом анализа мелодического контура высказываний, обнаружилась прямая зависимость между опытом экспертной работы испытуемого и всесторонностью и правильностью проведенных исследований, в частности, полнотой и точностью выделения типов / подтипов фрагментов контура. Так, аудиторы группы №1 с высокой степенью точности подобрали и проанализировали опорные фрагменты, дали правильные характеристики типов / подтипов синтагм, достаточно точно зарегистрировали наличие тех или иных речевых особенностей, дали им обоснованное толкование, наиболее полно проанализировали наличие в речи дикторов слов и нефонологических элементов, являющихся заполнителями пауз хезитации. Испытуемые группы №2 также смогли выявить и проанализировать опорные фрагменты синтагмы, однако на выполнение данного задания ими было потрачено существенно больше времени, при этом оценка выявленных признаков затруднений не вызывала.

Таким образом, *подготовленные эксперты в спонтанном речевом потоке на таджикском, цыганском и интерферированном русском языках уверенно выявляют и анализируют сопоставимые сегменты в условиях восприятия иноязычной речи.* При этом для эффективного использования метода необходимо владеть понятийно-терминологическим аппаратом мелодического анализа и корректно подбирать опорные фрагменты контура для сравнения, соблюдая необходимые условия применимости данного метода.

Заключение

Результаты эксперимента №2 позволили установить определенный «инвентарь» просодических характеристик, являющихся информативными при идентификации иноязыч-

ного диктора. Их статистическая обработка позволила установить следующее.

Диапазон модуляций частоты основного тона в речи дикторов, говорящих на родных таджикском и цыганском языках уже, чем у дикторов-китайцев, говорящих на интерферированном русском языке.

Распределение типичных значений ЧОТ

В связи с возможными различиями в особенностях распределения значений ЧОТ внутри каждой языковой группы, обусловленными гендерным фактором, статистической обработке подвергалась только речь дикторов-мужчин.

Область распределения значений ЧОТ различных типов мелодического контура в таджикской речи располагается в диапазоне частот от 125 Гц до 206 Гц. Большинство ядерных слогов сконцентрировано в области значений от 154 Гц до 187 Гц, при этом они по тональному уровню, как правило, не отличаются от обычных ударных слогов (например, в шкалах и предшкалах). Для цыганского языка характерно схожее распределение значений ЧОТ: минимальное и максимальное значения распределились в диапазоне от 102 Гц до 270 Гц, отличие синтагмы ядерных слогов от других ударных также практически не выражено, область значений ЧОТ в ядре синтагмы распределяется от 163 Гц до 207 Гц. При этом в обеих языковых группах очевидна тенденция к функциональному распределению слогов по тональным уровням в зависимости от ударности: чем более значим слог, тем выше уровень распределения значений основного тона голоса и более однозначна его принадлежность к ядерному участку синтагмы.

В группе дикторов-китайцев, говорящих на русском языке, тональный диапазон распределяется в значениях от 88 Гц до 315 Гц, ядерные слоги наиболее часто попадают в диапазон частот от 126 Гц до 292 Гц, при этом другие ударные и безударные слоги реализуются с практически равной частотой основного тона. В качестве дифференцирующего признака ядра испытуемыми отмечалось увеличение силы и (или) громкости произнесения ядерного слога.

Несмотря на то, что количество тональных модуляций у дикторов-китайцев значи-

тельно больше, чем у дикторов-таджиков и дикторов-цыган, их речь воспринимается как более однообразная и ровная. Все испытуемые характеризовали китайскую речь как «округло-текучую», с мягкими переходами, вокализованную, эластичную и мелодичную. Речь таджиков и цыган, напротив, характеризуется аудиторами обеих групп как немелодичная, «угловато-отрывистая», с разрывами слов, резкими изменениями громкости.

Особенности паузации

При анализе особенностей паузации в речи таджиков и цыган, говорящих на родных национальных языках, а также в речи китайцев, говорящих по-русски, наблюдается больше сходств, чем различий. В речи всех указанных языковых групп испытуемые отмечали такие виды пауз, как долгие и короткие по длительности, а также заполненные и незаполненные. Незаполненные паузы зафиксированы в речи во всех исследуемых языках и характеризовались в основном как актуализаторы и (или) способ ограничения фраз без какой-либо дополнительной коннотации; заполненные отмечались испытуемыми гораздо реже и только в случаях хезитации.

Анализ длительности незаполненных пауз показал следующее: короткие незаполненные паузы практически совпадают по длительности в речи на таджикском, цыганском языках и в русской речи китайцев. Длительность коротких незаполненных пауз в речи этнических таджиков составила от 20 мс до 50 мс, цыган – от 15 мс до 40 мс, китайцев – от 25 мс до 60 мс. Длительность долгих пауз имеет следующую область распределения значений: для речи на таджикском языке – 58 мс до 70 мс; на цыганском – от 45 мс до 60 мс; на русском с признаками интерференции китайского – от 63 мс до 80 мс.

Средняя длительность заполненных пауз хезитации в речи таджиков, цыган и китайцев оказалась примерно равной: у дикторов-таджиков от 59 мс до 83 мс, дикторов-цыган – от 50 мс до 77 мс, дикторов-китайцев – от 48 мс до 74 мс.

Общее количество коротких по длительности пауз составило примерно 48,4 % в группе дикторов-таджиков, 39,8 % в группе дик-

торов-цыган, 52,3 % в группе дикторов-китайцев, говорящих на русском языке. Общее количество длинных незаполненных пауз для таджикской, цыганской и интерферированной русской речи в сумме составило 23,6 %, 25,3 %, 27,7 % соответственно.

Заполненные паузы, как было отмечено выше, зафиксированы испытуемыми только в случаях хезитации, по длительности они оценены всеми как длинные. Среднее количество заполненных хезитационных пауз в речи таджиков, цыган и китайцев оказалось практически равным: 12 %, 14 % и 9 % соответственно.

Основные различия паузации в речи на исследуемых языках наблюдаются в частоте употребления и характере функционирования незаполненных пауз, а также в особенностях заполнения пауз хезитации. Дикторы-таджики и цыгане используют короткие незаполненные паузы для ограничения синтагм (в среднем 69 % случаев), длинные – как метку-дескриптор, актуализирующую высказывание (в среднем 57 % случаев). Этнические китайцы, говорящие на русском языке, используют незаполненные короткие и длинные паузы для ограничения синтагм и выделения фраз примерно в равной пропорции, при этом частота их использования выше – в среднем 86 % и 83 % соответственно. Следовательно, зависимость функции паузы от ее длительности у дикторов-китайцев не настолько стабильная, как в речи таджиков и цыган.

Анализ характера заполнения пауз хезитации позволил установить различия в речи дикторов, говорящих на разных языках.

Для дикторов-таджиков характерно заполнение хезитационных пауз растягиванием конечного гласного, [а]-образное, [э]-образное, [эм]-образное заполнение, при этом реализуется одна схема заполнения и употребления таких пауз: «заполнение (100 % от длительности всей паузы) → начало коммуникации». Паузы хезитации встречаются как в начале, так и в середине фразы.

У дикторов-цыган отмечается более разнообразное заполнение пауз хезитации: для них, как и для дикторов-таджиков, характерно [а]-образное, [э]-образное, [эм]-образное заполнение, кроме того частотны случаи заполнения хезитационных пауз причмокиванием, цоканьем, шумным вдохом или выдохом,

смехом, скрипящим звуком. Схемы заполнения и употребления пауз также разнообразны, наиболее частотны из них две: «заполнение (100 % от длительности всей паузы) → начало коммуникации»; «заполнение (30–40 % от длительности всей паузы) → молчание (10–20 % от длительности всей паузы) → заполнение (50 %) → начало коммуникации».

Для китайцев, говорящих на русском языке, характерно аналогичное дикторам-таджикам заполнение хезитационных пауз: растягивание конечного гласного, а также [эм]-образное заполнение. При этом заполнение пауз растягиванием конечного гласного встречается наиболее часто. Реализуется одна схема заполнения: «заполнение (60–70 % от длительности всей паузы) → молчание (30–40 % от длительности всей паузы) → начало коммуникации».

Темпоральные характеристики

Статистический анализ темпоральных характеристик заключался в исследовании скорости произнесения структурных составляющих синтагмы (предшквал, шквал и ядерных слогов). Особенности темпа речи у представителей исследуемых языковых групп проявляются в скорости произнесения слогов и степени их дифференциации.

В русской речи китайцев ядерный слог практически не отличается по длительности от других ударных и безударных слогов синтагмы в шкале, предшкале и заядерном участке, так как скорость их произнесения очень близка. В речи цыган скорость произнесения ядерного слога приблизительно равна скорости заядерного участка и противопоставлена шкале и предшкале, при этом ударные и безударные слоги шкалы и предшкалы практически не различаются между собой. Дикторы-таджики при произнесении ядерных слогов демонстрируют ту же тенденцию, что и дикторы, говорящие на цыганском языке, однако в отличие от речи дикторов-цыган в их речи ударные и безударные слоги шкалы и предшкалы, а также ядерно-заядерный участок более четко дифференцированы.

Среднее значение скоростей произнесения слогов для указанных языков представлено в таблице.

Среднее значение скорости произнесения слогов (мс)

Язык диктора	таджикский	цыганский	интерферированный русский
Исследуемая структура			
<i>предикала (безударный слог)</i>	268,03	86,05	287,06
<i>шкала (ударный слог)</i>	388,06	90,08	307,03
<i>ядерный слог</i>	511,06	229,08	309,05
<i>заядерный участок</i>	304,06	200,01	270,05

В целом, анализируя распределение скоростей произнесения слогов в анализируемом материале, можно констатировать, что для речи китайцев, говорящих на русском интерферированном языке, характерна средняя скорость произнесения слогов, речь таджиков характеризуется как размеренная, речь цыган – как быстрая и очень быстрая по сравнению с речью в других исследуемых языках.

Таким образом, идентификация иноязычных дикторов методами перцептивно-слухового и акустического анализа по просодическим характеристикам голоса и речи позволила выявить определенные закономерности при исследовании просодических параметров, в частности, ритмо-мелодических характеристик, особенностей паузации и темпоральных характеристик голоса и речи.

Результаты экспериментального исследования особенностей восприятия голоса и речи дикторов-таджиков и дикторов-цыган разными аудиторами позволяют говорить о возможности правильной перцептивно-слуховой оценки голоса и иноязычной речи подготовленными экспертами с опытом работы в области криминалистической идентификации по голосу и речи. Корректность восприятия иноязычной речи на супraseгментном уровне зависит от перцептивных эталонов аудиторов (просодических моделей), при этом указанная взаимозависимость уменьшается при наличии опыта в восприятии и анализе сегментов иноязычной речи на слух.

Проведенное экспериментальное исследование подтвердило эффективность применения предлагаемых методов анализа для идентификации русскоязычных и иноязычных дикторов подготовленными экспертами, не владеющими рассматриваемыми языками. Предлагаемый в работе подход к изучению звучащей речи методами анализа мелодических характеристик (перцептивно-слуховой метод) и оценки просодических параметров (ин-

струментальный метод анализа параметров ЧОТ на разных мелодических структурах) позволяет обеспечить *целостный анализ речевого сигнала* с акустической (параметры ЧОТ) и лингвистической (интонация, тембр, темп, паузация и т. п.) точек зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голощапова Т. И., 2009. Идентификация иноязычных дикторов автоматическими методами // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов : материалы междунар. конф. / отв. ред. В. И. Кирин. М. : Академия управления МВД России. С. 372–377.
- Голощапова Т. И. и др., 2011. Идентификация по голосу и речи лиц, говорящих на таджикском, узбекском, цыганском и азербайджанском языках, с применением АПК «Этнос» : методические рекомендации для экспертов / Т. И. Голощапова, М. И. Фомичева, И. В. Курьянова, А. В. Малышкин, П. О. Коровянский, Ю. А. Елемешина, Н. А. Фролова / под ред. к.ф.-м.н. С. В. Сыромятникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЭКУ 9 Департамента ФСКН России. 155 с.
- Голощапова Т. И. и др., 2012. Идентификация иноязычных дикторов на платформе SIS II АПК «Этнос» : методические рекомендации для экспертов / Т. И. Голощапова, Н. А. Кочетов, Ю. А. Елемешина, Е. А. Красовская, М. А. Девятова / под ред. к.ф.-м.н. С. В. Сыромятникова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЭКУ 9 Департамента Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. 142 с.
- Потапова Р. К., Михайлов В. Г., 2012. Основы речевой акустики. М. : ИПК МГЛУ «Рема». 493 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В., 2006. Язык, речь, личность. М. : Языки славянской культуры. 496 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В., 2012. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М. : Языки славянских культур. 464 с.
- Потапова Р. К. и др., 2015. Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативнос-

- ти / Р. К. Потапова, В. В. Потапов, Н. Н. Лебедева, Т. В. Агибалова / под ред. Р. К. Потаповой. М. : Языки славянской культуры. 352 с.
- Köster O., Shiller N. O., 1997. Different influences of the native language of a listener on speaker recognition // *Forensic Linguistics. The international Journal of Speech language and the law*. Vol. 4, no. 1. P. 18–27.
- Künzel H. J., 1994. Current Approaches to Forensic Speaker Recognition' // *Proceedings of the ESCA (European Speech Communication Association) Workshop on Automatic Speaker Recognition, Identification and Verification*. April 5–7. P. 135–141.
- Nolan F., 2002. Intonation in speaker identification: an experiment on pitch alignment features // *Forensic Linguistics. The international Journal of Speech language and the law*. Vol. 9, no. 1. P. 1–21.
- Moscow, ECU 9 Departamenta FSKN Rossii. 155 p.
- Goloshchapova T.I., Kochetov N.A., Elemeshina Yu.A., Krasovskaya E.A., Devyatova M.A., 2012. *Voice identification of foreign speakers on the platform SIS II of the hardware-software complex 'Etnos': Methodological recommendations for experts*. Moscow, ECU 9 Departamenta FSKN Rossii. 142 p.
- Potapova R.K., Mikhaylov V.G., 2012. *Bases of speech acoustics*. Moscow, Rema Publ. 493 p.
- Potapova R.K., Potapov V.V., 2006. *Language, speech, personality*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 496 p.
- Potapova R.K., Potapov V.V., 2012. *Speech communication: from sound to utterance*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 464 p.
- Potapova R.K., Potapov V.V., Lebedeva N.N., Agibalova T.V., 2015. *Interdisciplinarity in the study of speech poly-informativity*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 352 p.
- Köster O., Shiller N.O., 1997. Different influences of the native language of a listener on speaker recognition. *Forensic Linguistics. The international Journal of Speech language and the law*, vol. 4, no. 1, pp. 18-27.
- Künzel H.J., 1994. Current Approaches to Forensic Speaker Recognition. *Proceedings of the ESCA (European Speech Communication Association). Workshop on Automatic Speaker Recognition, Identification and Verification*, April 5-7, pp. 135-141.
- Nolan F., 2002. Intonation in speaker identification: an experiment on pitch alignment features. *Forensic Linguistics. The international Journal of Speech language and the law*, vol. 9, no. 1, pp. 1-21.

REFERENCES

- Goloshchapova T.I., 2009. Identification of foreign speakers by automatic methods. Kirin V.I. (ed). *Informatizatsiya i informatsionnaya bezopasnost pravookhranitelnykh organov: Materialy mezhdunar. konf.* Moscow, Akademiya upravleniya MVD Rossii Publ., pp. 372-377.
- Goloshchapova T.I., Fomicheva M.I., Kuryanova I.V., Malyshkin A.V., Korovyanskiy P.O., Elemeshina Yu.A., Frolova N.A., 2011. *Identification of speakers of Tajik, Uzbek, Gypsy and Azerbaijani languages by voice and speech with the use of the hardware-software complex 'Etnos': Methodological recommendations for experts*.

Information about the Author

Irina V. Kuryanova, Postgraduate Student, Department of Applied and Experimental Linguistics, Institute of Applied and Mathematical Linguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St., 38, bld. 1, 119034 Moscow, Russia; Deputy Head of Department of Linguistic Expertise and Research, Moscow Department of Regional Security and Anti-Corruption Activity, Moscow Research Center, Nizhnyaya Syromyatnicheskaya St., 5, bld. 3, 105120 Moscow, Russia, ivkuryanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3698-3013>

Информация об авторе

Ирина Владимировна Курьянова, соискатель кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Институт прикладной и математической лингвистики, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, стр. 1, 119034 г. Москва, Россия; заместитель начальника отдела лингвистических экспертиз и исследований департамента региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы, государственное бюджетное учреждение г. Москвы «Московский исследовательский центр», ул. Нижняя Сыромятническая, 5, стр. 3, 105120 г. Москва, Россия, ivkuryanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3698-3013>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.7>

UDC 811.111'34
LBC 81.432.1-1

Submitted: 27.07.2018
Accepted: 24.08.2018

DIRECT ADDRESS IN ENGLISH INTERVIEW: VARIATIONS OF MELODIC PATTERNS

Natalya Yu. Sorokoletova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper presents the results of analysis of direct address melodic patterns in radio and TV interviews in English. The address serves to establish, break, and hold the conversation, change the topic, draw attention, express communicative tonality in the English interviews under study. In speech practice the position of address is not strictly regulated, it may be in an absolute, initial, middle and final position in the expression. The position and function of direct address govern the choice of address melodic pattern. Direct address often accompanies other speech acts (greeting, thanking, introducing, farewell, and compliment). The phonetic study based on the material of English interviews allows to describe functional peculiarities of some melodic patterns of address. It is proved that an address at the beginning of the interview (when realized in preposition or postposition) performs a contact-setting function, has different patterns of pitch variation (Level, Low Fall, Mid Fall, Rise-Fall) or may complete the melodic pattern of the previous statement. In the body of the interview, the address may be in an utterance-initial or utterance-final position and serves to resume and hold the conversation, attract listener's attention to the topic. In this part of the interview the address is realized with Low/Mid/High Fall, Fall-Rise, Low Rise, Rise-Fall tones. In the final part of the interview, the address is realized in preposition to other speech acts, serves to break the contact and has different melody patterns: Low/Mid Fall or Fall-Rise. The final address may not form a separate syntagma and have a separate melodic pattern.

Key words: direct address, interview, phatic function, melodic pattern, tone.

Citation. Sorokoletova N. Yu. Direct Address in English Interview: Variations of Melodic Patterns. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 70-79. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.7>

УДК 811.111'34
ББК 81.432.1-1

Дата поступления статьи: 27.07.2018
Дата принятия статьи: 24.08.2018

ВАРИАТИВНОСТЬ МЕЛОДИЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ ОБРАЩЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРВЬЮ

Наталья Юрьевна Сороколетова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного экспериментально-фонетического анализа мелодических паттернов обращения в радио- и телеинтервью на английском языке. Установлено, что в англоязычных интервью обращение служит для установления, поддержания, восстановления, завершения контакта, смены темы, привлечения внимания, выражения коммуникативной тональности. В речевой практике позиция обращения не является строго регламентированной, оно может находиться в абсолютной, начальной, серединной и финальной позициях в высказывании, что влияет на мелодические паттерны его реализации в речи. Обращение часто реализуется совместно с другими речевыми актами (приветствия, благодарности, представления, прощания, комплимента). Проведенное фонетическое исследование позволило выявить некоторые закономерности функционирования мелодических средств в формулах обращения. Установлено, что обращение в начале интервью представлено в препозиции или постпозиции, выполняет контактоустанавливающую функцию и может быть произнесено ровным, низким или средним нисходящим, восходяще-нисходящим тоном или продолжить мелодический рисунок предыдущего высказывания. В ос-

новой части интервью обращение оформляется низким, средним или высоким нисходящим, нисходяще-восходящим, низким восходящим, восходяще-нисходящим тоном или продолжает мелодический паттерн предыдущей фразы. В этой части интервью обращение служит для возобновления контакта, привлечения внимания слушающего к теме дискуссии, поддержания контакта, размыкания контакта и может употребляться в препозиции или интерпозиции. В финальной части интервью обращение представлено в препозиции к другим речевым актам, используется для размыкания контакта и оформляется низким нисходящим или нисходяще-восходящим тоном. Финальное обращение может не образовывать отдельную синтагму и не иметь самостоятельного мелодического рисунка.

Ключевые слова: обращение, интервью, фатическая функция, мелодический рисунок, тон.

Цитирование. Сороколетова Н. Ю. Вариативность мелодических паттернов обращения в англоязычном интервью // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 70–79. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.7>

Введение

В связи с возросшим интересом к особенностям речевого поведения человека в ситуациях межличностного контакта в современной теории коммуникации появляются работы, ориентированные на обобщение данных о функциональной значимости различных форм речи, которые образуют общие и национально-специфичные слои коммуникации. В данном исследовании объектом анализа избрано обращение как разновидность коммуникативной единицы, используемой для называния лица или лиц с целью привлечения внимания, выражения просьбы, приветствия, приказа, сочувствия, соболезнования и т. д.

Обращение неоднократно попадало в фокус внимания как отечественных, так и зарубежных ученых, при этом оно рассматривалось в разных аспектах: установлены его синтаксические (А.М. Мухин, G.O. Curme, R.B. Long и др.) и семантические (В.Е. Гольдин, В.И. Карасик и др.) функции; выявлена специфика реализации обращения различными частями речи (А.В. Велтистова, О.Г. Ветрова, O. Jespersen, C.T. Onions и др.); описаны языковые и коммуникативно-прагматические нормы употребления (Н.И. Адамушко, В.А. Доборович, Т.С. Жукова, В.И. Карасик, G. Leech, S.M. Ervin-Tripp и др.); обращение охарактеризовано с точки зрения прагматики и теории речевых актов (Н.Д. Арутюнова, В.Е. Гольдин, О.Г. Минина, Н.И. Формановская, D. Wunderlich и др.); установлено место обращения в структуре различных типов дискурса (В.В. Звягинцева, Е.Ю. Нестеренко, Т.Е. Янко и др.); проведен сравнительно-сопос-

тавительный анализ реализации обращения в разных языках и в вариантах одного языка (В.Г. Дыкова, С. Митали, Е.Ю. Нестеренко, А.Д. Садовая и др.); выявлены интонационные особенности обращения (С.В. Кодзасов, М.В. Панкратова, А.Е. Садовая, Т.Е. Янко, A. Brugos, S. Shattuck-Hufnagel, L. Varga, N. Veilleux, и др.).

Исследователи подчеркивают, что обращение является одним из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения, для установления связи между высказываниями и субъектами общения, для интеграции разных сторон и компонентов ситуации общения в единый коммуникативный акт [Гольдин, 2009, с. 4]. По своей природе обращение полифункционально. К его основным функциям относятся: номинативная (обозначение в качестве адресата того, к кому обращена речь), социально-регулятивная (этикетная), фатическая (способствует созданию, сохранению и поддержанию связей между людьми), оценочно-характеризующая. Полифункциональность обращения во многом объясняется тем фактом, что оно редко реализуется вне других речевых актов (например, приказа, приветствия, прощания, просьбы и т. д.). При этом отмечается, что обращение может входить в цепочку речевых актов, создавая эффект смешения иллокутивных сил и функций, подчиняя свою иллокутивную силу иллокутивной силе акта сообщения, акта приказа или просьбы, акта совета, акта запрета, акта извинения и т. п. [Кожухова, 2007, с. 82].

Обращение описывается и как элемент речевого этикета, стереотипная форма речи, регулируемая правилами речевого поведения и служащая для установле-

ния, поддержания и прерывания контакта собеседников в избранной тональности [Формановская, 1989, с. 75]. Тональность обращения зависит, по мнению Н.И. Формановской, прежде всего, от экстралингвистических факторов (социальных, гендерных, сферы и условий общения и т. д.) и является своеобразным маркером отношений участников коммуникации. Отметим, что тональность в данном контексте можно определить как характеристику речевой практики, особый мелодический паттерн речевого поведения, позволяющий транслировать информацию о статусных и межличностных отношениях коммуникантов в разных типах и сферах общения.

Цель настоящего исследования – выявить зависимость вариативности мелодического паттерна (рисунка) англоязычного обращения от его положения в высказывании и интенциональности выполняемой функции (функций) в жанре радио- и телеинтервью.

Методика

Комплексное экспериментально-фонетическое исследование специфики мелодического паттерна обращения проводилось в несколько этапов: отбор и предварительный лингвистический анализ экспериментального материала; перцептивный анализ мелодических особенностей англоязычного обращения в инициальной, срединной и финальной позициях; акустический анализ особенностей реализации обращения в указанных позициях; сопоставление полученных результатов и их функциональная интерпретация.

Материалом исследования послужили аудио- и видеозаписи англоязычных интервью, представленных в радио- и телевизионных программах: «The Andrew Marr Talk show» (<https://www.bbc.co.uk/programmes/b0080bbs>), «HardTalk show» (<https://www.bbc.co.uk/programmes/n13xtmdc>), «Fresh Air show» (<https://www.npr.org/programs/fresh-air/>).

На предварительном этапе отбора и анализа экспериментального материала все выявленные примеры употребления обращений были сгруппированы в зависимости от:

а) расположения обращения в той или иной композиционной части интервью (в на-

чале, в основной части, в заключительной части);

б) позиции обращения в высказывании (абсолютная, инициальная (препозиция), медиальная / срединная (интерпозиция) и финальная (постпозиция)).

Сгруппированные примеры подверглись контекстному и функциональному анализу для выявления функциональной специфики исследуемых обращений. Далее проводился комплексный перцептивно-акустический анализ мелодических особенностей каждого типа обращения, который состоял из следующих этапов:

– определение локализации тонального (мелодического) изменения в границах обращения;

– определение направления тона (ровный, нисходящий, восходящий, нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий), его уровневых (низкий, средний, высокий) и диапазоновых (узкий, широкий) характеристик.

Акустический анализ корпуса примеров проводился с помощью программы акустического анализа Speech Analyzer (<https://software.sil.org/speech-analyzer/>) и имел целью установление тональных особенностей каждого типа обращения.

Результаты исследования

В структуре интервью формулы обращения являются облигаторным элементом, однако их позиция, форма и мелодическая реализация демонстрируют вариативность.

Большую часть исследуемого материала составили радио- и телеинтервью, в которых интервьюируемый – это известная политическая или общественная личность, а следовательно, как показано Л.А. Артемовой, в них социальный статус референта маркирован дескриптивным указателем на род деятельности, занимаемую должность, образование [Артемова, 2016, с. 38]. Именно публичные обращения, в которых социальный статус человека «устанавливается в значении слов, употребляемых в функции обращения и выражающих соотносительную позицию человека в социальной иерархии» [Карасик, 1992, с. 222], являются наиболее частотными в нашем материале.

Рассмотрим функциональные и мелодические особенности обращения в зависимости от их расположения в общей композиции интервью. К облигаторным элементам жанра интервью следует отнести начальное расположение обращения, входящего в структуру речевых актов приветствия и представления. В данной позиции реализуются фатическая и этикетная функции обращения, выражающиеся в способности устанавливать контакт, а также задавать положительную тональность высказывания.

Контактоустанавливающие реплики строятся в соответствии с типовой формулой публичного приветствия или представления и предполагают использование обращения. Обращение является обязательным для ведущего, при этом выбор формы обращения определяется статусным характером участников коммуникации, например:

(1) **Prime Minister Sergey Lavrov**, welcome to HT So, **Prime Minister**, the negotiations to leave the European Union begin.

Комплексный перцептивно-акустический анализ данной формы установления контакта показал, что обращение находится в препозиции и является частью приветствия и представления гостя. Оно может иметь разнообразный мелодический рисунок и оформлять-

ся низким нисходящим (31 %), средним нисходящим (27 %), ровным (25 %), восходяще-нисходящим (4 %) тоном или не иметь самостоятельного мелодического паттерна (13 %).

Нисходящий тон с различным уровнем понижения характерен для обращений, выступающих в контактоустанавливающей функции и находящихся в препозиции к последующему высказыванию. Низкий и средний нисходящий тоны используются, прежде всего, в официальном обращении, они также позволяют подчеркнуть серьезность и важность сказанного впоследствии. В следующем примере обращение *Michael* оформлено низким нисходящим тоном:

(2) **Michael**, welcome to the Interview.

В функции установления контакта мелодический рисунок обращения может быть ровным, что свидетельствует о тесной связи обращения с последующим приветствием (рис. 1).

Ровный терминальный тон, как правило, характерен для незаконченных синтагм, тесно связан с последующей синтагмой и используется в том случае, когда говорящий уверен, что он владеет вниманием собеседника. Ровный тон речи настраивает слушателя на продолжение сообщения.

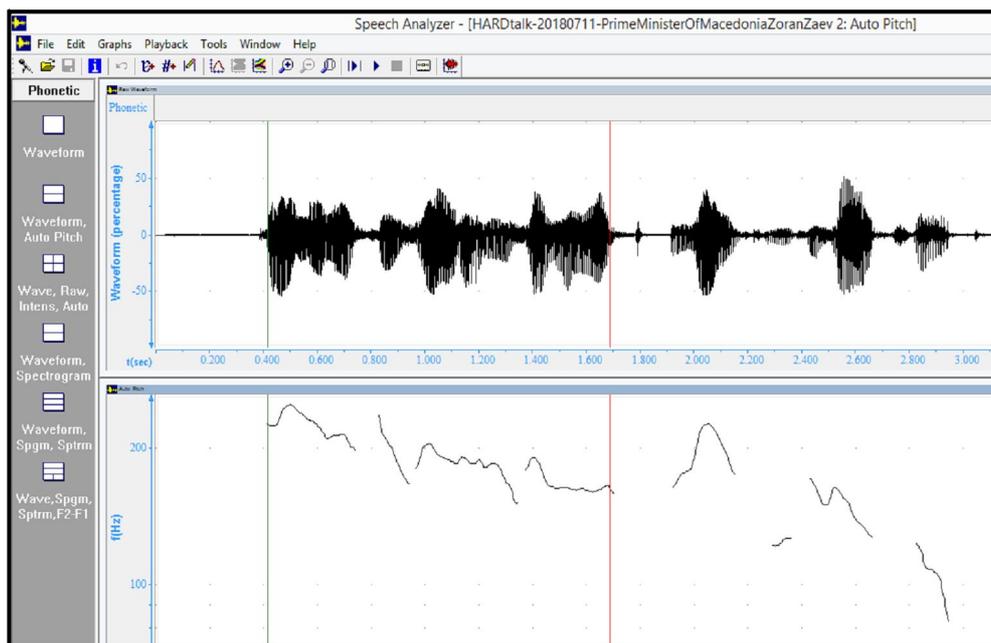

Рис. 1. Интонаграмма предложения *Prime minister Zoran Zaev, welcome to HardTalk*

В функции установления контакта обращения могут не иметь самостоятельного мелодического выделения, примыкать к предыдущей части предложения (то есть находиться в постпозиции), составляя с ней одну синтагму. Обращение в этой позиции бывает часто подчинено предыдущей интонационной группе, то есть продолжает ее мелодический паттерн. В нижеследующем примере обращение *Andrew* находится в постпозиции по отношению к приветствию *Hi*, образуя с ним единый мелодический рисунок (нисходяще-восходящий тон) (рис. 2).

В интервью обращение может находиться в абсолютной постпозиции. Так, в следующем примере журналист представляет тему выпуска и своего собеседника, затем повторно использует антропоним *Mandy*, передавая таким образом слово гостю:

(3) I asked a product packaging designer Mandy Witchell why this is the case. **Mandy?**

Обращение выполняет в этом примере собственно номинативную функцию и оформляется восходяще-нисходящим тоном (см. рис. 3).

Анализ практического материала показал, что в основной части интервью обращения могут быть использованы для возобнов-

ления контакта, смены темы, поддержания контакта, активизации и привлечения внимания к определенной теме, переключения ролей. Обращения в этой части интервью могут оформляться нисходяще-восходящим (31 %), нисходящим (низким (17 %), средним (16 %) или высоким (10 %)), низким восходящим (17 %), восходяще-нисходящим (5 %) или продолжать мелодический паттерн предыдущего высказывания (4 %).

Интервью в рамках радио- и телевизионных программ часто характеризуются продолжительными паузами (например, во время включения рекламных блоков), и возобновление контакта обозначается обращением как средством подтверждения того, что актуализованный ранее контакт с данным партнером поддерживается. Такие случаи обращения отличает нисходящий или восходяще-нисходящий тон (см. рис. 4).

Жанровой спецификой публичных интервью является возможность участия в них нескольких приглашенных гостей. В таком случае обращение находится в препозиции к остальной части высказывания, функционирует самостоятельно (вне других речевых актов) и выступает в номинативной функции, то есть служит для переключения ролей, внимания с одного говорящего на другого. Называя гостя по имени, журналист выделяет адресата

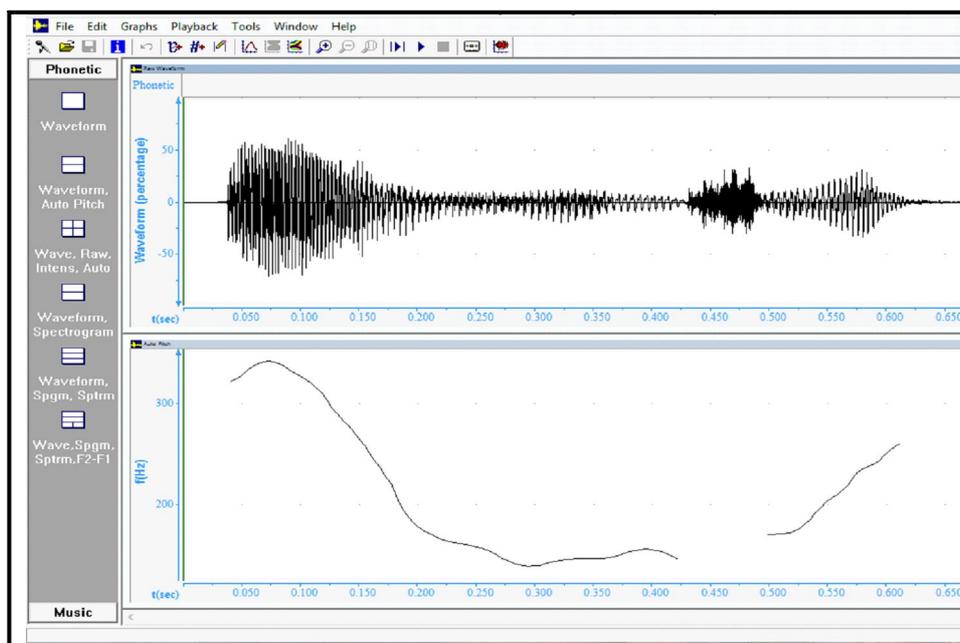

Рис. 2. Интонаграмма предложения *Hi, Andrew*

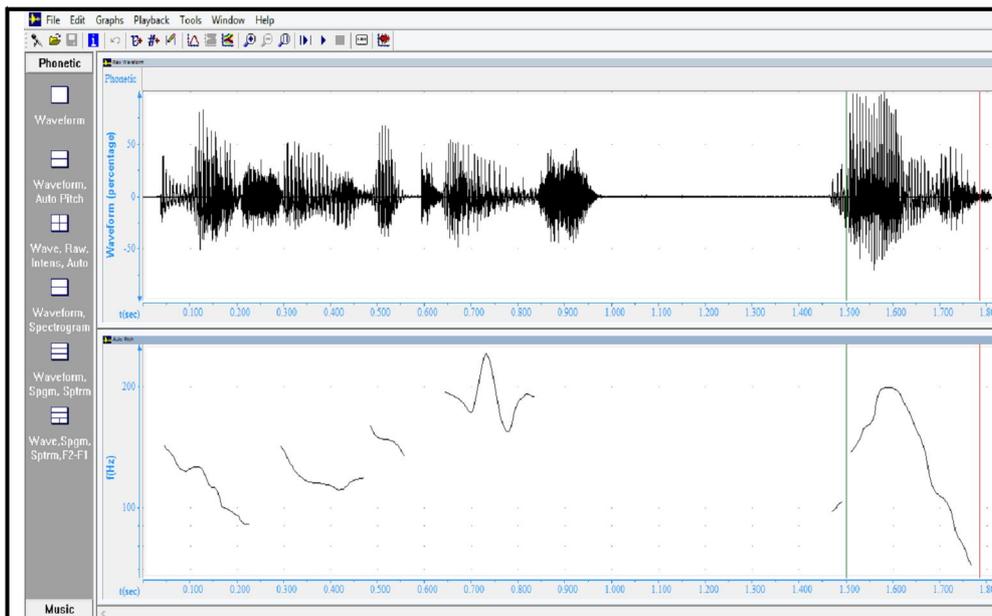

Рис. 3. Интонограмма предложения *Mandy*

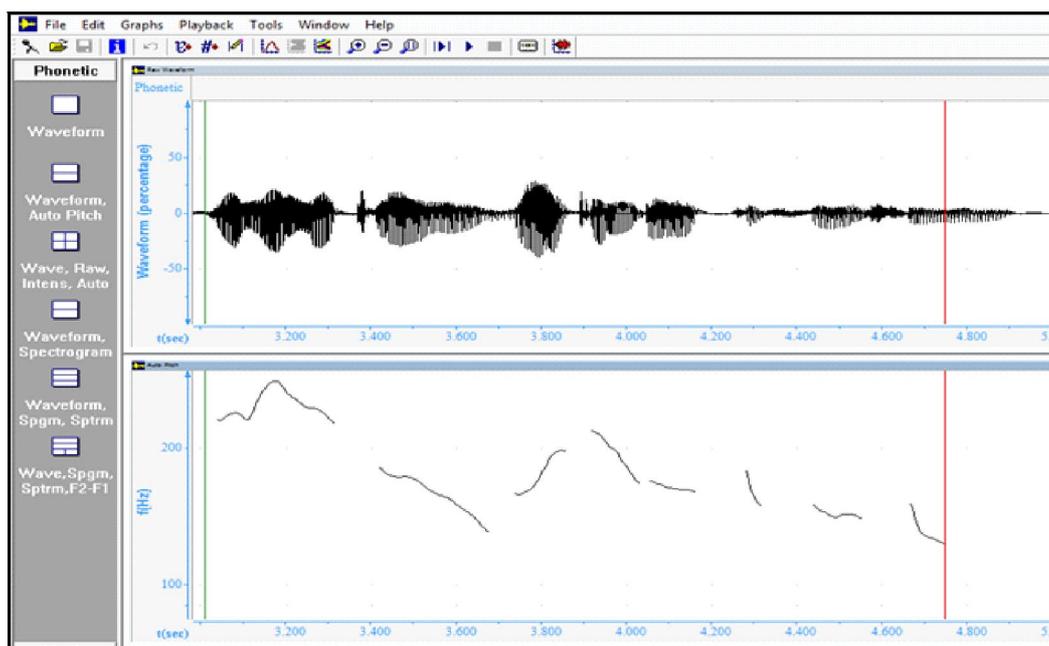

Рис. 4. Интонограмма предложения *Stephen McCauley, welcome back to FRESH AIR*

речи, а гость идентифицирует себя как получателя информации. В нижеследующем примере журналист берет интервью у британского принца Уильяма и его будущей супруги Кейт Миддлтон (интервью 2010 года) и постоянно обращается к ним:

(4) Tom Bradby: People are obviously very curious about you, so let's start with the obvious. **William**, where did you propose, when, how. And **Kate**,

what did you say? <...> **Kate**, for you. You've had a long time to sort of contemplate this moment.

Начиная предложения с обращения, журналист идентифицирует человека, которому адресует вопрос, привлекает именно его внимание.

В данной позиции и функции обращение оформляется нисходящим тоном (чаще высокого и среднего уровней) или нисходяще-восходящим тоном (см. рис. 5).

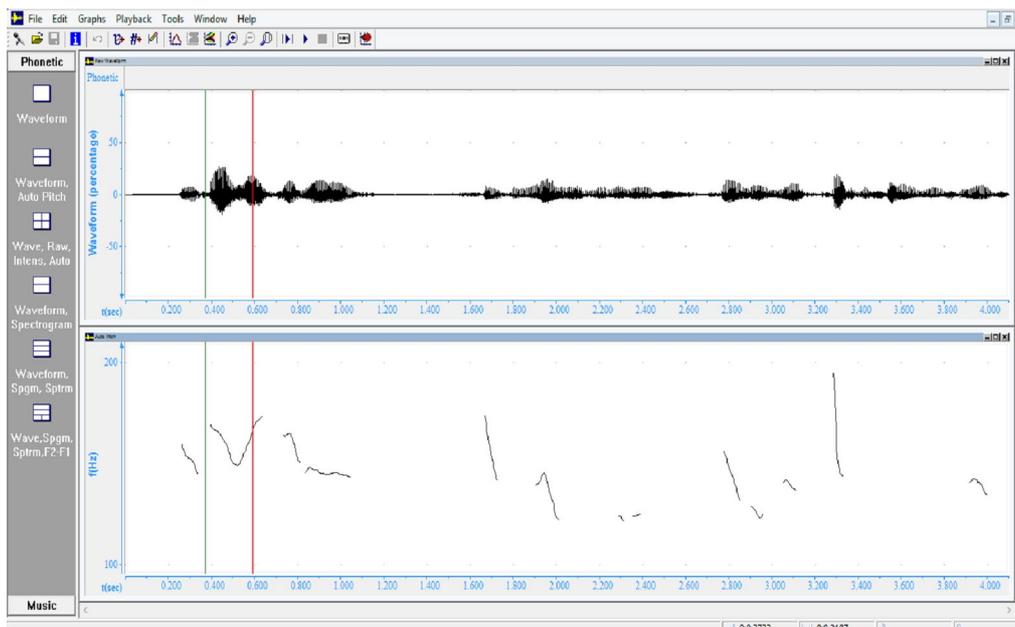

Рис. 5. Интонаграмма предложения “Kate, what did you think of William?”

В основной части интервью возможно использование обращения в интерпозиции. Основная функция такого обращения – поддержание контакта и / или привлечение внимания к наиболее значимой информации:

(5) And I really – you know, I finally accepted, **Terry**, the fact that I am not Tolstoy.

It was the NHS on the side of the bus, **Prime Minister**, during the referendum.

Проведенное исследование показало, что в английском языке обращение в интерпозиции в большинстве случаев оформляется низким нисходящим или низким восходящим тоном. Подобное мелодическое оформление обычно ассоциируется с грамматической и логической незавершенностью, тесной связью с последующим высказыванием, способствует поддержанию внимания адресата, настраивает на продолжение контакта. В середине предложения обращение также может быть безударно и продолжать общую мелодику фразы.

В современных публичных интервью встречаются случаи смены тональности с позитивной на негативную. Смена тональности может проявляться при переходе коммуникативной роли от одного участника диалога к другому. Данный процесс может осуществляться гладко, естественно, что проявляется в мелодике позитивной тональности, а может перейти в негативную тональность,

если один коммуникант не согласен с предыдущей репликой своего собеседника или хочет навязать свои идеи, мнение, эмоции и для этого перебивает говорящего. Такой переход нарушает принципы коммуникативного сотрудничества, вежливости и такта [Янковская, 2012, с. 316].

(6) **Sergey Lavrov**: What I did say was that the White Helmets are known to work only on the territories controlled by the opposition, including Jabhat an-Nusra, and that White Helmets are known to be ringing the bell one year ago in Khan Shaykhun which was a fake from the beginning to the end and the White Helmets are known to be financed, among other countries, by the United Kingdom...

Question: But **Foreign Minister**, that doesn't represent an irrefutable proof.

В данном примере журналист перебивает собеседника, используя для передачи несогласия официальное обращение. Размыкание контакта посредством официального обращения, возможно, свидетельствует о желании интервьюера сохранить нейтральную тональность общения. В то же время обращение реализуется высоким нисходящим тоном широкого диапазона, который не свойственен обращению (особенно официальному) при прерывании контакта.

В конце интервью при реализации функции размыкания контакта обращение может

быть оформлено средним нисходящим (39 %), низким нисходящим (31 %), нисходяще-восходящим тоном (13 %) или не иметь отдельного мелодического паттерна (17 %).

Исследование показало, что обращение в конце интервью реализуется в составе речевого акта благодарности (который, как правило, является облигаторным элементом финального этапа интервью) и / или речевого акта прощания, комплимента, пожелания:

(7) **Adam Liptak**, it is always a pleasure to talk with you. Thank you so much.

Prime Minister, thank you.

Для данной позиции характерно инициальное расположение обращения, которое часто реализуется средним нисходящим, низким нисходящим или нисходяще-восходящим тоном (рис. 6).

Выше отмечалось, что обращение в финальной части интервью реализуется вместе с другими речевыми актами. Исследование показало, что подобное соседство может быть оформлено одинаковым мелодическим контуром. По мнению Т.Н. Янко, это может происходить, если за обоими речевыми актами стоит объемлющая иллокутивная сила (обращение и благодарность в функции завершения контакта) [Янко, 2010, с. 457–458]. На рисунке 7 представлен пример мелодического оформ-

ления обращения и благодарности в предложении (см. рис. 7).

(8) **Prime Minister Lee Hsien Loong**, thank you so much for being on HARD Talk.

Для мелодического паттерна обоих речевых актов характерно небольшое повышение в начале и среднее падение узкого диапазона в конце.

Обращение в функции размыкания контакта (завершение интервью), как и в функции установления контакта, может не иметь мелодического маркера и продолжать мелодический рисунок предыдущей части, составляя одну синтагму с ней.

Заключение

Коммуникативная особенность реализации обращения в жанре интервью проявляется в его соседстве с другими этикетными речевыми актами (приветствия, благодарности, представления и т. д.), при этом в исследованных интервью обращение не отличается позиционной регламентированностью в коммуникативной структуре высказывания: оно может находиться в препозиции, интерпозиции или постпозиции к основной части высказывания.

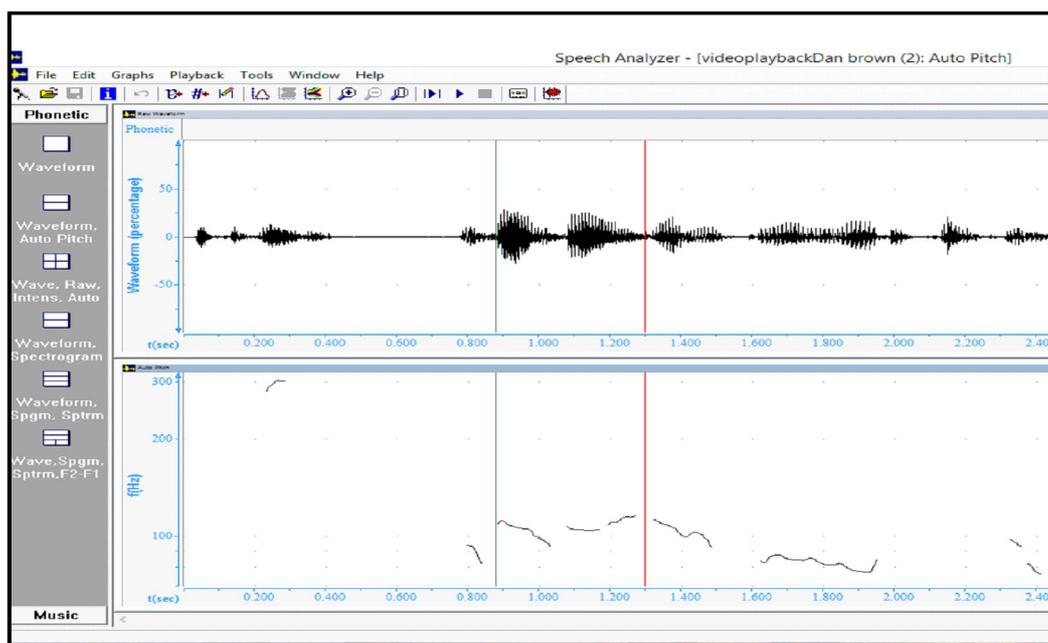

Рис. 6. Интонограмма предложения *Dan Brown, we have to end it there*

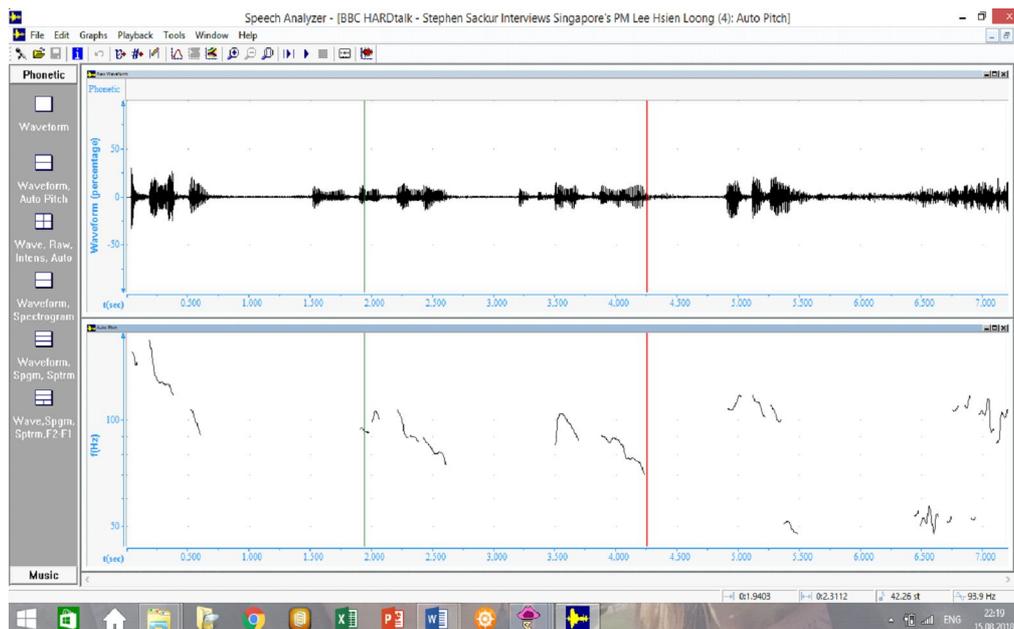

Рис. 7. Интонаграмма предложения *Prime Minister Lee Hsien Loong, thank you so much for being on HARD Talk*

Важнейшая функция обращения в интервью – фатическая, ее реализация способствует установлению, поддержанию, восстановлению и размыканию контакта. Кроме того, обращение в интервью служит для привлечения внимания, включения в общение, переключения ролей между говорящими.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в начале интервью обращение может находиться в препозиции, постпозиции или в абсолютной позиции к другим речевым актам. Для обращения в препозиции свойственен ровный, низкий нисходящий или средний нисходящий тон, в постпозиции обращение, как правило, не образует отдельной синтагмы и продолжает мелодический паттерн предыдущего высказывания. В абсолютной позиции обращение может быть оформлено восходяще-нисходящим тоном.

В основной части интервью обращение полифункционально, что выражается в возможности реализации функции возобновления контакта, привлечения внимания слушающего к теме дискуссии, смены ролей, поддержания контакта, размыкания контакта, смены тональности. Для этой части интервью характерны препозиция и интерпозиция обращения. Мелодические паттерны обращения разнообразны, преобладают нисходящий (низкого и среднего уровней), нисходяще-восходящий, низкий восходящий тоны. Среди основных фак-

торов, определяющих мелодический рисунок, – позиционные и функциональные характеристики исследуемых единиц.

Обращение является облигаторным элементом финальной части интервью и реализуется в препозиции к таким речевым актам, как прощание, благодарность, комплимент. В функции размыкания контакта обращение может быть оформлено низким нисходящим, средним нисходящим или нисходяще-восходящим тоном. Обращение может не иметь самостоятельного мелодического рисунка, а быть частью сложного мелодического контура. Особенность обращения в конце интервью составляет возможность использования мелодического паттерна, который повторяет мелодику последующего речевого акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемова Л. А., 2016. Функции именованного автора и референта в медийных сообщениях различных жанров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. С. 35–40.
- Гольдин В. Е., 2009. Обращение: теоретические проблемы. М. : ЛИБРОКОМ. 136 с.
- Карасик В. И., 1992. Язык социального статуса. М. : Институт языкознания РАН ; Волгогр. гос. пед. ин-т. 330 с.

- Кожухова Л. В., 2007. Речевой акт обращения // Вестник Ставропольского государственного университета. № 48. С. 80–85.
- Формановская Н. И., 1989. Речевой этикет и культура общения. М. : Высшая школа. 159 с.
- Янко Т. Е., 2010. Обращения в структуре дискурса // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик. С. 456–468.
- Янковская И. В., 2012. Роль маркеров в организации структуры интервью (когнитивно-дискурсивный подход) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 639. С. 311–320.

REFERENCES

- Artemova L.A., 2016. Functions of author and referent's nominations in mass media texts of various genres. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], no. 4, pp. 35-40.
- Goldin V.E., 2009. *Form of address: theoretical issues*. Moscow, LIBROKOM Publ. 136 p.
- Karasik V.I., 1992. *Language of Social Status*. Moscow, In-t yazykoznaniya RAN; Volgogr. gos. ped. in-t Publ., 1992. 330 p.
- Kozhukhova L.V., 2007. Vocative speech act. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 48, pp. 80-85.
- Formanovskaya N.I., 1989. *Speech Etiquette and Culture of Communication*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 159 p.
- Yanko T.E., 2010. Vocativity in a discourse structure. *Logical analysis of the language: mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures*. Moscow, Indrik Publ., pp. 456-468.
- Yankovskaya I.V., 2012. Role of discourse markers in TV interview structure (cognitive and discourse approach). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 639, pp. 311-320.

Information about the Author

Natalya Yu. Sorokoletova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, sorokoletovanat@volsu.ru, english_philology@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6680-0911>

Информация об авторе

Наталья Юрьевна Сороколетова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, sorokoletovanat@volsu.ru, english_philology@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6680-0911>

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.8>

UDC 811.161.1'34

LBC 81.411.2-1

Submitted: 26.06.2018

Accepted: 20.07.2018

TEMPORAL AND DYNAMIC CHARACTERISTICS OF VOWELS UNDER NEUTRAL AND EMPHATIC STRESS

Sergey V. Batalin

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Ekaterina A. Glebova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. Stress in the Russian language is traditionally considered to be primarily quantitative. The role of other acoustic parameters, intensity in particular, involved in producing the prominence effect, has not been sufficiently covered. Thus, the use of temporal and dynamic parameters of emphatic stress is of special interest. Duration and intensity in words with neutral and emphatic stress are analyzed. The speech material for analysis comprises the word 'Stas' embedded in the carrier phrase 'Stas ne byl tihoney' ('Stas was not quiet') with the target word occupying initial, medial and final positions in the phrase; in each position the word was pronounced with neutral and emphatic stress. *Praat* software was used to extract the duration and average intensity of the sound [a] in the word 'Stas'. The Student paired t-test was used to note the significance of difference between neutrally and emphatically stressed vowels. The analysis has shown an increase in vowel duration in emphatically stressed words. A general trend is observed to temporally mark the vowel in the phrase initial and phrase final positions. The emphatically stressed vowels were pronounced with higher intensity. This is achieved through an increase of either absolute or relative intensity values. The degree of both duration and intensity increase varies among the speakers. Due to a high correlation between the duration and energy curves of vowels, it does not seem expedient to describe stress with the energy parameter.

Key words: intonation, lexical stress, emphatic stress, neutral stress, inherent vowel duration, speech synthesis, Russian language.

Citation. Batalin S.V., Glebova E.A. Temporal and Dynamic Characteristics of Vowels under Neutral and Emphatic Stress. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 80-90. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.8>

УДК 811.161.1'34

ББК 81.411.2-1

Дата поступления статьи: 26.06.2018

Дата принятия статьи: 20.07.2018

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ И ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАСНЫХ ПРИ НЕЙТРАЛЬНОМ И ЭМФАТИЧЕСКОМ УДАРЕНИИ

Сергей Васильевич Баталин

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Екатерина Александровна Глебова

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Русское ударение традиционно считается квантитативным; при этом схема распределения длительностей ударных слогов во фразе может зависеть от типа ударения – нейтрального или эмфатического. Выдвинуто предположение о том, что различный характер квантования временной структуры фразы может быть обусловлен участием других акустических параметров, в частности, интенсивности, в создании эффекта ударения. С целью верификации гипотезы был проведен сопоставительный анализ длительности и интенсивности гласных, произнесенных с нейтральным и эмфатическим ударением, и оценена возможность описать эти акустические корреляты ударения с использованием параметра энергии гласного. Экспериментальный корпус представлен фразами идентичной звуковой структуры с анализируемым словом *Стас*, занимающим различные фразовые позиции и произнесенным с нейтральным и эмфатическим ударениями. Сопоставление полученных данных выполнено с использованием двустороннего *t*-критерия Стьюдента. Установлено, что увеличение длительности гласных и повышение их интенсивности в словах с эмфатическим ударением по сравнению со словами с нейтральным ударением осуществляется согласно общим закономерностям, в значительной степени модифицированным индивидуальными особенностями дикторов. Описание ударения с применением производного параметра энергии гласного представляется нецелесообразным ввиду высокой степени совпадения графиков длительности гласных и энергии их произнесения. Полученные результаты могут быть использованы в системах синтеза эмоционально окрашенной речи.

Ключевые слова: интонация, ударение, эмфатическое ударение, нейтральное ударение, длительность гласных, синтез речи, русский язык.

Цитирование. Баталин С. В., Глебова Е. А. Темпоральные и динамические характеристики гласных при нейтральном и эмфатическом ударении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 80–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.8>

Введение

Одним из актуальных направлений современной экспериментальной фонетики является исследование акустических параметров речевого сигнала, используемых для передачи эмоционального состояния говорящего. В связи с этим внимание лингвистов привлекает изучение роли акустических параметров в различных типах ударения. Количественный характер русского ударения в настоящее время общепризнан, при этом исследователи отдельно отмечают зависимость длительностей звуковых сегментов от позиционных факторов, в частности, от непосредственного фонетического контекста и позиции звукового сегмента в составе фразы [Кривнова, 2007], а также ритмической структуры слова [Златоустова, Кузнецов, Отт, 1984]. Кроме того, соотношение длительности односложных слов хорошо описывается с использованием относительных величин [Баталин, 2012].

Сделанные выше замечания справедливы, но только для слов, произнесенных с нейтральным, эмфатически неокрашенным ударением. В случае эмфатического ударения

схема изменения длительностей звуковых сегментов иная. Л.В. Златоустова в пилотном исследовании отмечает разнонаправленный характер изменения длительностей эмфатически ударных гласных в зависимости от типа передаваемых эмоций [Златоустова, 1957]. Увеличение длительности слов с эмфатическим ударением получило экспериментальное подтверждение в некоторых работах (см., например: [Апушкина, 2011; Нушикян, 1986]). Отметим также, что во фразах с эмфатическим ударением схема распределения относительных слоговых длительностей, характерная для нейтрального ударения, не прослеживается [Баталин, 2014]. Исследователи определяют параметр использования интенсивности в русском ударении как второстепенный. По мнению Л.В. Златоустовой, интенсивность имеет малую значимость для создания эффекта ударения [Златоустова, 1953], а Т.М. Николаева в связи с этим замечает, что интенсивность, как правило, следует за мелодическим рисунком фразы и в значительной степени обуславливается фразовыми позиционными условиями [Николаева, 1977, с. 94–98]. Однако на-

блюдения, полученные на материале целого ряда языков – английского [Lieberman, 1960], каталонского [Ortega-Liebaria, del Mar Vanrell, Prieto, 2010], мандаринского китайского [Yanhong, Nissen, Francis, 2008] – свидетельствуют об использовании интенсивности для выделения ударного слога. Кроме того, исследователи отдельно отмечают компромиссный выбор акустических параметров, включая интенсивность, для определения ударности слога при восприятии речи [Lieberman, 1960; Ortega-Liebaria, del Mar Vanrell, Prieto, 2010; Sluijter, van Heuven, Pacilly, 1996]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в роли акустического коррелята русского эмфатического ударения используется не только длительность, но и интенсивность звукового сигнала, и их взаимодействие может носить вариативный характер.

Такая гипотеза определила задачи настоящего исследования: проанализировать степень удлинения ударных гласных в словах с эмфатическим ударением по сравнению с нейтральным ударением; сравнить интенсивность гласных в словах с нейтральным и эмфатическим ударением; сопоставить использование этих двух акустических параметров привлеченными к эксперименту дикторами для создания эффекта нейтрального и эмфатического ударений. Кроме того, предполагается оценить возможность описания различий между нейтральным и эмфатическим ударениями с помощью такого примененного в ряде экспериментальных исследований производного параметра, как энергия звукового отрезка, [Нушикян, 1986; Потапова, 1986; Beckman, 1986].

Методика организации и проведения эксперимента

Экспериментальный корпус исследования составили фразы идентичного звукового состава с анализируемым словом *Стас*, занимающим во фразах начальную, срединную и конечную позиции: *Стас не был тихоней – Не был Стас тихоней – Не был тихоней Стас*. Анализируемое слово произносилось с нейтральным и эмфатическим ударениями. Во фразах, произнесенных с нейтральным

ударением, фразовое падало на последнее слово во фразе. Во фразах с эмфатическим ударением анализируемое слово *Стас* произносилось с эмфатическим выделением независимо от позиции слова – начальной, срединной или конечной.

В качестве дикторов были привлечены двое мужчин и две женщины в возрасте от 25 до 45 лет, носители русского литературного произношения. Каждая фраза озвучивалась по 10 раз (экспериментальный корпус состоит из 240 слов).

Озвученный материал был оцифрован с частотой 41 кГц и проанализирован с использованием программы *PRAAT*. Членение звуковых сегментов проводилось на основе спектрограммы; погрешность измерения длительностей составила 5 мс. В качестве основной единицы анализа был выбран гласный [а] в слове *Стас*, произнесенном с нейтральным и эмфатическим ударениями и занимающим начальную, срединную и конечную позиции во фразе. Выбор гласного в качестве основной единицы анализа был обусловлен тем фактом, что для восприятия словесного ударения существенна только длительность гласного в слоге [Физиология речи..., 1976, с. 103].

Измерялись следующие акустические параметры: длительность гласного [а], а также средние значения его интенсивности в словах с нейтральным и эмфатическим ударениями в различных позициях во фразе. Кроме того, были сопоставлены значения относительной интенсивности анализируемого гласного, рассчитанной как отношение средней интенсивности гласного к средней интенсивности всей фразы; расчет относительных значений проводился для каждого типа ударения и каждой позиции анализируемого слова во фразе. Анализ относительных значений интенсивности гласного потребовал измерения средних значений интенсивности фраз с анализируемым словом. Энергия произнесения гласного [а] рассчитывалась как произведение длительности гласного на усредненное значение его интенсивности для каждой фразовой позиции и типа ударения. При сопоставлении полученных результатов использовался *t*-критерий Стьюдента для 5 %-го уровня достоверности, а также корреляционный анализ.

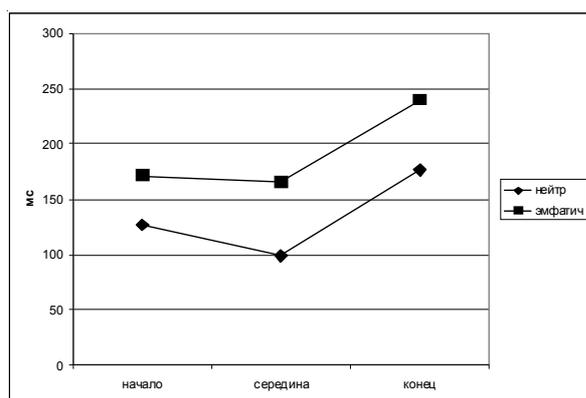
Результаты

Длительность гласных

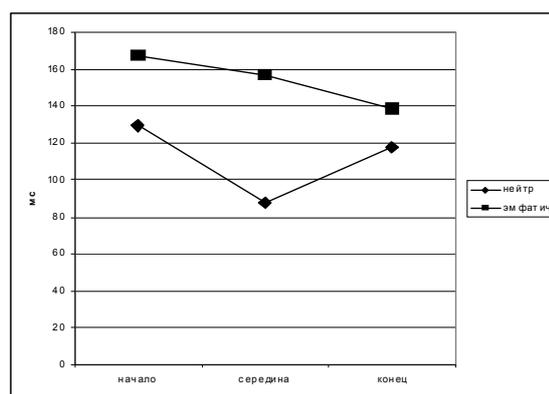
Результаты измерения абсолютных длительностей гласных в словах, произнесенных с нейтральным и эмфатическим ударениями, представлены на рисунке 1. У всех дикторов длительность гласных с эмфатическим ударением статистически достоверно превышает длительность гласных с нейтральным ударением, за исключением конечной позиции во фразе в произнесении диктора ПА. Использование критерия Стьюдента показало, что установленные различия в данном случае не являлись статистически достоверными ($p > 0,05$). Обращает на себя внимание тот факт, что дикторы в разной степени увеличивают длительность гласных с эмфатическим ударением. Представленные на рисунке графики показывают, что диктор БС

удлиняет эмфатически ударный гласный практически на одинаковую величину во всех трех позициях; у диктора ХТ максимальное удлинение эмфатически ударного гласного наблюдается в срединной фразовой позиции, а минимальное – в конечной; у диктора ПА различия в длительности гласных в конечной позиции во фразе отсутствуют; у диктора КН различие в длительности гласных в начальной фразовой позиции минимально.

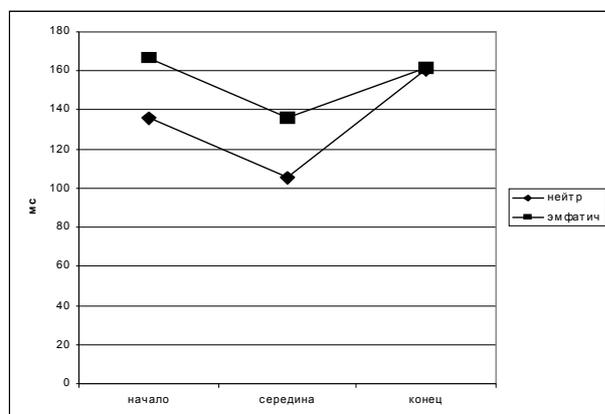
Относительная степень удлинения эмфатически ударных гласных по сравнению с гласными с нейтральным ударением, выраженная в процентах, представлена на рисунке 2. Данные графиков указывают на то, что дикторы БС и ХТ удлиняют эмфатически ударные гласные в большей степени, чем дикторы ПА и КН; исключением является степень удлинения гласного в конечной позиции во фразе у диктора КН. Кроме того, у дикторов БС и ХТ прослеживается опреде-

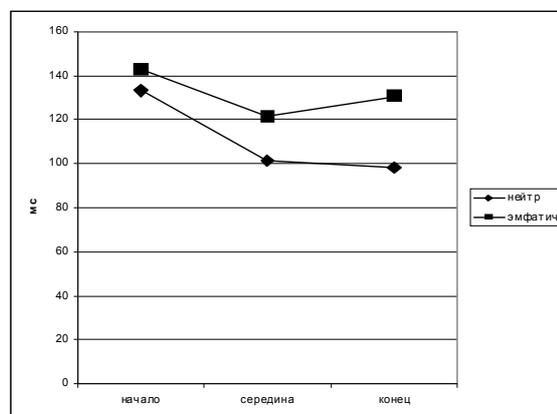
диктор БС

диктор ХТ

диктор ПА

диктор КН

Рис. 1. Длительность гласного [а] с нейтральным и эмфатическим ударениями в различных позициях фразы в произнесении четырех дикторов

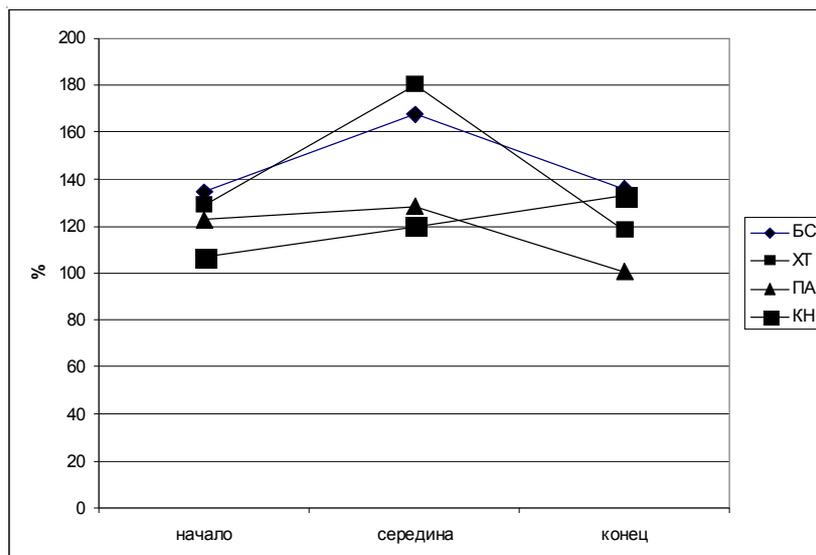

Рис. 2. Степень удлинения гласных с эмфатическим ударением по сравнению с длительностью гласных с нейтральным ударением в различных позициях во фразе в произношении четырех дикторов

ленная закономерность в степени удлинения эмфатически ударного гласного: она максимальна у гласных в срединной позиции во фразе и минимальна в начальной и конечной позициях; у дикторов ПА и КН подобной закономерности не наблюдается.

Интенсивность гласных

Графики усредненной интенсивности фраз, включающих слова, произнесенные с нейтральным и эмфатическим ударениями, представлены на рисунке 3. Как следует из графиков, привлеченные к эксперименту дикторы по-разному оформляют интенсивность фраз со словами, имеющими нейтральное и эмфатическое ударения. Так, дикторы БС и ХТ используют повышение интенсивности фразы с эмфатически ударным гласным нерегулярно. Диктор БС повышает общую интенсивность фразы с эмфатически ударным гласным только в том случае, когда анализируемое слово занимает во фразе конечную позицию. Диктор ХТ повышает общую интенсивность фразы в том случае, когда слово с эмфатическим ударением занимает во фразе срединную позицию. В остальных случаях у обоих дикторов общая средняя интенсивность фраз со словами с эмфатическим ударением ниже, чем интенсивность фраз со словами с нейтраль-

ным ударением. Иная картина наблюдается у дикторов ПА и КН: они регулярно произносят фразы, содержащие слова с эмфатическим ударением, более интенсивно, чем фразы, содержащие слова с нейтральным ударением. Данные различия являются статистически значимыми при 5 %-ом уровне достоверности.

Абсолютные значения интенсивности, усредненные на квазистационарных участках анализируемых гласных, представлены на рисунке 4. Как следует из графиков, у диктора БС интенсивность гласного, произнесенного с эмфатическим ударением, превышает интенсивность гласного с нейтральным ударением только в начальной и срединной фразовых позициях; у диктора ХТ – только в срединной позиции во фразе. У дикторов ПА и КН абсолютные значения интенсивности гласных, произнесенных с эмфатическим ударением, превышают соответствующие значения гласных с нейтральным ударением во всех трех позициях. Все вышеописанные различия статистически значимы при 5 %-ом уровне достоверности; в остальных случаях различия не являются статистически значимыми.

Относительные значения интенсивности анализируемых гласных определялись по отношению к средней интенсивности фразы; результаты сопоставления этих значений

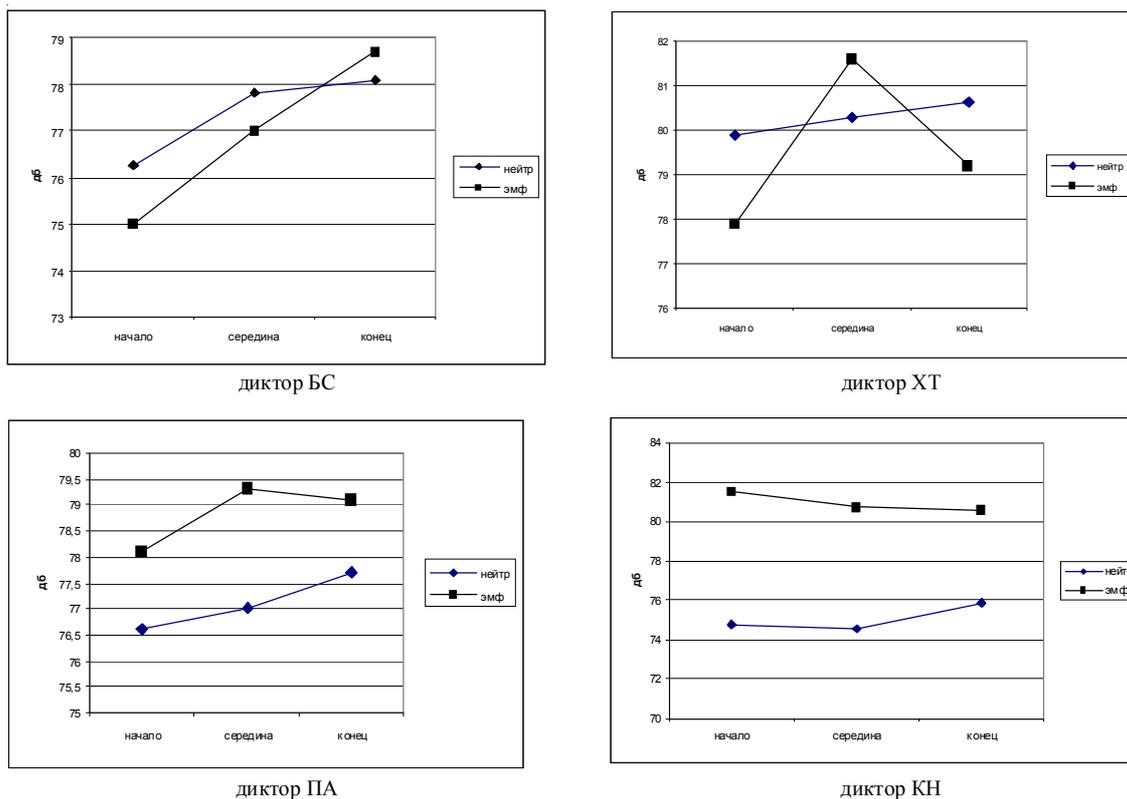

Рис. 3. Абсолютная интенсивность фразы с гласным [а], занимающим различные позиции во фразе, в произнесении четырех дикторов

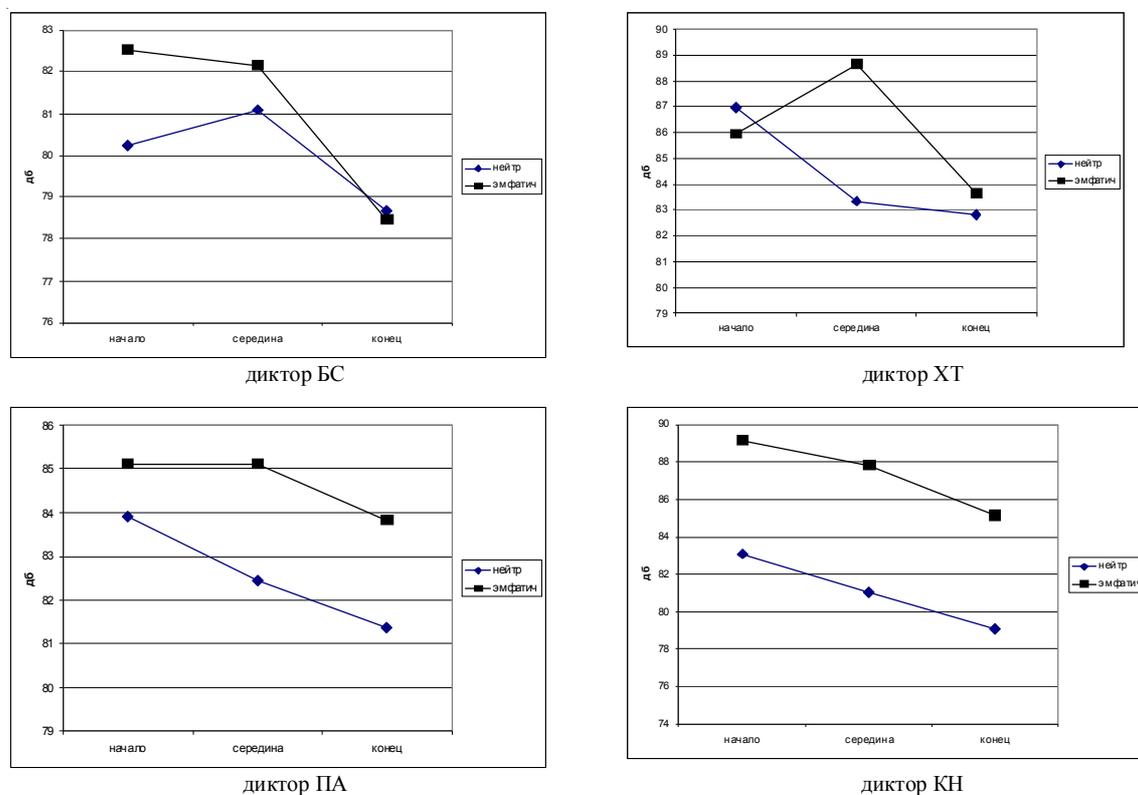

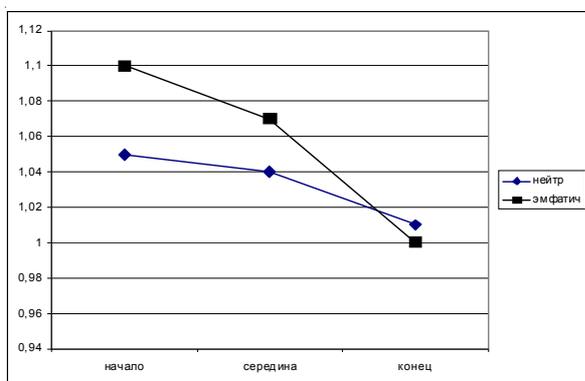
Рис. 4. Средняя абсолютная интенсивность гласного [а] в различных позициях во фразе в произнесении четырех дикторов

представлены на рисунке 5. Как следует из графиков, в случае с эмфатическим ударением гласный [а] далеко не всегда произносился с большей интенсивностью относительно средней интенсивности фразы, чем этот же гласный в слове с нейтральным ударением в соответствующей позиции. Относительная интенсивность гласного, произнесенного с эмфатическим ударением, статистически достоверно ($p < 0,05$) превышала относительную интенсивность гласного, произнесенного с нейтральным ударением: у диктора БС – в начальной и срединной позициях, у диктора ХТ – в срединной и конечной позициях, у диктора ПА – в начальной и конечной позициях, а у диктора КН – только в начальной позиции. Соответственно, использование критерия Стьюдента не выявило статистически значимых различий между относительными значениями интенсивности гласных в конечной позиции у диктора БС, начальной позиции у диктора ХТ, в срединной позиции у диктора ПА, в срединной и конечной позициях у диктора КН.

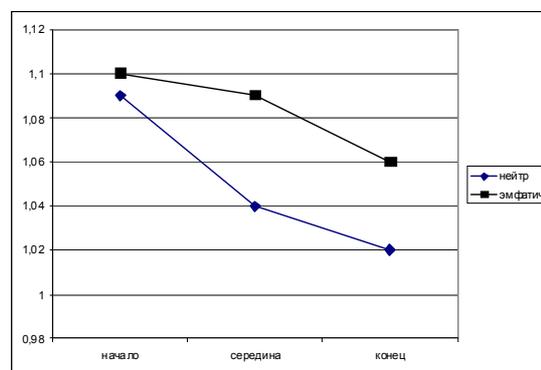
Энергия гласных

Результаты сопоставления энергии гласных, произнесенных с нейтральным и эмфатическим ударением, представлены на рисунке 6. На графиках видно, что данный параметр, рассчитанный как произведение длительности гласного на среднюю интенсивность квазистационарного участка, достаточно полно описывает различие между гласными с эмфатическим и нейтральным ударениями. Практически во всех рассмотренных случаях энергия гласных с эмфатическим ударением превышает энергию гласных с нейтральным ударением ($p < 0,05$); исключения составляют гласные в конечной фразовой позиции в произнесении диктора ПА, где выявленные различия не являлись статистически значимыми при 5 %-ом уровне достоверности.

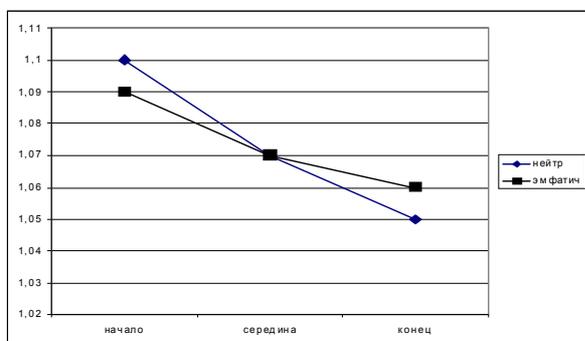
Обращает на себя внимание тот факт, что графики на рисунке 6 практически идентичны графикам длительности гласного [а], представленным на рисунке 1. Это наблюдение

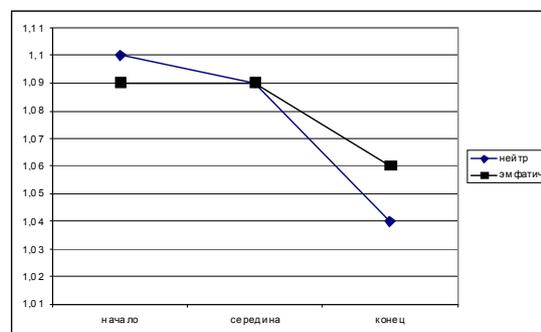
диктор БС

диктор ХТ

диктор ПА

диктор КН

Рис. 5. Относительная интенсивность гласного [а] в различных позициях во фразе в произнесении четырех дикторов

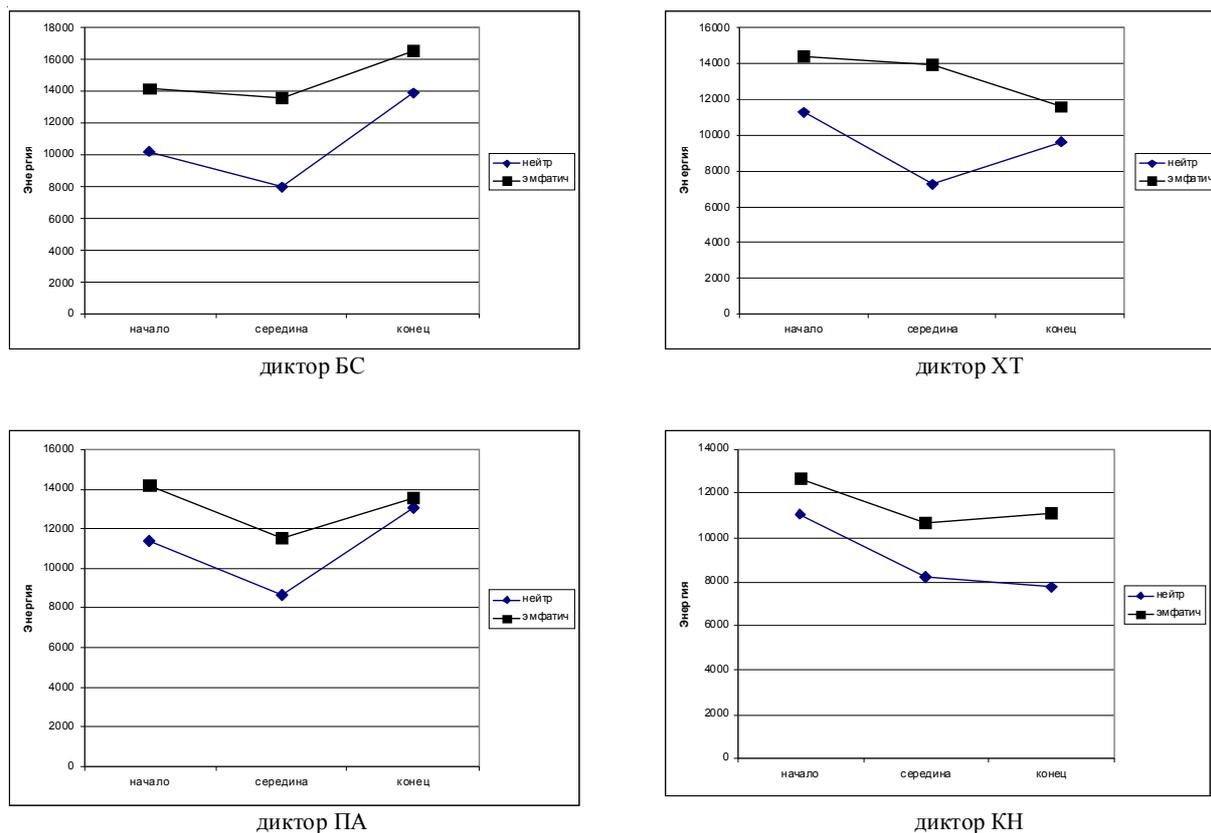

Рис. 6. Общая энергия гласного [а] в различных позициях во фразе в произнесении четырех дикторов

ние подтверждается результатами корреляционного анализа: у всех дикторов коэффициент корреляции Пирсона между значениями длительности гласного и его энергии варьируется в пределах 0,975–0,977.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают наше предположение о том, что в русском языке гласные, произнесенные с эмфатическим ударением, характеризуются как увеличением длительности, так и повышением интенсивности. Полученные данные согласуются с результатами исследований, выполненных на материале языков различных языковых групп: английского [Lieberman, 1960], каталонского [Ortega-Liebaria, del Mar Vanrell, Prieto, 2010], мандаринского китайского [Yanhong, Nissen, Francis, 2008], тулу [Manjunath et al., 2012]. Несмотря на различия в интонационных системах вышеупомянутых языков, ударение в них сопровождается как увеличением длительностей гласных, так и повышением их интенсивности, и данный факт, очевид-

но, является языковой универсалией, хотя степень изменения данных параметров определяется спецификой конкретного языка.

Полученные результаты подтверждают имеющиеся в литературе данные о значительной междикторской вариативности в оформлении эмоционально окрашенного высказывания в русском языке, которая проявляется в плане темпоральных и динамических характеристик [Нушикян, 1986, с. 146]. В нашем случае привлеченных к эксперименту дикторов можно условно разделить на две группы: дикторы БС и ХТ, дикторы ПА и КН.

У дикторов БС и ХТ наблюдается увеличение длительностей гласных в словах с эмфатическим ударением в срединной позиции во фразе. Данное явление можно объяснить тем фактом, что абсолютно начальные и конечные позиции во фразе являются темпорально маркированными и длительность соответствующих звуков достигает своего максимального значения, особенно в конечной позиции. В срединной позиции во фразе, где длительность звуков сокращена, имеется определенный «запас» эластичности, который

позволяет удлинять их. Кроме того, дикторы БС и ХТ наряду с увеличением абсолютной интенсивности гласного с эмфатическим ударением увеличивают интенсивность этого гласного за счет повышения относительной интенсивности звука.

Дикторы ПА и КН удлиняют гласные с эмфатическим ударением в меньшей степени, чем дикторы БС и ХТ. Вероятно, степень удлинения гласных в словах с эмфатическим ударением в этом случае определяется стремлением говорящих темпорально маркировать начальную и конечную позиции во фразе, что хорошо видно на графиках (см. рис. 1). Меньшее удлинение компенсируется повышением абсолютной интенсивности ударного гласного. При этом повышение интенсивности у ПА и КН достигается, в отличие от дикторов БС и ХТ, за счет повышения интенсивности всей фразы. Следовательно, можно говорить о разных схемах выделения эмфатически ударных гласных. Полученные результаты по распределению уровней интенсивности ударных гласных в различных фразовых позициях в целом у всех четырех дикторов совпадают с наблюдениями, сделанными Т.М. Николаевой для двусложных слов [Николаева, 1977, с. 94].

Характеризуя использование для описания степени ударности гласного такого производного параметра, как энергия, отметим высокую степень совпадения графиков длительности и энергии произнесения гласных, построенных на основе полученных данных. Это наблюдение подтверждается высокими значениями коэффициента корреляции. Дублирование графиков ставит под сомнение целесообразность использования параметра энергии для описания степени ударности гласного.

Выводы

1. Гласные, произнесенные с эмфатическим ударением, характеризуются увеличением длительности и повышением интенсивности.
2. Увеличение длительности гласных с эмфатическим ударением определяется как индивидуальными особенностями говорящего, так и позицией гласного во фразе. При этом у привлеченных к эксперименту дикторов прослеживается тенденция к темпоральному мар-

кированию начальной и конечной фразовых позиций за счет большей длительности гласных как при нейтральном, так и эмфатическом ударении.

3. Общая схема соотношения абсолютных значений интенсивности гласных, произнесенных с нейтральным и эмфатическим ударениями, определяется положением гласного во фразе и характеризуется снижением значений интенсивности от начала к концу фразы.

4. Абсолютные значения интенсивности гласных с эмфатическим ударением, как правило, превышают те же показатели у гласных с нейтральным ударением.

5. Характер повышения уровня интенсивности гласных с эмфатическим ударением может определяться индивидуальными особенностями дикторов и осуществляться как за счет повышения абсолютных значений интенсивности всей фразы, так и за счет повышения относительной интенсивности ударного гласного.

6. Использование такого производного параметра, как энергия гласного, для описания нейтрального и эмфатического ударений представляется избыточным ввиду весьма высокой корреляции между значениями энергии и длительности гласных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апушкина И. Е., 2011. Качество гласных и восприятие словесного ударения в спонтанной речи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 4. С. 86–94.
- Баталин С. В., 2012. О двух подходах к описанию длительностей звуковых сегментов в зависимости от их позиции во фразе // *Lingua mobilis*. № 3 (36). С. 43–56.
- Баталин С. В., 2014. Влияние эмфатического ударения на динамику звуковых и слоговых длительностей во фразе // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. № 1–2. С. 15–21.
- Златоустова Л. В., 1953. Фонетическая природа русского словесного ударения (На основе экспериментальных данных) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград. 16 с.
- Златоустова Л. В., 1957. Типы эмфатического ударения в русском литературном языке // *Ученые записки Казанского государственного университета*. Т. 117, кн. 2. С. 107–112.

- Златоустова Л. В., Кузнецов В. Б., Отт А., 1984. Длительность гласного как результат взаимодействия двух факторов: ритмической структуры слова и его положения в синтагме // Автоматическое распознавание слуховых образов. Тезисы докладов и сообщений 13-й Всесоюзной школы-семинара (АРСО-13). Новосибирск : Сибирское отделение Академии наук Институт математики ; Новосибирский гос. ун-т. Ч. II. С. 3–5.
- Кривнова О. Ф., 2007. Временные характеристики русских гласных в слитной речи (количественная модель) // Труды XIX сессии Российского акустического общества (РАО). Нижний Новгород : НГУ. Т. 3. С. 53–56.
- Николаева Т. М., 1977. Фразовая интонация славянских языков. М. : Наука. 281 с.
- Нушикян Э. А., 1986. Типология интонации эмоциональной речи. Минск : Выща школа. 157 с.
- Потапова Р. К., 1986. Слоговая фонетика германских языков. М. : Высшая школа. 144 с.
- Физиология речи..., 1976. Физиология речи. Восприятие речи человеком / Л. А. Чистович [и др.] ; под ред. Л. А. Чистович. Л. : Наука. 388 с.
- Beckman M. E., 1986. Stress and Non-Stress Accent. Dordrecht : Foris. 231 p. (Netherlands Phonetic Archive. Vol. 7).
- Lieberman P., 1960. Some acoustic correlates of word stress in American English // Journal of Acoustical Society of America. Vol. 32. P. 451–454.
- Manjunath N. et al., 2012. Manjunath N., Teja D. D., Sneha M. V., Dattatreya T. Acoustic Correlates of Emphatic Stress in Tulu: A Preliminary Study // American Journal of Linguistics. No. 1 (3). P. 28–32. DOI: 10.5923/j.linguistics.20120103.02
- Ortega-Llebaria M., Mar Vanrell M. del, Prieto P., 2010. Catalan speakers' perception of word stress in unaccented contexts // Journal of Acoustical Society of America. Vol. 127, no. 1. P. 462–471. DOI: 10.1121/1.3268506.
- Sluijter A. M. C., Heuven V. J. van, Pacilly J. J. A., 1996. Spectral balance as an acoustic correlate of linguistic stress // Journal of Acoustical Society of America. Vol. 100, no. 4, pt. 1. P. 2471–2485.
- Yanhong Zh., Nissen L., Francis A., 2008. Acoustic characteristics of English lexical stress produced by native Mandarin speakers // Journal of Acoustical Society of America. Vol. 123, no. 6. P. 4498–4513. DOI: 10.1121/1.2902165.
- Vestnik Sankt-Peterburgskogo univesiteta, Seriya 9, Filologiya, Vostokovedenie, Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series Philology. Asian Studies. Journalism], iss. 4, pp. 86–94.
- Batalin S. V., 2012. On two approaches to the description of duration of sound segments depending upon their position in the phrase. *Lingua mobilis*, no. 3 (36), pp. 43–56.
- Batalin S. V., 2014. The influence of emphatic stress on the duration of sounds and syllables in a phrase. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 1–2, pp. 15–21.
- Zlatoustova L. V., 1953. *Phonetic nature of word stress in the Russian language (Based on experimental data)*. Abstract of PhD thesis. Leningrad. 16 p.
- Zlatoustova L. V., 1957. Types of emphatic stress in the Russian literary language. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 117, book 2, pp. 107–112.
- Zlatoustova L. V., Kuznetsov V. B., Ott A., 1984. Vowel duration as a result of the interaction of two factors: word rhythmic structure and word position in a phrase. *Avtomaticheskoe raspoznavanie slukhovykh obrazov. Tezisy dokladov i soobshcheniy 13-y Vsesoyuznoy shkoly-seminara (ARSO-13)*. Novosibirsk, Izd-vo NGU, part II, pp. 3–5.
- Krivnova O. F., 2007. Temporal characteristics of Russian vowels in connected speech (a quantitative model)]. *Trudy XIX sessii Rossiyskogo akusticheskogo obshchestva*. Nizhniy Novgorod, Izd-vo NGU, vol. 3, pp. 53–56.
- Nikolaeva T. M., 1977. *Phrasal intonation of Slavic languages*. Moscow, Nauka Publ. 281 p.
- Nushikyan E. A., 1986. *Intonation typology of emotional speech*. Minsk, Vysshaya shkola Publ. 157 p.
- Potapova R. K., 1986. *Syllabic phonetics of Germanic languages*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 144 p.
- Chistovich L. A., Ventsov A. V., Granstrem A. P., et al., 1976. *Speech physiology. Speech perception by human*. Leningrad, Nauka Publ. 388 p.
- Beckman M. E., 1986. *Stress and Non-Stress Accent*. Dordrecht, Foris. 231 p. (Netherlands Phonetic Archive. Vol. 7).
- Lieberman P., 1960. Some acoustic correlates of word stress in American English. *Journal of Acoustical Society of America*, vol. 32, pp. 451–454.
- Manjunath N., Teja D. D., Sneha M. V., Dattatreya T., 2012. Acoustic Correlates of Emphatic Stress in Tulu: A Preliminary Study. *American Journal of Linguistics*, no. 1 (3), pp. 28–32. DOI: 10.5923/j.linguistics.20120103.02

REFERENCES

Apushkina I. E., 2011. The quality of vowels and word stress perception in spontaneous speech.

Ortega-Llebaria M., Mar Vanrell M. del, Prieto P., 2010. Catalan speakers' perception of word stress in unaccented contexts. *Journal of Acoustical Society of America*, vol. 127, no. 1, pp. 462-471. DOI: 10.1121/1.3268506.

Sluifster A.M.C., Heuven V.J. van, Pacilly J.J.A., 1996. Spectral balance as an acoustic correlate of

linguistic stress. *Journal of Acoustical Society of America*, vol. 100, no. 4, part 1, pp. 2471-2485.

Yanhong Zh., Nissen L., Francis A., 2008. Acoustic characteristics of English lexical stress produced by native Mandarin speakers. *Journal of Acoustical Society of America*, vol. 123, no. 6, pp. 4498-4513. DOI: 10.1121/1.2902165.

Information about the Authors

Sergey V. Batalin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, sbat_2009@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3435-9797>

Ekaterina A. Glebova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russia, eaglebova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2284-631X>

Информация об авторах

Баталин Сергей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, sbat_2009@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3435-9797>

Екатерина Александровна Глебова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Россия, eaglebova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2284-631X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.9>

UDC 811.161.1'355
LBC 81.411.2-1

Submitted: 04.05.2018
Accepted: 05.06.2018

PHONETIC ASPECT OF YOUNG PEOPLE'S SPEECH PORTRAIT (EXEMPLIFIED BY SPEECH OF MILITARY INSTITUTE CADETS)

Olga P. Fesenko

Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk, Russia

Abstract. The paper deals with the reconstruction of speech portrait which is defined as a part of verbal personality, verbalized in the communication process. The purpose of our research is to analyze linguistic features of the cadet's speech portrait, which are implemented at the phonetic level. The subject of the research is the verbal picture of the cadets of a military institute. The object is its phonetic aspect. The research material is represented with dictaphone recordings of educational discourse (240 hours long). The recordings were made at the lessons of different academics for the first, the second and the third-year cadets (disciplines – Russian Language and Culture of Speech, Military History, Law). 512 cadets took part in the research. The main method is the method of scientific description with the use of the following techniques: observation, continuous sampling, classification, systemization, interpretation and statistical data processing.

The cadets' speech portrait is balanced enough, but it requires certain correction as for accentological and articulatory standards. The cadets made about 70 mistakes, which are typical for the young people's speech. When modeling the cadets' speech portrait, the special attention should be given to speech delivery. Its development is one of the factors for successful communication in the military professional sphere.

The research results can be the foundation for reconsideration of the content of educational standards in military specialties. The given phonetic aspect of the young people's speech portrait enlarges existing in linguodidactics concepts about the analyzed phenomenon and contributes to the development of linguodidactics and sociolinguistics. The phonetic features of the cadets' speech portrait are shared by all the young people.

Key words: speech portrait, cadet's speech portrait, phonetic aspect of speech portrait, orthoepic mistake, accentological mistake, educational discourse.

Citation. Fesenko O.P. Phonetic Aspect of Young People's Speech Portrait (Exemplified by Speech of Military Institute Cadets). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 91-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.9>

УДК 811.161.1'355
ББК 81.411.2-1

Дата поступления статьи: 04.05.2018
Дата принятия статьи: 05.06.2018

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА)

Ольга Петровна Фесенко

Омский автобронетанковый инженерный институт, г. Омск, Россия

Аннотация. Статья посвящена реконструкции речевого портрета, который определяется как составляющая речевой личности, вербализуемая в процессе коммуникации. Цель исследования – проанализировать лингвистические черты речевого портрета курсанта, реализующиеся на фонетическом уровне. Материал исследования составили диктофонные записи учебного дискурса (240 часов).

Установлено, что речевой портрет курсантов гармоничен, хотя требуется незначительная корректировка с точки зрения соблюдения акцентологической и произносительной норм. В речи курсантов выявлены

ошибки, типичные для речи современной молодежи. Определено, что особую роль при формировании речевого портрета курсантов играют артикуляция и дикция, их развитие является одним из факторов успешной коммуникации в военной профессиональной сфере.

Полученные в результате исследования данные могут стать основой для пересмотра содержания образовательных стандартов по военным специальностям, корректировки содержания лингвистических дисциплин не только в военных учебных заведениях, но и в вузах страны в целом. Описанная фонетическая составляющая речевого портрета курсантов как представителей современной молодежи дополняет имеющиеся сведения об анализируемом феномене, а проведенное исследование вносит вклад в развитие лингводидактики и социолингвистики.

Ключевые слова: речевой портрет, речевой портрет курсанта, фонетическая составляющая речевого портрета, орфоэпическая ошибка, акцентологическая ошибка, учебный дискурс.

Цитирование. Фесенко О. П. Фонетическая составляющая речевого портрета современной молодежи (на примере речи курсантов военного вуза) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 91–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.9>

Введение

Одним из актуальных направлений современной лингводидактики является исследование речевого портрета обучающегося. Зная особенности речевого портрета студентов, педагог может скорректировать основные направления своей деятельности, подходы к отбору и подаче учебного материала, повысить качество освоения языковой дисциплины. В вузе учет специфики речи студентов (или курсантов) не менее важен, чем в школе. Он обуславливает темпы и прочность овладения разными учебными предметами, а также языком профессии.

Цель нашего исследования – выявить собственно лингвистические особенности речевого портрета курсанта, реализующиеся на фонетическом уровне.

Материалом для изучения послужили диктофонные записи (240 часов), которые были сделаны на занятиях по различным дисциплинам 1, 2 и 3-го курсов («Русский язык и культура речи», «Военная история», «Правоведение»). В исследовании приняли участие 512 обучающихся. Выбор учебных дисциплин был обусловлен их гуманитарной направленностью и возможностью для обучающихся вступать в процесс коммуникации или оформлять монолог в ходе занятия. Выбор курсантов первых трех лет обучения продиктован тем, что они являются активно формирующимися языковыми личностями. Их речевой портрет в значительной степени динамичен и может поддаваться корректировке. Старшекурсники, от исследования речевого портрета которых мы

отказались изначально, – это состоявшиеся военнослужащие, у которых закончился срок срочной службы и оформлена служба по контракту. Следовательно, их языковая личность и речевой портрет как специалистов уже сформированы и обладают рядом черт, которые во многом определяются спецификой профессиональной коммуникации.

Теоретические основы исследования

Описание речевого портрета (далее – РП) связано, прежде всего, с его фонетической характеристикой. Как отмечают исследователи, первые описания звуковой составляющей РП появились еще в 60-е годы XX столетия в работах Е.Д. Поливанова, создавшего фонетические портреты известных писателей, ученых и политиков (см. об этом: [Крысин, 2004]). Подробное описание русского речевого портрета в фонетическом аспекте осуществили М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова [1995]. Наибольший интерес исследователей речевое портретирование вызвало в 80–90-е годы XX века. Важнейшим положением, сформулированным в рамках лингвистической науки того времени, стало утверждение о том, что в речевом портрете человека отражается его принадлежность к социальным общностям (подробно см.: [Бойко, 2008]). Если человек одновременно входит в несколько профессиональных структур, то специфическими чертами его речевого портрета становятся полиглоссность и диглоссия (в трактовке Л.П. Крысина).

Ученые многократно осуществляли обзор толкований термина «речевой портрет»

(см., например: [Павлычева, 2016]). Это понятие рассматривается учеными с двух позиций:

1. РП является основной составляющей языковой личности, воплощающей ее языковые характеристики, реализующиеся в коммуникации (письменной или устной). При этом под РП может пониматься как представленная в речи языковая личность [Солодянкина, Хвостова, 2012, с. 156] в самом широком смысле этого термина, так и различные ее речевые воплощения с учетом конкретных социальных характеристик [Леорда, 2006, с. 6].

2. Языковая личность отождествляется с РП, поскольку одно без другого не существует и говорить о языковой личности без учета особенностей ее коммуникации нельзя [Барашева, 2014; Иссерс, 2002].

Для нас наиболее оптимальным является первый вариант трактовки с тем лишь дополнением, что РП – это часть речевой личности (языковой личности в узком понимании термина), вербализуемая в процессе коммуникации.

Интерес современной лингвистической науки к фонетическим особенностям речи языковой личности связан во многом с тем, что «фонетические характеристики речи индивидуума являются отражением личностных черт, заключенных в его РП и включающих в себя возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические особенности человека» [Бабушкина, 2012, с. 9]. Фонетические признаки, по мнению ученых, чрезвычайно показательны для анализа речевого портрета (см., например: [Мороз, 2011, с. 197]). Важно и то, что проконтролировать реализацию навыков произношения и использования интонации носителю языка достаточно проблематично, поскольку они абсолютно автоматизированы. Жесткий самоконтроль этой сферы общения максимально затруднил бы его, сделал крайне неудобным и непродуктивным. В связи с этим анализ фонетической стороны РП позволяет получить наиболее объективные сведения о его специфических чертах.

Исследователи при анализе фонетической составляющей РП обучающихся обращают внимание на следующие особенности:

1. Произнесение звуков (ослабление артикуляции, нечеткая дикция, стяжение гласных и т. д.). Речь идет об искажении фонетическо-

го облика слова. Сюда же можно отнести появление лишнего звука или исчезновение необходимого звукового элемента в слове, связанные с нарушением орфоэпической нормы.

2. Постановка ударения в словах (то есть особенности соблюдения акцентологической нормы «с указанием вариантов и сравнительной частотности их употребления в живой устной речи» [Загоровская, 2013, с. 175]).

Методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды, посвященные разработке теории РП в коммуникативной лингвистике, лингводидактике и социолингвистике (Б.Л. Бойко, О.С. Иссерс, С.В. Леорда, О.В. Загоровская, Л.П. Крысин, Н.В. Солодянкина и др.) и фонетической составляющей РП (Е.А. Бабушкина, М.В. Китайгородская, Н.Ю. Мороз).

Нами были использованы следующие методы и приемы:

– анализ, синтез и обобщение (при изучении научной литературы, документов и образовательных стандартов высшей школы);

– дескриптивный и сопоставительный методы (при составлении текста научной работы и анализе полученных результатов исследования);

– метод слухового анализа;

– прием количественных подсчетов (при систематизации фонетических ошибок);

– метод сплошной выборки (при анализе дискурса и языкового материала). Мы не анализировали те фонетические параметры, которые связаны с диалектными особенностями речи, поскольку в институте обучаются курсанты из самых разных регионов России (от Калининграда до Владивостока).

Результаты и обсуждение

В речи испытуемых были выявлены следующие нарушения орфоэпической нормы:

– Нечеткое произнесение конца слова с последующей утратой последних согласных звуков в слове: *вынóсливо[c']* вместо *вынóсливо[c'm']*; *тó е[c']* вместо *тó е[c'm']*; *пу[c']* вместо *пу[c'm']*; *жи[c']* вместо *жи[з'н']*.

– Выпадение звуков или слогов (дизреза): *ч[э']ство* вместо *ч[лв'эч']ество*; *[т'á]* / *[т'и'á]* вместо *[т'и'б'á]*; *т[л'á]рищ* вместо *т[лв'á]рищ*; *зд[р]а[с'ь]те* вместо *зд[р]а[ствуй]те*; *л[и]ч[ь]* *состав* вместо *л[и]ч[н]ый состав*; *в[о]се[м']сят* вместо *в[о]се[м'д'ь]сят*; *[с'он'ь]* вместо *[с'и'в[одн'ь]*; *ни[ч'ó]* вместо *ни[ч'и'в[о]*; *д[э]уш[ка]* вместо *д[э]вуш[ка]*; *[кл'д'á]* вместо *ко[л'д'á]*; *б[у]ьт* вместо *б[у]д'ьт*; *[с'ó]* *равно* вместо *[фс'ó]* *равно*. Вариант *[щ'á]с* вместо *[с'и'и]ч'ás*, функционирующий в речи курсантов, мы отнесли к ошибочным, поскольку он был использован на учебном занятии в рамках официально-делового и научного стилей, что недопустимо, поскольку вариант *[щ'á]с* хотя и находится в пределах литературной нормы, но в словаре имеет помету *разг.* (ОСРЯ, с. 524). В Большом орфоэпическом словаре (БОС) данное слово не зафиксировано.

– Замена согласных звуков: *физ[и]щ'ески* вместо *физ[и]щ[ч']ески*; *физ[и]щ[щ']еской* вместо *физ[и]щ[ч']еской*; *ди[л']ект[и]ва* вместо *ди[р']ект[и]ва*. Последний вариант вызван дистантной регрессивной диссимиляцией по способу образования и является ошибкой, рассматривающейся в стилистике как грубое просторечие.

– Несоблюдение норм произношения твердых и мягких согласных в заимствованных словах. В некоторых заимствованных словах с приставками *де-* или *дез-* наблюдается общая тенденция к смягчению согласного звука *д*, однако при этом встречаются и колебания в произношении твердого или мягкого *д* (подробно см.: [Розенталь, Джанджакова, Кабанова, 1999]). Речь курсантов в этом отношении не является исключением, отражая названную тенденцию и в то же время включая описанные варианты, каждый из которых согласно словарям имеет право на существование в рамках литературного языка: *деп[р]эссия* и *деп[р']эссия* (ОСРЯ, с. 18); *стра[т]эгия* и *стра[т']эгия* (ОСРЯ, с. 550); *аг[р]ессивно* и *аг[р']ессивной*, *аг[р]эссия* и *аг[р']эссия* (ОСРЯ, с. 21). Однако в последнем издании Большого орфоэпического словаря варианты произношения твердых согласных отмечены как «неправильные» (БОС, с. 164), поэтому именно твердые варианты рассматриваются нами как ошибочные.

– Утрата мягкости согласного: *нед[áв]ну[ю]* вместо *нед[áв]н[у]ю*.

– Утрата твердости согласного звука (ассимиляция по мягкости): *на комп[ь]т[']ере* вместо *на комп[ь]т[т]ере*; *патриот[и]з[']м* вместо *патриот[т]из[м]*.

– Усиленная редукция гласных (стяжение гласных): *фот[л']ппар[á]т* вместо *фот[л'ьл']ппар[á]т*.

– Появление лишних звуков или слогов в слове (эпентеза): *произведе[н]о́* вместо *произведе[н]о́*.

В речи курсантов отмечено функционирование вариантов, связанных с заменой гласных звуков в слове: *сосредот[á]чивать* и *сосредот[ó]чивать*. Первый был использован курсантами 4 раза, второй (с ударением на *ó*) зафиксирован однократно, однако оба варианта рассматриваются как равноправные в современных лексикографических источниках (БОС, с. 803; ОСРЯ, с. 550).

Всего зафиксированы 95 отклонений от произносительной нормы русского литературного языка. Большинство из них единичны, их нельзя считать типичными для речи курсантов в целом. При этом имеются примеры трехкратного (*[с'ó]* *равно* вместо *[ф'с'ó]* *равно*) и четырехкратного (*[кл'д'á]* вместо *[кл'гд'á]*) повтора ошибок в речи разных курсантов.

Наиболее частотными среди орфоэпических нарушений можно считать выпадение звуков и слогов, а также нечеткое произнесение конца слова. Эти ошибки вызваны ослабленной артикуляцией и нечеткой дикцией говорящего, что представляется нам неприемлемым в военной сфере, поскольку от дикции командира во многом зависит четкость выполнения поставленной перед подчиненным задачи. Хотя общее количество подобных ошибок нельзя считать предельным (оно невелико – 58), требуется некоторая корректировка речи курсантов, поскольку артикуляция и дикция оказываются профессионально значимыми.

Обнаруженные нами отклонения стилистически можно охарактеризовать как просторечные, поскольку, как отмечает Л.П. Крысин, для современного просторечия характерны: 1) стяжение гласных; 2) диссимиляция согласных по месту и способу образования;

3) отсечение части консонантных сочетаний в финалях слов; 4) упрощение слоговой структуры слова и др. [Крысин, 2004, с. 134–138]. Последний и наиболее частотный тип ошибки характерен не только для малограмотного населения, но и для современных школьников (см. об этом: [Мамаева, 2007, с. 10–11]).

Речь курсантов соответствует младшей орфоэпической норме с нейтральным стилем произношения, что вполне закономерно и объяснимо, поскольку для старшей нормы, как отмечается в научной литературе, «характерно произношение *було[ин]ая, мяг[к'ий], [з'в']ерь*. Младшая произносительная норма, наблюдаемая в речи молодежи, владеющей литературным языком, допускает произношение *було[чн]ая, мяг[к'ий]*. Нормы высокого стиля произношения <...> допускают, например, произношение безударного звука [о] в заимствованных словах: *п[о]эт, с[о]нет, н[о]كتورн*. В нейтральном стиле эти и подобные слова произносятся по общему правилу замены безударного звука [о] звуком [ʌ]: *п[ʌ]эт, с[ʌ]нет, н[ʌ]кторн*» [Касаткин, Клобуков, Лекант, 2005, с. 282].

Несмотря на наличие грубейших нарушений нормы русского литературного языка, следует отметить, что подобных ненормативных вариантов в речи курсантов немного. Они свидетельствуют о некоторой недостаточности знаний по русскому языку и вполне преодолимы в процессе освоения вузовского курса «Русский язык и культура речи».

При анализе нарушений акцентологической нормы нами были зафиксированы 36 ошибочных употреблений. Это изменения места постановки ударения:

– в глагольных формах: *человечество не поняло, предложил решение проблемы, растут* (вариант отклонения от акцентологической нормы является еще и грамматической ошибкой), *облегчила*;

– в форме именительного падежа имени существительного: *ходатайство, обеспечение, жизнеобеспечения, сосредоточение*;

– в формах множественного числа имен существительных: *в глубинах сознания, двигателя* (мн.ч., И.п.), *средствами, средства, местностях*;

– в прилагательных и причастиях: *бронированные машины, речь была воспринята*;

– в названиях: *на реке Оми, Армия Вермахта*.

Наряду с приведенными ошибками в речи курсантов функционируют устаревающие (согласно данным ОСРЯ и БОС) варианты *нуждаться в деньгах, отношение к деньгам* (по три употребления каждого) одновременно с таким же количеством современных примеров (*думать о деньгах, помешаны на деньгах*). Слово *договор* с ударением на первом слоге, которое допустимо (БОС, с. 177), встретилось лишь единожды, в то время как вариант *договор* зафиксирован 17 раз.

Наиболее типичными можно считать ошибки в словах *ходатайство* (6 ошибочных употреблений) и *обеспечение* (8 ошибочных употреблений). В научной литературе отмечается, что вариант *обеспечение* следует квалифицировать как знак принадлежности слова к социально-групповому диалекту военных [Бойко, 2008, с. 119]. Мы не можем с этим согласиться, поскольку в настоящее время это одна из типичных ошибок современного поколения. Неверное ударение в этом слове делает большое количество россиян вне зависимости от профессии. Например, на интернет-форумах вопрос о постановке ударения *обеспечение* или *обеспечение* обсуждается довольно часто. Носители языка возмущаются, обнаруживая, что ставят ударение в слове неверно; уверяют, что в словарях опечатка; призывают изменить правило¹. В связи с этим относить данную ошибку к особенностям социально-группового диалекта военных нельзя. Отметим также, что частотность указанного нарушения уже приводит к появлению варианта ударения (пока только в РОС).

Выводы

В результате проведенного анализа обнаружено, что фонетическая составляющая РП курсантов военного вуза характеризуется рядом черт как типичных для портрета современной молодежи, так и отличных от него.

В речи курсантов зафиксированы случаи нарушения орфоэпической нормы (всего 95): нечеткое произношение конца слова с дальнейшей утратой последних согласных звуков; выпадение звуков и слогов; замена согласных зву-

ков; утрата мягкости согласного звука как в исконно русских, так и в заимствованных словах; утрата твердости согласного звука; усиление редукции гласных; появление лишних звуков и слогов. Наиболее частотны нарушения, связанные с нечетким произношением конца слова и с выпадением слогов и звуков (всего 58). Этот тип ошибок может оказать влияние на результативность будущей профессиональной деятельности курсантов, поскольку от четкости артикуляции часто зависит качество постановки задач в армии. В целом речь курсантов соответствует младшей орфоэпической норме.

Кроме того, в исследуемом материале отмечены нарушения акцентологической нормы (36 случаев). Это изменения мест постановки ударения в глагольных формах, в форме именительного падежа имени существительного, в форме множественного числа существительного, в различных формах прилагательных и причастий, в названиях.

Большинство отклонений от произносительной нормы квалифицируются как просторечные.

Таким образом, РП курсантов в аспекте его орфоэпической составляющей гармоничен. Акцентологических и орфоэпических ошибок зафиксировано незначительное количество, поэтому нельзя говорить о том, что они типичны именно для речи курсантов, особенно если принять во внимание то, что обнаруженные нами отклонения от нормы регулярно встречаются в речи современной молодежи. Социальные параметры не влияют на особенности РП. При этом фонетическая составляющая РП курсантов военного вуза требует некоторой корректировки в отношении соблюдения акцентологической и произносительной норм русского литературного языка. В общей сложности курсанты допустили около 130 ошибок, типичных для речи современного молодого поколения. Особое внимание при формировании РП курсантов следует уделить дикции, развитие которой является одним из факторов успешной коммуникации в военной профессиональной сфере.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: портал «Русский язык Бета». URL: <https://rus.stackexchange.com/questions/35162/Почему-не-обеспечение-а-обеспечение>; Интернет-форум

«Большой вопрос». URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/97582-kak-pravilno-govorit-обеспечение-или-обеспечение.html>; информационный портал Екатеринбург. URL: <http://www.ekburg.ru/news/18/45501-kak-pravilno-обеспечение-или-обеспечение/>; ГРАМОТА.РУ – справочно-информационный портал «Русский язык для всех». URL: <http://www.gramota.ru>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабушкина Е. А., 2012. Речевой портрет личности: фонетические характеристики // Вестник Бурятского государственного университета. № 11. С. 7–11.
- Барашева Д. Е., 2014. Genetic aspect in psychic-social conditions of forming language ability // The Second International conference on development of psychological science in Eurasia. Vienna : «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. С. 3–7.
- Бойко Б. Л., 2008. Принципы моделирования речевого портрета носителя социально-группового диалекта // Армия и общество. № 2. С. 114–121.
- Загоровская О. В., 2013. Речевое портретирование социальной группы как задача современной лексикографии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 174–177.
- Иссерс О. С., 2002. Проблемы создания «коммуникативного портрета»: гендерный аспект // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады Второй международной конференции. М. : Московский государственный лингвистический университет, Лаборатория гендерных исследований; Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса). С. 172–178.
- Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А., 2005. Современный русский язык: словарь-справочник / под ред. П. А. Леканта. М. : Оникс XXI век : Мир и образование. 349 с.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н., 1995. Русский речевой портрет: фонохрестоматия. М. : Наука. 128 с.
- Крысин Л. П., 2004. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры. 888 с.
- Леорда С. В., 2006. Речевой портрет современного студента : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов. 19 с.
- Мамаева С. В., 2007. Речевой портрет школьников 5–7 классов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово. 17 с.

- Мороз Н. Ю., 2011. К вопросу о создании «портрета» говорящего по его фонетическим характеристикам при обучении профессиональной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. № 614. С. 196–204.
- Павлычева Е. Д., 2016. Типология речевых портретов политиков в американском лингвистическом дискурсе // Евразийский союз ученых. № 31, ч. 2. С. 84–87.
- Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П., 1999. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. 3-е изд., испр. М.: ЧеРо. 399 с.
- Солодянкина Н. В., Хвостова А. В., 2012. Речевой портрет студента-филолога // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве: Материалы Международной научной конференции. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО». С. 155–159.

СЛОВАРИ

- БОС – Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф., 2012. Большой орфоэпический словарь русского языка: литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / под ред. Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-Пресс. 1000 с.
- ОСРЯ – Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А., 1989. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. М.: Рус. яз. 688 с.
- РОС – Русский орфографический словарь / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова; под ред. В. В. Лопатина. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2007. 960 с.

REFERENCES

- Babushkina E.A., 2012. Speech portrait: phonetic characteristics. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], no. 11, pp. 7-11.
- Barasheva D.E., 2014. Genetic aspect in psychic-social conditions of forming language ability. *The Second International conference on development of psychological science in Eurasia*. Vienna, East West. pp. 3-7.
- Boyko B.L., 2008. Principles of modeling the speech portrait of a social-group dialect's speaker. *Armiya i obshchestvo*, no. 2, pp. 114-121.

- Zagorovskaya O.V., 2013. Speech portrait of a social group as a task for modern lexicography. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], no. 2, pp. 174-177.
- Issers O.S., 2002. The problems of creating communicative portrait: the gender dimension. *Gender: yazyk, kultura, kommunikatsiya. Doklady Vtoroy mezhdunarodnoy konferentsii*. Moscow, Izd-vo MGLU, pp. 172-178.
- Kasatkin L.L., Klobukov E.V., Lekant P.A., 2005. *The modern Russian language: Reference dictionary*. Moscow, Oniks XXI vek; Mir i obrazovanie Publ. 349 p.
- Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N., 1995. *Russian speech portrait: Anthology on Phonetics*. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Krysin L.P., 2004. *Russian word, native and foreign: Research on modern Russian language and sociolinguistics*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 888 p.
- Leorda S.V., 2006. *Speech portrait of a modern student. Cand. philol. sci. abs. diss.* Saratov. 19 p.
- Mamaeva S.V., 2007. *Speech portrait of a 5-7-grade pupil. Dr. philol. sci. abs. diss.* Kemerovo. 17 p.
- Moroz N.Yu., 2011. The issue of creating a speaker's portrait based on their phonetic characteristics in teaching professional communication. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* [MSLU Bulletin: Education and Pedagogy], no. 614, pp. 196-204.
- Pavlycheva E.D., 2016. Typology of speech portraits of politicians in American linguistic discourse. *Evraziyskiy soyuz uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], no. 31, part 2, pp. 84-87.
- Rozental D.E., Dzhandzhakova E.V., Kabanova N.P., 1999. *Reference book on orthography, pronunciation and literary editing*. Moscow, CheRo Publ. 399 p.
- Solodyankina N.V., Khvostova A.V., 2012. Speech portrait of a student-philologist. *Russkaya yazykovaya lichnost v sovremennom kommunikativnom prostranstve: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Biysk, AGAO Publ., pp. 155-159.

DICTIONARIES

- Kalenchuk M.L., Kasatkin L.L., Kasatkina R.F., 2012. *Big orthoepic dictionary of the Russian language: literary pronunciation and stress in the beginning of the 21st century. The norm and its variants*. Moscow, AST-Press. 1000 p.

Borunova S.N., Vorontsova V.L., Eskova N.A., 1989. *Orthoepic dictionary of the Russian language: Pronunciation, stress, grammatical forms*. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 688 p. URL: http://www.povto.ru/pr_udar.htm (accessed 1 September 2017)

Ivanova O.E., Lopatin V.V., Nechaeva I.V., Cheltsova L.K., 2007. *Russian dictionary of orthography*. Moscow, Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 960 p. URL: <https://profilib.com/chtenie/26885/vladimir-lopatin-russkiy-orfograficheskiy-slovar.php> (accessed 6 September 2017)

Information about the Author

Olga P. Fesenko, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of Department of Foreign and Russian Languages, Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Lermontova St., 4-12, 644024 Omsk, Russia, Olga.Fesenko2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2373-1880>

Информация об авторе

Ольга Петровна Фесенко, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков, Омский автобронетанковый инженерный институт, ул. Лермонтова, 4-12, 644024 г. Омск, Россия, Olga.Fesenko2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2373-1880>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.10>

UDC 811.161.1'373.2
LBC 81.411.2-316

Submitted: 25.06.2018
Accepted: 23.07.2018

LINGUOECOLOGICAL PORTRAIT OF REGIONAL TOPONYMICON: DESCRIPTION ATTRIBUTES ¹

Dmitriy Yu. Ilyin

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper deals with the portraying of the regional toponymicon from the viewpoint of the linguoecological approach, which allows studying the set of local geographical names taking into account the possibility of creating a comfortable language environment for the native speaker. The scale of signs of ecology of a geographical name is determined, the influence of intralinguistic and extralinguistic factors on the formation and development of a regional toponymicon is justified. One of the most important criteria for environmental friendliness is the conformity of the name of a geographical object to the requirements of the language system, in particular, the adaptation of word-building elements to existing top-forms. The ecological character of the regional toponymicon is manifested in the presence of nominations reflecting local features and features of the national character of the inhabitants. The notion 'the degree of uniqueness of the name within the region' is characterized, and the scale of features of the named concept is represented. The possibility of forming corresponding toponymic derivatives, which meets the requirements of the language system, is substantiated. Based on the analysis of the linguistic material, the linguoecological portrait of the regional toponymicon is interpreted from the viewpoint of names that meet the criteria of ecological compatibility, and names that can be designated as linguotoxic.

Key words: language system, linguoecology, linguoecological attributes, toponymicon, language portrait, language of the region.

Citation. Ilyin D. Yu. Linguoecological Portrait of Regional Toponymicon: Description Attributes. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 99-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.10>

УДК 811.161.1'373.2
ББК 81.411.2-316

Дата поступления статьи: 25.06.2018
Дата принятия статьи: 23.07.2018

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНАЛЬНОГО ТОПОНИМИКОНА: КРИТЕРИИ ОПИСАНИЯ ¹

Дмитрий Юрьевич Ильин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье осуществлено портретирование регионального топонимикона с позиции лингвоэкологического подхода, что позволило изучить совокупность локальных географических названий с учетом возможности создания комфортной языковой среды для носителя языка. Определена шкала признаков экологичности географического названия, обосновывается воздействие на становление и развитие регионального топонимикона внутриязыковых и внеязыковых критериев. Одним из наиболее важных критериев экологичности онима признано соответствие наименования географического объекта требованиям языковой системы, в частности, приспособление словообразовательных элементов к существующим топоформантам. Экологичность регионального топонимикона находит проявление в наличии номинаций, отражающих местные особенности и черты национального характера жителей. Охарактеризовано понятие «степень уникальности названия в пределах региона» и представлена шкала признаков названного понятия. Обоснована возможность образования соответствующих оттопонимических дериватов, отвечающих требованиям системы языка. На основании анализа языкового материала лингвоэкологический портрет регионального топонимикона интерпретирован с точки зрения названий, отвечающих признакам экологичности, и наименований, которые возможно обозначить как лингвотоксичные.

Ключевые слова: языковая система, лингвоэкология, критерии лингвоэкологичности, топонимикон, языковой портрет, язык региона.

Цитирование. Ильин Д. Ю. Лингвоэкологический портрет регионального топонимикона: критерии описания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 99–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.10>

Лингвоэкология как направление лингвистики

Обусловленное комплексом интра- и экстралингвистических факторов развитие современного русского языка вызывает, с одной стороны, озабоченность исследователей, рефлексирующих как в связи с понижением общей языковой культуры людей, так и по поводу утраты языком определенных его элементов, а с другой – удовлетворенность, основанную на понимании языка как динамичной системы, то есть системы, способной эволюционировать. Очевидна неоднозначность восприятия современной языковой ситуации. Например, весьма категоричны в своих оценках лингвисты, по мнению которых «состояние русской речи... свидетельствует о нравственном неблагополучии общества, о снижении интеллектуальной планки, о неготовности многих вчерашних школьников к получению полноценного высшего образования. Заметного сдвига в сторону повышения уровня речевой культуры общества в целом не происходит, противоречивы и предлагаемые пути выхода из культурно-речевого кризиса» [Козырев, Черняк, 2012, с. 27], «в XX в. русский язык отстал в своем развитии от многих современных языков» [Брусенская, Куликова, 2016, с. 7]. Мотивированной с лингвистической точки зрения и лишённой необоснованного критицизма представляется позиция, согласно которой современные носители языка являются «свидетелями либерализации языка, речевых норм в печати, возникновения принципиально иных стилистических стандартов в новых массмедиа, участниками информационной революции» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова, 2015, с. 6]. По мнению одного из ведущих специалистов в области культуры речи О.Б. Сиротининой, современное состояние русской речи характеризуют такие черты, как «огрубление, стилистическое снижение в целом, усиление штампованности, ослабление самоконтроля за речью, сдвиги в

ориентирах языковых ценностей (эталонов речи), в соотношении типов речевой культуры» [Сиротинина, 2013, с. 31].

Пониманию современной языковой ситуации способствует новое направление лингвистики, обозначенное разными по этимологическому и содержательному наполнению терминами – «лингвоэкология», «экология языка», «эколингвистика» (см., например: [Ильинова, 2010; Кравченко, 2014; Полухин, 2009; Яковлев, 2016 и др.]). Статус этого направления определяется учеными неоднозначно, что отражается прежде всего в дефиниции термина. Так, Н.Н. Кислицына считает, что эколингвистика – это «раздел языкознания, сформировавшийся на стыке социального (соотношение социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза), психологического (проблемы речевого воздействия) и философского (проявление в языке предельно общих свойств и закономерностей развития общества и познания) направлений в лингвистике» [Кислицына]. Диссонирует с такой трактовкой позиция В.И. Карасика, согласно которой лингвоэкология – это новое измерение социолингвистики, поскольку основные задачи наук (социальная дифференциация языка вследствие социального расслоения общества, социальные условия развития и функционирования языка) совпадают (см.: [Карасик, 2013]). Рассуждения о терминологии этого лингвистического направления, обусловленные накоплением эмпирического и практического знаний, приводят Н.А. Курашкину к выводу о том, что «лингвоэкология» – «“зонтичный” термин для широкого спектра подходов, преследующих разнообразные цели» [Курашкина, 2015, с. 152].

Междисциплинарный характер научного направления, основной задачей которого является «сохранение языковой идентичности этноса и на этой основе нравственного здоровья общества и национальной безопасности государства» [Бернацкая, 2014, с. 28], позволяет считать наиболее удачным термин «лингво-

экология», который интерпретирован А.П. Сквородниковым следующим образом: «междисциплинарное направление исследований, в основе которого лежат языкознание и экология (биоэкология и социальная экология) и предметом которого является состояние языка и среды его обитания; факторы, влияющие (негативно или позитивно) на состояние и развитие языка, языкового сознания социума и его речевой культуры; пути и способы защиты языка от негативных влияний, в том числе от не мотивированных социальными и культурными потребностями внешних и внутренних заимствований, вулгаризации речи, лексической и фразеологической эрозии (обеднения) и т. д., а также нахождение способов обогащения языка и условий его оптимального развития» [Экология русского языка, 2017, с. 113].

Принимая во внимание тот факт, что одна из основных задач лингвоэкологии – исследование состояния языка как сложной синтаксической системы, состояния, обусловленного качеством среды «обитания» и функционирования, а также языковым сознанием его носителей [Сквородников, 2016, с. 21–22], следует подчеркнуть: в рамках лингвоэкологии язык и текст как речевой продукт рассматриваются в аспекте их воздействия на отдельную языковую личность и общество в целом, анализируется роль языка в описании экологических ситуаций и выявляются способы устранения негативных последствий, изучается отражение вопросов экологии в языкознании, при этом в описании проблем окружающей внеязыковой действительности применяется лингвистическая терминология и методология. Следовательно, можно говорить о трансформации языкознания как науки преимущественно теоретической, описательной в науку деятельностную, призванную предлагать конкретные решения проблем сокращения языкового разнообразия, не оправданного с точки зрения системы.

Портретирование как метод выявления экологичности языковых ресурсов

В настоящее время в пространство лингвоэкологических исследований включаются все новые и новые объекты, в частности, ре-

гиональный топонимикон – «совокупность лексем, которые используются для наименования географических объектов, расположенных на данной территории, и, отражая особенности конкретной местности, обладают своеобразным семантико-смысловым потенциалом, реализуемым в процессе функционирования» [Ильин, 2012, с. 64]. Кроме того, расширяется методологическая база лингвоэкологии: научные методы, эффективность которых доказана исследованиями в других направлениях лингвистики, адаптируются для решения задач лингвоэкологии. Так, в изучении языка и речи портрет и портретирование как метод лингвистического исследования последовательно реализуются в рамках лингвистической персонологии, сосредоточенной на определении особенностей, характерных для языковой или речевой личности (см.: [Винокур, 1989; Иванцова, 2010; Канчер, 2000; Шмелева, 2010]). По принципу смежности портретирование используется сегодня и при исследовании артефактов, в частности, при выявлении своеобразия того или иного города, региона, а также жанра, газеты или журнала (см.: [Кайда, 2008; Шипицина, Свистельникова, 2010]). Языковые и речевые портреты отражают свойственную для портретируемого субъекта или артефакта совокупность его характеристик как сложной целостности, в рамках которой прописываются доминантные и периферийные признаки изучаемого объекта. Создаются портреты лексикографических источников, характеризующихся с лингвоэкологических позиций (см.: [Жданова, 2013]).

Применительно к анализу регионального топонимикона в лингвоэкологическом аспекте портретирование позволяет изучать этот феномен с учетом возможности создания для носителя языка «комфортной» языковой среды.

В связи с этим отметим: обращение к научной литературе показывает, что четкие критерии определения экологичности / неэкологичности языкового (речевого) факта – «отличительные признаки, на основе которых производится оценка, констатация экологичности или неэкологичности слова в широком понимании (не только как слова, но и высказывания, и текста в целом)» [Экология русского языка, 2017, с. 102] – пока не выработаны, что объясняется совокупностью причин. Харак-

теризуя речевые и текстовые явления, рассматриваемые как факты среды жизнедеятельности людей, С.В. Ионова называет такие усложняющие факторы выделения критериев экологичности, как разные виды и эффекты воздействия среды на человека, вторичность допускающей определенную погрешность информационной среды по сравнению с естественной материальной средой обитания человека, структурная разнородность объекта информационного влияния, опосредованность воздействия информационной среды (см.: [Ионова, 2013]). Г.А. Копнина к наиболее важным относит такие компоненты экологического состояния языка, как «сферы его функционирования; внутренняя стратификация языка; наличие кодификации; вербализация в языке морально-этических концептов; негативно влияющие на развитие языка факторы и т. д.» [Копнина, 2014, с. 82].

С учетом того факта, что определение шкалы признаков экологичности, на основании которых возможен анализ конкретного языкового материала, до сих пор является важной лингвистической задачей, все же можно утверждать, что на становление и функционирование регионального топонимикона оказывают воздействие внутриязыковые и внеязыковые (природно-географические особенности, специфика социально-экономического и историко-культурного развития региона) факторы экологичности местных географических названий.

Признаки экологичности топонимикона Волгоградской области

Волгоградская область – крупный субъект Российской Федерации, на территории которого постоянно проживают более двух с половиной миллионов человек. В соответствии с официально утвержденным в 2016 г. «Реестром административно-территориальных единиц и населенных пунктов Волгоградской области» в регионе насчитывается 475 муниципальных образований, из них 6 городских округов, 32 муниципальных района, 29 городских и 408 сельских поселений. Столь обширный массив географических имен собственных, появившихся в разное время и под влиянием языков и культур разных этносов, населявших и населяющих территорию Вол-

гоградской области (о формировании ее топонимикона см.: [Воробьев, 2004; Долгачев, 1989; Кудряшова, Северьянова, 1991; Супрун, 1994]), включает различные с точки зрения экологичности единицы и отражает процессы «лингвистической гармонизации».

1. В топонимиконе обнаруживается соответствие наименований географического объекта требованиям языковой системы. Значимой является морфолого-derivационная адаптация проприативов – приспособление словообразовательных элементов русского языка к существующим топоформантам, способствующее сближению их функциональных возможностей. Наиболее показательны в этом плане ойконимы западноевропейского происхождения, привнесенные в топонимикон региона в XVIII–XIX вв. иностранными переселенцами, преимущественно немцами-колонистами. Названия типа *Александрталь*, *Лизандердорф*, *Мариенфельд*, *Обердорф*, *Розенберг* и подобные, имевшие иную морфемную структуру в языке-источнике, в русском языке подверглись переосмыслению, поскольку языковая компетенция носителей русского языка не позволяла произвести морфемный анализ, соответствующий структуре немецкого языка. Помимо этого, названия подобных населенных пунктов с повторяющимися структурными элементами (*-тал'*, *-дорф*, *-фельд*-, *-берг* и т. д.) не воспринимались в топонимическом ряду чужеродной языковой среды и не давали возможности определить наличие подобных повторений для местных жителей, так как эти поселения не обладали свойством территориальной концентрации. Система русского языка адаптировала топонимическую единицу к своим морфемно-derivационным параметрам.

2. Экологичность регионального топонимикона проявляется в наличии в нем номинаций, отражающих местные особенности и черты национального характера жителей. Так, исторически закономерны названия *село Новая Полтавка*, *хутор Киевка*, *деревня Харьковка*: они свидетельствуют о том, что первые жители в эти населенные пункты пришли с Украины (см.: [Кудряшова, 1997, с. 87]) – корневые морфемы этих онимов по своей структуре соответствуют названиям украинских городов *Полтава*, *Киев*, *Харьков*, а то-

поформант *-к-* со значением «помещение, сооружение, учреждение, место, пространство, географический объект»² дает возможность отнести эти названия к ойконимам.

Этнокультурная определенность имени собственного может быть обусловлена диалектными обозначениями из сферы апеллятивной лексики. В частности, лимноним *озеро Кужное* получил номинацию от распространенного в этой местности названия болотного растения *куга*; потамоним *река Сакарка* – от диалектного обозначения одной из разновидностей тополя – *сокаря* [Кудряшова, 1997, с. 39]. Традиции и обычаи казаков получают отражение в названии возвышенности *курган Пьяный*, поскольку именно у его подножия казаки-новобранцы, уходившие на службу в царскую армию, пили последнюю чарку [Чемякин, 2005, с. 113].

3. По-разному характеризуются единицы регионального топонимикона по «степени уникальности названия в пределах региона». Это понятие отражает «противоречие между предполагаемой уникальностью топонимического пространства региона и стандартностью топонима, обусловленной общей ментальной основой» [Ильин, Сидорова, 2016, с. 42]. На основании анализа наименований населенных пунктов Волгоградской области Е.Г. Сидорова выделила четыре степени уникальности названия: 1) максимальной степенью характеризуются собственно уникальные ойконимы (*Катричев, Лопуховка*); 2) высокой степенью обладают однокоренные морфемно близкие наименования (*Захаров, Захаровка, Захаровский*); 3) средней степенью характеризуются сложные или составные ойконимы с совпадающим опорным компонентом, который может функционировать и в качестве отдельного наименования (*Новоцарицынский, Среднецарицынский; Верхняя Липовка, Нижняя Липовка, Липовка*); 4) низкой степенью обладают тождественные ойконимы (в Волгоградской области существуют несколько населенных пунктов *Александровка, Громки, Захонерский, Каменка, Котовский, Макаровский, Рассвет* и др.) [Сидорова, 2015].

Целесообразность введения понятия «степени уникальности названия» детерминруется тем обстоятельством, что основная функция проприативов – выделение из класса

однородных объектов единичного посредством закрепления за ним наименования, способного выполнить идентифицирующую функцию. К названиям, которые в полной мере отвечают заявленному требованию, можно отнести большое количество онимов Волгоградской области, среди которых *хутор Барбаши, озеро Барманцак, гора Ергени* и др. В то же время языковая, историческая, культурная общность этноса, представители которого проживают на той или иной территории, зачастую приводит к стандартности топонима. Следствием общности признаков, зафиксированных в именах собственных, можно считать появление совпадающих наименований поселений, что, не способствуя уникальности топонимического пространства региона, нарушает требование экологичности. В частности, на территории Волгоградской области зафиксированы по два хутора *Озерки* (в Иловлинском и Киквидзенском районах), три поселка *Рассвет* (в Иловлинском, Котельниковском и Ленинском районах), шесть хуторов *Ольховский* (в Кумылженском, Нехаевском и по два населенных пункта с этим же названием в Алексеевском и Урюпинском районах). Поскольку топонимы по своей сути предназначены для выделения единичных объектов в ряду подобных, трудно не согласиться с А.А. Бернацкой в том, что «название неразрывно связано с обозначаемым и должно ему соответствовать» [Бернацкая, 2014, с. 17]. При этом вряд ли, например, топоним *Гусынка* способен выполнить идентифицирующую функцию даже в топонимическом пространстве Волгоградской области, если принять во внимание то, что в регионе зафиксированы проприативы *балка Гусынка, пруд Гусынка, река Гусынка*.

Одним из способов избежать полного совпадения в названии поселения, видимо, можно считать появление «номерных названий» типа *село Жутово 1-е, село Жутово 2-е* в Октябрьском районе; *хутор Княженский 1-й, хутор Княженский 2-й* в Михайловском районе; *хутор Ярской 1-й и хутор Ярской 2-й* в Кумылженском районе при имеющемся *хутор Ярской* в Чернышковском районе области. Такие «номерные названия» не способствуют экологичности топонимического пространства в силу ряда причин: затруднительности в про-

изношении, непоследовательной фиксации на письме (ср.: *хутор Первая Березовка, хутор Ильменский-2, село Жутово 2-е*), неточного отражения заявленной нумерации (так, в Ленинском районе Волгоградской области есть поселок *Лесхоз 5-й*, хотя ни в Ленинском районе, ни в другом районе области нет населенных пунктов *Лесхоз*), путаницы при нахождении населенного пункта. Наличие подобных наименований не отвечает критерию экологичности топонима, поскольку входит в противоречие с принципом витальности, под которым понимается «способность языка к дальнейшему развитию, изменению или сохранению структурных и, главным образом, функциональных качеств. <...> Витальность языка может определяться не функциональной разновидностью, а реальными коммуникативными потребностями языкового сообщества, для которого данный язык является необходимым» [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 37].

В целях устранения дублирования в название населенного пункта, как правило небольшого по занимаемой территории, включается дополнительный дифференциальный признак, характеризующий ойконим либо с точки зрения особенностей географического расположения занимаемой площади, либо с точки зрения времени его возникновения. Ср. комонимы: *хутор Верхнесолоновский – хутор Нижнесолоновский, хутор Большой Дубовский – хутор Малый Дубовский, станция Новогригорьевская – станция Старогригорьевская, село Новый Кондаль – село Старый Кондаль*.

Наиболее востребованным способом дифференциации онимов следует считать использование однокоренных названий, различающихся наличием тех или иных аффиксальных морфем, ср.: *хутор Камыши – город Камышин – хутор Камышинский – хутор Камышовка*.

4. С позиций лингвоэкологического подхода представляется достаточно существенной возможность отвечающего требованиям системы языка образования оттопонимических дериватов, которые обозначают жителей того или иного населенного пункта. В частности, вызывает сложности образование катойконимов, обозначающих названия жителей населенного пункта, от наименований *село*

Каршевитое, поселок Красный Пахарь, село Попки и др., что не позволяет положительно оценить их с точки зрения лингвоэкологии (подробнее см.: [Ильин, Сидорова, 2015]).

«Лингвотоксичными» ввиду неудобства их произношения (возможно, и орфографического оформления) следует признать многокомпонентные наименования типа *поселок Областной Сельскохозяйственной Опытной Станции, поселок Фермы № 3 Племзавода «Парижская Коммуна»*, а также противоречащие современному настроению общества географические названия *хутор Красный Мелиоратор, поселок Красный Буксир, поселок Коммунар, поселок Маяк Октября, село Политотдельское, поселок Вторая Пятилетка, поселок Ленинец*.

Выводы

Проведенное исследование дало возможность выявить критерии лингвоэкологичности топонима, к которым, во-первых, относится необходимость соответствия наименования географического объекта требованиям языковой системы, во-вторых, отражение в названии географического объекта местных особенностей и черт национального характера жителей, в-третьих, соблюдение требования уникальности наименования в пределах региона, в-четвертых, образование оттопонимических дериватов.

Экологичными следует признать топонимические единицы, морфолого-словообразовательная структура которых адаптирована к системе русского языка, такие единицы отражают местные особенности и черты национального характера жителей, имеют максимальную степень уникальности названия в пределах региона, способны к образованию оттопонимических дериватов в соответствии с требованиями языковой системы. Как «лингвотоксичные» возможно охарактеризовать онимы, словообразовательные элементы которых не соответствуют русским топоформантам, этнокультурная определенность таких названий не коррелирует с русской (славянской) лингвокультурой, они характеризуются средней или низкой степенью уникальности в пределах региона, не способны к образованию оттопонимических дериватов или образуют их с отклонениями от требований языковой системы.

Таким образом, лингвоэкологический портрет регионального топонимикона формируется официально закрепленными местными географическими названиями, большая часть которых удовлетворяет требованиям языковой системы и не противоречит коммуникативным потребностям носителей языка, проживающих на территории данного региона, а меньшая часть – не соответствует требованиям системы языка и коммуникативным потребностям жителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-12-00641 «Лингвоэкологический портрет регионального топонимикона: проблемы, противоречия и поиски решений».

² См.: Лопатин В. В., Улукханов И. Г. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 454.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бернацкая А. А., 2014. Лингвоэкология и «критика языка» // *Экология языка и коммуникативная практика*. № 2. С. 15–31.
- Брусенская Л. А., Куликова Э. Г., 2016. *Экологическая лингвистика*. М.: ФЛИНТА : Наука. 184 с.
- Винокур Т. Г., 1989. Речевой портрет современного человека // *Человек в системе наук*. М.: Наука. С. 361–370.
- Воробьев А. В., 2004. От Эльтона до Урюпинска. Волгоград : Станица-2. 174 с.
- Долгачев И. Г., 1989. *Язык земли родного края: [географические названия Волгоградской области]*. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд. 144 с.
- Жданова О. П., 2013. Лингвоэкологический портрет толкового словаря начала XXI века // *Экология языка и коммуникативная практика*. № 1. С. 65–83.
- Иванцова Т. В., 2010. *Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности*. Томск : Изд-во Томск. ун-та. 160 с.
- Ильин Д. Ю., 2012. Топонимическая лексика в текстах региональных газет конца XIX – начала XXI века: динамические процессы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 408 с.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2015. Деривационные возможности топонимической системы: образование и функционирование катойконимов // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. № 3 (27). С. 7–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.1>
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2016. Проблемы параметрического описания топонима в региональном словаре-справочнике // *Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения : Материалы докладов и сообщений международной научной конференции / отв. ред. М. Л. Каленчук*. М.: Ин-т рус. яз. им В.В. Виноградова РАН. С. 42–45.
- Ильинова Е. Ю., 2010. Эколингвистический модус событийности в пространстве массмедийного дискурса // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. № 2 (12). С. 168–176.
- Ионова С. В., 2013. Признаки экологичности и проблема их выделения в лингвоэкологии // *Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве : колл. монография*. Волгоград : Перемена. С. 89–97.
- Кайда Л. Г., 2008. *Эссе: стилистический портрет*. М.: Флинта. 184 с.
- Канчер М. А., 2000. О трех аспектах описания языковой личности // *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 311–318.
- Карасик В. И., 2013. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // *Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве : колл. монография*. Волгоград : Перемена. С. 191–201.
- Кислицына Н. Н. Эколингвистика – новое направление в языкознании. URL: <http://www.crimea.edu/tnu/magazine/culture/culture37/part1/zip/kislitsina.zip> (дата обращения: 16.08.2018).
- Козырев В. А., Черняк В. Д., 2012. *Современная языковая ситуация и речевая культура*. М.: ФЛИНТА : Наука. 184 с.
- Копнина Г. А., 2014. Экология языка и экология речи как разделы эколингвистики // *Экология языка и коммуникативная практика*. № 2. С. 78–89.
- Кравченко А. В., 2014. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // *Экология языка и коммуникативная практика*. № 2. С. 90–99.
- Кудряшова Р. И., 1997. *Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем*. Волгоград : Перемена. 124 с.
- Кудряшова Р. И., Северьянова А. А., 1991. Своеобразие топонимии территории позднего заселения // *Ономастика Поволжья : материалы VI конф. по ономастике Поволжья*. Волгоград : Перемена. С. 29–36.

- Курашкина Н. А., 2015. Эколингвистика или лингвозоология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. С. 143–156.
- Полухин А. А., 2009. Современное языкознание и эколингвистическое мышление // Опыт-2008: Сборник научных работ преподавателей и студентов факультета филологии / Сост. Н. М. Димитрова. СПб.: РИО ГПА. С. 65–73.
- Радибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В., 2015. Специфика современного медийного словотворчества. М.: ФЛИНТА: Наука. 136 с.
- Сидорова Е. Г., 2015. Лингвозоологические проблемы топонимического пространства региона // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. С. 157–166.
- Сиротинина О. Б., 2013. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 116 с.
- Сковородников А. П., 2016. Экология русского языка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 388 с.
- Словарь социолингвистических терминов, 2006. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН. 312 с.
- Супрун В. И., 1994. О проекте словаря гидронимов Волгоградской области // Вопросы краеведения: материалы V краевед. чтений. Волгоград: Перемена. Вып. 3. С. 191–194.
- Чемякин Е. А., 2005. Казачьи фамилии и...: (этимология, гидротопонимика, краеведение). Волгоград: Принт. 159 с.
- Шипицына Г. М., Свистельникова С. А., 2010. К речевому портрету оппозиционной газеты: заголовки заметок // Политическая лингвистика. № 4 (34). С. 70–74.
- Шмелева Т. В., 2010. Портретирование как стратегия лингвистического исследования // Записки филиала РГГУ в г. Великий Новгород. Вып. 8. Историко-культурный и экономический потенциал России: наследие и современность. Великий Новгород: Виконт. С. 193–197.
- Экология русского языка, 2017. Экология русского языка. Словарь лингвозоологических терминов / авт.-сост. д-р филол. наук, проф. А. П. Сковородников. М.: ФЛИНТА: Наука. 384 с.
- Яковлев А. А., 2016. Три вопроса о языковой картине мира – три вопроса об экологии терминосистемы языкознания // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. С. 39–50.
- kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2, pp. 15-31.
- Brusenskaya L.A., Kulikova E.G., 2016. *Ecological linguistics*. Moscow, Flinta; Nauka Publ. 184 p.
- Vinokur T.G., 1989. Speech portrait of a modern person. *Chelovek v sisteme nauk*. Moscow, Nauka Publ, pp. 361-370.
- Vorobyev A.V., 2004. *From Elton to Uryupinsk*. Volgograd, Stanitsa-2 Publ. 174 p.
- Dolgachev I.G., 1989. *Language of the Native Land: geographical names of the Volgograd region*. Volgograd, Nizhne-Volzhscoe izd-vo. 144 p.
- Zhdanova O.P., 2013. Linguo-ecological portrait of the explanatory dictionary of the Russian language at the turn of the 21st century. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 1, pp. 65-83.
- Ivantsova T.V., 2010. *Linguistic personology: Fundamentals of the theory of language personality*. Tomsk, Izd-vo TGU. 160 p.
- Ilyin D.Yu., 2012. *Toponymic lexicon in the texts of regional newspapers of the late 19th – early 21st century: dynamic processes*. Volgograd, Izd-vo VolGU. 408 p.
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2015. Derivational potential of toponymical system: formation and functioning of Katoikonoms. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 3 (27), pp. 7-14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.1>.
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2016. Problems of the parametric description of the toponym in the regional dictionary-reference book. Kalenchuk M.L., ed. *Russkaya leksikografiya XXI veka: problemy i sposoby ikh resheniya: Materialy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, In-t rus. yaz. im V.V. Vinogradova RAN, pp. 42-45.
- Ilyinova E.Yu., 2010. Ecolinguistic view on eventus modus in mass media discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (12), pp. 168-176.
- Ionova S.V., 2013. Signs of ecological compatibility and the problem of their isolation in linguoecology. *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: koll. monografiya*. Volgograd, Peremena Publ., pp. 89-97.
- Kaida L.G., 2008. *Essays: stylistic portrait*. Moscow, Flinta Publ. 184 p.
- Kancher M.A., 2010. About three aspects of language personality description. *Kulturno-recheyaya*

REFERENCES

Bernatskaya A.A., 2014. Linguistic ecology and 'language criticism'. *Ekologiya yazyka i*

- situatsiya v sovremennoy Rossii*. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 311-318.
- Karasik V.I., 2013. Values of linguoecological communication. *Emotivnaya Ingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: koll. monografiya*. Volgograd, Peremena Publ., pp. 191-201.
- Kislitsyna N.N. *Ecolinguistics is a new direction in linguistics*. URL: <http://www.crimea.edu/tnu/magazine/culture/culture37/part1/zip/kislitsina.zip> (accessed 16 August 2018).
- Kozyrev V.A, Chernyak V.D., 2012. *Modern language situation and speech culture*. Moscow, Flinta; Nauka Publ. 184 p.
- Kopnina G.A., 2014. Ecology of language and ecology of speech as ecolinguistic's sections. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2, pp. 78-89.
- Kravchenko A.V., 2014. Two views on the ecology of language and ecolinguistics. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2, pp. 90-99.
- Kudryashova R.I., 1997. *The folk word. Dialects of the Volgograd region in the past and present*. Volgograd, Peremena Publ., 124 p.
- Kudryashova R.I., Severyanova A.A., 1991. The peculiarities of the toponymy of the territory of late settlement. *Onomastika Povolzhya: materialy VI konf. po onomastike Povolzhya*. Volgograd, Peremena Publ., pp. 29-36.
- Kurashkina N.A., 2015. Ecolinguistics or linguoecology? Terminological dilemma of interdisciplinary scientific area. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2, pp. 143-156.
- Polukhin A.A., 2009. Modern linguistics and ecolinguistic thinking. Dimitrova N.M., ed. *Opyty-2008: Sbornik nauchnykh rabot prepodavateley i studentov fakulteta filologii*. Saint Petersburg, RIO GPA Publ., pp. 65-73.
- Ratsiburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V., 2015. *Specificity of modern media word-making*. Moscow, Flinta Publ. 136 p.
- Sidorova E.G., 2015. Lingua-ecological problems of toponimic space of a region. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2, pp. 157-166.
- Sirotinina O.B., 2013. *The Russian language: the system, the usage and the risks they create*. Saratov, Izd-vo SGU. 116 p.
- Skovorodnikov A.P., 2016. *Ecology of the Russian language*. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t. 388 p.
- Mikhaylchenko V.Yu., 2006. *Dictionary of sociolinguistic terms*. Moscow, Institute of Linguistics. 312 p.
- Suprun V.I., 1994. About the project of the dictionary of hydronyms of the Volgograd region. *Voprosy kraevedeniya: materialy V kraeved. chteniy*. Volgograd, Peremena Publ., iss. 3, pp. 191-194.
- Chemyakin E.A., 2005. *Cossack surnames and ...: (etymology, hydroponymy, local history)*. Volgograd, Print Publ. 159 p.
- Shipitsyna G.M., Svistelnikova S.A., 2010. In reference to the speech portrait of the opposition newspaper: article headlines. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 4 (34), pp. 70-74.
- Shmeleva T.V., 2010. Portraiting as a strategy of linguistic research. *Zapiski filiala RGGU v g. Velikiy Novgorod. Vyp. 8. Istoriko-kulturnyy i ekonomicheskyy potentsial Rossii: nasledie i sovremennost*. Velikiy Novgorod, Vikont Publ., pp. 193-197.
- Skovorodnikov A.P., 2017. *Ecology of the Russian language. Dictionary of linguoecological terms*. Moscow, Flinta Publ. 384 p.
- Yakovlev A.A., 2016. Three questions about linguistic worldview as three questions about ecology of the linguistics terminology. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 2, pp. 39-50.

Information about the Author

Dmitriy Yu. Ilyin, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Информация об авторе

Дмитрий Юрьевич Ильин, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.11>

UDC 81'37
LBC 81.053.1

Submitted: 07.06.2018
Accepted: 05.07.2018

PARAMETERS OF LANGUAGE MODELING OF EMOTIONAL SITUATIONS IN THE LITERARY TEXT

Larisa A. Kiseleva

Bashkir State University, Ufa, Russia

Abstract. The paper reveals the main parameters of language modeling of emotions in the literary text, such as causation, temporal localization, intensity, external manifestation. Using the material of stories of the collection *Dark alleys* by I.A. Bunin, we analyze lexical and phraseological designates of emotion of fear which specify these parameters. Thus, the parameter of the causality of fear combines such particular characteristics as the 'objectivity of emotion', 'internal / external causation of emotion', 'connection with the intellectual and volitional spheres', etc.; time parameter – 'temporal actuality (episodicity) / timelessness (stability) of emotion', 'static / dynamic emotion', 'phasic flow of emotion', etc. It is revealed that I.A. Bunin's prose emphasizes not only individual aspects of emotions but also specific signs within these aspects. Thus, when portraying fear, the parameter of the external expression of emotion takes the leading place, and inside it – the sign 'physiological symptomatology'. The peculiarity of the linguistic expression of these parameters is determined, on the one hand, by the systemic relations of the emotions, which are projected onto the semantic space of the text, and, on the other hand, by the associative links of these units within the specific works. In the prose of I.A. Bunin fear is described not only as a simple emotional situation, but also as a component of complex emotions, denoted by oxymorons such as *the rapture of horror, fear of happiness*, etc. Due to the use of such multicomponent names, the boundaries of the emotional world of heroes are widened, and the possibility of "combining" different experiences is emphasized.

Key words: emotions, emotion of fear, literary text, Ivan Bunin, semantics, language modeling, emotive.

Citation. Kiseleva L.A. Parameters of Language Modeling of Emotional Situations in the Literary Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 108-118. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.11>

УДК 81'37
ББК 81.053.1

Дата поступления статьи: 07.06.2018
Дата принятия статьи: 05.07.2018

ПАРАМЕТРЫ ЯЗЫКОВОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Лариса Айратовна Киселева

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

Аннотация. В статье охарактеризованы основные параметры языкового моделирования эмоций в художественном тексте: причинная обусловленность, временная локализованность, интенсивность, внешнее проявление. На материале рассказов цикла «Темные аллеи» И.А. Бунина комплексно рассмотрены лексико-фразеологические обозначения эмоции страха, которые конкретизируют данные параметры. Показано, что параметр причинной обусловленности страха объединяет такие частные признаки, как 'предметность эмоции', 'внутренняя / внешняя причинная обусловленность', 'связь с интеллектуальной и волевой сферами'; временной параметр – 'временная актуализованность (эпизодичность) / вневременность (стабильность)', 'статичность / динамичность', 'фазисность протекания'. Установлено, что в прозе И.А. Бунина при описании разных видов эмоций акцентируются не только их отдельные аспекты, но и признаки внутри них: при изображении страха ведущее место занимает параметр внешнего выражения эмоции, а внутри него – признак 'физиологическая симптоматика'. В рассказах страх предстает не только как простая эмоциональная

ситуация, но и как компонент сложных эмоций, обозначаемых оксюморонами типа *страх счастья, восторг ужаса*. Такие многокомпонентные наименования существенно расширяют границы эмоционального мира героев и отражают возможность «совмещения» разных переживаний.

Ключевые слова: эмоции, эмоция страха, художественный текст, Иван Бунин, семантика, языковое моделирование, эмотив.

Цитирование. Киселева Л. А. Параметры языкового моделирования эмоциональных ситуаций в художественном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 108–118. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.11>

Введение

Основы многоаспектного осмысления проблемы «язык и эмоции», характерного для современной лингвистики, были заложены еще Ш. Балли, который писал: «Те из моих мыслей, что порождены потоком жизни, никогда не бывают преимущественно интеллектуальными: это движения мысли, сопровождаемые эмоциями» [Балли, 2003, с. 28]; и далее: «Таким образом, соприкасаясь с реальной жизнью, объективные, на первый взгляд, идеи пропитываются аффективностью» [Балли, 2003, с. 30]. Сосредоточенность лингвистов на исследовании эмоциональной составляющей языка / речи имеет объективные причины: естественный язык является наиболее гибким и динамичным каналом выражения внутренних состояний, что обеспечивает ему семиотическое «превосходство» над другими знаковыми системами передачи эмоциональной информации (подробно см.: [Калимуллина, 2013]). Не случайно в современной лингвистике эмотивная функция наряду с коммуникативной, когнитивной и метаязыковой определяется как базовая функция языка [Слюсарева, 2000, с. 564]. Именно этим объясняются широта и разнообразие эмотивных единиц и средств, относящихся к разным уровням языковой системы. Вполне очевидно, что эмотивный потенциал языка в полном объеме реализуется лишь в рамках текста, где находят лексико-грамматическое выражение коммуникативные стратегии и тактики, связанные с эмоциональным самовыражением адресанта, а также с аналогичным воздействием на адресата. Диапазон эмотивности текстов становится достаточно широким, если иметь в виду их разные тематическую, жанровую и стилистическую прикрепленности (см., например: [Ионова, 2000]). При этом можно полагать, что на полюсах шкалы эмо-

тивности располагаются, с одной стороны, устные спонтанные тексты, в которых происходит актуализация непосредственного эмоционального состояния говорящего / слушающего, с другой – художественные прозаические тексты, идейно-эстетической задачей которых является «объемное», многогранное отражение внутренней жизни человека.

Процедуры анализа разных текстов с ненулевой степенью эмотивности неодинаковы с точки зрения использования тех или иных лингвистических методов и приемов. Вместе с тем можно утверждать, что в рамках таких текстов происходит языковое моделирование эмоций как особого типа ситуаций, связанных с человеком, а именно как «внутренних» (интериоризованных). Эмотивный аспект художественного текста представляет собой довольно сложный феномен, однако ведущая роль в выражении авторского знания об эмоциональной сфере принадлежит номинативным эмотивам типа *радоваться, бояться, любовь, гнев, грустно* и т. п. Высказывания, содержащие эмотивную лексику и фразеологию, отражают эмоциональные ситуации в «свернутом» виде, что и обуславливает их специфическую структуру, изучение которой предполагает «последовательное выделение: 1) двух видов эмоциональных ситуаций – простых (ситуаций неамбивалентных эмоций) и сложных (ситуаций композиционных эмоций, эмоционально-ментальных, эмоционально-волевых ситуаций); 2) основных элементов, то есть дискретных составляющих эмоциональной ситуации – субъекта чувства, самого чувства и его причины; 3) набора аспектов (параметров) каждого из элементов ситуации, на основе которых определяется их своеобразие; 4) набора конкретных концептуальных признаков, объединяемых тем или иным параметром» [Калимуллина, 1999, с. 151].

Следует подчеркнуть, что компоненты эмоциональной ситуации, как правило, в языковой форме акцентируются адресантом текста, о чем свидетельствует прежде всего частота употребления определенных эмотивов и специфика их контекстуальных связей, то есть преимущественные комбинации с лексемами, относящимися к тем или иным семантическим сферам. Именно поэтому в качестве средств текстовой вербализации эмоций выступают не отдельные эмотивы, а их разнообразные сочетания внутри линейно не связанных высказываний, в результате исследования которых моделируется «идеальная» эмоциональная ситуация, соотносимая с переживанием того или иного внутреннего состояния.

Возможность анализа языкового моделирования эмоций в художественном тексте мы хотели бы продемонстрировать на материале лирической прозы И.А. Бунина – рассказов цикла «Темные аллеи». Обращение к творчеству этого автора не случайно: эмоциональная сфера имеет для него первостепенную значимость в связи с тем, что, по мнению писателя, восприятие и понимание мира человеком возможны только через чувство. «Gefühl ist alles чувство все. Гете. Действительность – что такое действительность? Только то, что я чувствую. Остальное – вздор», – писал И.А. Бунин в «Окаянных днях» (М. : Молодая гвардия, 1991. С. 123). Как полагают критики, доминирование авторской рефлексии посредством сосредоточенности на чувственной стихии во многом свидетельствует об импрессионистическом характере поздней прозы писателя: «У Бунина тяготение к импрессионизму проявляется значительно нагляднее, чем у Чехова, – и в этом сказались, в немалой степени, его поиски экспрессивных средств для передачи трудноуловимых душевных состояний» [Гейдеко, 1976, с. 307]. Важно, что Бунин стремится познать и многогранно, объемно представить не человеческую психику вообще, а именно русскую душу, ее сущностные основы, которые во многом определяют своеобразие жизненного и исторического пути русских людей: «Меня занимает душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт психики славянина» (цит. по: [Мраморнов, 1995, с. 238]).

Структура эмоционального плана художественного текста

В рассказах цикла «Темные аллеи» представлены лексико-фразеологические манифестанты более 50 видов эмоциональных явлений. К ним относятся прежде всего базовые (фундаментальные, первичные) эмоции радости, печали, гнева, удовольствия, страха и т. д., которые выделяются психологами на основе нескольких критериев: «1) базовые эмоции имеют отчетливые и специфические нервные субстраты; 2) базовая эмоция проявляет себя при помощи выразительной и специфической конфигурации мышечных движений лица (миимики); 3) базовая эмоция влечет за собой отчетливое и специфическое переживание, которое осознается человеком; 4) базовые эмоции возникли в результате эволюционно-биологических процессов; 5) базовая эмоция оказывает организующее и мотивирующее влияние на человека, служит его адаптации» [Изард, 2003, с. 63–64]. Кроме того, в поздней прозе Бунина находят языковое выражение и так называемые «культурные» (социальные) эмоции уважения, любви, ненависти, зависти и пр., которые выступают результатом межличностного взаимодействия, а потому весьма своеобразно регулируются этикетными и иными нормами, закрепившимися в рамках конкретной культуры.

В поздней новеллистике И.А. Бунина сфера внутренних переживаний персонажей выступает как сложное, разноплановое образование, поскольку внутри него выделяются как минимум две разновидности эмоций: доминантные и второстепенные. Наиболее очевидным основанием их дифференциации выступают количественно-статистические данные (в первую очередь частотность авторского использования номинативных эмотивов с определенной семантикой), с опорой на которые можно отнести к доминирующим эмоциям радость, любовь, счастье, печаль, страх, гнев, а ко второстепенным – обиду, отвращение, волнение, растерянность, зависть и т. д. Вместе с тем следует подчеркнуть, что количественные данные не являются самоценными, они значимы лишь как показатели того, какую роль играют эмотивные единицы, репрезентирующие то или иное внутреннее пере-

жизнью, в выражении индивидуально-авторской картины мира. В связи с этим необходимо иметь в виду следующее: «Еще в дореволюционный период творчества Бунина критики отмечали в его прозе и поэзии мотив “мертвой печали”, который в эмигрантские годы значительно усилился, перерос в символический лейтмотив. Скорбь и “тоска бытия” были порождением ясно осознаваемой автором конечности своего существования, которую он не мог объяснить, но не хотел и принять. <...> При этом у Бунина ужас небытия неразрывно связан с не менее острой жаждой жизни и любви к ней, проявляющейся прежде всего в преклонении перед красотой мира, которая вызывает в человеке радость, подъем чувств» [Калимуллина, 1999, с. 145]. Следовательно, сосредоточенность автора на изображении определенного круга эмоциональных переживаний во многом позволяет ему раскрыть важнейшие идейно-эстетические принципы своего творчества: «...прекрасное соотносится с любовью, радостью, счастьем, а трагическое – с тоской, печалью, страхом, мукой» [Калимуллина, 1999, с. 146]. По этой причине большой интерес представляет анализ эмотивов страха, которые в цикле «Темные аллеи» образуют особый лексико-фразеологический пласт, значимый и качественно, и количественно. Бунин отводит страху ведущую роль в раскрытии внутреннего мира персонажей, поскольку, по его мнению, данная эмоция определяет не только содержание разнообразных жизненных ситуаций, но человеческое существование во всех его проявлениях, в том числе в своеобразии внутренней сферы в целом.

В соответствии со сказанным выше среди эмоциональных ситуаций страха, моделируемых в прозе Бунина, нами выделяются две разновидности (простые и сложные ситуации), при этом основополагающим является формально-структурный критерий, согласно которому простые эмоциональные ситуации выражаются одиночными эмотивами страха (*бояться, испугаться, страх, страшно* и т. д.), а сложные – разнообразными сочетаниями данных эмотивов с обозначениями других внутренних переживаний (*боюсь и радуюсь; дивился, ужасался; ужас восторга* и т. п.). Рассмотрим их подробнее.

Простые эмоциональные ситуации страха

Параметр причинной обусловленности эмоции. Страх, как и другие эмоциональные явления, характеризуется свойством предметности, то есть связан с оценкой того или иного лица, события и т. д. чувствующим субъектом, при этом источник страха может находиться как в его внутренней сфере, так и во внешнем мире. В прозе И.А. Бунина в качестве «внутренней» причины страха предстают определенные психические процессы (эмоциональные, интеллектуальные, волевые и т. д.): *Я подумала: «А вдруг правда убьют? И неужели я все-таки забуду его в какой-то короткий срок – ведь все в конце концов забывается?» И поспешно ответила, испугавшись своей мысли: – Не говори так! Я не переживу твоей смерти!* (Холодная осень)¹. Особое место в цикле «Темные аллеи» отводится обрисовке страха как негативного отношения персонажей к собственной деятельности и действиям, препятствующим их осуществлению: *И мальчик, от природы живой, ласковый, стал в их присутствии бояться слово сказать, а там и совсем затаялся, сделался как бы несуществующим в доме* (Красавица). Употребление субъектного инфинитива свидетельствует о том, что причина страха находится «внутри» самого чувствующего лица, выступая как «осознание нежелательности достижения цели, противоречащего его интересам» [Чернова, 1996, с. 81–82]. В данном случае имеются в виду собственные действия, поступки субъекта, эмоции, для которых характерен признак контролируемости: человек по своей воле может как совершить их, так и оказаться от этого (примечательно, что в рассказах Бунина, как правило, представлен последний вариант). На наш взгляд, указанное сочетание и подобные ему описывают сложные эмоционально-интеллектуально-волевые ситуации.

Приведенные выше фрагменты сближаются по своей семантике с контекстами, содержащими сочетание, в состав которых входит наречно-предикативный эмотив *страшно* и субъектный инфинитив: *Нет, у меня была, кроме старой улицы, и другая цель,*

в которой мне было **страшно признаться себе**, но исполнение которой, я знал, было неминуемо (Поздний час). Некоторые исследователи считают, что в таких высказываниях на первый план выходит оценка, а значение эмоционального состояния нивелируется [Вольф, 1982, с. 337]. Можно согласиться с тем, что подобные сочетания выражают значение эмоциональной оценки, однако в данном случае репрезентируется единство эмоционального, рационального и волевого начал, которое в отдельных случаях намеренно подчеркивается автором: *Я все-таки не решился дойти до вашего дома. И он, верно, не изменился, но тем страшнее увидеть его* (Поздний час) (ср.: *не решился, потому что было страшно увидеть*).

В поздних новеллах Бунина внешними по отношению к субъекту причинами страха чаще всего выступают социальные феномены, прежде всего актуальные межличностные контакты либо их ментальные заместители (мысли, воспоминания, фантазии и т. п.). Ситуации, вызывающие страх, изображаются писателем как имплицитно, так и эксплицитно. Имплицитно целостное событие обозначается именем его главного участника – лица: *И девочка, помогая старухе и прислуживая ему, то и дело пугалась от его быстрых, внезапных взглядов на нее... Он и без того был страшен ей* (Ночлег). В таких контекстах «имена лиц-каузаторов страха характеризуются диффузной семантикой: они подразумевают одновременное наличие и конкретного референта – лица, своим присутствием вызывающего чувство страха, и обобщенного, генерализованного референта – целого класса событий, связанных с определенным лицом, то есть множества его свойств и проявлений, каузирующих страх. Несомненно, это сближает анализируемые эмотивы страха (*бояться, быть страшным*) с предикатами эмоционального отношения типа *любить, презирать* кого и под.» [Калимуллина, 1999, с. 174]. В цикле «Темные аллеи» внешняя причина страха выражается эксплицитно («развернуто») – как определенное «положение дел» в мире. При описании таких ситуаций Бунин, как правило, подчеркивает преобладание либо эмоционального, либо интеллектуального начала в их оценке. Так, эмоциональное

доминирует в тех случаях, когда страх является непосредственной реакцией персонажей на какие-либо свойства, действия, поступки лица-каузатора: – *Я боюсь, что это вы на меня так смотрите?* (Таня). Ведущая роль интеллектуального начала выражается использованием предикатов со значением психологической оценки целостных событий: *И везде невообразимая тишина – только комары ноют и стрекозы летают. Никогда не думал, что они летают по ночам, – оказалось, что зачем-то летают. Прямо страшно* (Руся). Употребление предикатов типа *страшно, жутко* и т. п. в составе парцелированных конструкций, которые имеют резюмирующий характер, указывает на рациональное отношение к этим ситуациям. Интеллектуальный компонент преобладает и в тех случаях, когда негативной оценке подвергаются ситуации не реального, а «возможного» мира, то есть ментальные аналоги естественных событий: – *Позвольте войти, боюсь, кто-нибудь услышит...* (Антигона). В приведенном примере описывается ситуация опасения, то есть своеобразного «предстраха», вызываемого мыслью о таких событиях, которые представляются героям не только возможными, но и высоковероятными, и при этом не поддаются контролю. По мнению некоторых исследователей, глагол *бояться* выступает здесь в качестве предиката мысли (см.: [Зализняк, 1983, с. 62]). На наш взгляд, в данном случае эмоциональный момент нельзя игнорировать, поскольку он в том или ином виде (например, как волнение, беспокойство, тревога, то есть близкие страху состояния) всегда присутствует в ситуации опасения. Приведенные и подобные им примеры подтверждают тезис о холистическом характере психики, неразрывном единстве всех ее компонентов.

Итак, в поздней новеллистике Бунина параметр причинной обусловленности страха, связанный с описанием соответствующих эмоциональных ситуаций, объединяет такие признаки, как ‘предметность эмоции’, ‘внутренняя / внешняя причинная обусловленность’, ‘связь с интеллектуальной и волевой сферами’, ‘направленность / ненаправленность’, ‘интенциональность / неинтенциональность каузации’.

Параметр временной локализованности эмоции. Исходные эмотивы страха *бояться* и *быть страшным* в конкретном контекстуальном окружении могут обозначать, во-первых, не зависящее от временного фактора эмоционально-рациональное отношение субъекта к событиям, лицам, предметам и т. д., во-вторых, актуальное внутреннее состояние, относящееся к определенному временному отрезку, то есть переживаемое «здесь и сейчас». В первом случае писатель подчеркивает возникновение чувства, приобретающего постоянный характер, либо его прекращение: *И мальчик, от природы живой, ласковый, стал в их присутствии бояться слово сказать, а там и вовсе застался, сделался как бы несуществующим в доме* (Красавица).

Другие эмотивы страха в поздней прозе И.А. Бунина выражают лишь актуальное временное значение, то есть репрезентируют испытываемое тем или иным персонажем эмоциональное состояние, для которого характерны как динамические, так и статические признаки. Переживание страха персонажами рассказов Бунина не связано с признаком длительности, а потому изображается писателем как эмоциональное состояние, а не процесс. Именно поэтому динамический аспект страха представлен лишь его фазисными параметрами. Писатель выделяет две крайние точки на временной оси протекания эмоции: ее возникновение и прекращение. Описание момента возникновения страха связано с акцентированием признака результативности: *– А Шалтин как рывкнет: «В Сибири сгною, в кандалы закую – слушай мой приказ!» Тут дядя сразу испугался...* (Второй кофейник). Лексико-фразеологические эмотивы *испугаться*, *охватил страх* и подобные им репрезентируют возникновение страха как некое внутреннее (психическое) «событие», которое отличается внезапным характером, о чем свидетельствует активное использование в таких конструкциях наречий с темпоральной семантикой: *сразу, вдруг* и т. д. Напротив, контексты, в которых на первый план выходит признак нерезультативности, описывают не возникновение страха, а его переживание: *Не то при встрече с женщиной: он не только не боится ее, но, зная, что тут ее самое ужас*

и похоть берет, козлом пляшет к ней... (Железная шерсть). Важным нам кажется тот факт, что в цикле «Темные аллеи» «конечная точка» переживания страха изображается крайне редко. Вероятно, это объясняется тем, что в отличие от момента возникновения эмоции, который служит сигналом определенного нарушения эмоционального равновесия, как правило, имеющего довольно четкие внешние (прежде всего физиологические) симптомы, прекращение эмоции воспринимается чувствующим лицом как менее заметное и потому слабо различаемое. При этом в поздних новеллах Бунина «конечная точка» страха предстает как переход к спокойному (нейтральному) состоянию: *Она облегченно передохнула: – Ах, какая гадость! Недаром слово ужас происходит от ужа...* (Руся). Статические признаки страха как актуального эмоционального состояния, переживаемого лицом в определенный временной момент, в цикле «Темные аллеи» описываются довольно кратко, при этом основными средствами их репрезентации являются наречно-предикативные формы *страшно* и *жутко*: *– Где ты был? Мне страшно, зажги скорей огонь...* (Натали).

Таким образом, временной параметр страха связан с разграничением целого ряда составляющих его признаков: ‘временная актуализованность (эпизодичность) / вневременность (стабильность)’, ‘статичность / динамичность’, ‘фазисность протекания’, ‘кратность переживания’.

Параметр интенсивности эмоции. В поздней прозе Бунина эмоциональная ситуация страха характеризуется признаком градуативности, который реализуется в дифференциации трех зон интенсивности данной эмоции (средней, высокой и максимальной), при этом основной является средняя степень интенсивности страха, обозначаемая исходными эмотивами *бояться*, *испугаться*, *страшно* и т. п. Переживание большой силы страха описывается в рассказах цикла с помощью разнообразных сочетаний данных единиц с определенными лексемами (прежде всего наречиями), эксплицитно выражающими семантику интенсивности: *На столе среди комнаты блеснул большой револьвер с барабаном и длинным дулом, на кровати рядом с его*

кроватью белым бугром была навалена его верхняя одежда. Все это было **очень жутко** (Ночлег).

Необходимо отметить один важный момент: если зона средней интенсивности страха описывается в поздних новеллах Бунина как довольно четко отграниченная от зон высокой и максимальной силы эмоции, то две последние, как правило, представлены диффузно и потому с трудом могут быть дифференцированы. Например, сочетания типа *на смерть испугалась, напугаться до смерти* и т. п., на первый взгляд, описывают максимальную степень интенсивности страха, однако, по мнению автора, это еще не предельная сила чувства: – *Напугалась грозы до смерти, а тут слышу, кой-то подъехал, еще пуще испугалась...* (Степа). Следовательно, нельзя однозначно утверждать, что приведенные и аналогичные им выражения репрезентируют лишь одну зону интенсивности страха. На наш взгляд, максимальная сила страха описывается в цикле «Темные аллеи» как аффект, то есть особый психический феномен, не поддающийся рациональному контролю: – *Вскочил вдруг от мольберта, бросил палитру с кистями и сбил мне с ног на ковер. Я испугалась до того, что и крикнуть не смогла* (Второй кофейник). Максимальная (аффективная) степень страха выражается также лексемой *ужас*, которая обозначает «не только крайнюю степень эмоционального напряжения, но и своего рода интеллектуальный “стресс”, вызванный невозможностью разрешения какой-либо проблемы, вопроса и т. д. Подтверждением этому служат сочетания данных эмотивов с предикатами мысли, памяти, интеллектуальных эмоций, вводящие внутреннюю речь рассуждающего типа» [Калимуллина, 1999, с. 180], например: *На веретях сидели, работая, бабы и девки, закутанные в пеньковые шали, в рваных куртках, в разбитых валенках, с посиневшими лицами и руками, – он с ужасом думал: а под подолами у них совсем голые ноги!* (Таня).

Таким образом, параметр интенсивности страха объединяет ряд частных признаков: ‘градуативность’, ‘размытость шкалы интенсивности’, ‘аффективная степень интенсивности (эмоциональный / «интеллектуальный» аффект)’, ‘интенсификация’.

Параметр внешнего проявления эмоции. В поздних новеллах Бунина внешняя симптоматика страха описывается двумя способами: 1) посредством так называемых «симптомных» выражений, обозначающих разного рода соматические признаки эмоции, а именно сочетаний типа *дрогнуть от страха, похолодеть от страха* и их функциональных аналогов – усеченных форм, не включающих эмотивы (*содрогнуться, похолодеть* и под.); 2) посредством комбинации эмотивов страха с наименованиями тех видов социальной жизнедеятельности человека, которые также можно считать довольно эффективными каналами внешнего проявления данной эмоции (речь, поступки и т. д.).

В цикле «Темные аллеи» языковые единицы первого типа представлены намного шире, то есть внешняя экспрессия страха предстает прежде всего как «телесный» язык, связанный с биологическим, инстинктивным началом в человеке, а потому в центре внимания писателя оказываются мимические и физиологические проявления данной эмоции. Наиболее открытый канал мимического выражения страха – взгляд: *...меня просто поражает своей красотой ужаснейший испуг, вдруг мелькнувший в ее блестящих слезами глазах...* (Речной трактир). Примечательно, что в поздних рассказах Бунина зрительная экспрессия страха характеризуется свойством условности, так как именно она допускает намеренную имитацию: *Я шутя сделал страшные глаза: – Ой, какой ужас* (Чистый понедельник).

Физиологические реакции, связанные с переживанием страха, изображаются писателем либо «изнутри» (как фиксируемые лишь самим чувствующим субъектом), либо «извне» (как доступные наблюдению). Основное отличие лексем со значением физиологических симптомов страха от средств описания других невербальных его признаков состоит в том, что первые чаще всего соотносятся с высокой интенсивностью эмоции. В поздней прозе Бунина биологические проявления страха изображаются в виде двух типов реакций: 1) кратковременного экстраординарного функционирования определенных систем организма; 2) кратковременной остановки в функционировании данных систем [Иорданская, 1972,

с. 9]. Первый из них представлен в цикле «Темные аллеи» такими разновидностями, как дрожь и температурные изменения. Они описываются посредством концептуальной метафоры «страх – это холод», носящей традиционный характер и свойственной системе языка [Добровольский, 1996, с. 84]: *Кондуктору, который проводил ее ко мне и перенес ее вещи, я ледяной рукой сунул десятирублевую бумажку...* (Кавказ). В поздних новеллах Бунина сильный страх, находящий свое внешнее проявление в виде температурных реакций, репрезентируется также с помощью когнитивной метафоры «страх – это жар»: *– Я к тебе нынче ночью приду... – Ее точно обожгло, – первое время старуха приводила ее в ужас: – Ой, что вы, что вы! Я с ума от страха сойду!* (Таня). Образная семантика данных метафорических моделей вполне поддается объяснению, если учитывать то, что эффекты жара и стужи в чем-то сходны [Арутюнова, 1997, с. 67]. Это дает основание утверждать, что указанные метафорические модели описывают сходные физиологические симптомы страха. При этом если приведенные выше языковые единицы не всегда обозначают протекающие в организме физиологические процессы, связанные с переживанием страха, то параэмотивы типа *дрожать от страха, дрогнуть от страха* и аналогичные им описывают реальные соматические проявления данной эмоции, которые к тому же доступны внешнему наблюдению: *Он приостановился, взглядываясь, и вдруг дрогнул от страха и неожиданности: с балкона раздался негромкий и ровный, без выражения голос...* (Зойка и Валерия). В поздней новеллистике Бунина такие выражения иногда используются в особом контекстуальном окружении, приобретая образный смысл, в связи с чем их значение, связанное с физиологическими признаками страха, «затемняется», отходит на второй план: *...я еще издали увидал, что по западной стене дома все окна в зале закрыты ставнями, и содрогнулся от страшной мысли: за ними лежал он и была она!* (Натали).

Языковые единицы, обозначающие второй тип физиологических симптомов страха (кратковременную остановку в функционировании определенных систем организма), как

правило, в образной форме описывают такое органическое изменение, как прекращение двигательной активности лица, испытывающего это состояние: *Войдя к себе, я, не зажигая свечи, сел на диван и застыл, оцепенел в том страшном и дивном, что так внезапно и неожиданно свершилось в моей жизни* (Натали). В поздней прозе И.А. Бунина встречаются также контексты, в которых внешнее проявление страха представлено как нарушение жизнедеятельности многих или (в крайних случаях) всех систем организма, что выражается посредством квантора всеобщности. При этом, как и в приведенных выше примерах, актуализируется когнитивная метафора «страх – это холод»: *И был темный, отвратительный вечер, когда я ехал на вокзал, все внутри у меня замирало от тревоги и холода* (Кавказ).

В цикле «Темные аллеи» большое место отводится также обрисовке комплексной экспрессии страха. Нами выделено два типа таких контекстов: 1) описание ряда соматических признаков страха, связанных с активным функционированием разнообразных физиологических систем и последующим прекращением их деятельности: *...вдруг что-то мелькнуло и с бешеной быстротой, темным клубком понеслось на меня – я, вне себя, шарахнулся в сторону, вся голова у меня сразу обледенела и стянулась, сердце рванулось и замерло... Что это было? Пронеслось и скрылось. Но сердце в груди так и осталось стоять* (Поздний час); 2) описание внешней экспрессии страха как одновременного физиологического и речевого проявления данной эмоции: *[Руся] вдруг дико взвизгнула и подхватила сарафан до самых колен, топая ногами: – Уж! Уж!* (Руся). Как можно заметить, писатель подчеркивает тесную связь вербального и невербального каналов выражения страха, свидетельством чего является тот факт, что обозначения соматических признаков этой эмоции выступают функциональными аналогами глаголов речи.

Таким образом, параметр внешней экспрессии страха предполагает выделение целого ряда частных признаков, образующих определенную систему: ‘вербальное / невербальное (мимическое и физиологическое) вы-

ражение', 'условность экспрессии', 'комплексность внешних симптомов' и др.

Сложные эмоциональные ситуации страха

В поздних новеллах И.А. Бунина ситуации двойственных (смешанных) эмоций описываются посредством ряда оксюморонов, в числе которых выделяются ключевые в содержательном отношении сочетания, во многом определяющие авторские стратегии описания сложных психических феноменов. Онтологически страху не противопоставляется какое-либо позитивное внутреннее состояние, именно поэтому обозначения других эмоций, которые сочетаются с эмоциями страха, можно рассматривать как контекстуальные антонимы последних. Мы выделили несколько направлений описания композиционных эмоций в поздней прозе И.А. Бунина.

Эмотивы страха образуют сочетания с наименованиями позитивных эмоций, которые либо обобщенно описывают внутреннее состояние: – *До чего хорошо, господи! – Чем хорошо, Машенька? – Тем и хорошо-с, что сам не знаешь чем. Жутко* (Баллада), либо конкретизируют его, указывая на определенное переживание: – *Прошло мое времечко, сказала она. – Вскочу, бывало, к вам – и боюсь до смерти и радуюсь: ну, слава богу, старуха заснула* (Таня). Для поздней прозы Бунина характерна тенденция к активному использованию оксюморонов, в основе которых лежат авторские представления о возможности одновременного переживания таких различных по субъективному качеству эмоций, как радость и страх. Эти представления находят свое формальное выражение, во-первых, в комбинации исходных номинантов радости и страха: *Вся замирая от радостного страха, высоко подняла она платье над белой коленкоровой юбкой, вошла в шарабан и села рядом с ним...* (Таня); во-вторых, в сочетании эмотивов со значением аффективной интенсивности этих эмоций, то есть ассоциативной модели «ужас – восторг»: *И, подойдя, с ужасом восторга взглянул на иноческую стройность ее черного платья, на чистую, молодую красоту лица, ресниц и глаз, при виде меня опустившихся...* (Натали). Как можно заметить,

индивидуально-авторские оксюмороны, в состав которых входят эмотивы страха и радости, отличаются алогизмом, так как описывают одновременное переживание исключаящих друг друга эмоций.

Для поздней новеллистики И.А. Бунина характерны сочетания эмотивов страха с обозначениями таких внутренних состояний, которые отличаются оценочной амбивалентностью, то есть в зависимости от ситуации предстают в виде либо позитивного, либо негативного переживания. Данные комбинации представляют собой однородные ряды эмотивов с сочинительной связью, благодаря которым уточняется субъективное содержание таких амбивалентных внутренних состояний, как удивление, смущение и др.: *Узнал, испугался, сконфузился, – стоит, растерянно смотрит на меня: «Маша, ты?»* (Месь); *...и все дивился, ужасался: за что так наказал меня бог, за что дал сразу две любви, такие разные и такие страстные...* (Натали).

Если же иметь в виду указанные выше параметры языкового моделирования эмоциональных ситуаций, то при описании смешанных внутренних переживаний И.А. Бунин отдает предпочтение следующим из них:

1) параметр интенсивности эмоции, который выражается либо одиночными эмотивами, обозначающими ее максимальную силу (*ужас, ужасался* и т. д.), либо сочетанием исходных эмотивов с другими лексемами, имеющими значение высокой интенсивности, например: *и боюсь до смерти, и радуюсь;*

2) параметр внешнего проявления эмоций, прежде всего физиологического и мимического: так, большая роль отводится описанию взгляда как наиболее открытого, следовательно семиотизированного телесного сигнала эмоциональных переживаний, например: *с ужасом восторга взглянул* и т. п.

Заключение

Как свидетельствуют результаты проведенного анализа, выделенные нами параметры языкового моделирования эмоциональных ситуаций в художественном тексте во многом носят универсальный характер, поскольку отражают важнейшие онтологические характе-

ристики внутренних состояний. Прежде всего, это те параметры, которые связаны с основными компонентами эмоциональной ситуации (субъектом, объектом (причиной) и самим внутренним переживанием), а именно параметры причинности, темпоральности, интенсивности и внешней экспрессии эмоций. Вместе с тем с опорой на определенные художественные тексты (в данном случае – цикл рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи») можно говорить об индивидуально-авторской специфике качественной и количественной репрезентаций данных параметров, обусловленных, с одной стороны, системными отношениями эмотивов, которые проецируются на смысловое пространство текста, с другой – ассоциативными связями этих единиц в пределах конкретных произведений.

На примере эмотивов страха показано, что отдельные признаки, составляющие названные параметры, обнаруживают определенную взаимосвязь: темпоральные характеристики страха ('временная ограниченность', 'статичность / динамичность' и др.) соотносятся с некоторыми признаками, объединяемыми каузативным параметром ('ситуативность' и т. д.). При описании отдельных параметров страха И.А. Бунин активно использует образные ресурсы языка: в частности, внешние признаки данной эмоции репрезентируются с помощью концептуальных метафор «страх – это холод» и «страх – это жар», которые обозначают близкие по качеству физиологические симптомы.

Особое внимание в цикле «Темные аллеи» уделяется раскрытию не только сложных внутренних состояний героев, эмоционально-волевых и эмоционально-ментальных, но и комплексов (диады и триады) эмоций, обозначаемых с помощью оксюморонов типа *восторженный ужас*, *радостный страх счастья*. Количество подобных единиц довольно велико, в связи с чем можно говорить об особенностях авторской обрисовки сферы emotio.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее примеры приводятся по источнику: Бунин И.А. Темные аллеи // Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1988. Т. 4. С. 5–222.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1997. О стыде и стуже // Вопросы языкознания. № 2. С. 59–70.
- Балли Ш., 2003. Язык и жизнь. Пер. с фр. М. : Едиториал УРСС. 232 с.
- Вольф Е. М., 1982. Состояние и признаки. Оценки состояния // Семантические типы предикатов. М. : Наука. С. 320–339.
- Гейдеко В. А., 1976. Чехов и Ив. Бунин. М. : Советский писатель. 376 с.
- Добровольский Д. О., 1996. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. № 1. С. 71–93.
- Зализняк Анна А., 1983. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 42, № 1. С. 59–66.
- Изард К., 2003. Психология эмоций. Санкт-Петербург : Питер. 464 с.
- Ионова С. В., 2000. Когнитивный подход к исследованию текстовой эмотивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Филология. Журналистика. Вып. 5. С. 116–121.
- Иорданская Л. Н., 1972. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 16. М. : Изд-во Московского гос. пед. ин-та ин. яз. С. 3–30.
- Калимуллина Л. А., 1999. Эмотивная лексика и фразеология русского литературного языка (синхронический и диахронический аспекты) : дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 348 с.
- Калимуллина Л. А., 2013. Семиотическая сущность невербального эмоционального кода и специфика его номинации (на материале славянских языков) // Przegląd Wschodnioeuropejski. IV. С. 533–545.
- Мраморнов О., 1995. Иван Бунин перед загадкой русской души // Новый мир. № 9. С. 236–240.
- Слюсарева Н. А., 2000. Функции языка // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия. С. 564–565.
- Чернова С. В., 1996. Модальные глаголы в современном русском языке. Семантическая модель «замысел – осуществление замысла». Киров : Изд-во Вятского гос. пед. ун-та. 168 с.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1997. About shame and icy cold. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 59-70.
- Balli Sh., 2003. *Language and life*. Moscow, Editorial URSS Publ. 232 p.

- Volf E.M., 1982. Condition and features. Evaluation of condition. *Semanticheskie tipy predikatov*. Moscow, Nauka Publ., pp. 320-339.
- Geydeko V.A., 1976. *Chekhov and Bunin*. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ. 376 p.
- Dobrovolskiy D.O., 1996. Figurative component in the semantics of idioms. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 1, pp. 71-93.
- Zaloznyak A.A., 1983. Semantics of verb *fear* in the Russian language. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 42, no. 1, pp. 59-66.
- Izard K., 2003. *Psychology of emotions*. Saint Petersburg, Piter Publ. 464 p.
- Ionova S.V., 2000. Cognitive approach to research of textual emotiveness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya. Zhurnalistika* [Science Journal of Volgograd State University. Philology. Journalism], iss. 5, pp. 116-121.
- Iordanskaya L.N., 1972. Lexicographic description of phrases with the meaning of physical symptoms of emotions in the Russian language. *Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika* [Machine Translation and Applied Linguistics]. iss. 16, pp. 3-30.
- Kalimullina L.A., 1999. *Emotive lexicon and phraseology of the Russian literary language (synchronic and diachronic aspects)*. Dr. philol. sci. diss. Ufa. 348 p.
- Kalimullina L.A., 2013. Semiotic essence of non-verbal emotional code and specificity of its nomination (on the material of Slavonic languages). *Przegląd Wschodnioeuropejski*, no. IV, pp. 533-545.
- Mramornov O., 1995. Ivan Bunin against the mystery of Russian soul. *Novyy mir*, no. 9, pp. 236-240.
- Slyusareva N.A., 2000. Language functions. *Linguistics: Large Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., pp. 564-565.
- Chernova S.V., 1996. *Modal verbs in the Russian language. Semantic model 'Plan – Realization of Plan'*. Kirov, Izd-vo Vyatskogo gos. ped. un-ta. 168 p.

Information about the Author

Larisa A. Kiseleva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of Department of Theory of Language and the Methods of Its Teaching, Bashkir State University, Zaki Validi St., 32, 450076 Ufa, Russia, larisakiseleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4875-6435>

Информация об авторе

Лариса Айратовна Киселева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и методики его преподавания, Башкирский государственный университет, ул. Заки Валиди, 32, 450076 г. Уфа, Россия, larisakiseleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4875-6435>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.12>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 29.06.2018
Accepted: 25.07.2018

DISCURSIVE PRACTICES OF NEW AND TRADITIONAL MEDIA

Aleksandr V. Mlechko

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Ivan N. Shamaev

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper analyzes the discursive practices of traditional and new media. The special attention is paid to the change of discourse paradigms within which we can observe the inevitable rotation of both discursive practices and the models of media discourse. Modern medialogy involves a variety of interdisciplinary approaches and methods of analysis. An important place among them is occupied by linguistic methodology, in particular, the discourse analysis, which allows conducting an authentic study of a variety of media phenomena operating in the framework of multi-level communicative models. These processes and mechanisms are especially clearly manifested in the comparative analysis of traditional and new media.

Using the example of discursive organization of the journal *Sovremennye zapiski* ('Contemporary Notes'), the materials of the community of professional mass media *Vysota 102* ('Height 102'), as well as public pages not associated with professional media, but oriented on dissemination of socially important content *Tipichny Volgograd* ('Typical Volgograd') and *NETipichny Volgograd* ('Non-Typical Volgograd'), we've shown that media discursive practices, being heterogeneous structures, not only correspond, but also form the semantic potential of specific media. In the case of traditional media, transdiscursivity is the leading discursive practice, since it allows carrying out effective oscillation of meanings from one discourse to another. In the case of new media, such practices as polydiscursivity and interdiscursivity are priority ones. They form authentic communicative models in a situation of global transformation of the media space. At the same time, the media discourse, the consumer discourse, and the discourse aimed at the formation of identity in the sociocultural space, become dominant.

Key words: discourse, transdiscursivity, interdiscursivity, polydiscursivity, text, social network, semantics, communication.

Citation. Mlechko A.V., Shamaev I.N. Discursive Practices of New and Traditional Media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 119-129. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.12>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 29.06.2018
Дата принятия статьи: 25.07.2018

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ МЕДИА

Александр Владимирович Млечко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Иван Николаевич Шамаев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье проведено сопоставление дискурсивных практик традиционных и новых медиа, при этом особое внимание уделено смене дискурсивных парадигм, внутри которых происходит неизбежная ротация не только дискурсивных практик, но и моделей медиадискурса. На примере дискурсивной организации «толстого» журнала «Современные записки» и материалов сообщества профессиональных СМИ «Высота 102», РИАТЦ, а также пабликов, не связанных с профессиональными медиа, но ориентированных на

распространение социально значимого контента – «Типичный Волгоград» и «Нетипичный Волгоград» – показано, что медийные дискурсивные практики, представляя собой гетерогенные структуры, разными способами не только корреспондируют, но и формируют семантический потенциал конкретных медиа. Установлено, что в традиционных медиа ведущей дискурсивной практикой выступает трансдискурсивность, поскольку именно она позволяет осуществлять эффективную осцилляцию смыслов от одного дискурса к другому. В новых медиа приоритетными являются такие практики, как полидискурсивность и интердискурсивность: они формируют аутентичные коммуникативные модели в ситуации глобальной трансформации медийного пространства. При этом доминирующими становятся такие дискурсы, как медийный, консьюмеристский, а также направленный на формирование идентичности в социокультурном пространстве.

Ключевые слова: дискурс, трансдискурсивность, интердискурсивность, полидискурсивность, текст, социальная сеть, семантика, коммуникация.

Цитирование. Млечко А. В., Шамаев И. Н. Дискурсивные практики традиционных и новых медиа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 119–129. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.12>

Введение

Современная медиалогия предполагает сочетание междисциплинарных подходов и методов анализа – культурологических, философских, антропологических, социологических, литературоведческих и др. Важное место среди них занимает лингвистическая методология, в частности, дискурс-анализ, позволяющий провести аутентичное исследование самых разных медийных феноменов, функционирующих в рамках полиуровневых коммуникативных моделей.

Особый научный интерес вызывает смена дискурсивных парадигм, внутри которых происходит неизбежная ротация не только дискурсивных практик, но и моделей медиадискурса. Наиболее отчетливо эти процессы и механизмы проявляются при сопоставительном анализе традиционных и новых медиа.

Дискурсивные практики традиционных медиа

Для демонстрации механизмов функционирования дискурсивных практик в традиционных медиа выбран эмигрантский журнал «Современные записки», поскольку он был самым крупным и влиятельным изданием русского зарубежья (некоторые исследователи относят его к самым крупным в русской журналистике вообще). Это журнал-долгожитель (выходил с 1920 по 1940 год), на его страницах опубликованы художественные, философско-публицистические, мемуарные и критические произведения наиболее известных писателей, мыслителей, критиков и в це-

лом деятелей культуры русской эмиграции первой волны. Невозможность переоценки той роли, которую сыграл журнал в истории русского рассеяния, хорошо осознавалась самими изгнанниками.

Композиционная структура журнала была трехчленной. Открывал каждый выпуск традиционный для «толстых» журналов художественный (без названия) раздел, состоящий из двух немаркированных частей – проза и поэзия (в этом разделе – также без дополнительного деления – публиковалась и публицистика, в том числе философская). За ним следовал второй по объему и очередности раздел «Культура и жизнь», в состав которого входили статьи на политические, философские, экономические темы, а также посвященные культуре. Третий раздел – «Критика и библиография» – содержал большое количество обзоров и рецензий на книжные «новинки» как на русском, так и на иностранных языках.

В журнале, как ни в каком другом эмигрантском издании, принимали участие и активно печатались почти все самые видные литераторы и мыслители русского зарубежья. Объединение их текстов с опорой только на исторический (внешний) подход к материалу возможно лишь на двух основаниях, которые вытекают из программных заявлений редакции: дистанцирование от радикализма правого толка и – крайне шаткое и расплывчатое – акцентирование «демократических» и «освободительных» идеалов. Если мы примем исторический подход для текстового анализа, то будем вынуждены констатировать принципиальную разногласию многочисленных тек-

стов, напечатанных в «Современных записках», их смысловую несовместимость или совместимость минимальную (что общего, например, между статьями М. Вишняка и Ф. Степуна или романами И. Шмелева и В.В. Набокова, помещенными в единое текстуальное пространство журнала?), повышенный уровень «текстуальной энтропийности» этого пространства, невозможность его структуризации, отсутствие в нем системных эффектов, поиском которых в различных областях культуры так озабочена социогуманитарная мысль вот уже как минимум два столетия. Наши рассуждения продолжают этот поиск на текстологическом уровне абстракции.

Мы сосредоточимся на смысловой структуре журнальных текстов, проводя поиск их единства в области текстов художественных, на что у нас имеется несколько веских оснований. Во-первых, как мы уже отмечали, именно «беллетристический» раздел открывал каждый выпуск, именно ему была отведена большая часть журнального листа, из чего следует, что остальные (прежде всего «публицистический») разделы всецело (для нас важно подчеркнуть семантический характер этой экспансии) подчинялись художественному. Как отмечает отечественный исследователь Ю.А. Азаров, «большинство читателей-эмигрантов, не принимая политической позиции редакции, высоко оценило литературные публикации “Современных записок”». Популярность журнала была в первую очередь обусловлена достоинствами не общественно-политического, а литературного отдела» [Азаров, 2002, с. 285]. Во-вторых, именно этот раздел был в минимальной степени «контролируем» соредакторами «Современных записок», подчинен «редакторскому диктату». М. Вишняк писал об этом так: «Мы не обманывались в том, что популярность журнал может приобрести лишь благодаря литературно-художественному своему отделу, а никак не общественно-политическому. <...> Наши литературно-художественные вкусы могли лишь косвенно влиять на редактирование журнала. К общественно-политическому же отделу “Современных записок” мы имели прямое и непосредственное отношение. Здесь пристрастие могло легче сказаться. Однако и тут мы старались быть терпимыми и не заг-

лушать голосов с нами несогласных» [Вишняк, 1972, с. 354]. Важно подчеркнуть следующий любопытный эффект: с одной стороны, казалось бы, «неуправляемый» художественный раздел должен был бы повышать смысловую энтропийность журнального текстуального пространства, с другой – именно эта «автономность» отражает не «замысел» издания, который может так и остаться лишь желаемой возможностью, а реализацию этого замысла внутри совершенно конкретных текстов или же на конкретном текстуальном пространстве журнала.

Ни один не только эмигрантский, но и вообще российский журнал не мог похвалиться таким богатым сосредоточием текстов крупнейших поэтов, прозаиков и драматургов (М. Вишняк насчитывает 42 «беллетриста, романиста и драматурга»). Это большая часть эмигрантских произведений И.А. Бунина (включая знаменитую «Жизнь Арсеньева»), подавляющее большинство романов и повестей М.А. Алданова (включая его романские циклы), почти все произведения В.В. Набокова «русского» периода, романские циклы Д.С. Мережковского, тетралогия Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба», а также другие его романы и повести, романы И.С. Шмелева, романы и повести М.А. Осоргина (включая уже ставший классическим «Сивцев Вражек»), «Преступление Николая Летаева» Андрея Белого, «Жанетта» А.И. Куприна, повести и рассказы Г. Газданова, Н. Берберовой и многих других «молодых» и «старых» авторов. Достаточно внушительны подборки стихотворений как поэтов «старшего» (Вяч.И. Иванов, К.Д. Бальмонт, З.Н. Гиппиус, М.И. Цветаева, В.Ф. Ходасевич, Г.В. Адамович и др.), так и «молодого» (Н.Н. Берберова, Д. Кнут, Г.Н. Кузнецова, Е.Ю. Кузьмина-Караваева, А.С. Головина, И.Н. Голенищев-Кутузов, Ю.В. Мандельштам, В.А. Смоленский, Ю.К. Терапиано и др.) поколений. Эстетические и общественно-философские позиции перечисленных авторов не отличались однородностью. Разнообразна и тематика их произведений. Наша задача – определить их «общий знаменатель», поиск которого может осуществляться как на формальном, так и на семантическом (содержательном) уровнях. Если говорить о первом из них, то все тексты

относятся к художественному дискурсу «Современных записок». Термин «дискурс» используется нами для формального различения художественных и нехудожественных журнальных текстов, позволяет провести элементарную дифференциацию между художественной философско-публицистической, критической и мемуарной «манерами письма», частично совпадающими с внутривидовым членением на «разделы» издания. Методологически такая сегрегация уже была апробирована в работе И.В. Силантьева «Газета и роман: Риторика дискурсных смещений» [Силантьев, 2006], где справедливо утверждается, что «тексты газеты образуют ансамбль, говорящий разными и многими голосами – голосами различных и многих дискурсов. ...голосами не авторов и не просто субъектов мысли и высказывания, а голосами дискурсов, воплощенных и в авторстве, и в субъективности высказываний, и в текстах собственно» [Силантьев, 2006, с. 56]; «...замыкание газеты в рамках одного и единого дискурса противоречит самой природе газеты как ансамбля дискурсов с их разноуровневой иерархией, с их переключкой и разноголосицей» [Силантьев, 2006, с. 63].

Пользуясь почти эксклюзивным правом разработки термина «дискурс», новейшие лингвистические направления ищут область его функционирования прежде всего в речевой деятельности (подробно о различных пониманиях дискурса см.: [Карасик, 2002, с. 270–287]). Вслед за Д. Шифрин М. Макаров выделяет три основных подхода к трактовке этого понятия: «Первый подход, осуществляемый с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики, определяет дискурс просто как “язык выше уровня предложения или словосочетания” <...> Второй подход дает функциональное определение дискурса как всякого “употребления языка” <...> Этот подход предполагает обусловленность анализа функций дискурса изучением функций языка в широком социокультурном контексте. <...> Д. Шифрин предлагает и третий вариант определения, подчеркивающий взаимодействие формы и функции: “дискурс как высказывания”... Это определение подразумевает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры

“больше предложения”, а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка» [Макаров, 2003, с. 86]. Уже эти подходы демонстрируют стремление ученых к селекции дискурса и текста, что не может долго оставаться незамеченным при общей тенденции к синтезу гуманитарных научных методов: «Термин *дискурс*, понимаемый как речь, “погруженная в жизнь”, в отличие от *текста*, обычно не относится к древним текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно, хотя в последнее время наметилась тенденция к применению методологии дискурс-анализа и самого термина *дискурс* к языковому материалу разной культурно-исторической отнесенности, например, Библейским текстам и апокалиптической литературе, а также произведениям литературы, текстам массовой культуры, психоанализу» [Макаров, 2003, с. 88]. При таком взгляде на дискурс подразумевается, что в один текст могут быть инкорпорированы различные дискурсы, например, религиозный и юмористический дискурсы являются «составляющими» текста романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» или философско-публицистический дискурс является заметным «имплантантом» в ткань диалогии Д.С. Мережковского о Древнем Востоке. Не умаляя значения этих во многом претендующих на трюизм замечаний, еще раз отметим, что мы используем термин «дискурс» для формального разграничения множества разноприродных текстов, напечатанных в «Современных записках». В смысловое пространство журнала нами включаются и полные варианты произведений, частично или с сокращениями различной степени увидевших свет на страницах издания (вскоре после журнальной публикации их большая часть была выпущена отдельными книгами в одноименном издательстве, но именно первое знакомство с текстом в выпуске подталкивает читателя к прочтению его полного варианта), что в какой-то степени подразумевает апелляцию к тексту-как-речи – журнальному тексту, «договариваемому» в книге.

Мы не будем сейчас останавливаться подробно на имплицитных свойствах художественного дискурса (об этом см.: [Женетт, 1998; Тюпа, 2002]), отметим лишь то, которое

является одним из фундаментальных, – это принципиальная и обязательная фикциональность художественного дискурса, невозможность его верификации. «Поэтому ему [автору – А. М., И. Ш.] принадлежит только целое текста, смыслообразно скомпанованное из речений по большей части вымышленных субъектов речи: “чужих” ему или “своих друзей” для него. “От себя” писатель высказывается лишь в текстах, лишенных художественности» [Тюпа, 2002, с. 8]. Обозначив это важное в контексте нашего исследования свойство, обратимся ко второму – семантическому – уровню, на котором возможен поиск «общего основания» как текстов художественного дискурса «Современных записок», так и остальных.

В самом широком смысле поиск «общего основания» всегда так или иначе ведется на «территории» интертекстуальной методологии, но разработка интересующих нас вопросов в этом направлении неизбежно приведет не к тем результатам или, вернее, не даст результатов вовсе, прежде всего вследствие отсутствия реальной потребности таких разработок. Однако, оставляя основные ее механизмы и принципы «интертекстуальной» методологии в качестве обязательного фона исследования, обратимся к понятию *текст*, чтобы увидеть его в том аспекте, который соответствует нашим задачам.

Мы эксплицируем в литературе и – шире – в культуре русского зарубежья некоторое проблемно-тематическое, образное, идейное и даже мифопоэтическое (мифологическое) единство, определяемое как «русский текст эмиграции». Он включает в себя ряд константных (ментальных, но закрепленных текстуально) комплексов, интенционально ориентированных на осмысление российских событий 1917 г., «фоном» которых выступают самые широкие пласты как русской, так и всемирной истории. Тем самым *русский текст*, как и «петербургский», ограничен не столько локально (Россия), сколько «перспективно» («судьбы мира» в целом), и имеет не столько тематическое (тексты о России), сколько проблемное «измерение» (тексты, в которых «российская» проблематика мыслится как общечеловеческая и универсальная, а архетипические ситуации полностью приложимы к Рос-

сии). Этот момент оговаривается, например, у В.Н. Топорова: «Петербургский текст есть текст не только и не столько через связь его с городом Петербургом (экстенсивный аспект темы), сколько через то, что образует *особый* текст, текст *par excellence*, через его резко индивидуальный (“неповторимый”) характер, проявляющийся в его *внутренней* структуре (интенсивный аспект)» [Топоров, 1995, с. 280].

«Русский текст» охватывает собой абсолютное большинство эмигрантских текстов самого различного плана, принадлежащих самым разным дискурсам, обеспечивая им особую гомеоморфность, а в специфических условиях (будучи помещенными в единое текстуальное пространство, в частности, журнальное) делая возможным прочтение даже весьма «нейтральных» текстов с помощью именно своего «кода». Широту этого охвата в первую очередь демонстрирует поэтика заглавий тех эмигрантских текстов, которые с полным правом можно было бы назвать прецедентными. Простое перечисление заглавий, содержащих слова *русский*, *Россия* или *родина*, займет не одну страницу. Приведем лишь некоторые из них: «*Мысли о России*» Ф.А. Степуна, «*На родине*» М.В. Вишняка, «*Пути России*» И.И. Бунакова-Фодаминского, «*Я унес Россию*» Р.Б. Гуля, «*Истоки и смысл русского коммунизма*» Н.А. Бердяева, «*Письма о русской культуре*» Г.П. Федотова, «*Из размышлений о русской революции*» С.Л. Франка, «*Миссия русской эмиграции*» И.А. Бунина, «*Третья Россия*» А. Ветлугина, «*Затуманившийся мир и русский вопрос*» В.Ф. Иванова, «*Россия в концлагере*» И.Л. Солоневича. Большая часть только этих текстов либо появилась, либо получила отклики на страницах «Современных записок».

Следовательно, философско-публицистический дискурс (частично совпадающий с границами и второго журнального раздела – «Культура и жизнь») «Современных записок» является доминирующим в экстраполяции стержневой проблемы русского текста – «Россия и революция». Он словно «заражает» этим «вирусом» менее идеологически маркированные тексты других дискурсов – художественного, критического, собственно-философского – но сам вскоре теряет свою «силу» вслед-

ствие изначальной смысловой энтропийности, хаотичности, неопределенности, неспособности предстать в виде более или менее стройного учения, идеи или мифа, «рассказа о России», что будет под силу лишь менее идеологизированному, но более семантически гибкому, «культурно живучему», оказывающемуся способным, словно Протей, не только принимать адекватные культурные формы, но даже создавать собственные культурные «матрицы», дискурсу художественному. Философско-публицистический дискурс словно передает художественному «гальванический заряд» *основного смысла*, чтобы самому, избегая первоначального бессильного пароксизма, вновь принять вернувшийся смысл стройным и обретшим в результате мутации невиданные ранее пропорции, стать – пусть лишь одним из важнейших – элементом в построении гармоничного целого.

Таким образом, мы можем говорить о трехуровневой дискурсивной структуре «Современных записок» (или вообще «толстых» журналов – с учетом культурно-исторической конкретики) как текстового образования. В качестве доминирующей дискурсивной практики выступает трансдискурсивность, позволяющая осуществлять эффективную осцилляцию смыслов от одного дискурса к другому.

Дискурсивные практики новых медиа

Социальные медиа на современном этапе своего развития не только испытывают влияние разнородных факторов, но и сами оказывают конституирующее воздействие на социальную реальность, в частности, на коммуникативные процессы. При этом возникает принципиальная необходимость не только в установлении границ этого влияния, его естественных ограничителей, направления и механизмов, но и в демонстрации механизмов функционирования дискурсивных практик в совершенно иной коммуникативной модели.

Положение о конституирующей потенции социальных медиа относительно самой сферы социального представляется синтезом нескольких постулатов, опирающихся на две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, интернет-коммуникациям вполне спра-

ведливо приписывалась роль симулякра, повторяющего процессы объективной реальности: «Компьютеризация повседневной жизни вводит в обиход виртуальную реальность в качестве компьютерных симуляций реальных вещей и поступков» [Иванов, 2000, с. 13]. Представленная цитата из научной работы 2000 года не отражает комплексных изменений, произошедших в коммуникативной парадигме за последние двадцать лет, во многом связанных с эволюцией социальных медиа.

С другой стороны, при дискурсивном подходе к социальным медиа абсолютизируется их конституирующее значение как одной из ведущих коммуникативных практик. «Дискурс – это форма социального поведения, которая участвует в формировании социального мира (включая знания, людей и социальные отношения) и, таким образом, в поддержании и сохранении социальных паттернов» [Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 24]. Последние могут не только сохраняться, но и трансформироваться в процессе изменения их границ. Так, медийный дискурс с появлением новых коммуникативных форм, в том числе и социальных медиа, претерпел значительные изменения, которые не могли не отразиться на социальной сфере, во многом конституируемой традиционными и новыми средствами массовой информации.

Рассматривая социальные медиа как значимую составляющую медийных коммуникативных практик, мы придерживаемся идеи конвергенции, не наделяя их, однако, тотальным конституирующим влиянием.

Отметим, что в приведенном выше определении дискурса симптоматичен акцент на поддержании и сохранении социальных паттернов. Он отражает ориентацию на описание ситуации в марксистских и постмарксистских терминах. В этом случае для трансформации дискурса, в том числе медийного, необходим конфликт дискурсов, в котором доминирующий ориентирован на уже существующие практики, а вступающий с ним в борьбу – на новые.

Стремление экстраполировать выводы из теории, касавшейся экономики, на сферу символов, знаков и коммуникаций продиктовано необходимостью описать новое по своей сути явление в привычных формулиров-

ках. Отсюда и тяготение к соответствующим метафорам: «Технологическая инфраструктура, на которой строится сеть, определяет новое пространство почти так же, как железные дороги определяли “экономические регионы” и “национальные рынки” индустриальной экономики» [Кастельс, 2000, с. 110]. Подобный подход оправдан на первых этапах осмысления комплексного явления, но по мере развития самой системы и научных знаний о ней требует серьезной модификации на всех уровнях.

Тезис об оппозиционности старого и нового, борьбе дискурсов, обладая рядом существенных недостатков, имеет в то же время серьезный эвристический потенциал. С его помощью можно диалектически обосновать коннотации инаковости, которые преобладали в Рунете с момента его появления. Противопоставление первых блогеров институционализированным СМИ на несколько лет задало магистральное направление исследований, посвященных этому феномену. Вопрос о принципиальной взаимозаменяемости «низовой» активности блогеров и работы средств массовой информации лишь относительно недавно перешел в плоскость выстраивания единой коммуникативной системы. Немалую роль в этом сыграли и работы, посвященные дискурс-анализу, ориентированные на постмарксистский подход, при котором постулируется гегемония старых коммуникативных моделей, сменяющаяся борьбой с новыми парадигмами. При этом существующие коммуникативные модели якобы утверждают свою гегемонию посредством определенных языковых и речевых практик, задают идеологические паттерны, претендующие на всеобщность и исключаящие критический подход. Альтернатива создается с позиций критики идеологии.

Таким образом, подход, основанный на представлениях о борьбе дискурсов, обладает как рядом достоинств, так и недостатками, главным из которых становится малая включенность иных социальных факторов, которые якобы формируются внутридискурсивно.

Комбинацию дискурсов в текстах социальных медиа и их артикуляцию рассмотрим в контексте интертекстуальности, отсылающей нас к теории диалогичности отечествен-

ного ученого М.М. Бахтина (см.: [Бахтин, 1979]), а также интердискурсивности, то есть «процесса когнитивного уровня, взаимодействия в сознании носителя языка надтекстовых единиц: дискурсов, семиотических кодов разного уровня» [Прокофьев, 2013, с. 77]. При такой методологической позиции представления о борьбе дискурсов и гегемонии одного из них, связанного с доминирующими социальными практиками, заменяются картиной о взаимодействии дискурсов. Датские исследователи М.В. Йоргенсен и Л.Д. Филлипс пишут по этому поводу: «Если в исследовании концентрироваться на строе дискурса, а не на отдельном дискурсе, то взаимодействие между дискурсами внутри дискурса попадает в фокус внимания. Это дает преимущества, поскольку именно в таком взаимодействии социальные последствия становятся наиболее очевидными: когда два или более дискурсов в одной и той же области представляют различный взгляд на мир, исследователь может задаться вопросом: каковы последствия того, что один взгляд будет принят вместо другого» [Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 237].

При применении дискурс-анализа в сфере социальных медиа необходимо ответить на вопрос о границах дискурса социальных медиа. Он (дискурс) является органической частью общего медийного дискурса, пределы которого на современном этапе общества остаются размытыми. Медиатизацию, то есть «качественные изменения социальных коммуникаций, вызванные воздействием медиа, которые из институции, отражающей жизнь, становятся фактором, определяющим существенные моменты жизни общества и современной личности» [Шмелева, 2015, с. 145], необходимо рассматривать как один из важнейших феноменов в контексте изучения связи медиадискурса и социальной реальности. Практически все традиционные сферы общественной жизни, начиная с политики и заканчивая спортом, испытывают значительное влияние медийной среды. Последнее при этом не носит аннексирующего характера, а скорее двунаправленно. На дискурс социальных медиа, входящий в общий медийный дискурс, также распространяется указанная неопределенность: чем отчетливее будут в нем видны

включения из иных социальных практик, тем сильнее он сам будет влиять на них.

В этом контексте возникает необходимость выявления особенностей коммуникации в сообществах СМИ, а также не связанных с профессиональной журналистикой. На первый план при этом выходят вопросы артикулирования определенных дискурсов в текстах, их возможной полифонии или доминирования, а также конструирования определенных идентичностей и социальных групп.

Исследованный эмпирический материал – сообщества профессиональных СМИ («Высота 102» и РИАЦ), а также паблики, не связанные с профессиональными медиа, но ориентированные на распространение социально значимого контента («Типичный Волгоград» и «Нетипичный Волгоград»), – обнаруживает полидискурсивность, присущую социальным сетям в целом. Наиболее часто представленными становятся такие дискурсы, как медийный, консьюмеристский, а также направленный на формирование местной идентичности в социокультурном пространстве региона.

Медийный дискурс явно преобладает в сообществах профессиональных средств массовой информации. Например, в так называемой «шапке» сообщества «Высота 102» (5,3 тысячи подписчиков в социальной сети «ВКонтакте») постулируется: «“Высота 102” – признанный и широко цитируемый источник оперативной и достоверной информации, который прочно занимает первые позиции по популярности среди новостных сайтов Волгоградской области». При этом включения иных дискурсов минимальны. Гипотетически это может служить одной из причин малой популярности сообществ региональных средств массовой информации в пространстве социальных сетей. Полидискурсивность в этом случае выражена скорее имплицитно.

В то же время сообщества, распространяющие социально значимую информацию, но при этом не связанные с профессиональными средствами массовой информации, представляют себя комплексно, сочетая возможности разных дискурсов. Например, администрация сообщества «Типичный Волгоград» (в социальной сети «ВКонтакте»), ориентированного на распространение социально значимого контента (247,5 тысяч пользо-

вателей), в сведениях о ресурсе указывает следующее: «Типичный Волгоград – сообщество, где находятся люди с твердым убеждением, что Волгоград самый лучший и самый красивый город. Типичный Волгоград – сообщество, где собраны самые активные, умные и продвинутые волгоградцы. Типичный Волгоград – для людей, интересующихся событиями Волгограда и всем, что связано с городом». Далее следуют сведения о рубриках, сопровождаемые тематическими хэштегами, а также контакт администратора и дата создания.

Полидискурсивность, характерную для сообществ в пространстве социальных медиа, можно выявить уже на стадии анализа информации о сообществе. Так, первое предложение *Типичный Волгоград – сообщество, где находятся люди с твердым убеждением, что Волгоград самый лучший и самый красивый город* выражает региональную идентичность, актуализируя патриотический дискурс. Высказывание *Типичный Волгоград – сообщество, где собраны самые активные, умные и продвинутые волгоградцы* активизирует консьюмеристский дискурс: сообщение об образе, который придает использование того или иного продукта, в том числе информационного, широко распространено в рекламных практиках. Третье предложение *Типичный Волгоград – для людей, интересующихся событиями Волгограда и всем, что связано с городом* актуализирует медийный дискурс и представляет рассматриваемое сообщество как новостную площадку. Наконец, контактные данные *по всем вопросам (в том числе по сотрудничеству)* вновь активизируют консьюмеристский дискурс. Таким образом, полидискурсивность проявляет себя даже на весьма ограниченном текстовом отрезке.

Симбиоз трех дискурсов (патриотического, медийного и консьюмеристского) во многом формирует облик сообщества. Отметим, что ни один из указанных дискурсов не претендует на статус доминирующего.

Интердискурсивность, наблюдаемая в той или иной степени в каждом из рассмотренных случаев, подкрепляется включенностью сообществ СМИ или пабликов, ориентированных на распространение социально

значимой информации, в общий контекст социальных медиа и соответствующий дискурс, что заостряет конфликт между ориентацией на традиционные коммуникативные модели, присущие сообществам некоторых региональных средств массовой информации, и самим информационным пространством, в котором они их репрезентируют. Такое противоречие согласуется с представлениями о борьбе старого и нового, широко распространенными в дискурс-анализе, а также с широким комплексом социальных факторов, детерминирующих серьезные изменения в коммуникативной и когнитивных моделях как потребителя информационного продукта, так и его производителя.

Выявленная нами интердискурсивность присуща не только сообществам, связанным с медийной сферой, но и пространству социальных сетей в целом. В случае с рассмотренными публичными она обладает несколькими значимыми характеристиками.

Во-первых, это постепенно нарастающее влияние консьюмеристского дискурса. Если на ранних этапах своего функционирования та или иная форма социальных медиа менее институционализирована, то со временем к набирающей популярность площадке начинают проявлять интерес не только общественные объединения, но и политические акторы, коммерческие организации. Консьюмеристский дискурс оказывается одним из наиболее значимых, связанных с желанием монетизировать накопленный социальный капитал. Если в системе СМИ этот механизм давно отлажен, то в социальных медиа происходит поиск наиболее адекватных форм, соответствующих измененной коммуникативной модели.

Во-вторых, это формирование определенной идентичности (в нашем случае региональной) посредством диалогичности. Социальные сети представляются пространством максимально открытой коммуникации. Если традиционные средства массовой информации оперировали понятием целевой аудитории, определенной на основе социально-демографических показателей, то в данном случае подписчики сами участвуют в формировании общности. Администраторы страниц выступают в качестве модераторов, во многом задающих тематику группы и границы, которые мо-

гут быть как строго установленными, так и размытыми. В любом случае трактовочно-комментарийный комплекс, образующийся вокруг публикаций, во многом задает характер формируемой общности, дополняя смыслы публикаций или видоизменяя их.

В-третьих, это интердискурсивность. Она свидетельствует о принципиальной незавершенности процесса выстраивания коммуникативной модели в сообществах, ориентированных на продуцирование социально значимого контента, о ее поливариативности и в какой-то мере ризомности. Наличие доминирующего медийного дискурса не исключает полностью продолжающегося процесса ее выстраивания, не задает строгой иерархии, хотя во многом и определяет границы коммуникативной модели. Включение иных дискурсов становится причиной флуктуаций, во многом детерминирующих неповторимый облик того или иного ресурса в пространстве социальных сетей. Отчасти это можно связать с описанной нами выше ситуацией борьбы дискурсов, однако в данном случае скорее наблюдается их симбиоз, возникший под влиянием целого ряда разнообразных факторов: особенностей коммуникаций, технических детерминантов, социокультурных включений и др.

Подводя итог рассмотрения социальных медиа в контексте дискурс-анализа, необходимо отметить, что такой подход представляется наиболее перспективным в том случае, если он будет подкреплен иными методами, способными обрисовать более полную картину происходящего на данном этапе развития изучаемой площадки. Категории дискурсов раскрывают многие существенные черты объекта, оставляя при этом другие, не менее важные, на периферии исследования. Система социальных медиа является многослойным образованием, требующим соответствующего подхода к его изучению, отличающегося не мозаичностью, но стремлением осмыслить объект в его комплексности. Углубленный анализ отдельных сторон социальных медиа, связанный с применением того или иного научного метода, должен быть сопряжен с максимально объективной оценкой полученного знания и выстраиванием на его основе единой системы представлений об объекте.

Заключение

Медийные дискурсивные практики, будучи гетерогенными структурами, разными способами не только корреспондируют, но и формируют семантический потенциал конкретных медиа. В традиционных медиа, как видно на примере анализа классического «толстого» журнала «Современные записки», ведущей дискурсивной практикой выступает трансдискурсивность. Именно она позволяет осуществлять эффективную осцилляцию смыслов от одного дискурса к другому.

В новых медиа приоритетными оказываются такие практики, как полидискурсивность и интердискурсивность. Они формируют аутентичные коммуникативные модели в ситуации глобальной трансформации медийного пространства. При этом доминирующими становятся такие дискурсы, как медийный, консьюмеристский, а также направленный на формирование идентичности в социокультурном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азаров Ю. А., 2002. Журнал «Современные записки»: Партийная редакция и литература // Русская культура XX века на родине и в эмиграции: Имена. Проблемы. Факты / Под ред. Т. П. Булаковой, Е. А. Ивановой, М. В. Михайловой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 2. С. 279–297.
- Бахтин М. М., 1979. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 445 с.
- Вишняк М. В., 1972. «Современные записки» // Русская литература в эмиграции. Питтсбург: Отдел славянских языков Питтсбургского университета. С. 353–360.
- Женетт Ж., 1998. Повествовательный дискурс // Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых. Т. 2. С. 60–282.
- Иванов Д. В., 2000. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение. 96 с.
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Д., 2008. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр. 352 с.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 477 с.
- Кастельс М., 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.
- Макаров Н. Л., 2003. Основы теории дискурса. М.: ИТДК «Гнозис». 280 с.
- Прокофьев Г. В., 2013. Категория интердискурсивности как средство организации медиадискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 5 (133). С. 77–79.
- Силантьев И. В., 2006. Газета и роман: Риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянской культуры. 224 с.
- Топоров В. Н., 1995. Миф. Ритуал. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура». 624 с.
- Тюпа В. И., 2002. Художественный дискурс: (Введение в теорию литературы). Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та. 80 с.
- Шмелева Т. В., 2015. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Серия: Массовая Коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации (СМИ). № 90. С. 145–148.
- Azarov Yu. A., 2002. The Journal *Sovremennye zapiski*: Party Edition and Literature. Buslakov T. P., Ivanova E. A., Mikhaylova M. V., eds. *Russkaya kultura XX veka na rodine i v emigratsii: Imena. Problemy. Fakty. Vyp. 2* [Russian Culture of the 20th Century in the Homeland and in Emigration: Names. Problems. Data. Vol. 2.]. Moscow, MGU Publ., pp. 279-297.
- Bakhtin M. M., 1979. *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow, Iskusstvo Publ. 445 p.
- Vishnyak M. V., 1972. Modern Notes. *Russkaya literatura v emigratsii* [Russian Literature in Exile]. Pittsburgh, Otdel slavyanskikh yazykov Pittsburgskogo un-ta, 1972, pp. 353-360.
- Genette G., 1998. Narrative Discourse. Genette G. *Figury. T. 2*. [Figures. Vol. 2.]. Moscow, Izd-vo imeni Sabashnikovykh, 1998, pp. 60-282.
- Ivanov D. V., 2000. *Community Virtualization*. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ. 96 p.
- Jorgensen M. V., Phillips L. D., 2008. *Discourse Analysis: Theory and Method*. Kharkov, Gumanitarnyy tsentr Publ. 352 p.
- Karasik V. I., 2002. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Castells M., 2000. *Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ. 608 p.

REFERENCES

- Makarov N.L., 2003. *Fundamentals of the Theory of Discourse*. Moscow, Gnozis Publ. 280 p.
- Prokofyev G.V., 2013. The Category of Interdiscourse as a Means of Organizing Media Discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 5 (133), pp. 77-79.
- Silantyev I.V., 2006. *Newspaper and Novel: The Rhetoric of Discourse Mixes*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 224 p.
- Toporov V.N., 1995. *Myth. Ritual. Image: Research in the Field of Mythopoetics. Selected Works*. Moscow, Progress-Kultura Publ. 624 p.
- Тупа В.И., 2002. *Fiction Discourse: (Introduction to Literary Theory)*. Tver, Izd-vo Tverskogo un-ta. 80 p.
- Shmeleva T.V., 2015. Mediatization as a Phenomenon of Modern Culture and an Object of Research. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University], no. 90, pp. 145-148.

Information about the Authors

Aleksandr V. Mlechko, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, av_mlechko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1329-8478>

Ivan N. Shamaev, Postgraduate Student, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, vonschwarz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8994-4208>

Информация об авторах

Александр Владимирович Млечко, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, av_mlechko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1329-8478>

Иван Николаевич Шамаев, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, vonschwarz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8994-4208>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.13>

UDC 811.13
LBC 81.47

Submitted: 11.05.2018
Accepted: 07.06.2018

LEXICAL INTERFERENCES FROM SPANISH IN THE CATALAN LANGUAGE OF THE EARLY 20TH CENTURY

Andrey A. Tereshchuk

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg Russia

Abstract. The paper is dedicated to the study of lexical interferences from Spanish in the Catalan language in the beginning of the 20th century. The research is based on the text of the novel *L'auca del senyor Esteve* (1907) by Santiago Rusiñol. We present a brief description of the history of the Spanish-Catalan language contact and analyze the linguistic situation in Catalonia in the late 19th – early 20th century. The paper determines the notions of 'interference' and 'borrowing'. The described lexical interferences from Spanish are not used in the modern Catalan. Nowadays these lexemes are not registered by the Dictionary of the Catalan language. All the lexical interferences in text of the novel are divided into two groups: pure interferences and Spanish inclusions are marked in italics by the author. It is revealed that Spanish inclusions are used in the text 6,46 times as frequently as pure interferences. There are more nouns in the text than other parts of speech. Some Spanish interferences in the novel take part in the processes of word-building. The presence of numerous Spanish interferences in the text characterizes the situation of the Catalan language in the first decade of the 20th century. That period was the time of formation of the language standard and struggle to gain official status.

Key words: lexical interference, Catalan language, language contact, hispanism, history of the Catalan language, Santiago Rusiñol.

Citation. Tereshchuk A.A. Lexical Interferences from Spanish in the Catalan Language of the Early 20th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 130-138. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.13>

УДК 811.13
ББК 81.47

Дата поступления статьи: 11.05.2018
Дата принятия статьи: 07.06.2018

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИСПАНИЗМЫ В КАТАЛАНСКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Андрей Андреевич Терещук

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лексических интерференций из испанского в каталанском языке начала XX в. на материале романа С. Русиньола «Жизнеописание сеньора Эстева» (1907). Охарак-

теризованы основные этапы истории контакта испанского и каталанского языков. Дана общая характеристика языковой ситуации в Каталонии на рубеже XIX и XX веков. Определены понятия «интерференция» и «заимствование». В статье рассмотрены интерференции из испанского языка в тексте художественного произведения, которые не закреплены в каталанском и не зафиксированы «Большим словарем каталанского языка». Проведено деление интерференций, использованных в тексте романа, на собственно интерференции (немаркированные) и иноязычные (испанские) вкрапления, выделенные курсивом самим автором и используемые в стилистических целях. Выявлено, что иноязычные вкрапления встречаются в тексте в 6,46 раз чаще, чем немаркированные интерференции. Установлено, что среди интерференций обоих типов преобладают существительные. Отмечены случаи испанских интерференций в словообразовании. Сделан вывод о том, что появление испанских интерференций в тексте характеризует состояние каталанского языка в первое десятилетие XX в. – поиск и попытки формирования кодифицированной нормы, борьба за официальный статус, употребление преимущественно в устной речи.

Ключевые слова: лексическая интерференция, каталанский язык, языковой контакт, испанизм, история каталанского языка, Сантьяго Русиньол.

Цитирование. Терещук А. А. Лексические испанизмы в каталанском языке начала XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 130–138. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.13>

Специфика контактов испанского и каталанского языков

Изучая процессы формирования и эволюцию каталанского языка, нельзя не отметить, что на протяжении большей части своей истории данный язык существовал в тесном контакте с испанским. Если до второй половины XV в., когда в период правления «Католических Королей» произошло слияние Кастилии и Арагона, испанский и каталанский находились в состоянии языкового контакта, но использовались в разных государственных образованиях, то после объединения двух королевств¹ эти языки вынуждены были сосуществовать в рамках одного государства. Культурное, политическое и экономическое (особенно после открытия Нового света) доминирование Кастилии оказало влияние на языковую ситуацию в регионе. Начиная с XVI в., испанский язык постепенно вытесняет каталанский из употребления в административной сфере, образовании и речи привилегированных классов общества. По определению Э. Боша и Х. Морана, испанизация Каталонии была «вертикальной» и началась под влиянием аристократии [Voix, Moran, 2014, p. 44]. В XVII в. росту престижа испанского языка способствовало бурное развитие литературы (этот период вошел в историю как «золотой век испанской литературы»), а в XVIII в., после воцарения династии Бурбонов, правительство в Мадриде стало проводить более жесткую политику централизации и отме-

нило фуэрос Каталонии. Целью этой политики являлась «унификация страны – централизация экономическая, политическая и юридическая» [Юрчик, 2014, с. 46]. Одним из последствий политики Бурбонов стала маргинализация регионального языка. Каталанский сохранился преимущественно в речи крестьян и некоторых представителей Церкви² [Moreno Fernández, 2005, p. 207]. А. Браули Монтойя определяет всю историю развития каталанского языка после XVI в. как «период фрагментации и отступления», который последовал за временем «формирования и распространения» в XI–XV в. [Brauli Montoya, 2008, p. 13].

В Каталонии тем не менее в середине XIX в. зарождается движение «Возрождения» (*Renaixença*), появление которого было связано с ростом интереса к каталанскому языку среди барселонских интеллектуалов. Каталанский начинает использоваться во всех сферах общественной жизни и активно развивается на протяжении всего XX века³. На нем начинают говорить не только крестьяне в каталонской глубинке, но и аристократия, буржуазия и интеллигенция. В 1983 г., чуть более чем через столетие после начала «Возрождения», В. Вальверду отмечал: «Как кастильский, так и каталанский могут покрывать весь функциональный спектр и употребляться в любой обстановке» [Vallverdú, 1983, p. 20], а двумя десятилетиями позднее М. Сигуан определил языковую ситуацию в Каталонии как «скрещенную диглоссию» [Siguán, 2001].

Столь тесный многовековой языковой контакт с испанским не мог не повлиять на каталанский язык. Данное влияние не является уникальным для Каталонии; как писал А. Самора Висенте, «кастильский, получив статус национального языка в начале XVI в., оказал на них (другие идиомы Пиренейского полуострова. – А. Т.) значительное влияние» [Zamora Vicente, 1967, p. 11]. Можно отметить две тенденции, способствовавшие распространению испанского языка в Каталонии: его изучение многими каталонцами в XVI–XX вв. (владение испанским открывало местным жителям большие возможности для успешной карьеры) и миграция из других регионов Испании в Каталонию. Этот процесс приобрел большое значение в 60–70-х гг. XX века. Многие жители бедного юга переехали в поисках работы в экономически развитую Каталонию. Для интеграции в каталонское общество им не нужно было изучать каталанский язык, поэтому в промышленных центрах региона появились целые районы, население которых использовало в коммуникации только испанский. Как отмечает К. Ильямола, наличие таких регионов оказало значительное влияние на социолингвистическую ситуацию в регионе [Illamola, 2015, p. 329–332].

В связи с этим, изучая испанизмы в каталанском языке, необходимо дифференцировать языковой материал, относящийся к современному состоянию языка (после миграции с юга в 60–70-х гг. XX в.), и данные каталанского языка до массового переселения испаноязычных мигрантов. Если влияние испанского языка на современный каталанский в отечественном языкознании подробно описано в работе Е.С. Зерновой [2015], то диахронические аспекты испано-каталанского языкового контакта остаются слабоизученными, тогда как рассмотрение тем не менее важно не только для каталанистики, но и для разработки теории языковых контактов.

Сантьяго Русиньола и его роман «Жизнеописание сеньора Эстева»

В настоящей статье рассматривается влияние испанской лексики на художественный текст, написанный на каталанском языке. В качестве материала для анализа взят

роман Сантьяго Русиньола (Santiago Rusiñol)⁴ «Жизнеописание сеньора Эстева» (L’Auca del senyor Esteve), впервые опубликованный в 1907 году. Роман был настолько популярен, что в 1917 г. его текст был переработан автором в драму, поставленную в дальнейшем на барселонской сцене. В настоящей статье будет анализироваться только текст романа. Выбор данного произведения обусловлен несколькими причинами. Во-первых, С. Русиньол (1861–1931) является одним из наиболее значимых деятелей каталонского искусства конца XIX – начала XX века [Зернова, 2013]. Он известен не только как писатель и драматург, но и как художник – яркий представитель модернизма в Испании. В литературном творчестве талант С. Русиньола проявился в драмах «Проходящая радость» (1898) и «Хорошие люди» (1906), романах «Жизнеописание сеньора Эстева» (1907) и «Каталонец из Ла-Манчи» (1917). Все произведения написаны на каталанском языке. Благодаря высоким художественным достоинствам проза Русиньола оказала значительное влияние на дальнейшее развитие каталонской литературы.

«Жизнеописание сеньора Эстева» является наиболее известным произведением автора. Роман состоит из 27 глав, каждая из которых изображает какой-либо эпизод из жизни Эстева – типичного барселонского торговца. Перед глазами читателя проходит вся жизнь главного героя: в первой главе романа рассказывается о рождении Эстева; последняя глава завершается его похоронами. Автор показывает детство и молодость героя, его успехи на деловом поприще, свадьбу, конфликт с сыном и примирение. Сеньор Эстева скуп, расчетлив и мелочен; его ничто не интересует, кроме увеличения капитала и торговли. Изменения в нем происходят только под влиянием сына, мечтающего стать художником и не желающего заниматься торговлей, как отец. Образ сеньора Эстева стал символом каталонской буржуазии и часто употреблялся антономасически⁵. Таким образом, в данной статье анализируется одно из знаковых произведений литературы на каталанском языке.

Во-вторых, на выбор произведения для анализа повлиял фактор времени создания «Жизнеописания сеньора Эстева». К 1907 г.

каталанский уже перестал быть языком, использовавшимся только отдельными представителями интеллигенции (как, например, М. Мила-и-Фонтаналсом в начале «Возрождения») и крестьянами, и употреблялся всеми слоями барселонского общества⁶. Роман Русиньола стал одним из первых значимых произведений каталонской литературы XIX–XX вв., доступных широкой публике. При этом роман был опубликован через год после проведения первого Конгресса каталанского языка (1906), то есть текст произведения создавался одновременно с первыми попытками нормирования каталанского. Для работы с текстом «Жизнеописания сеньора Эстеве» использовалось издание 1981 г. (Rusiñol, 1981). Был проанализирован весь текст романа с целью выявления лексических интерференций из испанского.

Методология исследования

В настоящей статье под «интерференциями», в соответствии с определением У. Вайнрайха, понимаются случаи «отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [Вайнрайх, 1979, с. 22]. Необходимо различать термины «интерференция» и «заимствование». Заимствование можно определить как «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых» [Добродомов, 1990, с. 158]. Оно входит в систему второго языка и закрепляется в ней, в то время как интерференции представляют собой нестабильное явление. Термин «интерференция» часто употребляется только применительно к устной речи; тем не менее его использование в данной работе является оправданным, потому что в качестве предмета исследования выступают лексические единицы, которые были свойственны каталанскому языку в начале XX в., но в дальнейшем не смогли закрепиться в словаре и вышли из употребления (в художественной литературе). В ходе работы регистрировались только лексические интерференции из испанского языка⁷, то есть в качестве переносимых элементов выступали только лексемы.

Перенос элементов других языковых уровней не рассматривался. Семантические заимствования и калька не фиксировались.

Лексические интерференции из испанского в тексте романа можно разделить на две категории: иноязычные вкрапления и собственно интерференции. Иноязычные вкрапления, то есть испанские лексемы в каталанском тексте, написанные в соответствии с нормами испанской орфографии, составляют значительную часть испанизмов в произведении Русиньола. В тексте романа испанские вкрапления автор выделил курсивом⁸:

(1) *¿De què serveixen els diners si no es tenen de disfrutar?* (Rusiñol, 1981, p. 185) – ‘Для чего служат деньги, если нельзя наслаждаться жизнью?’ (здесь и далее перевод с каталанского наш. – А. Т.).

В то же время собственно интерференции – это немаркированные испанские лексемы в каталанском дискурсе, которые заменяют аналогичные им лексемы каталанского языка. Зарегистрированные лексические интерференции характерны только для языка начала XX в.; в современном узусе они воспринимаются как иностранные вкрапления и характерны не для литературного каталанского языка, а для смешанных каталано-испанских языковых разновидностей разговорной речи («catanyol»). Лексемы, определяемые в настоящей статье как интерференции, не зафиксированы «Большим словарем каталанского языка», представленном «Каталонской энциклопедией» (Gran Diccionari de la Llengua Catalana). В то же время, если их записать в соответствии с орфографическими нормами испанского, они могут быть обнаружены в «Словаре испанского языка», издаваемом Королевской академией испанского языка (Diccionario de la lengua española). Важно подчеркнуть, что в настоящей статье не будут рассматриваться многочисленные заимствования из испанского, которые уже вошли в состав каталанского и зафиксированы в «Большом словаре каталанского языка». Также лексемы, попавшие в каталанский из испанского, могут быть латинского, арабского, германского, кельтского, баскского или другого происхождения; они часто встречаются в каталанском языке и, естественно, регулярно употребляются в тексте романа.

Несмотря на то, что автор романа никак не выделяет в тексте испанские интерференции, что свидетельствует о естественности функционирования данных лексем в каталанском языке в начале XX в., в цитируемых примерах испанизмы будут выделяться полужирным.

Результаты исследования

Как уже было отмечено выше, испанские вкрапления, выделенные самим автором, встречаются в тексте чаще, чем немаркированные интерференции. В ходе работы было зарегистрировано 291 вкрапление испанских лексем в каталанский текст и 45 немаркированных интерференций, то есть сознательно использованные автором испанские лексические единицы употребляются в романе в 6,46 раз чаще, чем испанизмы, которые кажутся ему естественными.

Появление некоторых из этих вкраплений в тексте на каталанском языке характерно не только для прозы С. Русиньола, но и для всей каталанской литературной традиции конца XIX – начала XX века. Исп. *jefe* (начальник, глава) употребляется в «Жизнеописании сеньора Эстева» вместо кат. *cap*:

(2) Volia que es veiés que era un home: un home enter, serè, actiu, sobretot això: un **jefe** de família (Rusiñol, 1981, p. 18) – ‘Он хотел выглядеть как мужчина, настоящий, серьезный, активный мужчина, а главное – глава семейства’.

Аналогичную замену кат. *cap* на испанизм можно отметить, например, в воспоминаниях М. Вайреды, впервые опубликованных в 1898 г.:

(3) El **quefe**, per intel·ligent que sigui, no sap sempre el que ordena, perquè no domina ni veu el terreny en què es desenrotlla l'acció (Vayreda, 2014, p. 73)⁹ – ‘Каким бы умным ни был командующий, он не всегда отдает себе отчет в том, что приказывает, потому что он не контролирует и не видит местности, на которой происходит дело’.

У Русиньола курсивом выделены и некоторые испанские названия учреждений, а также имена собственные:

(4) Es podien exposar en els **Amigos del País**, com a cosa ben deixada (Rusiñol, 1981, p. 63) – ‘Их

можно было выставлять в обществе Друзей страны как образцовый пример работы’;

(5) Cantant el **Guillermo Tell**, els artistes se'n van anar (Rusiñol, 1981, p. 42) – ‘Напевая из Вильгельма Телля, артисты удалились’.

Приведенные выше испанизмы не имеют стилистической окраски и могут встречаться и в современном каталанском языке. В то же время значительная часть испанских вкраплений в тексте не является типичной для современного узуса и легко заменяется аналогами из каталанского.

Подавляющее большинство вкраплений в романе – это существительные. Из других частей речи зафиксированы единичные случаи употребления глагола (пример с инфинитивом приведен выше), прилагательных и местоимений:

(6) En una taleia **eficaz**, seguida i perseverant, que mai s'havia doblgat (Rusiñol, 1981, p. 160) – ‘В столь эффективной, непрерывной и постоянной работе, которая никогда не прекращалась’;

(7) ¿Què hi venim a fer, en aquest món, sinó a guanyar diners i gastar-los amb moderació i cordura? **Nada** (Rusiñol, 1981, p. 186) – ‘Что нам делать в этом мире, кроме как зарабатывать деньги и тратить их с умеренностью и благоразумием? Ничего’.

В примерах (6) и (7) исп. *eficaz* (эффективный) и *nada* (ничего) могли бы быть заменены на кат. *eficaz* и *res*.

Существительные, составляющие большинство испанских вкраплений, употребляются за редкими исключениями в формах ед. ч.:

(8) T'aconsellaré que et casis, això és: que et casis, a **plazo** curt, amb una noia modosa (Rusiñol, 1981, p. 75) – ‘Я тебе посоветую жениться, именно так: женись в ближайшее время на какой-нибудь скромненькой девушке’.

Появление вкраплений во мн. ч. возможно только в тех случаях, когда речь идет о *pluralia tantum* или когда употребление слова в форме ед. ч. приведет к изменению смысла высказывания:

(9) És clar que en tenia **datos**, de les trifulgues de l'amor (Rusiñol, 1981, p. 68) – ‘Конечно, он был информирован о любовных страданиях’.

Употребление вместо кат. *dade* исп. *datos* (данные, информация) – лексем, характер-

ной для официально-делового стиля, – в описании романтических переживаний способствует достижению комического эффекта, который усиливается испанским вкраплением.

О стилистических причинах использования испанских вкраплений свидетельствует наличие в тексте романа каталанских аналогов некоторых испанизмов. Например, в тексте отмечено использование как исп. *loco* (сумасшедший), так и кат. *boig*. Ср.:

(10) Si no hi hagués hagut res amagat, hauria sigut cosa de **locos** (Rusiñol, 1981, p. 190) – ‘Если бы там не было ничего потаенного, это было бы сумасшествие’;

(11) Allí obrien carteres i discutien com a **bojos** (Rusiñol, 1981, p. 191–192) – ‘Они раскрывали там свои сумки и спорили, как сумасшедшие’.

Употребляя в примере (10) испанизм *loco*, С. Русиньол актуализирует его переносное значение (речь идет не о душевной болезни, а о невообразимом явлении). При этом достигается и определенный комический эффект. В примере (11) кат. *boig* (во мн. ч. *bojos*) используется в сравнительном обороте без подтекста.

Среди немаркированных автором интерференций из испанского также преобладают существительные. Из остальных частей речи зарегистрированы два наречия и один глагол:

(12) **Ademés** que, en quant a la lletra, hi havia entrat, però amb mida (Rusiñol, 1981, p. 55) – ‘Кроме того, что касается грамотности, она была им усвоена, но с умеренностью’;

(13) I un i altre parlaven baix, i curt i lo **menos** possible (Rusiñol, 1981, p. 204) – ‘И один, и другой говорили тихо и коротко, и как можно меньше’;

(14) Hauria fet les estàtues per **hermosejar** aqueixa “Puntual”, aquíexa “Puntual” que vostè estima (Rusiñol, 1981, p. 209) – ‘Я бы сделал статуи, чтобы украсить «Пунтуал», тот «Пунтуал», который Вы любите’.

В примере (12) отмечается каталанизация второй части заимствованного слова (по аналогии с исп. *más* используется кат. *més*), однако правильным каталанским эквивалентом исп. *además* (кроме того) является кат. *a més a més* или *endemés*. В примере (13) кат. *menos* заменяется на исп. *menos*, которое при этом никак не выделяется, в отличие от многочисленных рассмотренных вкраплений. В приме-

ре (14) наблюдается образование каталанского глагола от испанского прилагательного *hermoso* (красивый). В каталанском языке есть однокоренной аналог – прилагательное *formós*, также происходящее от лат. *formosus*. Как представляется, образовать глагол с этим корнем было бы логичнее на основании каталанского прилагательного: **formosejar*. Однако С. Русиньол берет за основу испанское слово вместо того, чтобы пытаться образовать новый глагол с каталанским корнем или употребить широко используемую в каталанском лексему *embellir* (украшать).

Некоторые испанские лексемы употребляются в каталанском тексте, не изменяя своей формы:

(15) Van arribar els del **bando** contrari (Rusiñol, 1981, p. 93) – ‘Прибыли [гости] с другой стороны’.

Если бы автор выделил испанизмы курсивом, то можно было бы классифицировать их как иноязычные вкрапления.

Другие лексемы сохраняют свою испанскую форму в ед. ч., но образуют мн. ч. в соответствии с нормами каталанского языка, ср.:

(16) *No veus que la **iglésia** és aquí al costat?* (Rusiñol, 1981, p. 26) – ‘Ты не видишь, что церковь здесь рядом?’;

(17) *Les botigues, com les **iglésies**, quan se ’ls ha perdut el respecte...* (Rusiñol, 1981, p. 204) – ‘Магазины, как и церкви, когда к ним теряется уважение...’

Кроме того, зафиксированы лексемы, которые каталанизируются в ед. ч., например:

(18) L’Estevet es va comprar roba: un **trajo** de **panyo** negre (Rusiñol, 1981, p. 76) – ‘Эстевет купил себе одежду: костюм из черной ткани’.

В данном предложении два испанизма употребляются в каталанизированной форме: исп. *traje* (костюм) и *paño* (ткань, сукно) трансформировались в *trajo* и *panyo*, заменив кат. *vestit* (костюм) и *drap* (ткань, сукно).

Иногда каталанизация испанской лексемы может затрагивать только орфографию, которая изменяется в соответствии с нормами каталанского языка; таким образом отражается близкое к испанскому произношение:

(19) Feien alçar de l'assiento an aquell boig d'En Ramonet (Rusiñol, 1981, p. 200) – 'Заставили встать со своего места того сумасшедшего Рамонета'.

Заключение

Итак, каталанский язык романа С. Русиньола «Жизнеописание сеньора Эстеве», опубликованного в 1907 г., испытал значительное влияние испанского. Автор сознательно вводит в текст многочисленные испанские лексемы (291 иноязычное вкрапление на 217 страницах текста), которые используются им в стилистических целях. Можно предположить, что каталанские эквиваленты испанских лексем, использованных для обозначения многих понятий, в начале XX в. не употреблялись (в первую очередь это относится к некоторым именам собственным). Кроме того, автор показывает, что действие происходит в обществе, в котором распространен билингвизм, и, хотя все герои разговаривают на каталанском языке, они в любой момент могут перейти на испанский.

В то же время С. Русиньол вводит в свой текст ряд немаркированных испанизмов, использование которых кажется ему естественным. При этом данные лексемы не фиксируются «Большим словарем каталанского языка», а в настоящее время могут появляться в разговорной речи некоторых жителей Барселоны, говорящих на смеси каталанского и испанского («catanyol»). Автор изобретает новые слова и вводит в литературный текст единицы разговорного стиля.

Дальнейшее изучение каталанских текстов первого десятилетия XX в. (и в частности, других произведений С. Русиньола) поможет расширить научные знания об истории каталанского языка, о формировании каталанской языковой нормы и об испано-каталанском языковом контакте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду объединение *de facto*, но не *de jure*: официально вплоть до начала XVIII в. Кастилия и Арагон считались двумя отдельными королевствами, у которых был один монарх.

² Каталонский язык использовался сельскими священниками в проповедях с целью донесения

информации до каталонских крестьян, не владевших испанским языком.

³ Развитие наблюдается и в период франкистской диктатуры (1939–1975). Несмотря на широко распространенное мнение, никакого официального запрета каталанского языка при Ф. Франко не существовало. См. об этом: [Нарумов, 2001, с. 495].

⁴ Фамилия автора может передаваться на русский язык либо в соответствии с нормами каталанского языка, либо в соответствии с нормами испанского (Русиньоль, Рузиньол, Русиньол). В настоящей статье будет использоваться орфография «Русиньол», как в работе Е.С. Зерновой [2013].

⁵ Например, Х.М. Фонтана в своих воспоминаниях часто иронически употребляет выражение *сеньор Эстеве* применительно к барселонскому среднему классу и даже называет одну из глав «Сеньор Эстеве восстает» [Fontana, 1951, p. 155].

⁶ А. Бадиа-и-Маргарит, изучая языковые предпочтения жителей Барселоны в 60-х гг. XX в., вывел некоторую закономерность. Возрастной группой, среди представителей которой отмечался наиболее высокий процент информантов, предпочитавших использовать в устной речи каталанский язык (а не испанский), стали участники опроса, родившиеся в 1899–1909 годах. Среди представителей данной возрастной группы, у которых усвоение испанского либо каталанского в качестве родного языка происходило в то же время, когда С. Русиньол писал «Жизнеописание сеньора Эстеве», 70,1 % опрошенных чаще использовали каталанский, чем испанский [Badia i Margarit, 1969, p. 191].

⁷ Под «испанским языком» в настоящей работе понимается «романский язык, на котором говорят в Испании, большей части Америки, Филиппинах, Экваториальной Гвинее и в других местах» (*Diccionari de la lengua espanyola*). За образец для сравнения берется норма испанского языка, принятая Королевской академией. Вопросы о соотношении понятий «испанский» / «кастильский», об уместности употребления термина «испанский» применительно к региональным языкам Испании и об определениях «español de España», «español peninsular» и «español europeo» в данной статье не рассматриваются.

⁸ Курсивом в тексте романа выделены не только испанские вкрапления, но и два латинских выражения и одно итальянское название. Кроме того, автором выделено несколько каталанских лексем.

⁹ У автора из Олота наблюдается еще и орфографическая ошибка в написании испанского слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вайнрайх У., 1979. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев : Вища школа. 264 с.

- Добродомов И. Г., 1990. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия. С. 158–159.
- Зернова Е. С., 2013. Сантьяго Русиньол и Рамон Касас – выдающиеся фигуры каталонского модернизма // *Temas y formas hispánicas: arte, cultura y sociedad* : сб. тез. докл. Междунар. научн. конф. СПбГУ : Санкт-Петербургский гос. ун-т. С. 129–130.
- Зернова Е. С., 2015. Явления интерференции в разговорном каталанском языке // Актуальные вопросы иберо-романского языкознания : материалы рос. конф. с междунар. участием. Казань : Казанский (Приволжский) федер. ун-т. С. 113–119.
- Нарумов Б. П., 2001. Каталанский язык // Романские языки. М. : Academia. С. 492–517.
- Юрчик Е. Э., 2014. Становление династии Бурбонов // История Испании. Т. 2: От войны за испанское наследство до начала XXI века. М. : ИНДРИК. С. 23–77.
- Badia i Margarit A., 1969. La llengua dels barcelonins. Resultats d'una enquesta sociològico-lingüística. Barcelona : Edicions 62. 684 p.
- Boix i Fuster E., Moran Ocerinjauregui J., 2014. La castellanització de la població d'origen autòcton a la Catalunya contemporània // *Llengua, Societat i Comunicació*. № 12. P. 43–52.
- Brauli Montoya A., 2008. La llengua catalana: presentació general // *Gramàtica del català contemporani*. Vol. 1. Barcelona : Empúries. P. 5–33.
- Fontana J. M., 1951. Los catalanes en la Guerra de España. Madrid : Samarán. 380 p.
- Illamola C., 2015. Contacto de lenguas y la expresión de la posterioridad temporal en el español de Cataluña. Tesis doctoral. Barcelona : Universitat de Barcelona. 671 p.
- Moreno Fernández F., 2005. Historia social de las lenguas de España. Barcelona : Ariel. 376 p.
- Siguán M., 2001. Bilingüismo y lenguas en contacto. Madrid : Alianza Editorial. 368 p.
- Vallverdú F., 1983. Hi ha o no hi ha diglòssia a Catalunya? Anàlisi d'un problema conceptual // *Treballs de sociolingüística catalana*. № 5. P. 17–24.
- Zamora Vicente A., 1967. Dialectología española. Madrid : Gredos. 587 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Rusiñol, 1981* – Rusiñol S. L'auca del senyor Esteve. Barcelona : Editorial Selecta, 1981. 224 p.
- Vayreda, 2014* – Vayreda M. Els records de la darrera carlinada. Barcelona : L'Avenç, 2014. 136 p.
- Diccionario de la lengua española* – Diccionario de la lengua española. URL: <http://dle.rae.es/?id=DgIqVCc>.

- Gran Diccionari de la Llengua Catalana* – Gran Diccionari de la Llengua Catalana // *Gran Enciclopèdia Catalana*. URL: <http://www.diccionari.cat>.

REFERENCES

- Weinreich U., 1979. *Language contacts. Findings and problems*. Kiev, Vysshaya shkola Publ. 264 p.
- Dobrodromov I.G., 1990. Borrowing. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Encyclopedic Dictionary of Linguistics]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp.158-159.
- Zernova E.S., 2013. Santiago Rusiñol and Ramon Casas – prominent figures of the Catalan modernism. *Temas y formas hispánicas: arte, cultura y sociedad: sbornik tezisov dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, pp. 129-130.
- Zernova E.S., 2015. Interferences in the spoken Catalan language. *Aktualnye voprosy ibero-romanskogo yazykoznaneya: Materialy rossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym*. Kazan, Kazan Federal University, pp. 113-119.
- Narumov B.P., 2001. The Catalan language. *Romanskiye yazyki*. Moscow, Academia Publ., pp. 492-517.
- Yurchik E.E., 2014. The rise of the Bourbon dynasty. *Istoriya Ispanii. T. 2: Ot voyny za ispanское nasledstvo do nachala XXI veka*. Moscow, INDRIK Publ., pp. 23-77.
- Badia i Margarit A., 1969. *La llengua dels barcelonins. Resultats d'una enquesta sociològico-lingüística* [The language of the inhabitants of Barcelona]. Barcelona, Edicions 62. 684 p.
- Boix i Fuster E., 2014. La castellanització de la població d'origen autòcton a la Catalunya contemporània [The castilianization of the autochthonous population in the contemporary Catalonia]. *Llengua, Societat i Comunicació*, no. 12, pp. 43-52.
- Brauli Montoya A., 2008. La llengua catalana: presentació general [Catalan language: The general presentation]. *Gramàtica del català contemporani* [The grammar of the modern Catalan]. Barcelona, Empúries, pp. 5-33.
- Fontana J.M., 1951. *Los catalanes en la Guerra de España* [The Catalans in the Spanish war]. Madrid, Samarán. 380 p.
- Illamola C., 2015. *Contacto de lenguas y la expresión de la posterioridad temporal en el español de Cataluña. Tesis doctoral* [The language contact and the expression of the temporal posteriority in the Spanish language in Catalonia. PhD Thesis]. Barcelona, Universitat de Barcelona. 671 p.

- Moreno Fernández F., 2005. *Historia social de las lenguas de España* [Social history of the languages of Spain]. Barcelona, Ariel. 376 p.
- Siguán M., 2001. *Bilingüismo y lenguas en contacto* [Bilingualism and languages in contact]. Madrid, Alianza Editorial. 368 p.
- Vallverdú F., 1983. Hi ha o no hi ha diglòssia a Catalunya? Anàlisi d'un problema conceptual [There is or there is no diglossia in Catalonia? Analysis of a conceptual problem]. *Treballs de sociolingüística catalana*, no. 5, pp. 17-24.
- Zamora Vicente A., 1967. *Dialectología española* [Spanish dialectology]. Madrid, Gredos. 587 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Rusiñol S., 1981. *L'auca del senyor Esteve* [The life of senyor Esteve]. Barcelona, Editorial Selecta. 224 p.
- Vayreda M., 2014. *Els records de la darrera carlinada*. Barcelona, L'Avenç. 136 p.
- Diccionario de la lengua española* [Dictionary of the Spanish language]. URL: <http://dle.rae.es/?id=DgIqVCc> (accessed 29 November 2017).
- Gran Diccionari de la Llengua Catalana* [The Big Dictionary of the Catalan language]. URL: <http://www.diccionari.cat> (accessed 29 November 2017).

Information about the Author

Andrey A. Tereshchuk, Ph.D. (Philology), Leading Specialist in Informational Resources, Herzen State Pedagogical University of Russia, Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, atereschuk@herzen.spb.ru, san_petersburgo@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>

Информация об авторе

Андрей Андреевич Терещук, Ph.D. (филология), ведущий специалист по информационным ресурсам, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. р. Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, atereschuk@herzen.spb.ru, san_petersburgo@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8838-9302>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.14>

UDC 81'373.612.2
LBC 81.053.1

Submitted: 15.05.2018
Accepted: 11.06.2018

THE MAIN CHARACTERISTICS OF STEPHEN KING'S IDIOSTYLE

Svetlana S. Takhtarova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Amelia Sh. Zubinova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The paper presents stylistic value of simile and metaphor as the major features of Stephen King's idiostyle. The linguistic analysis of some novels (*1408*, *Carrie*, *The Shining*, *Dreamcatcher*, *Dead Zone*) is aimed at discovering semantic and structural types of simile and metaphor, revealing their functions in the content development. Structural analysis of simile and metaphor constituency in the above mentioned novels resulted in allocating some formal patterns: a one-term verbal simile (*as if... verb, verb ... like ... verb*), a two-term attribute simile (*noun-like*), a two-term or three-term nominative simile, and simple (a one-image) or expanded pattern of metaphor. The semantic analysis of Stephen King's novels lets reveal the compound character of simile and metaphor use. Both tropes are used predominantly to create tension in narration that is often raised up to the atmosphere of horror, the latest is considered by the researchers to be a major feature of the idiostyle of the author under study. Having described some semantic ways of expanding horror, death, savageness, mood and expressiveness with similes and metaphors, the researchers concluded that these tropes perform leading functions in personalizing Stephen King's idiostyle: constructing images and describing feelings that characters are going into along with creating the tone of tension and horror; performing common stylistic function despite the fact that they differ in the way the atmosphere of tension and horror is built: explicit realization in simile and implicit by various types of morphemes in metaphor.

Key words: English language, simile, metaphor, semantic types of metaphor, structural types of metaphor, semantic types of simile, structural types of simile, Stephen King.

Citation. Takhtarova S.S., Zubinova A.Sh. The Main Characteristics of Stephen King's Idiostyle. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 139-147. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.14>

УДК 81'373.612.2
ББК 81.053.1

Дата поступления статьи: 15.05.2018
Дата принятия статьи: 11.06.2018

СРАВНЕНИЕ И МЕТАФОРА В ИДИОСТИЛЕ С. КИНГА

Светлана Салаватовна Тахтарова

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Амелия Шамилевна Зубинова

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье выявлены существенные характеристики идиостиля С. Кинга, отражающие специфику авторского использования сравнений и метафор. На материале романов «1408», «Кэрри», «Сияние», «Ловец снов», «Мертвая Зона» описаны семантические и структурные типы сравнений и метафор, показаны их функции в формировании содержания художественного текста. Структурный анализ позволил установить несколько типов формальных моделей построения сравнения и метафоры: однозвенное глагольное сравнение (*as if... verb, verb ... like ... verb*), двухзвенная атрибутивная структура (*noun-like*), двух- и трехзвенная номина-

тивную модель сравнения, а также простые (однообразные) и сложные (многообразные) модели метафоры. В результате семантического анализа романов С. Кинга выявлен сложный характер участия образного сравнения и метафоры в выражении жанровой специфики. Оба тропа активно используются для создания напряжения повествования и повышения атмосферы ужаса. Они выполняют сходные функции в текстах, однако отличаются способами создания атмосферы напряжения и ужаса: если в сравнении образы представлены прямо, то для метафоры характерны косвенные и непрямые модели передачи смысла. Описав образы сравнения и метафоры как средства порождения ужаса, ощущения смерти, страха и иных эмоций, авторы статьи пришли к выводу о том, что данные тропы персонализируют стиль С. Кинга.

Ключевые слова: английский язык, сравнение, метафора, семантические типы метафоры, структурные типы метафоры, семантические типы сравнения, структурные типы сравнения, Стивен Кинг.

Цитирование. Тахтарова С. С., Зубинова А. Ш. Сравнение и метафора в идиостиле С. Кинга // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 139–147. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.14>

Introduction

According to Russian linguists, simile is a trope in the structure of which two incompatible concepts, usually related to different classes of phenomena, fall into comparison among themselves by one of the parameters, and the comparison gets a formal expression in the words such as: *as, such as, as if, like, seem*, etc. [Galperin, 2012]. Foreign researchers also define simile as indication of similarity in two concepts. Thus, in the work of S. Shamisa, simile is defined as the affirmation of the similarity of two objects in one or more qualities, i.e. simile is a figure of speech requiring an explicit connection between the object, the subject and the construction that connects them [Shamisa, 2004]. Simile is a figure of speech that consists in comparison of two different objects with the aim to reveal their similarity [Hussein, Sawalha, 2016]. Simile is seen as the likeness of the depicted objects, phenomena, facts, images that are well recognized by the audience. It is established that such comparison presents the implied thought in a more visual and affective way [Efimov, 1957]. Moreover, the value of simile in the text is undeniable due to two reasons: 1) exaggeration of the weak parameter of the subject of simile with the stronger parameter, 2) correlation by the parameter established by the basis of comparison [Ogoltsev, 2010]. As for the types of similes, there are different approaches to this question: some linguists reveal comparisons and similes. Similes compare objects from different fields; comparisons do it according to logic and with the purpose of establishing the degree of their sameness or difference [Gargani, 2016].

Metaphor is a hidden comparison, it is carried out by referring the name of one object to another, which reveals the main feature of the second, the trope is formed with the association on similarity [Arnold, 2012, p. 58]. Metaphor is one of the most common tropes in world literature. It is based on similarity of objects or phenomena in a variety of ways. It is thought to arise from simile, as the comparison of a new object with the already known one and accompanied by the isolation of their common features. The peculiarity of metaphor is revealed in its semantic structure: the members of the trope are merged so toughly that the first element (which was compared) is superseded and completely replaced by the second (with which it was compared). Metaphor, like all tropes, is based on the meanings the word possesses, it is a relation between the dictionary and contextual logical meanings, being based not only on the essential and general qualities of objects (phenomena) but also on the wide range of its secondary properties or features, metaphor affiliates certain properties of the two corresponding concepts. For authors these “secondary” signs, expressing moments of sensual presentation, are means of revealing through them the essential features of the reflected reality. Metaphor enriches our understanding of this subject, focuses attention on new characteristics of the phenomena, and in fiction it acquires special significance.

Material and methods

The data collection process was based on S. King's novels (*1408, Carrie, The Shining, Dreamcatcher, Dead Zone*), 500 similes and 200 metaphors were selected and then studied

with the aim to find the most frequent semantic and structural types of similes and metaphors. Their functions and relations with the idiostyle of the author were analyzed. The following methods were used: analysis, statistical method, and sampling method. Sampling method was used during selection of similes and metaphors; then corpus was analyzed and divided into semantic and structural types. Finally, the conclusion on the number of tropes was made with the use of statistical method.

Results

Simile is one of the most frequent tropes used by S. King in his novels. It introduces symbolism into idiostyle, creates tension, makes the text more vivid and acute, it also represents fiction world, people, their emotions, etc. It is highly important to analyze similes in the frame of S. King's books because they help to reveal genre of his texts due to lexemes used and images created. S. King's works are often characterized by compound nature, as the author mixes different genres in his texts: horror, science fiction, mystery, and some others. But in most cases the main aim is to scare readers and to make them feel the same emotions as the characters of his books. This goal is achieved through the choice of lexemes and verbal images, which makes literary analysis crucial. Below there goes explanation on semantic distinction of the tropes under study.

Semantic distinction of similes is based on revealing common lexical components. Similes are mostly used to express the atmosphere of horror, describe people and their emotions, present objects or concepts of the world that is depicted by the author. Each type carries out different function.

The first type is characterized by lexemes that create an atmosphere of horror in the text, for example, such words as *sinning soul*, *blood*, *rot*, *death*, *polarizing shield*, etc. However, there may be cases when the atmosphere of tension is structured implicitly in the text. The first example shows how a horrifying image is built, it is used in order to describe a mediocre object, simile makes it more frightening due to its lexical structure and image:

(1) **the finger-holes** in the dial **looked like** surprised **white** eyes (King-3, p. 392).

Here the atmosphere of horror is created with the adjective *white*, because along with the collocation *surprised eyes* it makes the scene unnatural. This simile produces a visual image of something unusual and odd. The use of adjective *white* as the attribute of *eye* evokes associations with dead body, or the eyes of a monster. This association becomes leading in perception of the paragraph; it probably can evoke certain emotions in readers.

The second type of simile has similar function and image, it also presents a simple object through a rather odd image:

(2) **the pictures** began to bend, turning into shapes **like the windshields of old cars** (King-3, p. 396).

The atmosphere of tension is created due to the use of the verb *to bend*, which in this case carries additional information like *to be distorted*. The image points to something supernatural, which is seen in the hotel room number 1408. Of course it is a part of narration, but the trope is based on comparison of two rather diverse objects 'the picture' and 'windshields of old cars', such logical incoordination makes the situation tense for the readers.

The next sample helps describe environment, which becomes distorted with scary symbols:

(3) And to his left, where the picture of the fruit had been, the wall was bulging outward toward him, splitting open in **those long cracks that gaped like mouths**, opening on a world from which something was now approaching (King-3, p. 34).

Due to the presence of the indefinite pronoun *something* in this context it together with the simile *those long cracks that gaped like mouths* brings a shade of frightening uncertainty. It is interesting, that the author uses such indefinite pronouns quite often in the books under study; we assume that it is done because of associations, which this part of speech bears. Probably, pronoun *something* evokes associations to some monster, hidden in the dark, some uncertain force which would harm the book's characters.

Similes with the lexical component that can create the atmosphere of horror or tension reflect the major feature of the genre. The author's special skill is manifested in simulating similes that carry a side effect of horror, without using explicit frightening lexemes. S. King uses odd associations

in order to create images, which can evoke complex emotions in readers' minds.

The second type is represented with the similes with the color lexeme. Color lexeme brings expressiveness and, in some cases, injects the atmosphere, *red* and *black* lexemes are used due to associations to *darkness, blood, death, and danger*:

(4) it was **as red as a stoplight** (King-2, p. 27).

Similes of this type usually describe objects of real world or carry function of estimation. They bring color, brightness to fiction images, make them more real and dynamic. The role of color in some S. King's novels is important, this attribute helps distinguish people, objects or situation.

Similes with the lexical component 'representatives of the fauna' are usually used to describe the characters, their behavior, and appearance. Such similes reveal savageness in human nature; it is a reminder of dark and wild part of humankind.

In the example below the scene of hunting is introduced, the character enters an animal state and with the help of a lexeme *alligator* the author expresses an aggressive attitude to another person:

(5) To his horror, he realized he was still tracking the man below with the Garand, **as if some stubborn alligator** deep in his brain refused to let go of the idea that the man in the brown coat was prey (King-2, p. 30).

Alligator is a dangerous and strong animal, and when a person is compared to it some characteristics are implied. It is important to point to a partly unconscious state of the personage, which is vivid due to use of such lexemes as *realized, refused*. So, simile does not only compare the person to the animal but also reveals the dark part of human nature, its savage side.

In some cases, fauna-lexemes characterize the objects of the fiction world, as it is in the case when movements of cords are compared to movements of snakes:

(6) All the heavy light cables were in the air, flowing and jerking and **writhing like snakes** out of an Indian fakir's basket (King-1, p. 52).

The image is also complemented with collocation *an Indian fakir's basket*, which immediately brings a set of different associations; of course, it transforms and broadens the image of simile, due to emotions evoked in reader's mind.

In the last example, the sounds of laughter are identified with the sounds of black birds flapping the wings.

(7) She went down them in great, awkward leaps, with the sound of the laughter flapping around her **like black birds** (King-1, p. 56).

In connection with the use of such a trope, laughter is perceived as something annoying, frightening and intrusive. This image emphasizes the relationship between girls and Carry, their dislike to her is tangible and strong. Also her perception of this situation is great, it touches her, and it is seen in the use of attribute *black*.

Similes with lexical components of color and fauna representatives perform the function of describing objects, characters or events. They bring expressiveness and brightness to the introduced images; they help to create non-traditional verbal identification of objects, as well as the emotional state of heroes and their perception of the situation.

Similes with the lexical component 'object' are most often used to describe the surrounding world. In the structure of such similes, abstract nouns are sometimes used along with the main lexeme.

The following example is interesting because of its confronting character to the main situation. In the previous paragraph, one of the heroines, Susan, understands that she is not a good girl anymore, she has made horrible mistakes. Then the author gives us the following simile:

(8) The late afternoon sunlight, **warm as oil and sweet as childhood**, slanted through the high, bright gymnasium windows (King-1, p. 32).

The warmth of sunlight is likened to oil and childhood. So, here we can see underlining of the fact that the heroine, who mocks her schoolmate, is a child. Such antithesis is made due to the bright image of simile, which brings together abstract notion and object of material life.

Another simile is a part of the paragraph about the death of a schoolmate of Susan, here

she knows that Carrie did it. Her confidence shapes into this simile:

(9) She had no idea how she knew it, but the **conviction was as pure and right as arithmetic** (King-1, p. 67).

The referent of simile is expressed by an abstract noun, and the agent – by the notion of the surrounding world.

In the next example, the simile agent is the subordinate clause; because of the extended structure simile expresses not only the characteristics of the object, but also its action:

(10) She envisioned the door swinging shut, and the door did just that, **as if moved by a light breeze** (King-1, p. 36).

According to semantic typology and statistical analysis we can assume that the most considerable semantic type of similes is similes expressing the atmosphere of horror. This type represents the dominant genre of S. King's novels – horror; they also describe characters and surrounding them world; transfer estimation of heroes. Due to the choice of the lexemes used, such similes help to create the atmosphere of horror and tension, as well as reveal characteristics of personages and their environment.

In the works of S. King different structural types of similes may be distinguished. In this study we use the classification of structural types proposed by I. Kocheshkova (three-term nominative, two-term nominative, two-term adjective, one-term verbal) [Kocheshkova, 2004, p. 10].

Three-term nominative simile has the following structure – the referent and the noun agent; the referent (what compared), the agent (with what compared) and the base are explicated (attribute).

In the example below the author uses simile in order to make a description of the character. The image reveals that the character is very scared, the use of lexeme *pale* usually introduces the emotion of *fear*:

(11) Olin's manicured hands were clasped behind him now, and Mike saw that the little man's face was **as pale as cream** (King-3, p. 383).

This simile is also referred to the type of trite similes, nevertheless the image is bright and the reader easily understands the emotion.

This type is introduced mostly by author's similes. Author's similes are expressive and metaphorical. Thus, in the example (13), the mother's hand is identified with a steel handcuff. Through the simile the reader understands the nature of relationship between the mother and daughter. This detail is significant for S. King's works because he usually pays attention to the problem of violence in the family and coarse education. Due to it, the use of the trope here emphasizes the *problem*:

(12) She tried to struggle to her feet and Momma's hand, **as strong and pitiless as an iron manacle**, forced her back to her knees (King-1, p. 16).

In the next case of simile (14), the referent and the agent are nominated by word combinations; one of the referent members is represented by an abstract noun *fear*. The base of simile is represented by two adverbs *quickly and soundlessly*. Such a simile simulates integral image, compares the subject, based on its two characteristics:

(13) Momma's eyes, gone **as quickly and soundlessly as summer lightning** (King-1, p. 17).

Three-term nominative similes introduce bright, vivid image, because of their structure the attribute is explicit, it brings additional information. In the author's similes abstract and specific nouns are combined, which make the image more complex and profound.

Two-term nominative similes consist of an explicated referent and an agent, as it is in the example below, where the tongue is compared with *a dry sheet*:

(14) My tongue is felt **like a little dried-up plant** (King-1, p. 9).

With the help of this trope, the author describes implicitly the state of the character, the reader perceives the situation properly: the character cannot say a word due to the situation described.

In the next example the simile is used to describe the appearance of the character, *eyes* are compared with *poached eggs*:

(15) Her eyes were very large in the rimless glasses; they **looked like poached eggs** (King-1, p. 16).

The trope is not performing an aesthetic function; however the image is expressive and vivid.

In the last example, the abstract noun *dislike* is identified with a *paper snake*:

(16) Sue nodded and raised a hand, although dislike rose in her throat **like a paper snake** (King-1, p. 21).

The concepts that have different characteristics are united in a single image due to the use of the verb *to rise*, which is a common feature for both concepts.

Two-term nominative similes are the most numerous type of simile in S. King's books. They do not have a base in their structure, but sometimes there is an attribute connected with the agent, which brings additional information and details into the image.

The agent of a two-term adjective simile is expressed by an adjective formed by means of suffixation or compositional constituency, the referent and the agent are explicated. This type of similes is similar to attribute, because reveals characteristics of object:

(17) The Wheel began to slow and now they could hear the **metronome-like** tick-tock of the small wooden clapper sliding past the pins that divided the numbers (King-4, p. 27);

(18) Next morning she comes down and tries to put on this big act, but all day she's gettin paler an paler, and Mr. Ullman asks her, sorta-like, smack-like, sorta **diplomatic-like**, would she like him to notify the state cops, just in case maybe he had a little accident or something (King-5, p. 17).

A one-term verbal simile consists of an explicated agent expressed by a verb. Sometimes it is difficult to distinguish between the agent and the image created by a sentence:

(19) For a moment Sue felt **as if she were watching a candle flame** disappear down a long, black tunnel at a tremendous speed (King-1, p. 71).

This example introduces a rather scary image. Emotional state of heroine is vague, because she somehow feels that Carry is dying. *Candle* is a symbol of Carry's soul that is going away, together with all problems and awful events.

The next sample of simile describes the emotions of the character, she cannot make a step, say something, she feels awkward and scared:

(20) They were all just staring. I **felt like I was frozen in ice** (King-1, p. 51).

This simile is trite, but the image nevertheless is bright, due to the fact that it brings different emotions, helps understand the whole situation from emotional side.

Sometimes one can find another construction:

(21) Jonesy saw a pair of good-sized wildcats moving between two little groups of deer and actually rubbed his eyes, **as if to clear them of a mirage** (King-2, p. 64).

Here the whole sentence creates image, it is difficult to divide the simile and the context of it. We assume that every sentence constituent is important for structuring simile. This trope describes the situation when one does not know where the reality is, if he can see the real world or something else.

Such similes, in view of the peculiarity of their structure, compare the actions of objects or characters; the use of verbs gives dynamism to the surrounding world. The author displays images in which the object or character ceases to be motionless.

Metaphor is the second most frequent trope in the S. King's novels after similes. Instable use of metaphors in the works of the writer should be considered. The nature of metaphors and, in general, the metaphorization of images is dictated, above all, by S. King's setting to create an atmosphere of tension and hidden horror, a description of the inner experience of characters in similar situations and their appearance. The main difference between simile and metaphor is in the way of comparison; simile has explicit description, whereas metaphor – implicit.

Semantic distinction is made on the basis of revealing common lexical components in metaphors. Metaphors mostly express the atmosphere of horror and objects or concepts of the surrounding world.

There are metaphors, which include lexemes (i.e. *blood, death, etc.*) aimed at creating an atmosphere of horror or tension.

The example (22) describes a part of human mind, wild and unpredictable. The phrase *savage things* brings a frightening connotation to the metaphor:

(22) the subconscious level where savage things grow (King-2, p. 396).

The use of word *thing* reveals uncertainty, because through it imagination of reader begins to form different images of upcoming terror. This image provides the thought that sometimes human consciousness may lead to impulsive behavior, due to which the character becomes unpredictable, the reader does not know what to expect from them.

In the next example the atmosphere of horror is created by the phrase *screaming in miserable voices*.

(23) Dreams age faster than dreamers, that is a fact of life Pete has discovered as the years pass. Yet the last ones often die surprisingly hard, **screaming in low, miserable voices at the back of the brain** (King-2, p. 10).

The image is vividly presented. The idea of *dying dreams* is incredible; probably the reader would remember this phrase due to the acute image. This metaphor has slight tint of personification, because an abstract notion like *dream* is said to behave like a human: it ages, screams, dies. Such complex image significantly conveys the idea and becomes the reflection of dominant genre, because there is nothing more horrible than dying dreams.

In the example (24), the metaphor is used to describe the deer the protagonist hunts for. The use of two close concepts – *dark and black* – is interesting. These epithets enhance the qualitative characteristics of the eyes. In his description the author emphasizes this feature as something potentially important:

(24) one **eye** so dark it was almost **the black of jeweler's velvet** (King-2, p. 29).

The next widely used concept in metaphors and similes is the concept of *darkness*:

(25) a **darkness** has come into his own life that **polarizing filter** – and Henry finds he has no objection to this (King-2, p. 16);

(26) as the **neurosis deepens**, so does the **interior darkness** (King-2, p. 16).

The concept *darkness* helps to construct an image, it also should be considered as a figure

of rhythm. It may be seen in the novel *Dreamcatcher*: there are 33 sentences with the word *darkness* in 385 pages. We assume that this number is quite big and the word *darkness* reveals not only its first definition, but carries out another function – create the tone of tension in narration.

Metaphors, which include a lexeme expressing objects or concepts of the surrounding world, bring expressiveness to the description of characters or objects of reality.

In the example (27), the implicit comparison of the *eyes and lenses* seems appropriate because it describes character's behavior like a doll that is unencumbered by the intellectual activity. The author strengthens this characteristic of the personage through the introduction of this metaphor:

(27) wide **eyes** not blinking as the snowflakes whirled into them to melt on their **warm living lenses** (King-2, p. 54).

In the example below, the metaphor reflects the change in the mood of the main character:

(28) Carrie went into the house and closed the door behind her. Bright daylight disappeared and was replaced by **brown shadows, coolness**, and the **oppressive smell** of talcum powder. The only sound was the ticking of the Black Forest cuckoo clock in the living room. Momma had gotten the cuckoo clock with Green Stamps (King-1, p. 11).

Using the lexemes *brown, coolness* and the phrase *oppressive smell*, the author makes his reader clearly aware of the depression and inner anguish of the character.

The next example of metaphor shows a capacious character description. Barry Newman is distinguished by an unhealthy complexion, which was impressively reflected in the description of his characteristic and implicit comparison with *a herd of bulls*:

(29) At first Henry sits where he is, not moving, listening to the departing thunder of **the one-man buffalo herd** that is Barry Newman (King-2, p. 19).

In example (30), *the blush* is compared with *red roses*. Along with the epithet *deadly pale*, this comparison reinforces the description of the morbid character of the hero, despite the seeming romanticism of the metaphor:

(30) 'Stop it!' Barry is sitting up now, he hasn't needed Henry to give him a hand this time, and he is **deadly pale** except for **little red roses**, one growing in each cheek (King-2, p. 18).

The structural delineation of metaphors was based on the isolation of simple and complex metaphors. As it is shown by the analysis of factual material, the idiostyle of S. King is characterized by simple metaphors consisting of one image. Despite the presence of detailed metaphors, the frequency of simple metaphor usage is higher.

Among simple metaphors there are ones that are close in structure to the epithets, they perform a descriptive function:

- (31) Barry is **an eating machine** (King-2, p. 16);
 (32) he is **a lipid goldmine** (King-2, p. 17).

The expanded metaphors impart expressiveness to the described state or image, by using such metaphors, the author emphasizes the complexity of the event or situation for perception:

(33) body filled with sunlight, musical notes in her mind, butterflies behind her skull in the cage of her mind (King-1, p. 14);

(34) death had had him in the street, and had then to come to the hospital to finish the job, death masquerading as a man (or perhaps it had been a woman, it was hard to tell) meant Jonesy (King-2, p. 28).

Conclusion

Thus, the semantic distinction of similes and metaphors under study revealed some semantic value of these tropes and their functions in setting genre features of the idiostyle of Stephen King. The features and functioning of similes and metaphors in S. King's works seem to be consistent with the group affiliation of the tropes. The semantic richness of similes and metaphors helps to express an atmosphere of horror, that is a major reflection of the genre; being semantically and conceptionally joined, these types participate in creating atmosphere of tension and horror. This is evidently presented in the data – about 40 % of trope usage. Due to the vividness of images, similes and metaphors evoke different associations, and their decoding depends on every reader's imagination potential. The other types

of similes and metaphors more often perform a descriptive and emotional-evaluative function, add expressiveness, brightness and imagery to the fragments.

Structural differentiation of similes and metaphors allowed us to analyze the frequency of their usage in the author's works. The most frequent type is a group of two-term nominative similes (about 60 %), the other groups have approximately the same number of examples. This type does not have a base in its structure; due to this it lacks the additional attribute and detail of the image. Among the metaphors, the most widely used type is a simple metaphor with one image (approximately 55 %).

REFERENCES

- Arnold I.V., 2012. *Stylistics of the modern English language*. Moscow, Prosveshchenie Publ. 384 p.
 Efimov A.I., 1957. *Stylistics of artistic speech*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 448 p.
 Galperin I.R., 2012. *Essays on stylistics of the English language*. Moscow, Librocom Publ. 376 p.
 Gargani A., 2016. Similes as poetic comparisons. *LINGUA*, vol. 175, pp. 54-68.
 Hussein R., Sawalha M., 2016. A Corpus-based study of similes in British and American. *Arab World English Journal (AWEJ)*, vol. 7, no. 2, pp. 49-60.
 Kocheshkova I.Y., 2004. *Similes as a reflection of the author's worldview in the works of J. Fowles*. *Cand. philol. sci. abs. diss.* Barnaul. 22 p.
 Ogoltsev V.M., 2010. *Stable comparisons in the system of Russian phraseology*. Moscow, Librocom Publ. 178 p.
 Shamisa S., 2004. *Rhetoric 2*. Tehran, Payamnoor Publication. 55 p.

SOURCES

- King S., 2000. *Carrie*. New York, Simon and Schuster. 208 p.
 King S., 2001. *Dreamcatcher*. London, Hodder and Stoughton. 385 p.
 King S., 2007. *Everything's Eventual*. Hachette UK, London. pp. 365-403.
 King S., 2016. *The Dead Zone*. New York, Simon and Schuster. 592 p.
 King S., 2006. *The Shining*. London, Hodder and Stoughton. 497 p.

Information about the Authors

Svetlana S. Takhtarova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Translation Theory and Practice, Kazan Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, alfia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Amelia Sh. Zubinova, Postgraduate Student, Department of Translation Theory and Practice, Kazan Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, Vivid_bibi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4838-3966>

Информация об авторах

Светлана Салаватовна Тахтарова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, alfia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9268-6892>

Амелия Шамилевна Зубинова, аспирант кафедры теории и практики перевода, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, Vivid_bibi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4838-3966>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.15>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.1.5

Submitted: 22.05.2018
Accepted: 18.06.2018

REPRESENTATION OF RUSSIA'S IMAGE IN GERMAN MEDIA DISCOURSE IN THE CONTEXT OF THE 2018 FIFA WORLD CUP

Marina V. Milovanova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Marina Yu. Svinkina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper reveals the specifics of constructing the image of Russia in the German media discourse in current media texts covering preparation for the FIFA World Cup, which has been held for the first time on the territory of the Russian Federation. International events of this magnitude put the host country in the center of attention of the world community not only during the event, but long before it, and after the implementation of the project. At the same time, the contact of most members of society with the surrounding reality is mediated by mass communication. In the process of describing the events taking place in Russia, the German media tend to implement the opposition 'own vs. alien'. With the use of lexicographic data, the semantic content of the concept 'own vs. alien' is analyzed, which allows to identify the key aspects of the values underlying this opposition: 'own' and 'alien' denote belongingness, indicate the type and mode of action. The linguistic mechanisms of constructing the image of Russia are characterized. Having analyzed the empiric material, we conclude that the most dominating strategies are alienation and exotization. The main language means for constructing the image of Russia are lexemes with pejorative connotation, culture-specific words, illocutive verbs, comparison.

Key words: media discourse, opposition 'own vs. alien', communicative strategy, foreignization strategy, communicative tactics, reputational capital of the country.

Citation. Milovanova M.V., Svinkina M. Yu. Representation of Russia's Image in German Media Discourse in the Context of the 2018 FIFA World Cup. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 148-157. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.15>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.1.5

Дата поступления статьи: 22.05.2018
Дата принятия статьи: 18.06.2018

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ В КОНТЕКСТЕ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ 2018

Марина Васильевна Милованова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Марина Юрьевна Свинкина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье выявлена специфика конструирования образа России в онлайн-прессе Германии при освещении подготовки и проведения Чемпионата мира по футболу в России. Обращение к материалам СМИ обусловлено тем, что контакт большинства членов общества с окружающей действительностью опосредован массовой коммуникацией. Установлено, что при описании России немецкие СМИ актуализируют оппозицию «свой – чужой». С привлечением лексикографических данных проанализировано семантическое наполнение лексем *eigen* / *свой* и *fremd* / *чужой* и выделены признаки, лежащие в основе данной оппозиции.

зиции: принадлежность, вид и образ действия. Охарактеризованы языковые механизмы объективации образа России у инокультурного реципиента по мере его знакомства с публикациями о нашей стране и ее жителях. В результате изучения эмпирического материала методом количественного и качественного тематического контент-анализа выявлена востребованность форенизирующих стратегий алиенации и экзотизации, которые реализованы тактиками противопоставления, угрозы, демонизации и аномализации, выделения этноспецифики. Основными вербальными средствами конструирования образа России выступают лексемы с отрицательно-оценочным значением, транскрибированные лексемы, реалии, иллокутивные глаголы и императивные конструкции, используются приемы сравнения, метафоры, аллюзии, апелляции к стереотипу.

Ключевые слова: медиадискурс, оппозиция «свой – чужой», коммуникативная стратегия, форенизирующая стратегия, коммуникативная тактика, репутационный капитал страны.

Цитирование. Милованова М. В., Свинкина М. Ю. Репрезентация образа России в медиадискурсе Германии в контексте Чемпионата мира по футболу 2018 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 148–157. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.15>

Введение

Начиная с декабря 2010 г., когда FIFA было объявлено решение относительно страны-организатора Чемпионата мира по футболу 2018 г., Россия оказалась в фокусе особо пристального внимания зарубежной общественности. Футбол, несомненно, является самым популярным массовым видом спорта, насчитывающим миллионы фанатов во всех частях света. При этом атмосфера спортивного праздника в формате Чемпионата мира строится не только на соревновательном духе, азарте болельщиков, но и на впечатлениях от организации турнира в целом, гостеприимстве хозяев. Идеологической основой организации ЧМ в России стала программа «Стратегическое видение», направленная на выполнение четырех базовых задач: раскрытие позитивного образа России, развитие регионов и создание устойчивого наследия, проведение праздника для футбольного сообщества «от всей души» и популяризация здорового образа жизни.

Решая первую задачу, принимающая сторона стремилась привлечь как можно больше зрителей-иностранцев с целью улучшения современного имиджа России посредством трансляции полученного фанатами личного опыта соотечественникам.

Однако образ другой страны формируется в сознании туристов и до ее посещения, поскольку восприятие реальности людьми осуществляется во многом через СМИ, которые по-своему преломляют информацию. Основная цель массмедиа – отражение действительности, но передача информации – это не констатация фактов объективной реальности, а

их интерпретация, то есть создание реальности информационной. Благодаря СМИ некое пространство смыслов для потребителя информации выглядит как реальное. Массмедиа направляют мыслительные процессы и эмоциональные состояния. По мнению немецкого философа, социолога и культуролога Г. Маркузе, именно СМИ активно распространяют модель так называемого одномерного поведения, когда идеи, побуждения и цели, которые не вписываются в «общепринятые» рамки, навязываемые новостной индустрией, либо отторгаются, либо подгоняются под общие стандарты. Данная стратегия лежит, например, в основе создания «массовых психозов». Постоянное упоминание одной и той же информации в массмедиа закрепляет в сознании читателей те или иные стереотипы, притупляя рассудок и воздействуя на бессознательные механизмы. В результате повторов некоторой информации в СМИ человек оказывается словно запрограммированным: он так часто слышит определенный посыл, что начинает считать свои действия актом доброй воли [Маркузе, 1994, с. 82].

Возможность СМИ оказывать влияние на сознание и поведение потребителей транслируемой информации обуславливает многолетний академический интерес к исследованию медиадискурса (М.Р. Желтухина, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Е.И. Шейгал и др.).

Общее определение понятия «медиадискурс» дает Т.Г. Добросклонская: это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия. Опираясь на коммуникационную мо-

дель К. Шэннона и У. Уивера, исследователь делает вывод о том, что текст – это сообщение, медиатекст – это сообщение плюс канал связи, а медиадискурс – это сообщение в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации [Добросклонская, 2012, с. 741]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, медиадискурс является одновременно формообразующим и смыслогенерирующим источником вторичного семиозиса. В результате лингвокреативных преобразований смысловых конститuentов медиадискурса для образования знаков вторичной номинации порождается национально-языковое видение картины мира [Алефиренко, 2016, с. 55].

М.Р. Желтухина отмечает, что исследование медиадискурса русской, немецкой, английской или других лингвокультур позволяет увидеть доминирование ценностей над фактами, интенсификацию эмоций, преобладание воздействия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным [Желтухина, 2017, с. 138].

Медиатексты концентрируют в себе информацию о текущих событиях, отобранных и интерпретированных в соответствии с авторскими установками, направленностью издания и социально-политическим контекстом, составляющих в целом «повестку дня».

В социополитическом аспекте функционирования языка одним из базовых направлений формирования реальности посредством медиадискурса является создание образов стран и национальных лидеров. Образ представляет собой во многом психологический феномен, однако он нуждается в толковании, вербализации и, следовательно, становится предметом интереса семиотики и лингвистики.

В фокусе настоящего исследования находится специфика конструирования образа России в медиадискурсе Германии в условиях подготовки и проведения Чемпионата мира по футболу 2018 года.

Актуальность выявления способов и средств объективации образа России у инокультурного реципиента по мере его знакомства с публикациями о нашей стране и ее жителях обусловлена тем, что желание вступать в тот или иной контакт с субъектом находится в прямой зависимости от характера образа этого субъекта [Гришаева, 2018, с. 40–41].

Следовательно, созданный медиаобраз России в немецкой прессе оказал непосредственное влияние на намерение граждан Германии посетить один или несколько городов-организаторов Чемпионата мира, с тем чтобы на основе личного опыта сформировать собственное представление о стране-хозяйке.

Эмпирическую базу исследования составили материалы электронных версий таких печатных изданий, как «Abendzeitung», «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Zeit», «Bild», «Spiegel», «Süddeutsche Zeitung» и новостного портала «Euronews». С применением метода количественного и качественного тематического контент-анализа изучены 124 новостные статьи, общим объемом 281 900 печатных знаков.

Оппозиция «свой – чужой»: семантическое наполнение в немецкой и русской лингвокультурах

В основе восприятия и обработки информации о мире лежит оппозиция «свой – чужой», которая наиболее ярко проявляется при описании международных событий и межкультурного взаимодействия.

«Каждый народ – осознанно, полуосознанно или неосознанно – несет свою идею, свой мир представлений о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия *своего* и *чужого* на фоне бесспорно общих задач жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры, ссоры» [Топоров, 1995, с. 5]. Оппозиция «свой – чужой» семантизирует значимость неких ценностей через противопоставление их антиценностям, а следовательно, отражает философию культур и языков. Данная оппозиция декларирует определенный набор наиболее важных для этноса культурных значений, в том числе и морально-нравственных [Милованова, 2007, с. 24].

В модусе диалогического взаимодействия «чужое» разрывает коммуникативные сети и разрушает конвенции. Итогом встречи может стать ощущение нарастающего раздражения или же, наоборот, обретение душевного равновесия. Подобная двойственность подкрепляется тем, что любой вид взаимодействия с чужими людьми, чужой культурой, чужими взглядами осуществляется не столько

на осознанно-рациональном, сколько на эмоциональном уровне.

Исторически сложилось так, что люди всегда опасались непонятого, непознанного и незнакомого. Поэтому с точки зрения психологии особого внимания заслуживает тот факт, что опыт встречи с «чужим» всегда проявляется в двух формах: оно вызывает интерес и страх одновременно.

Приведем данные лексикографического анализа лексем, эксплицирующих эту оппозицию в немецком и русском языках:

Duden

fremd

1. nicht dem eigenen Land oder Volk angehörend, von anderer Herkunft;

2. einem anderen gehörend, nicht die eigene Person, den eigenen Besitz betreffend;

3. unbekannt, nicht vertraut;

4. ungewohnt, nicht zu der Vorstellung, die man von jmdm., etw. hat, passend; andersgeartet.

Большой толковый словарь Кузнецова чужой

1. Являющийся собственностью другого (других); не имеющий непосредственного отношения к кому-л.; не свой.

2. Не являющийся родиной; не такой, как на родине.

3. Не связанный родственными отношениями; посторонний.

4. Не связанный близкими отношениями с кем-л., не совпадающий по духу, взглядам, интересам; посторонний, далекий.

5. Отчужденный, отрешенный (с. 1486).

В основе значений полисемантической единицы *fremd* лежат отношения пространства (далекий, указание на дистанцию), принадлежности (сторонний, другого происхождения), а также его узнаваемости (незнакомый). «Чужое» не может существовать вне «чужого» места, оно пространственно определено [Вальденфельс, 1995, с. 82]. В немецком языке от прилагательного *fremd* могут быть образованы три существительных: *der Fremde* – «чужак как пришлый, посторонний человек с другими обычаями и другим языком», *die Fremde* – «чужбина как далекая, неизвестная сторона», *das Fremde* – «чужое как принадлежащее другому, нечто далекое по духу». Палитра значений лексемы *чужой* достаточно широка: от неизвестного,

чужестранного и удивительного, до непривычного и постороннего.

Обратимся к словарным дефинициям лексем *eigen / свой* и сопоставим полученные результаты с результатами анализа семантики лексем *fremd / чужой*.

Duden

eigen

1. jmdm. selbst gehörend; einer Sache zugehörend;

2. einer Person zugehörend u. für sie typisch, charakteristisch;

3. (veraltend) sonderbar, eigenartig;

4. (nicht adv.) fast übertrieben sorgfältig, genau; penibel: er ist darin sehr eigen.

Большой толковый словарь Кузнецова свой

1. Принадлежащий или свойственный себе.

2. Собственный, составляющий имущество или достояние отдельного лица, учредения.

3. Своеобразный, свойственный только чему-либо одному, данному или единому.

4. Относящийся к себе как члену какого-либо коллектива, какой-либо общности; связанный отношениями родства или общим местом работы, социальным положением, взглядами, вкусами и т. п.

5. Соответствующий кому-, чему-либо; подходящий для данных условий, обстоятельств, лиц и т. п. (с. 1162–1163).

С.Ю. Сазонова, исследовавшая концепты, репрезентируемые лексемами *eigen / свой* в немецкой и русской картинах мира, установила, что эти слова имеют в немецком и русском языках сходное основное значение – «собственный, принадлежащий». Различия заключаются в том, что лексема *свой* не обладает значением «странный, своеобразный, особенный» (ср. у *eigen*: «sonderbar», «merkwürdig», «eigenartig»). Она употребляется лишь в значении «особый, своеобразный» как свойственный только чему-либо данному [Сазонова, 2010, с. 150–151].

Таким образом, обращение к лексикографическим источникам позволяет нам выделить признаки, на основе которых строится оппозиция «свой – чужой»:

1) *eigen / свой* и *fremd / чужой* обозначают принадлежность,

2) *eigen* / *свой* и *fremd* / *чужой* указывают на вид и образ действий (чужой как своеобразный, вызывающий интерес, непонятный; свой как привычный).

Следует заметить, что понятие «чужой» всегда опосредовано понятием «свой», то есть не является объективной категорией и зависит от интерпретации и установки адресанта. Определяющую роль при трактовке отношений «своих» и «чужих» играют социальный и культурно-исторический контексты.

Руководствуясь точкой зрения П. Канчани о том, что оппозиция «свой – чужой» представляет собой прочную основу реализации коммуникативных стратегий манипулирования в медиaprостранстве [Канчани, 2007, с. 4], рассмотрим понятие коммуникативной стратегии более подробно.

Понятие коммуникативной стратегии

В процессе создания любого текста можно условно выделить два этапа:

1) стратегическое планирование, в ходе которого происходит определение содержания и структуры, фокусировка, то есть отбор релевантных пропозиций из когнитивной базы данных и установление риторических связей между ними в зависимости от дискурсивной цели;

2) тактическое использование грамматических и лексических средств для линейаризации содержания, заданного на предыдущем этапе [McKeown, 1987, p. 41].

Следовательно, развертывание каждого текста базируется на определенной коммуникативной стратегии.

Стратегия представления информации – это когнитивный механизм, составляющий основу перевода информации о событии, закодированной в ментальных структурах знания, хранящихся в сознании автора, в речевые высказывания, которые формируют содержание текста [Баженова, 2015, с. 17].

С функциональной точки зрения выделяются базовые (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии, способствующие эффективной организации диалогового взаимодействия, к которым относятся прагматические (коммуникативно-ситуационные), риторические и диалоговые стратегии [Иссерс, 2003, с. 115].

О.С. Иссерс и М.Х. Рахимбергенова предлагают термин «лингвокогнитивная стратегия», то есть целенаправленный выбор языковых средств, который обеспечивает управление процессом умозаключений и трансформацию модели мира адресата. В самом названии отражается взаимообусловленность когнитивных процессов, происходящих в сознании человека, и языковых структур выражения мысли. «Особенность когнитивных стратегий заключается в невозможности эмпирического исследования ментальных процедур, которые большей частью не имеют индикаторов “на поверхности речи” и, следовательно, недоступны для лингвистического анализа. В этом смысле наблюдаемыми являются лингвистические и интеракционные характеристики, по которым можно определить, как и какими средствами такие цели могут быть достигнуты» [Рахимбергенова, 2007].

Стратегия состоит из отдельных тактических звеньев, тактик, – общих способов представления информации, ориентированных на выполнение более узких коммуникативных задач.

Рассмотрим стратегии и тактики создания образа России как хозяйки ЧМ-2018 в немецкой онлайн-прессе.

Форенизирующие стратегии в медиадискурсе Германии при освещении

Чемпионата мира по футболу в России

По мнению Т.А. ван Дейка при исследовании дискурса пристальное внимание следует уделять тематическим предпочтениям, актуализирующим отношение к другой, «чужой» стране. Темы чаще всего имеют сознательно контролируруемую интенцию и выражают общее содержание ментальных репрезентаций событий, кроме того представляют ту идею или информацию, которую читатели запомнят лучше и надолго [van Dijk, 1996, p. 18].

При анализе новостных статей в сетевой прессе Германии нами были выделены следующие подтемы, раскрывающие образ России в контексте подготовки и проведения Чемпионата мира по футболу: строительство и готовность объектов, безопасность и гостеприимство.

В актуализации перечисленных подтем ведущей является **стратегия алиенации** (от лат. *alius* – другой, отличный из многих). Данная стратегия направлена на присвоение статуса «чужого» описываемым объектам и субъектам. При этом «чужость» может выражать пространственную, политическую, (этническую) и / или социальную нетождественность.

Стратегия алиенации реализуется посредством тактик противопоставления, угрозы и демонизации.

Тактика противопоставления строится на использовании лексических средств выражения контраста (лексемы с отрицательным и положительным коннотативным значением, частица *doch*):

(1) Die nächste WM wird in Russland ausgetragen, **doch** bislang sind nicht alle Stadien fertig (Süddeutsche Zeitung).

(2) Die teuerste Fußball-WM der Geschichte; **Eigentlich** sollte das Spiel **ein sportliches Feuerwerk** werden, mit dem Russland das alte Olympiastadion der Sommerspiele von 1980 nach gut vier Jahren Bauzeit wieder eröffnete. **Doch der Unmut über die Probleme** nach dem Abpfiff überschattet alles! Die Zuschauer mussten mehrere Kilometer zu Fuß gehen, um das Stadion-Gelände zu verlassen. Bei Regen und fünf Grad, im November! (Frankfurter Allgemeine Zeitung. Erster Test für Moskauer Luschniki-Stadion endet im Chaos).

Фееричный праздник спорта, по мнению авторов публикации, превратился в акцию выражения недовольства болельщиков, первый тестовый матч на стадионе «Лужники» завершился хаосом.

В описании архитектуры отдельных стадионов преобладает саркастический тон высказываний:

(3) Wenn es nur überall so pragmatisch zuginge wie in Jekaterinburg, würde die Fußball-WM in Russland als Vorbild für Großveranstaltungen in die Sportgeschichte eingehen. Am östlichsten Austragungsort des Turniers haben sich die Architekten etwas bei einem Gastgeber abgeschaut, der den Tisch auszieht, an dem er sonst allein mit seiner Frau sitzt: Sie haben die Stadionwand durchbrochen und hinter den Toren zusätzliche Tribünen konstruiert, die aus dem eigentlichen Gebäude herausragen. Statt wie sonst 25 000 Zuschauer fasst die Arena während

der WM mehr als 35 000 (Süddeutsche Zeitung. Die teuerste Fußball-WM der Geschichte).

Архитектурное решение выдвигной трибуны на стадионе в Екатеринбурге сравнивается с находчивостью хозяина, который использует раздвижной стол для нагрывавших гостей.

Экспликация агрессивного прагматического потенциала в рамках **тактики угрозы** прослеживается в следующих заголовках:

(4) Tierschützer **schlagen Alarm**, FIFA ist alarmiert (Bild);

(5) Rassismus und Fußballgewalt. **Hat** Russland sein Hooligan-Problem vor der WM **im Griff?** (Frankfurter Allgemeine Zeitung);

(6) Innenministerium **warnt** Mitarbeiter vor Ausspähung bei der WM (Zeit).

Языковыми средствами воплощения опасности для граждан Германии выступают иллюкутивные глаголы и лексические единицы с превентивной семантикой.

Особенностью немецкого медиадискурса является высокая частотность упоминаний В.В. Путина и, как следствие, отождествление образа президента (на данный момент преимущественно негативного) с образом целой страны. Например:

(7) Putin am Ball: In 100 Tagen beginnt die Fußball-WM (Euronews);

(8) Putins Problemstadion (Spiegel);

(9) WM-Auslosung in Russland. Putins große Fußballshow (Spiegel).

В основе заголовка (7) лежит выражение *am Ball sein*, то есть «владеть инициативой, быть за рулем» (по аналогии *am Steuer sein*). В статье, вышедшей под заголовком (8) увеличение сроков строительства стадиона в Самаре объясняется стремлением президента РФ к гигантизму и мировому господству: *Mit langer Verspätung eröffnet das letzte Stadion der WM in Russland. Die Arena in Samara ist ein Symbol für Gigantismus und Verschwendung. Viele fragen sich: Was hat das noch mit Fußball zu tun?*

Запрет въезда в Россию немецкому журналисту ARD Хайо Зеппельту (Hajo Seppelt) представляется как персональная месть В.В. Путина в связи с причастностью журна-

листа к расследованию, связанному с нарушением российскими спортсменами антидопинговых правил во время Олимпийских Игр в Сочи:

(10) **Das Njet aus dem Kreml** zeigt: Die Beteuerungen, dass alle Journalisten frei von der WM berichten können, sind nichts wert. Wer nicht passt, bleibt draußen. Da kann man sich vorstellen, wie lebensgefährlich das Arbeiten für kritische russische Reporter ist (Bild. WM-EINREISEVERBOT FÜR DOPING-EXPERTEN: Putins Rache!).

Переданные посредством транскрибирования русские слова и российские реалии выполняют роль национального маркера. Работа оппозиционного журналиста в России описывается как смертельно опасная.

Отсутствие «прозрачности» данных РУСАДА, а также обвинение в коррумпированности власти при подготовке к ЧМ-2018 находят отражение в заголовке метафорического характера:

(11) Die Welt zu Gast beim Betrüger.

Тактика демонизации нацелена на формирование представления о каком-либо субъекте как существе, которое по своей природе склонно к аморальному и антиобщественному поведению, а также на создание вокруг определенного объекта отрицательного поля смыслов и ассоциаций.

Одним из способов реализации данной тактики выступают сравнения ЧМ по футболу в России с Олимпийскими играми в фашистской Германии, а президента В.В. Путина с А. Гитлером:

(13) Putin wird die Fußball-WM im Sommer in Russland nutzen, „wie Hitler die Olympischen Spiele 1936 nutzte“ (Bild. Fußball-WM in Russland wie Olympische Spiele 1936).

При создании образа России в медиадискурсе Германии репрезентативной является **стратегия экзотизации**. Она направлена на репрезентацию субъектов повествования в качестве далеких, причудливых «антиподов», а их поведения, повседневных практик и ритуалов – как странных и даже диких. Инструментом реализации данной стратегии становятся тактики аномализации и выделения этноспецифики.

Для **тактики аномализации** характерно использование приема стереотипизации и сравнений. В новостной статье «*Skandal kurz vor WM. Tierquälerei: Bär als Animateur bei russischem Fußballspiel*» образ РФ конструируется посредством сравнения сегодняшней России со средневековым государством, когда медведь являлся неотъемлемым атрибутом царского двора:

(12) Ein Braunbär muss das Publikum animieren und den Ball an den Schiedsrichter übergeben. Tierschützer weltweit sind fassungslos. Im Mittelalter waren solche Szenen Normalität: ein Bär mit Maulkorb tritt vor Publikum und muss dieses mit Kunststücken unterhalten. **Doch was heutzutage fast überall auf der Welt als Tierquälerei verboten ist, scheint in Russland immer noch Menschen zu begeistern** (Abendzeitung).

Для усиления аномальности происходящего в тексте употребляется противительная частица *doch* в сочетании с контекстуальным сравнением, которое можно перевести на русский язык следующим образом «что почти во всем мире запрещено – русских по-прежнему веселит».

Тактика выделения этноспецифики проявляется в подчеркивании этноспецифических черт с целью акцентуации различия. Для ее реализации используются реалии русской культуры и адаптирующие уточнения. Например:

(13) Wieso Wolf? **Lernen Sie Zabivaka kennen**, das Offizielle Mascottchen der FIFA 2018. Zabivaka bedeutet auf Russisch: Der einen Treffer erzielt; Lecker wie bei Oma! **Lernen Sie traditionelle russische Küche kennen!** (Zeit. Zabivaka).

С целью привлечения внимания адресата употребляются также грамматические конструкции с формами повелительного наклонения.

Тактика выделения этноспецифики может быть направлена и на создание отрицательного образа страны. В следующем текстовом фрагменте, посвященном поездке иностранцев на российском поезде, осуществляется апелляция к стереотипу «Все русские пьют водку. Русские пьют водку постоянно»:

(14) Erste Lektion von den russischen Mitreisenden: Vor jedem Schnaps ein Trinkspruch.

Zweite Lektion: Wodka wird nie nach dem Essen getrunken. Vielleicht hören die Russen deshalb nie auf zu essen. Dritte Lektion: Wodka schmeckt immer eklig, aber die Wirkung zählt. Vierte Lektion: Der schlechteste Wodka ist immer der, den man alleine trinkt! (Bild. Abseits in Russland).

Исходя из отрицательной (в редких случаях нейтральной) эмоционально-коннотативной тональности текстов, созданных с использованием стратегий алиенации и экзотизации, обозначим данные стратегии общим термином – форенизирующие стратегии (от англ. *foreignization* – отчуждение). Заметим, что их перечень может быть расширен в зависимости от целей и материала исследования.

Выводы

Изучение форм реализации образа как феномена культуры и средства культурной коммуникации необходимо для осмысления современной действительности и для понимания построения мифологем, которые формируют идеологическое общественное поле. Содержательным стержнем медиатекстов о России в контексте Чемпионата мира по футболу выступает оппозиция «свой – чужой», составляющая основу форенизирующих стратегий алиенации и экзотизации. Реализация данных стратегий в немецком медиадискурсе способствовала формированию у болельщиков (читателей) негативных представлений о стране-хозяйке чемпионата (такие представления противоположных тем, которые была призвана сформировать программа «Стратегическое видение» Чемпионата мира в России). Изменить сложившуюся ситуацию способны только критический анализ лингвокогнитивных стратегий конструирования образа страны, а также целенаправленное сравнение нескольких источников информации о стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко Н. Ф., 2016. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // Медиалингвистика. № 1 (11). С. 49–57.
- Баженова Е. Ю., 2015. Дискурсивные стратегии представления информации в новостных текстах британских СМИ (на материале качественных Интернет-газет) : дис. ... канд. филол. наук / Баженова Екатерина Юрьевна. Благовещенск. 181 с.
- Вальденфельс Б., 1995. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / пер. с нем. О. Кубановой // Логос. № 6. С. 77–94.
- Гришаева Л. И., 2018. Способы и средства конструирования образа России в немецкоязычном медиапространстве // Формирование образов России и русских в западных дискурсивных практиках XX–XXI веков : материалы Международ. науч. конф. (19–21 апреля 2018 г.). Воронеж : Научная книга. С. 40–49.
- Добросклонская Т. Г., 2012. Язык политического медиадискурса Великобритании и США // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М. : Изд-во Моск. ун-та. С. 741–784.
- Желтухина М. Р., 2017. Медиатекст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика в суггестивном аспекте // Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика : сб. науч. ст. в честь юбилея д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Викуловой / под общ. ред. Е. Г. Таревой. М. : МГПУ ; «Языки народов мира». С. 138–148.
- Иссерс О. С., 2003. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : УРСС. 284 с.
- Канчани П., 2007. Оппозиция «свой – чужой» как прагматическая доминанта политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Москва. 260 с.
- Маркузе Г., 1994. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : Рефл-бук. 368 с.
- Милованова М. В., 2007. Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 408 с.
- Рахимбергенова М. Х., 2007. Оценочные стратегии в создании образа этнически «Чужого» на страницах Российской прессы // Юрислингвистика. № 8. С. 244–250. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnye-strategii-v-sozdanii-obraza-etnicheski-chuzhogo-na-stranitsah-rossiyskoj-pressy-1> (дата обращения: 20.05.2018).
- Сазонова С. Ю., 2010. Концепт «свой» в русской и немецкой языковой картине мира // Вестник Амурского государственного университета. № 48. С. 147–151.
- Топоров В. Н., 1995. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. Избранное. М. : «Прогресс» – «Культура». 624 с.
- Dijk T. A. van, 1996. Discourse, racism and ideology. La Laguna (Spain) : RCEI Ediciones. 63 p.
- McKeown K. R., 1987. Discourse strategies for generated natural-language text. New York : Columbia Univ. 41 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Большой толковый словарь Кузнецова – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Иоринт, 2004. 1536 с.
- Abendzeitung* – *Abendzeitung*. URL: <https://www.abendzeitung-muenchen.de>.
- Bild* – *Bild*. URL: <https://www.bild.de>.
- Duden* – *Duden*. Das Bedeutungswörterbuch. Mannheim: Dudenverlag, 2010. 1152 p.
- Euronews* – *Euronews*. URL: <https://www.ole.euronews.com>.
- Frankfurter Allgemeine Zeitung* – *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. URL: <https://www.faz.net>.
- Spiegel* – *Spiegel*. URL: <http://www.spiegel.de>.
- Süddeutsche Zeitung* – *Süddeutsche Zeitung*. URL: <https://www.sueddeutsche.de/>.
- Zeit* – *Zeit*. URL: <https://www.zeit.de>.

REFERENCES

- Alefirenko N.F., 2016. Media discourse and its communicative and pragmatic entity. *Medialinguvistika* [Media Linguistics], no. 1 (11), pp. 49-57.
- Bazhenova E.Yu., 2015. *Discursive strategies for presenting information in the news texts of British mass media (based on high-quality Internet newspapers)*. *Cand. philol. sci. diss.* Blagoveshchensk. 181 p.
- Valdenfels B., 1995. Own culture and foreign culture. The paradox about 'Alien'. *Logos*, no. 6, pp. 77-94.
- Grishaeva L.I., 2018. The ways and means of constructing the image of Russia in the German-speaking media space. *Formirovanie obrazov Rossii i russkikh v zapadnykh diskursivnykh praktikakh XX–XXI vekov: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (19–21 aprelya 2018 g.)*. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., pp. 40-49.
- Dobrosklonskaya T.G., 2012. The language of the political media discourse of the United Kingdom and the United States. Solganik G.Ya., ed. *Yazyk SMI i politika*. Moscow, MGU Publ., pp. 741-784.
- Zheltukhina M.R., 2017. Media text: discursive manifestation and communicative practice in the suggestive aspect. Tareva E.G., ed. *Tekst: diskursivnoe proyavlenie i kommunikativnaya praktika: sb. nauch. st. v chest yubiley a d.f.n.,*

prof. L. G. Vikulovoy. Moscow, Yazyki narodov mira Publ., pp. 138-148.

- Issers O.S., 2003. *Communicative strategies and tactics of Russian speakers*. Moscow, URSS Publ. 284 p.
- Kanchani P., 2007. *Opposition 'own – alien' as a pragmatic dominant of political discourse*. *Cand. of philol. sci. diss.* Moscow. 260 p.
- Markuze G., 1994. *One-dimensional man: studies in the ideology of advanced industrial society*. Moscow, Refl book Publ. 368 p.
- Milovanova M.V., 2007. *The category of possession in Russian and German in terms of linguoculturology*. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo. 408 p.
- Rakhimbergenova M.Kh., 2007. Evaluation strategies in creating the image of ethnically 'Alien' in the Russian press. *Yurislingvistika*, no. 8, pp. 244-250. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnye-strategii-v-sozdanii-obrazaz-etnicheski-chuzhogo-na-stranitsah-rossiyskoy-pressy-1>. (accessed 20 May 2018).
- Sazonova S.Yu., 2010. The Concept 'own' in the Russian and German worldview. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 48, pp. 147-151.
- Toporov V.N., 1995. *Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetics*. Moscow, Progress Publ. 624 p.
- Dijk T. A. van, 1996. *Discourse, racism and ideology*. La Laguna, RCEI Ediciones. 63 p.
- McKeown K. R., 1987. *Discourse strategies for generated natural-language text*. New York, Columbia Univ. 41 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Kuznetsov S.A., ed. 2004. *Big explanatory dictionary of the Russian language*. Saint Petersburg, Iorint Publ. 1536 p.
- Abendzeitung*. URL: <https://www.abendzeitung-muenchen.de>.
- Bild*. URL: <https://www.bild.de>.
- Duden*. *Das Bedeutungswörterbuch*. Mannheim, Dudenverlag, 2010. 1152 p.
- Euronews*. URL: <https://www.ole.euronews.com>.
- Frankfurter Allgemeine Zeitung*. URL: <https://www.faz.net>.
- Spiegel*. URL: <http://www.spiegel.de>.
- Süddeutsche Zeitung*. URL: <https://www.sueddeutsche.de/>.
- Zeit*. URL: <https://www.zeit.de>.

Information about the Authors

Marina V. Milovanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Marina Yu. Svinkina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Translation Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, svinkina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>

Информация об авторах

Марина Васильевна Милованова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Марина Юрьевна Свинкина, кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, svinkina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5378-8848>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.16>

UDC 81:008:316.28
LBC 81.006.3

Submitted: 07.05.2018
Accepted: 04.06.2018

REALISATION OF THE CATEGORY OF POLITENESS AS THE WAY OF REPRESENTING THE LINGUACULTURAL TYPE

Yuliya P. Bolotina

Herzen State Pedagogical University of Russia (Volkhov Branch), Volkhov, Russia

Abstract. The paper touches upon the issue of linguistic personality and describes the linguistic and cultural character of the butler in the novel written by K. Ishiguro. The paper points the fact that linguacultural type of the butler represents the national English character but does it in an exaggerated way. Linguacultural analysis of the language and speech units in the text has made it possible to characterize the communicative behavior of the protagonist and at the same time to explain the reasons of such behavior. The research results show that the category of politeness takes the leading role in describing the communicative behaviour of the main character. Forms of its representation in the given text include numerous speech clichés and various euphemisms. Moreover, certain syntactic structures such as indirect forms of questions and some parenthetical constructions express politeness in the given text. Restraint, evasiveness, remoteness as well as attempt to avoid imperative structures and imposing one's opinion are also typical of the protagonist's communicative behaviour. The conducted research makes it possible to confirm conclusions made by other scholars who state that category of politeness is a dominant trait of the national English character. We can also conclude that the abovementioned markers of politeness are common for the communicative behaviour of the English.

Key words: category of politeness, communicative behaviour, concept, linguacultural type, text, linguistic personality, speech etiquette.

Citation. Bolotina Yu.P. Realisation of the Category of Politeness as the Way of Representing the Linguacultural Type. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 158-165. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.16>

УДК 81:008:316.28
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 07.05.2018
Дата принятия статьи: 04.06.2018

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА

Юлия Петровна Болотина

Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Волховский филиал), г. Волхов, Россия

Аннотация. В статье описано коммуникативное поведение английского лингвокультурного типажа «дворецкий» в аспекте категории «вежливость». Исследование проведено на материале романа К. Исигуро «Остаток дня», в котором образ дворецкого является гипертрофированной репрезентацией английского национального характера. В работе представлены результаты комплексного лингвокультурологического анализа единиц языка и речи, что позволило определить особенности и причины коммуникативного поведения главного героя произведения. На примере дворецкого Стивенса показано, что важнейшими чертами коммуникативного поведения людей этой профессии являются сдержанность, уклончивость, дистантность, неимпозитивность. Их воплощению способствует реализация принципа вежливости, который проявляется в использовании многочисленных формул речевого этикета (особенно частотны формулы конвенционального извинения), речевых клише, эвфемизмов. Установлено, что в тексте романа категория вежливости эксплицируется на синтаксическом уровне посредством косвенной формы вопросов и вводных оборотов. Прове-

денное исследование позволяет дополнить существующие в науке представления о том, что категория вежливости – это одна из доминант английского национального характера, а вышеуказанные маркеры присущи коммуникативному поведению англичан в целом и используются с целью демонстрации уважения к личности собеседника, предотвращения конфликтных ситуаций, а также сохранения межличностного дистанцирования.

Ключевые слова: категория вежливости, коммуникативное поведение, концепт, лингвокультурный типаж, текст, языковая личность, речевой этикет.

Цитирование. Болотина Ю. П. Реализация категории вежливости как способ репрезентации лингвокультурного типажа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 158–165. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.16>

Введение

С позиций лингвокультурологии текст (или совокупность текстов) является хранителем культуры, формой отражения субъективированной языковой картины мира, а также обобщенным носителем знания о мире. В тексте объективируются тезаурус-словарь и знание, присущее языковой личности, он предстает перед нами «как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [Лотман, 1992, с. 132].

Одним из элементов картины мира, реализованной в тексте, является лингвокультурный типаж, который В.И. Карасик предлагает включить в классификацию концептов. При этом под лингвокультурным типажом ученый понимает «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, 2007, с. 88]. Исследователь приводит в качестве примера наиболее яркие типажы: чужак в английской культуре – человек с забавными странностями в поведении, обычно увлеченный каким-либо занятием и никому не причиняющий неудобств; юродивый в русской средневековой культуре – нищий, придурковато-блаженный, истязаящий себя и обладающий даром пророчества человек, и т. п. [Карасик, 2007, с. 89].

Общее определение лингвокультурного типажа (ЛТ) дает О.А. Дмитриева: «Языковая личность в ракурсе лингвокультурологии» [Дмитриева, 2007, с. 56]. При этом исследователь отмечает, что «коммуникативное поведение ЛТ регулируется ценностными приоритетами, стереотипами, архетипами»

[Дмитриева, 2007, с. 57], то есть связано с особенностями воспитания человека, его местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно общается, со всеми свойственными ему как представителю социальной группы чертами.

Речевая коммуникация представляет собой «стратегический процесс», основой которого является «оптимальный выбор языковых ресурсов» [Иссерс, 2008, с. 10]. Одной из разновидностей этого процесса следует признать речевой этикет, который определяется как система «языковых средств, материально выражающих в общении коммуникативную этику, воплощающих ее в языковой форме» [Стернин, 2003, с. 27]. В основе речевого этикета лежат следующие универсальные принципы общения: «сдержанность, вежливость, использование стандартных речевых формул в стандартных ситуациях общения, позитивное отношение к собеседнику» [Стернин, 1996, с. 13]. В качестве ведущего критерия этикетного речевого общения выступает принцип вежливости, который характеризует как вербальное, так и невербальное поведение человека.

Категория вежливости за последние десятилетия стала предметом дискуссий и получила множество интерпретаций в научной литературе. Например, в концепции П. Браун и С. Левинсона вежливость понимается как ряд мер по сохранению социального лица (face-saving) путем смягчения ликоугрожающих актов (Face Threatening Acts) [Brown, Levinson, 1978]. Р. Лакофф интерпретирует эту категорию как некий инструмент для сглаживания трения в межличностном взаимодействии [Lakoff, 1975]. Б. Хилл считает, что вежливость следует толковать как ограничения, которые накладываются на взаимодействие людей с целью поддержания необходимого уровня взаим-

ного комфорта [Hill et al, 1986, p. 349]. По мнению М. Сифиану, категория непосредственно связана с культурными ценностями, так как это «набор социальных ценностей, предписывающий участникам учитывать интересы друг друга путем удовлетворения взаимных ожиданий» [Sifianou, 1992, p. 86]. Вежливость, согласно С.Ю. Тюриной, является «речеведческой категорией» и реализуется в речи определенным набором лексико-грамматических и просодических средств, основная цель использования которых состоит в достижении положительного коммуникативного эффекта [Тюрина, 2008, с. 46]. Таким образом, вежливость можно определить как средство поддержания гармоничных отношений с окружающими, которое основывается на соблюдении социальных норм и отражает принятые в обществе ценности. Более того, данная категория, с одной стороны, шире, чем речевой этикет, с другой – тесно связана с ним, так как реализуется в конкретных этикетных формулах.

Можно выделить не только универсальные принципы вежливости и формулы речевого этикета, но и те, которые в значительной степени обусловлены национальной культурой: «коммуникативное поведение людей является компонентом их национальной культуры и регулируется национальными нормами и традициями, в основе которых лежат глубокие исторические корни» [Ларина, 2003а, с. 48]. Цель нашего исследования – охарактеризовать коммуникативное поведение английского лингвокультурного типажа «дворецкий» в аспекте категории «вежливость».

Материал исследования

Выбор лингвокультурного типажа «дворецкий» в качестве объекта исследования обусловлен тем, что дворецкий – один из самых узнаваемых характеров английской литературы. Реализацией его в современной англоязычной литературе можно рассматривать дворецкого Стивенса – главного героя романа К. Исигуро «Остаток дня». Отметим, что, создавая этот образ, автор опирается на национально-культурные традиции: литературными прототипами Стивенса выступают Лейн (Lane) из произведения О. Уайльда «Как важ-

но быть серьезным» (The Importance of Being Earnest by O. Wilde), знаменитый Дживз из серии рассказов П.Г. Вудхауса (Jeeves and Wooster by P.G. Wodehouse) и др.

Методы исследования

Коммуникативное поведение главного героя романа «Остаток дня» исследуется с применением комплексного подхода к анализу лексических и синтаксических единиц, реализующих содержание категории вежливости в тексте. Используются описательный и интерпретационный методы анализа языковых и речевых средств объективации вежливости, при этом учитывалась степень повторов и частотность употребления тех или иных единиц в тексте произведения.

Результаты исследования

Свод приличных манер, вежливость, воспроизведенные в романе «Остаток дня», являются такой же типичной чертой английской действительности, как пейзаж или обстановка в доме. Например, П. Лэнгфорд, завершая анализ английской сдержанности, писал, что претензия англичан на учтивость и аристократические замашки, утратившая для других наций статус образца общественного развития, стала едва ли чем-то большим, чем маской неисправимой национальной необщительности [Langford, 2000, p. 265]. По мнению исследователей, дворецкий в романе Исигуро «предстает своего рода квинтэссенцией английского характера» [Джумайло, 2014, с. 201]. Так, для главного героя и рассказчика вежливость и учтивость становятся маской, позволяющей скрывать, мысли и истинные чувства. Стивенс настолько привык облекать все свои мысли в формализованные конструкции, что вкупе со сдержанностью они становятся своеобразным барьером, «розовыми очками», позволяющими даже самому себе не признаваться в том, что на самом деле происходит у него в душе: «В ремарках Стивенса нет ни слова об эмоциях: улыбка, кивок – традиционные формы вежливости – замещают целый спектр чувств» [Джумайло, 2014, с. 207]. От начала и до самого финала романа фразы *I smiled; I laughed; I gave a small laugh –*

единственные формы выражения эмоций дворецкого. Герой изо всех сил пытается контролировать свои эмоции, заменяя их улыбкой, даже зная о том, что его отец умирает:

(1) I turned to find the young Mr. Cardinal beaming happily at me. I **smiled** also and said: 'Fish, sir'?

... I say, Stevens, are you all right?

I **smiled** again. 'Quite all right, thank you, sir' (p. 47).

Только прямолинейность и несдержанность мисс Кентон может вывести его из равновесия:

(2) To my **astonishment**, Miss Kenton **responded to this in a sudden burst**: 'Mr. Stevens, I have had a very busy week. I am very tired. In fact, I have been wishing for my bed for the last three or four hours. I am very, very tired, Mr. Stevens, can you not appreciate that?' (p. 74).

Однако даже эти редкие для главного героя эмоции не находят внешнего проявления, дворецкому удастся сохранять самообладание, оставаться подчеркнуто вежливым и уклоняться от манифестации своих подлинных чувств во всех конфликтах с мисс Кентон, даже когда она возмущена увольнением двух служанок-евреек:

(3) I am telling you, Mr. Stevens, if you dismiss my girls tomorrow, it will be wrong, a sin as any sin ever was one and I will not continue to work in such a house.

Miss Kenton, **let me suggest to you** that you are **hardly** well placed to be passing judgements of such a high and mighty nature (p. 63).

Необходимо отметить, что мисс Кентон является антиподом главного героя, она, как мы видим в приведенном выше отрывке, в отличие от Стивенса не склонна скрывать истинные чувства, физическое состояние. Для нее преувеличенная вежливость – форма выражения иронии или даже сарказма:

(4) **I am most indebted to you** for your advice, Mr. Stevens. So **do please tell** me, just what **marvellous** things **might I learn** from observing your father? (p. 24).

Необходимо отметить, что в теории Дж. Калпепера такое поведение трактуется как «мнимая вежливость» (mock politeness),

которая используется с целью нарушения гармоничных отношений в обществе. В таком случае вежливость реализуется только на поверхностном уровне (surface realizations) [Culpeper, Bousfield, Wichmann, 2003, p. 1555]. Автор романа намеренно вкладывает в уста мисс Кентон несколько различных средств выражения вежливости (обычно речь героини не столь насыщена такими элементами), стремясь подчеркнуть неискренность. Контраст подчеркивает и стилистически окрашенная речь героини (усилитель *most*, эмфатическая конструкция *do tell*, эпитет *marvellous*), в то время как реплики Стивенса содержат нейтральные лексические единицы.

Речь дворецкого изобилует устойчивыми формулами речевого этикета, характерными для британцев: обращения (*sir, madam*), клише для выражения извинения (*I beg your pardon, I'm sorry, excuse me*), благодарности (*thank you*), удовольствия (*pleased to hear that*), согласия (*indeed, of course*), опасения (*I'm afraid, I fear*). Приведем пример одного из диалогов Стивенса с гостьей дома, насыщенного такими клише:

(5) 'You will compliment the cook for me, Stevens,' she said.

'Of course, **madam. Thank you, madam.**'

'And you and your team did well also.'

'**Thank you most kindly, madam.**'

'At one point during dinner, Stevens, I would have sworn you were at least three people,' she said and laughed.

I laughed quickly and said: '**I'm delighted** to be of service, **madam**' (p. 48).

Даже наедине с собой Стивенс облакает мысли в привычные ему формулы:

(6) **I am glad to be able** to recall numerous occasions when the silver at Darlington Hall had a pleasing impact upon observers (p. 57).

Речевые клише, для которых характерна значительная степень десемантизации, становятся для него спасительной соломинкой и в разговоре с умирающим отцом. Отец, понимая, что необходимо подвести некий жизненный итог, пытается понять, был ли он хорошим для своего сына. Стивенс вместо искреннего ответа прибегает к универсальной фразе, уместной, по его мнению, в разговоре с больным:

(7) I hope Father is feeling better now (p. 43).

Пытаясь скрыть свое волнение, трижды повторяет те же ничего не значащие фразы:

(8) I'm very glad Father is feeling better. I'm so glad you're feeling better now. I'm so glad you're feeling better now (p. 43).

Типичное проявление вежливости в английской культуре – применение таких этикетных форм межличностного общения, как конвенциональные извинения, которые произносятся в связи с незначительными нарушениями этикета [Ратмайр, 2003, с. 159]. Это коммуникативное поведение в британском обществе, по мнению В.А. Литвиновой, обусловлено конвенцией приватности личного пространства и предупредительного отношения к собеседнику [Литвинова, 2017, с. 163]. Главный герой романа К. Исигуро придает большое значение соблюдению конвенций, и любое самое незначительное отступление от нормы заставляет его прибегать к различным формулам конвенциональных извинений:

(9) I'm very sorry, sir.

My goodness, Stevens. You gave me a shock. I thought things were hotting up a bit there.

I'm very sorry, sir. But as it happens, I have something to convey to you.' 'Excuse me, sir. I must attend to him straight away.

Of course, Stevens. Well, kind of you to have come out to talk to me.

Please excuse me, sir (p. 40).

Автор романа использует клишированные формы конвенциональных извинений, воспроизводя размышления главного героя, демонстрируя таким образом, что даже наедине с самим собой Стивенс стремится соблюдать все принятые в обществе нормы и правила поведения:

(10) In any case, I am sorry to report that what the local people had themselves offered last night as a witticism of sorts – the prediction that I would not have a good night owing to disturbances from below – proved only too true (p. 56).

Следующей особенностью вежливого коммуникативного поведения является эвфемизация речи, которая свойственна всем культурам, в том числе и британской. Стивенс в

совершенстве владеет смягчающими приемами ведения разговора и использует различные эвфемистические номинации:

(11) You will excuse me, but there are one or two other **small things** I might mention... **It is not like you to have overlooked** such obvious things, Miss Kenton (p. 76).

Этой цели служит и употребление модальных глаголов:

(12) That **would be most** awkward, sir (p. 38).

Английское коммуникативное поведение характеризуется также неимпозитивностью и предполагает отсутствие или сведение к минимуму прямого коммуникативного воздействия на адресата [Ларина, 2003б, с. 140]. Одним из способов проявления неимпозитивности можно считать уклончивость – неотъемлемую черту речи дворецкого:

(13) Oh, Stevens, perhaps you're the one to tell me. This arch here looks seventeenth century, but isn't it the case that it was built quite recently? Perhaps during Lord Darlington's time?

It is possible, madam.

It's very beautiful. But it is probably a kind of mock period piece done only a few years ago. Isn't that right?

I'm not sure, madam, but that is **certainly possible** (p. 54).

Характерное для англичан избегание императивности также выражается в использовании косвенной формы выражения просьбы в виде вопросов с модальными глаголами:

(14) Indeed. In any case, **may I be assured** Father will study that sheet? (p. 29).

Стремление не навязывать своего мнения собеседнику, характерное для коммуникативного поведения британцев, тоже нашло отражение в речи Стивенса: он постоянно использует такие вводные обороты и наречия, как *I believe*, *it is my impression*, *perhaps*, *probably* и т. п.:

(15) **I feel I should perhaps** return a moment to the question of his lordship's attitude to Jewish persons, since this whole issue of anti-Semitism, **I realize**, has become a **rather** sensitive one these days (p. 61).

Таким образом, коммуникативное поведение главного героя романа К. Исигуро «Остаток дня» характеризуется использованием многочисленных этикетных клише, в том числе и формул конвенционального извинения. Кроме того, в качестве основных характеристик речи дворецкого следует отметить эвфемизацию и отсутствие импозитивности.

Заключение

Различные маркеры вежливости являются одним из средств создания лингвокультурного типажа дворецкого, персонажа, для которого внешняя оболочка (приличные манеры, набор уместных клише, умение уклониться от прямого ответа и т. п.) важнее, чем содержание и подлинные эмоции. Такие культурно-обусловленные признаки вежливости, представленные в романе К. Исигуро в гипертрофированной форме, репрезентируют английский менталитет и позволяют подтвердить выводы исследователей о сдержанности как одной из доминант английского национального характера.

Исигуро намеренно списывает своего дворецкого с героев произведений других английских авторов. Однако его герой становится трагической фигурой – внешняя форма, стремление как можно более деликатно выражать свои мысли, заслоняет главное – в финале романа он понимает, что робкие надежды на возвращение мисс Кентон в Дарлингтон-холл не оправдаются, любовь была упущена, а его служение лорду Дарлингтону тоже оказалось лишеным глубокого смысла.

Стивенс отгородился от любого проявления искренности завесой этикетных формул. Примечательно в этом отношении высказывание В.В. Кобзевой, которая, развивая идеи Э. Сепира, объясняет такое поведение людей тем, что «правила и нормы этикета носят формализованный характер и не вынуждают человека выбирать между добром и злом, правдой и ложью, как этого требуют моральные заповеди. Предписания этикета в основном диктуют требования общечеловеческой культуры, вежливости, обходительности, учтивости, приветливости, но при этом они регламен-

тируют иерархию возрастных, статусных, половых различий людей. В правилах этикета заранее предусматриваются ситуации и даются готовые модели конкретных действий» [Кобзева, 2003, с. 116]. Эта тактика в современной Британии используется не только дворецкими или другим обслуживающим персоналом. Дворецкий становится для Исигуро воплощением национального менталитета британцев. В одном из интервью он пишет: «I chose the figure deliberately because that's what I think I am, and I think most of us are: We're just butlers» (цит. по: [Lewis, 2000, р. 77]) – Я выбрал героя-дворецкого неслучайно, так как думаю, что сам, по сути, дворецкий. Думаю, большинство из нас не более чем дворецкие (перевод наш. – Ю. Б.), то есть тоже носят маски вежливости, камуфлируя равнодушие и разобщенность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Джумайло О. А., 2014. Английский исповедально-философский роман 1980–2000 гг.: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону. 318 с.
- Дмитриева О. А., 2007. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена». 307 с.
- Иссерс О. С., 2008. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ. 288 с.
- Карасик В. И., 2007. Лингвокультурный типаж // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь; Пятигорск: Изд-во ПГЛУ. С. 86–89.
- Кобзева В. В., 2003. Этикет в вопросах и ответах. М.: Гранд. 283 с.
- Ларина Т. В., 2003а. «Вежливость» как компонент коммуникативного сознания // Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Изд-во «Истоки». С. 48–57.
- Ларина Т. В., 2003б. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН. 315 с.
- Литвинова В. А., 2017. Лингвокультурная специфика речевого акта «этикетное извинение» в британской коммуникативной традиции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 2. С. 160–167. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.17>

- Лотман Ю. М., 1992. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн : Изд-во «Александра». С. 129–132.
- Ратмайр Р., 2003. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М. : Языки славянской культуры. 272 с.
- Стернин И. А., 1996. Русский речевой этикет. Воронеж : Изд-во ВОИПКРО. 73 с.
- Стернин И. А., 2003. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории // Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж : Изд-во «Истоки». С. 22–47.
- Тюрина С. Ю., 2008. Дискурсивные маркеры вежливости в деловом общении // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. Вып. 1. С. 46–49.
- Brown P., Levinson S., 1978. Universals in language usage: Politeness phenomena // Questions of politeness: Strategies in social interaction. Cambridge : Cambridge University Press. P. 56–310.
- Culpeper J., Bousfield D., Wichmann A., 2003. Impoliteness revisited: with special reference to dynamic and prosodic aspects // Journal of Pragmatics. № 35. P. 1545–1579.
- Hill B. et al, 1986. Hill B., Ide S., Ikuta S., Kawasaki A., Ogino T. Universals of linguistic politeness: quantitative evidence from Japanese and American English // Journal of Pragmatics. Vol.10. № 3. P. 347–371.
- Lakoff R., 1975. Language and Women's Place. New York : Harper & Row. 328 p.
- Langford P., 2000. Englishness identified. Oxford : Oxford University Press. 408 p.
- Lewis B., 2000. Kazuo Ishiguro. Manchester ; New York : Manchester University Press. 191 p.
- Sifianou M., 1992. Politeness Phenomena in England and Greece. Oxford : Clarendon. 268 p.
- Issers O.S., 2008. *Communicative strategies and tactics of the Russian speech*. Moscow, LKI Publ. 288 p.
- Karasik V.I., 2007. Linguacultural type. Manaenko G.N., ed. *Yazyk. Tekst. Diskurs. Nauchnyy almanakh Stavropolskogo otdeleniya RALK*. Stavropol; Pyatigorsk, Izd-vo PGLU, iss. 5, pp. 86-89.
- Kobzeva V.V., 2003. *Etiquette in questions and answers*. Moscow, Grand Publ. 283 p.
- Larina T.V., 2003a. Politeness as a component of communicative consciousness. Sternin I.A., ed. *Kommunikativnoe povedenie. Vezhlivost kak kommunikativnaya kategoriya*. Voronezh, Istoki Publ., iss. 17, pp. 48-57.
- Larina T.V., 2003b. *The category of politeness in English and Russian communicative cultures*. Moscow, RUDN Publ. 315 p.
- Litvinova V.A., 2017. Linguacultural specificity of the speech act “etiquette apology” in the British communicative tradition. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 160-167. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.17>.
- Lotman Yu.M., 1992. Semiotics of culture and concept of text. *Izbranniye statyi. T.1*. Tallin, Aleksandra Publ., pp. 129-132.
- Ratmair R., 2003. *Apology pragmatics: Comparative apology based on the Russian language and Russian culture*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 272 p.
- Sternin I.A., 1996. *Russian speech etiquette*. Voronezh, VOILKRO Publ. 73 p.
- Sternin I.A., 2003. The problems of describing politeness as a communicative category. Sternin I.A., ed. *Kommunikativnoe povedenie. Vezhlivost kak kommunikativnaya kategoriya*. Voronezh, Istoki Publ., pp. 22-47.
- Tyurina S.Yu., 2008. Discursive markers of courtesy in business communication. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta* [Vestnik of Ivanovo State Power Engineering University], iss. 1, pp. 46-49.
- Brown P., Levinson S., 1978. Universals in language usage: Politeness phenomena. *Questions of politeness: Strategies in social interaction*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 56-310.
- Culpeper J., Bousfield D., Wichmann A., 2003. Impoliteness revisited: with special reference to dynamic and prosodic aspects. *Journal of Pragmatics*, no. 35, pp. 1545-1579.
- Hill B., Ide S., Ikuta S., Kawasaki A., Ogino T., 1986. Universals of linguistic politeness: quantitative evidence from Japanese and

ИСТОЧНИКИ

- Ishiguro K., 1989. *The Remains of the Day*. London : Faber and Faber Limited. 101 p.

REFERENCES

- Dzhumailo O.A., 2014. *English confession-philosophical novel of 1980-2000s: Dr. philol. sci. diss*. Rostov-on-Don. 318 p.
- Dmitrieva O.A., 2007. *Linguacultural types of Russia and France of the 19th century*. Volgograd, Peremena Publ. 307 p.

- American English. *Journal of Pragmatics*, vol. 10, no. 3, pp. 347-371.
- Lakoff R., 1975. *Language and Women's Place*. New York, Harper & Row. 328 p.
- Langford P., 2000. *Englishness identified*. Oxford, Oxford University Press. 408 p.
- Lewis B., 2000. *Kazuo Ishiguro*. Manchester; New York, Manchester University Press. 191 p.
- Sifianou M., 1992. *Politeness Phenomena in England and Greece*. Oxford, Clarendon. 268 p.

SOURCES

Isiguro K., 1989. *The Remains of the Day*. London, Faber and Faber Limited. 101 p.

Information about the Author

Yuliya P. Bolotina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Humanities Education and Pedagogical Technologies, Herzen State Pedagogical University of Russia (Volkhov Branch), Oktyabrskaya Emb., 1A, 187401 Volkhov, Russia, bolotinayulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8106-0184>

Информация об авторе

Юлия Петровна Болотина, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Волховский филиал), наб. Октябрьская, 1А, 187401 г. Волхов, Россия, bolotinayulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8106-0184>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.17>

UDC 811.161.1'42
LBC 81.411.2-99

Submitted: 03.09.2018
Accepted: 01.10.2018

THE LINGUOCOGNITIVE CHARACTERISTICS OF EDUCATIONAL TEXT

Irina P. Lysakova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Elena A. Zheleznyakova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The paper deals with the conceptual strategies of creating educational texts of new target orientation through cognitive mechanisms of their perception. The material is represented with textbooks on the initial course of the Russian language for children of migrants. The purpose of the linguocognitive analysis in the framework of this study is to identify significant cognitive features of the educational text in Russian as a foreign language.

Analysis of propositional strategies, local coherence strategies, macrostrategies, schematic, stylistic and nonverbal strategies, and the conceptual structure of the text in the foreign language in comparison with educational text for the Russian-speaking students allows identifying the relevant cognitive features of educational text in Russian as a foreign language: the inventory of foreign students experience, a given social context, the presence of semantically capacious illustrations, using mainly nonpropositional statements, the application of various tools of syntactic and lexical context, the inclusion of the stylistic and socio-linguistic variants of statements, updating the conceptual characteristics important for the foreign students. Special attention is paid to such an important position of modern cognitive science as an integral nature of natural language processing as opposed to the classical level-oriented one.

The mentioned cognitive characteristics of the educational text represent a great perspective for further studies.

Key words: educational text, linguocognitive approach, cognitive strategies, discourse, inophone, Russian language, Russian as a foreign language.

Citation. Lysakova I.P., Zheleznyakova E.A. The Linguocognitive Characteristics of Educational Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 166-173. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.17>

УДК 811.161.1'42
ББК 81.411.2-99

Дата поступления статьи: 03.09.2018
Дата принятия статьи: 01.10.2018

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОГО ТЕКСТА

Ирина Павловна Лысакова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Елена Алексеевна Железнякова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматриваются концептуальные стратегии создания учебных текстов новой целевой ориентации через когнитивные механизмы процесса их восприятия. Материалом являются учебные пособия по начальному курсу русского языка для детей мигрантов. Целью лингвокогнитивного анализа в рамках данного исследования стало выявление значимых когнитивных признаков учебного текста по русскому языку как неродному.

Анализ пропозиционных стратегий, стратегий локальной связности, макростратегий, стилистических и невербальных стратегий, а также концептуальной структуры текста по неродному языку в сравнении с учебным текстом для русскоязычных школьников позволил выделить значимые когнитивные признаки учебного текста по русскому языку как неродному: учет имеющегося у инофона опыта, учет социального контекста, наличие семантически емких иллюстраций, использование преимущественно монопропозитивных высказываний, применение различных средств синтаксической и лексической связи, включение в тексты стилистических и социолингвистических вариантов высказываний, актуализация значимых для инофона концептуальных признаков. Уделено внимание такому важному положению современной когнитивистики, как интегральный характер обработки естественного языка в противовес классическому поуровневому.

Рассмотренные когнитивные признаки построения учебного текста далеко не конечны и имеют перспективу для исследования.

Ключевые слова: учебный текст, лингвокогнитивный подход, когнитивные стратегии, дискурс, инофон, русский язык, русский язык как неродной.

Цитирование. Лысакова И. П., Железнякова Е. А. Лингвокогнитивные особенности учебного текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 166–173. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.17>

Введение

Когнитивная парадигма современной лингвистики предполагает изучение языковых явлений как отражения познавательной деятельности человека: от восприятия до продуцирования информации. В связи с этим актуальным является лингвокогнитивный анализ учебного текста как продукта объективации и переработки имеющегося знания с целью его трансляции и в то же время как материала для восприятия, понимания и присвоения этого знания. Именно текст обычно становится основой процесса обучения, и с этой точки зрения особенно интересен текст, предназначенный для овладения языком. Под учебным текстом, вслед за Э.Г. Азимовым и А.Н. Щукиным, будем понимать текст, предусматривающий «упрощение, адаптацию содержания и структуры с учетом языковой подготовки учащихся» [Азимов, Щукин, 2009, с. 303].

В отличие от других видов анализа «когнитивный анализ текста предполагает не только и не столько самодостаточный речевой и языковой анализ, сколько анализ через речь и язык процессов восприятия (понимания) и продуцирования текста, что требует привлечения знаний о таких психических процессах, как память, воображение, чувственное восприятие и т. д.» [Романова, 2013, с. 170].

Представляется актуальным рассмотреть *концептуальные стратегии* создания учебных текстов новой целевой ориентации через когнитивные механизмы процесса их восприятия.

Для анализа были выбраны учебные пособия по начальному курсу русского языка для детей мигрантов, созданные на кафедре межкультурной коммуникации РГПУ им. А.И. Герцена и предназначенные для детей, изучающих русский язык как неродной (Азбука вежливости, 2013; Русский букварь..., 2010; Школа мигранта, 2017). Актуальность решения поставленной задачи на данном материале обусловлена социокультурной ситуацией, сложившейся в России после распада Советского Союза, когда сотни семей из бывших союзных республик устремились в российские города и многие российские школы приняли в первый класс детей, не говорящих по-русски [Лысакова, Хромов, 2011]. Этот социокультурный контекст определяет дополнительные когнитивные особенности восприятия учебного текста по русскому языку детьми-инофонами.

К истории методологии анализа

В качестве методологической базы нашего исследования мы используем широко известную в когнитивистике стратегическую

модель понимания текста Т.А. ван Дейка и В. Кинча, которые считают, что в основе понимания текста лежат когнитивные стратегии, зависящие «не только от текстуальных характеристик, но и от характеристик пользователя языка, его целей и знаний о мире» [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 160]. Один и тот же учебный текст будет по-разному интерпретироваться разными (в частности, русскоязычными и нерусскоязычными) адресатами и, следовательно, при создании такого текста должны учитываться особенности когнитивных стратегий учащихся, для которых он предназначен. Анализируя процесс понимания любого текста, Т.А. ван Дейк и В. Кинч отмечают: «Понимающий располагает тремя видами данных: информацией о самих событиях, информацией о ситуации или контексте и информацией о когнитивных presuppositions. Имеющаяся информация может быть объединена эффективным способом, чтобы как можно скорее и лучше (то есть осмысленно и целенаправленно) было сформировано ментальное представление события» [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 156].

Основу когнитивного подхода к пониманию любого события, в том числе и речевого, формирует общее знание о предмете. Поэтому одним из важных результатов развития когнитологии является идея о неразрывной взаимосвязи процессов, происходящих в человеческой памяти и определяющих построение и понимание языковых сообщений. «Понимание некоторой новой ситуации сводится прежде всего к попытке найти в памяти знакомую ситуацию, наиболее сходную с новой. Мы можем обрабатывать новые данные, не иначе как обратившись к памяти о ранее накопленном опыте. Этот поиск основывается на том, что структуры, применяемые для обработки новых данных, аналогичны используемым для организации памяти» [Герасимов, Петров, 1988, с. 8].

Когнитивные характеристики начального учебного текста для инофона

Дети-инофоны обладают картиной мира, отличающейся от картины мира их русскоязычных одноклассников. Presuppositions понимания учебного текста у этих школьников

принципиально иные. Поэтому ребенку-инофону будут непонятны иллюстрации и примеры из русских сказок, которыми изобилуют тексты в учебниках для русской начальной школы. Например, инофону, конечно, будет непонятно такое задание из учебника для русскоязычных детей: *Рассмотри рисунок. Назови сказку.* На рисунке изображены заяц и колобок, ведущие следующий диалог: – *Колобок, колобок! Я тебя съем!*; – *Нет, не ешь меня, косой, а лучше послушай, какую я тебе песенку спою* (Канакина, Горецкий, с. 7).

Для инофона полное понимание смысла подобного задания возможно только через несколько лет, когда расширится языковой запас и пополнится тезаурусом русских сказок русскоязычная картина мира (см., например, задания в пособии «Школа мигранта»).

Дискурс рассматриваемых учебных пособий по русскому языку для детей мигрантов отражает важнейшее **контекстуальное требование** для понимания учебного текста – взаимодействие когнитивных характеристик текста и социального контекста [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 159]. Несомненным когнитивным признаком социального контекста является использование в учебниках для мигрантов восточных имен (*Булат, Нана, Су-рен*), а также изображение детей с неславянской внешностью.

Т.А. ван Дейк и В. Кинч говорят о важности **ситуационной модели**, которая позволяет актуализировать в памяти знания, связанные с конкретной ситуацией, репрезентируемой в тексте. Ее наличие значительно облегчает процесс восприятия, поскольку «дает возможность ограничить текстовую базу информацией, выраженной или подразумеваемой самим текстом, без интерполяции большого объема активированного знания» [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 160]. Следовательно, учебный текст должен учитывать имеющийся у школьника опыт, в таком случае присвоение представленного в тексте знания будет происходить более эффективно. Показательны примеры презентации гласных звуков в «Русском букваре для мигрантов», в котором уже на первых страницах школьникам, знакомящимся с неизвестными им звуками русского языка и буквами кириллицы, предлагаются иллюстрации понятных им ситуаций, де-

монстрирующие материализованное удивление: *O!* – при виде большого торта на столе или звука *Aaa!* на приеме у врача (Русский букварь..., с. 5–6).

Не менее важными для понимания текста являются невербальные стратегии [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 164]. Семантически емкие иллюстрации используются в учебниках для инофонов уже на первых страницах, знакомя с лицами неславянской внешности. Особенно значима эмоциональная составляющая различных невербальных сигналов, имеющих экспрессию радости или огорчения. На богато иллюстрированных страницах «Русского букваря для мигрантов» в рисунках представлены и смех, и плач, и указательные жесты. Все это облегчает инофону понимание текста за счет применения невербальных стратегий.

Анализ пособий показал, что их авторы важной опорной точкой считают иллюстрации, подготавливающие к восприятию текста. При этом доля иллюстраций в пособиях для нерусскоязычных детей больше, чем в учебнике для русскоязычных, что оправданно, поскольку образование макропропозиций при чтении текста на неродном языке протекает с большими сложностями, чем на родном: догадка о содержании текста возникает позже. Иллюстрации дают возможность упростить этот процесс. Кроме того, большое количество рисунков позволяет нивелировать некоторые трудности обнаружения текстовых макростратегий. Учебный текст по неродному языку для начального этапа обучения часто характеризуется некоторой «искусственностью» по сравнению с реальными коммуникативными актами. Это обусловлено необходимостью многократного повторения определенных языковых формул в стандартных ситуациях. В результате текстовые структурные и семантические сигналы, обеспечивающие образование макропропозиций, могут быть не очевидны. Например: – *Это Булат, а это Толя. – Это Тина, а это Тома. – Это твое место в лодке? – Да, это мое место в лодке. – А где Алина?* (Русский букварь..., с. 37). В этом случае образованию макропропозиций способствует предваряющая диалог иллюстрация, на которой не только изображена ситуация коммуникативного акта, но и подписаны имена персонажей.

Важную роль в концептуальной организации знаний при понимании и построении языковых сообщений играют **пропозиционные стратегии**, предполагающие организацию пропозиционных схем на основе атомарных пропозиций (лексических значений).

Рассмотрим текст упражнения из учебника «Русский язык. 1 класс»: *Утром выглянуло солнышко. Засверкали сосульки на крышах. Растаяли льдинки на окне. Весело зачирикали воробьи* (Канакина, Горецкий, с. 10). Все эти предложения состоят из процессного предиката, актанта и сирконстанта, однако пропозиционные схемы различны. Так, в первом предложении воплощаются две пропозиции: кроме собственно основы предложения *выглянуло солнышко*, обстоятельство места может быть развернуто в конструкцию *когда наступило утро*, значит, это высказывание можно назвать полипропозитивным с отношениями каузации. Остальные высказывания содержат одну пропозицию, что соответствует возрасту обучающихся.

Для сравнения с точки зрения пропозиционных схем рассмотрим тексты «Русского букваря для мигрантов». В них большая часть высказываний состоит из актанта и предиката, редко появляются сирконстанты. При этом в первой части пособия даже при наличии сирконстанта все высказывания содержат лишь одну пропозицию. Полипропозитивные высказывания появляются лишь во второй части пособия. Такая простая семантическая организация текстов для инофонов обеспечивает упрощение процесса анализа предложений при чтении.

Стратегии **локальной когерентности** дают возможность свести воедино высказывания, входящие в состав текста. Для того чтобы облегчить этот процесс, авторам учебников необходимо связать пропозиции друг с другом посредством аргументов.

В тексте учебника для русскоязычных детей «Русский язык. 1 класс» наблюдается смысловая связь аргументов первого, второго и третьего предложений: актанты *солнышко, сосульки, льдинки* объединены темой «природные явления» и позволяют последовательно описать картину солнечного дня. Выходит за пределы этого ряда только четвертое предложение, поскольку в отличие от пред-

шествующих высказываний актант в нем – это одушевленный производитель действия. Смысловая связь строится через известное в первом предложении: *Утром выглянуло солнышко*, последующие высказывания развивают мысль, содержащуюся в начале текста.

В отличие от учебника для русскоязычных детей в «Русском букваре для мигрантов» большая часть учебных текстов – диалоги, что обусловлено соблюдением принципа коммуникативности и обеспечивает элементарную степень доступности понимания и воспроизводства семантически разнородных реплик [Леонтьев, 2014, с. 154]. Вот один из интересных примеров: – *Анна, дай сок! – Какой сок? – Томатный сок. – Этот сок? На, пей! – Спасибо!* Анализ локальной когерентности этих диалогов показывает, что семантическую целостность создают употребленные спонтанно средства синтаксической и лексической связи: повелительные и вопросительные предложения, локальные идентификаторы, живые разговорные конструкции.

Этот пример демонстрирует важный аспект концептуальной организации текста для понимания и порождения высказываний в начальном учебном тексте для детей-инофонов. Хотя многие модели языка и языкового использования строятся на уровневой основе – морфология, синтаксис, семантика и прагматика, – Т.А. ван Дейк и В. Кинч утверждают, что «такой принцип уместен в абстрактном описании. Он не совсем пригоден с точки зрения моделей когнитивной обработки. Семантическая интерпретация не обязательно должна осуществляться только после завершения синтаксического анализа... Наша модель ориентирована не на уровни, а на *комплексность* описания» [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 163]. Гипотеза об интегральном характере обработки естественного языка дает основание представлять обработку языковых данных как единый процесс, который «происходит параллельно на всех уровнях – синтаксическом, семантическом и прагматическом» [Герасимов, Петров, 1988, с. 10].

Лингвокогнитивный анализ рассмотренных выше примеров убеждает нас в правильности высказанного утверждения, ведь «в конечном счете в основе гипотезы об интегральности обработки лежит более глобальная идея

о существовании единого уровня представления знаний, на котором оказываются совместимыми языковая, сенсорная и моторная информация» [Герасимов, Петров, 1988, с. 10].

По мнению Т.А. ван Дейка и В. Кинча, центральным компонентом когнитивной модели текста являются *макростратегии*, которые определяют макропропозиции, образующие в совокупности макроструктуру текста [ван Дейк, Кинч, 1988, с. 168]. С точки зрения структурной организации текстов, включенных в пособия, обнаруживаем, что в учебнике для 1-го класса русскоязычной школы представлены описание, рассуждение, повествование, организованные в соответствии с традиционной структурой этих типов речи. В пособии «Русский букварь для мигрантов», как было отмечено ранее, большая часть текстов – это диалоги, в структуре которых выделяются традиционные макроуровни: начало, середина, нецентральные фразы и завершение. На начальном этапе овладения неродным языком введение речевых образцов в форме диалога позволяет следовать *принципам функциональности* и *коммуникативности*. Кроме того, именно диалог дает возможность в контексте вводить формулы речевого этикета, знание которых является обязательным условием формирования социокультурной компетенции инофонов. Знакомство с такими типами речи, как описание, рассуждение и повествование, происходит позже: в учебно-методическом пособии «Школа мигранта» для школьников среднего возраста наравне с большим количеством диалогов представлены тексты, относящиеся к названным выше типам речи.

Большое значение для обучения языку имеет учет *стилистических стратегий* понимания текста. Их использование позволяет читающему сформировать представление о коммуникативной ситуации: контексте общения, социальных характеристиках говорящих и прочем. В учебнике для начальных классов русскоязычной школы стилистическое варьирование практически не представлено, не предлагаются социолингвистические варианты высказываний даже при освоении темы «Вежливые слова» (Канакина, Горецкий, с. 25), предполагающей подобный подход. Для пособий по русскому языку как неродному введению в обучение текстов, демонстриру-

ющих стилистическое и социолингвистическое варьирование, необходимо, поскольку умение использовать такие варианты является важным показателем сформированности коммуникативной компетенции в новом для инофонов социальном контексте. Из анализируемых нами пособий наиболее широко этот аспект раскрыт в «Азбуке вежливости», в котором в рамках одной темы в текстах представлены формулы речевого этикета, уместные в разных коммуникативных ситуациях: при общении ребенка со взрослым, с ровесником, с членами семьи. При этом и в других пособиях по русскому языку как неродному авторы обращаются к социолингвистическим переменным, например, в «Школе мигранта» в уроке «Вежливые слова»: *Сурен: Здравствуйте, Иван Петрович! Здравствуй, Сурен!* (Школа мигранта, с. 95).

Кроме учета когнитивных стратегий лингвокогнитивный анализ учебного текста предполагает также изучение его **концептуальной структуры**. Сравним два текста: текст раздела «Что такое Родина?» из учебника для русскоязычных детей «Окружающий мир. 1 класс» (Плешаков, с. 10–11) и текст урока «Наша страна» из учебно-методического пособия «Школа мигранта» (Школа мигранта, с. 105–106). Они посвящены России. Рассмотрим, как в них представлен концепт «Россия».

Различны заголовочные комплексы тех частей пособий, в которых расположены тексты. В учебнике для русскоязычных детей в заглавии актуализирован такой смысловый признак концепта «Россия», как «Родина». Этот же признак обозначается в основной части учебного текста: «Это наша Родина». В «Русском ассоциативном словаре» под редакцией Ю.Н. Караулова реакция «Родина» на стимул «Россия» является второй по частотности (РАС, с. 561). Настойчивой актуализацией этого смыслового признака концепта совершенно однозначно определяется русскоязычный адресат учебного текста. В то же время в самом тексте актуализируется такой признак, как многонациональность: *Многие народы населяют Россию: русские, татары, евреи, коми, марийцы, башкиры, карелы, удмурты, буряты, аварцы, осетины, чеченцы, чукчи, якуты, ненцы и другие* (Плешаков, с. 11).

В пособии для инофонов смысловой признак «Родина» не рассматривается как в заголовке, так и во всем тексте, в названии темы выносятся словосочетание *наша страна*, что позволяет нерусскоязычным школьникам почувствовать себя частью русского социума независимо от того, какая именно страна является их Родиной.

Заключение

Таким образом, рассмотрение лингвокогнитивных особенностей учебного текста для детей-инофонов через способы концептуальной организации знаний в процессе построения языковых сообщений, которые обеспечивают наиболее эффективное овладение элементами русского (чужого для них) языка, позволили выявить значимые когнитивные признаки учебного текста по русскому языку как неродному: учет отличий картины мира инофона от картины мира русскоязычных учащихся, учет социального контекста, наличие семантически емких иллюстраций, использование преимущественно монопропозитивных высказываний, применение специальных средств синтаксической и лексической связи, включение в тексты стилистических и социолингвистических вариантов высказываний для развития когнитивных механизмов процессов восприятия учебных текстов новой целевой организации. Перечисленные признаки реализуются посредством применения таких стратегий понимания текста, как пропозиционные, локальной когерентности, стилистические, невербальные и макростратегии.

Построение учебного текста по русскому языку как неродному с опорой на важное положение современной когнитивистики об интегральном характере обработки естественного языка в противовес классическому поуровневому способствует не только повышению эффективности освоения «чужого» языка, но и ускорению формирования коммуникативных компетенций учащихся.

Рассмотренные когнитивные признаки построения учебного текста далеко не конечны и, с нашей точки зрения, имеют перспективу для исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимов Э. Г., Шукин А. Н., 2009. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : Издательство ИКАР. 448 с.
- Герасимов В. И., Петров В. В., 1988. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс. С. 5–11.
- Дейк Т. А. ван, Кинч В., 1988. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс. С. 153–211.
- Леонтьев А. А., 2014. Владение и овладение языком // Проблемы изучения билингвизма. Книга для чтения / Сост. Т. А. Круглякова. СПб. : Златоуст. С. 149–165.
- Лысакова И. П., Хромов С. С., 2011. Русский язык в поликультурной образовательной парадигме: проблемы организации обучения и методики преподавания // Вестник Донского государственного технического университета. Т. 11, № 10. С. 1874–1880.
- Романова Т. В., 2013. Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности : сб. науч. ст. / Редкол.: Т. Н. Синеокова (отв. ред.) и др. Вып. 8. Нижний Новгород : НГЛУ. С. 170–181.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Азбука вежливости* – Лысакова И. П., Железнякова Е. А., Пашукевич Ю. С. Азбука вежливости : учебное пособие для детей, начинающих осваивать русский язык / под ред. И. П. Лысаковой. М. : КНОРУС, 2013. 103 с.
- Канакина, Горецкий* – Канакина В. П., Горецкий В. Г. Русский язык. 1 класс : учеб. для общеобразоват. организаций с прил. на электрон. носителе. 5-е изд. М. : Просвещение, 2014. 143 с.
- Плешаков* – Плешаков А. А. Окружающий мир. 1 класс : учеб. для общеобразоват. организаций с прил. на электрон. носителе : в 2 ч. Ч. 1. 2-е изд. М. : Просвещение, 2011. 95 с.
- РАС* – Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции : Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов [и др.]. М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2002. 781 с.
- Русский букварь...* – Бочарова Н. А., Лысакова И. П., Розова О. Г. Русский букварь для мигрантов : учебное пособие / под ред. проф. И. П. Лысаковой. М. : КНОРУС, 2010. 80 с.

Школа мигранта – Школа мигранта : учебно-методическое пособие по обучению русскому языку как неродному / И. П. Лысакова [и др.] ; под ред. проф. И. П. Лысаковой. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. 243 с.

REFERENCES

- Azimov E.G., Shchukin A.N., 2009. *New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)*. Moscow, IKAR Publ. 448 p.
- Gerasimov V.I., Petrov V.V., 1988. Towards a cognitive model of language. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The New in Foreign Linguistics], vol. 23, pp. 5-11.
- Dejk T.A. van, Kinch V., 1988. Strategies of discourse comprehension. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The New in Foreign Linguistics], vol. 23, pp. 153-211.
- Leontyev A.A., 2014. Language proficiency and acquisition. Kruglyakova T.A., ed. *Problemy izucheniya bilingvizma*. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., pp. 149-165.
- Lysakova I.P., Khromov S.S., 2011. The Russian language in multicultural educational paradigm: Problems of teaching process organization and teaching methods. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik of Don State Technical University], vol. 11, no. 10, pp. 1874-1880.
- Romanova T.V., 2013. Cognitive text analysis: Work on methodological errors. Sineokova T.N., ed. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti: sb. nauch. st.* Nizhniy Novgorod, NGLU Publ., pp. 170-181.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Lysakova I.P., Zheleznyakova E.A., Pashukevich Yu.S., 2013. *ABC book of politeness*. Moscow, KNORUS Publ., 103 p.
- Kanakina V.P., Goret'skiy V.G., 2014. *The Russian language. 1st grade. School textbook with electronic application*. Moscow, Prosveshchenie Publ. 143 p.
- Pleshakov A.A., 2011. *The world around. School textbook with electronic application*. In 2 parts. Part 1. Moscow, Prosveshchenie Publ. 95 p.
- Karaulov Yu.N. (et al.), 2002. *The Russian Dictionary of Associations. In 2 vols. Vol. 1: From stimulus to reaction: about 7,000 stimulae*. Moscow, Astrel Publ. 781 p.

Bocharova N.A., Lysakova I.P., Rozova O.G., 2010. *The Russian ABC book for migrants*. Moscow, KNORUS Publ. 80 p.

Lysakova I.P. (et al.), 2017. *School for migrants: textbook for studying Russian as a foreign language*. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena. 243 p.

Information about the Authors

Irina P. Lysakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Crosscultural Communication, Herzen State Pedagogical University of Russia, 1 liniya V.O., 52, 199053 Saint Petersburg, Russia, lip1010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3090-1187>

Elena A. Zheleznyakova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Crosscultural Communication, Herzen State Pedagogical University of Russia, 1 liniya V.O., 52, 199053 Saint Petersburg, Russia, elenazheleznyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7104-5132>

Информация об авторах

Ирина Павловна Лысакова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 1 линия В.О., 52, 199053 г. Санкт-Петербург, Россия, lip1010@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3090-1187>

Елена Алексеевна Железнякова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 1 линия В.О., 52, 199053 г. Санкт-Петербург, Россия, elenazheleznyakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7104-5132>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.18>

UDC 811.161.1'367.32
LBC 81.411.2-51-213

Submitted: 12.02.2018
Accepted: 09.03.2018

INTERROGATIVE UTTERANCES WITH THE PARTICLE *LI* (*NE LI*) IN THE LITERARY TEXT

Jiang Wei

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Abstract. This paper aims at analyzing interrogative utterances with the particle *li* (*ne li*) in the literary text, the features of which are manifested in syntactic, functional-semantic, pragmatic and stylistic aspects. Functional-semantic types of interrogative utterances are singled out, and syntactic and pragmatic functions of interrogative utterances with the particle *li* are analyzed. In addition, a comparative analysis of their use in works of different genres (drama, prose) and various authors (M. Bulgakov, M. Gorky) is conducted. Differences between the use of the particle *li* in drama and prose are insignificant and are manifested in monologic speech in prose works of both authors. In the works by M. Bulgakov, *ne-li*-questions are often complicated by the particle *uzh*. In M. Bulgakov's prose, special question-answer constructions are noted. In M. Bulgakov's prose there are also interrogative utterances with the particle *li* that are addressed to readers in order to catch their attention. M. Gorky's prose is characterized by the syntactic formulation of questions: complex all-union sentences with different types of relations. In the drama and prose by M. Gorky, author's use of punctuation marks is noted. The author's dash in the texts of M. Gorky's works is mainly used in two situations: 1) in such syntactic conditions, where this sign is not regulated; 2) when there is the need of strengthening the position of the punctuation mark.

Key words: particle *li*, combination *ne li*, function of questions, primary functions of questions, secondary functions of questions, hybrid functions of questions, literary text, stylistic aspect.

Citation. Jiang Wei. Interrogative Utterances with the Particle *Li* (*Ne Li*) in the Literary Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 174-180. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.18>

УДК 811.161.1'367.32
ББК 81.411.2-51-213

Дата поступления статьи: 12.02.2018
Дата принятия статьи: 09.03.2018

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ЧАСТИЦЕЙ *ЛИ* (*НЕ ЛИ*) В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Цзян Вэй

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросительным высказываниям с частицей *ли* (*не ли*) в художественном тексте, особенности которых проявляются в синтаксическом, функционально-семантическом, прагматическом и стилистическом аспектах. Выделены функционально-семантические типы вопросительных высказываний и проанализированы синтаксические и прагматические функции вопросительных высказываний с частицей *ли*. Проведен сравнительный анализ их употребления в пьесах, романах, повестях, рассказах М. Булгакова, М. Горького. Различия в употреблении частицы *ли* в произведениях, относящихся к разным родам литературы, незначительны и проявляются в монологической речи у обоих авторов. В произведениях М. Булгакова наблюдаются: частотное осложнение частицей *уж* в *не ли*-вопросах; особые вопросно-ответные построения; вопросы, которые обращены к читателю с целью активизировать его внимание. В прозе М. Горького вопросы имеют типичное синтаксическое оформление: бессоюзные сложные предложения определенных типов. В произведениях М. Горького отмечено авторское употребление знаков препинания: авторское тире ставится чаще всего в двух случаях – в таких синтаксических условиях, где этот знак не регламентирован, и для усиления позиции знака препинания.

Ключевые слова: частица *ли*, сочетание *не ли*, функции вопросов, первичные функции вопроса, вторичные функции вопроса, гибридные функции вопроса, художественный текст, стилистика.

Цитирование. Цзян Вэй. Вопросительные высказывания с частицей *ли* (*не ли*) в художественном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 174–180. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.18>

Введение

Частицы настолько значимы в процессе общения, что лишенная их речь воспринимается как излишне сухая, невежливая, ибо в ней нет контакта, связи, отношения, даже взаимопонимания [Николаева, 1985, с. 13]. Они принадлежат к традиционным объектам лингвистических исследований. Это закономерно, поскольку частицы – это класс функциональный, «это слова, для которых коммуникативно-прагматическая функция является единственной или основной» [Стародумова, 2002, с. 260]. Каждая из таких единиц нуждается в специальном изучении, позволяющем выявить своеобразие их значений и функций.

Функции частиц системно представлены в работах Е.А. Стародумовой. Исследователь выделяет коммуникативно-прагматические, коммуникативно-синтаксические, текстовые, конструирующие и стилистические функции [Стародумова, 1997]. Наименее изучены частицы в стилистическом аспекте, хотя их употребление в разных стилях рассматривалось многими лингвистами. Прежде всего частицы изучались в основной сфере своего бытования – в разговорной речи. Фундаментальным исследованием в этом отношении является монография Н.Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» [Шведова, 1960]. Наиболее подробное описание функционирования частиц в художественном тексте содержится в монографии Е.А. Иванчиковой, где проведено наблюдение над частицами в прозе Ф.М. Достоевского в связи с особенностями синтаксической композиции художественного текста [Иванчикова, 1979]. Использование отдельных частиц в художественном тексте рассматривается и в ряде других исследований (см., например: [Бирюкова, 2007; Гурьева, 1991; Токарчук, 2010]).

В центре нашего внимания находятся вопросительные высказывания с частицей *ли*, не раз становившиеся объектом изучения в лингвистике. Учеными выделены типы воп-

росов с точки зрения синтаксиса, семантики, прагматики [Баранов, Кобозева, 1983; Дастамуз, 2013; Распопов, 1955; Шатуновский, 2008]. При этом специальных стилистических исследований *ли*-вопросов до сих пор не проводилось.

Материалом для нашей работы послужили вопросительные высказывания с частицей *ли*, функционирующие в драматических и прозаических произведениях М. Булгакова и М. Горького. Всего проанализировано около 800 употреблений частицы *ли* в 37 драматических и 21 прозаическом произведениях. Фактический материал рассматривался как единый массив фактов, его систематизация проведена с учетом дифференциации функций вопросительных предложений, представленной в «Русской грамматике» [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 393–396].

Характеристики *ли*-вопросов, общие для произведений М. Булгакова и М. Горького

Вопросительные высказывания имеют первичные (получение ответа) и вторичные (непосредственное сообщение о чем-либо) функции [Русская грамматика, 1980, т. 2, с. 394]. В **первичных** функциях частица *ли* оформляет вопросительное высказывание в целом (общевопросительная функция) либо выделяет то слово, которое называет предмет вопроса (частновопросительная функция). При этом чаще данная частица используется в общевопросительных высказываниях.

Ли-вопросы допускают утвердительный и отрицательный ответы, но в ответах могут находиться новые сведения о чем-либо, имеющие характер уточнения или объяснения ответа-подтверждения или ответа-отрицания, например:

(1) – Знаешь **ли** какой-либо язык, кроме арамейского?

– Знаю. Греческий (Булгаков, т. 9, с. 170).

Не ли-вопросы отличаются тем, что в них выражается предположительное значение:

(2) *Прокурор. Не шпион ли Чичиков? Не старается ли он что-нибудь разведать?* (Булгаков, т. 6, с. 137).

В произведениях М. Булгакова и М. Горького представлены две разновидности *ли*-вопросов с первичными функциями:

– нейтральный вопрос:

(3) – Знаешь **ли** грамоту?

– Да (Булгаков, т. 9, с. 170),

– вопрос, осложненный эмоциональными оттенками:

(4) *Геккерен. Грудь, грудь цела ли?* (Булгаков, т. 7, с. 287).

Частица *ли* в примере (4) подчеркивает озабоченность, тревогу говорящего.

Употребление частицы *ли* тесно связано с прагматическим намерением говорящего. В вопросительных высказываниях с первичными функциями распространены такие типичные выражения, как *верно ли*, *правда ли*, *точно ли*, *так ли*. Их целью является желание проверить достоверность сообщаемого:

(5) *Николай I. Верно ли*, что Геккерен нашептывал Пушкиной?

Дубельт. Верно, ваше величество (Булгаков, т. 7, с. 280).

В исследуемом материале зафиксирована особая разновидность вопроса – «отгаданный» вопрос:

(6) *Анна. Я хочу спросить вас и не могу... вы знаете, о чем я хочу спросить вас?..*

Лидия. Да. Пожалуй, знаю... Люблю ли я вашего мужа, – это? Нет (Горький, т. 6, с. 440).

В вопросительном высказывании посредством указательного местоимения *это* говорящий проверяет, правильно ли он понял собеседника, угадывает его вопрос и отвечает на него.

Среди *ли*-вопросов во **вторичных** функциях преобладают риторические вопросы, вопросы-побуждения и вопросы, которые имеют целью активизировать внимание.

В анализируемых текстах зафиксированы риторические вопросы и вопросы с модальными словами.

Риторические вопросы представлены двумя типичными их разновидностями:

– вопросы с фразеологизированной структурой:

(7) *Дон Кихот. Вам ли* это спрашивать, бакалавр? Для меня это долг чести! (Булгаков, т. 8, с. 276),

– вопросы с модальными словами *мочь*, *можно*, *нужно*, *сто́ит* и подобными:

(8) *Ольга Алексеевна. Могу ли* я быть спокойной, Варя? Он приехал из города, заглянул на минутку домой и исчез... (Горький, т. 6, с. 214).

Частица *ли* может оформлять вопрос, побуждающий к совершению или прекращению действия:

(9) *Чарнота (Кричит с галереи). Перестанешь ли* ты, турецкая морда, мне душу надрывать? (Булгаков, т. 5, с. 276).

В данном случае частица подчеркивает требование прекращения действия собеседника, показывает, что говорящий потерял всякое терпение.

Частица *ли* оформляет вопросы, которые имеют целью активизировать внимание. Для привлечения внимания адресата используются выражения *видишь ли*, *знаешь ли* и т. п., которые содержат адресатную форму глагола – второе лицо:

(10) – Знаете **ли** вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери?

– Виноваты, Антон Антонович! (Булгаков, т. 7, с. 194).

Другой способ привлечения внимания – использование вопросно-ответной конструкции:

(11) *Дон Кихот. Люди выбирают разные пути. ...Иду ли* я по одной из этих дорог? Нет! Я иду по крутой дороге рыцарства и презираю земные блага, но не честь! (Булгаков, т. 5, с. 280).

Существуют вопросы-побуждения с **гибридными** функциями, например, вопросительные высказывания с *не ли*, которые выражают просьбу говорящего. Такие высказывания можно квалифицировать по-разному, поскольку они совмещают первичную (ожидание ответа) и вторичную (просьба) функции:

(12) *Леди*. **Не** потрудитесь **ли** вы объяснить мне, что означала эта маленькая мизансцена, которую я застала? (Булгаков, т. 5, с. 186).

Характеристики *ли*-вопросов, различающие произведения М. Булгакова и М. Горького

В произведениях М. Булгакова в *не ли*-вопросах часто наблюдается осложнение частицей *уж*, которая показывает, что описываемая ситуация выходит за границы представления говорящего о возможном, и употребляется обычно для выражения неожиданности ситуации с точки зрения говорящего:

(13) *Сольский*. Не видно в двух шагах. Выходит, дело плоховато... **Уж не** забыли **ль** нас? (Булгаков, т. 7, с. 378).

В прозе М. Булгакова частица *ли* употребляется в особых вопросно-ответных построениях: говорящий задает вопрос и сам на него отвечает, чтобы обратить внимание условного, неконкретного собеседника:

(14) **Уж не** пожар **ли** это в Старом Лувре? Нет, это тысячи свечей горят в люстрах Гвардейского зала, и в свете их оживают неподвижные кариатиды (Булгаков, т. 6, с. 363).

Вопрос с комплексом частиц *уж, не ли* применяется автором для наглядного представления ситуации.

В прозе М. Булгакова частица *ли* используется также в вопросе, который обращен к читателю с целью активизировать его внимание.

(15) Приходилось **ли** вам когда-либо читать пьесу один на один кому-нибудь? Это очень трудная вещь, уверяю вас (Булгаков, т. 8, с. 142).

В произведениях М. Булгакова вопросительные высказывания с *ли* и *не ли* главным образом являются простыми предложениями, среди которых наблюдаются и вопросы, образованные от невопросительных предложений, и вопросы, построенные по собственным синтаксическим образцам (инфинитивные предложения, предложения фразеологизированной структуры). Кроме того, *ли*-вопросы (*не ли*-вопросы) в некоторых случаях входят в состав сложного бессоюзного предложения.

Таким образом, у М. Булгакова синтаксис вопросов «классический», каких-либо отклонений не наблюдается.

Специфика употребления частицы *ли* в произведениях М. Горького ярко проявляется в синтаксическом и пунктуационном оформлении высказывания.

Частотно синтаксическое оформление вопросительных высказываний – бессоюзные сложные предложения определенных типов: предложения с незамещенной синтаксической позицией в двух разновидностях – изъяснительные и предложения с опосредованным изъяснением. Отмечены также предложения с пояснением, со значением причины и следствия. Приведем примеры:

– бессоюзные предложения с изъяснительным значением:

(16) Приходилось думать сразу о многом, и нужно было сейчас же решить: так **ли** он поступил, как следовало? (Горький, т. 16, с. 531);

– бессоюзные предложения с опосредованными изъяснительными отношениями (термин Е.Н. Ширяева [Ширяев, 1984]). В нашем материале обнаруживаются предложения с вопросительной частью, имеющие семантическую особенность – наличие отношений цели (в вопросе выражена цель действия субъекта):

(17) Бабушка присела отдохнуть, а я зашел за деревья – нет **ли** еще гриба? (Горький, т. 13, с. 247).

Вопросительная часть примера (17) передает следующий смысл: «Зашел за деревья, чтобы посмотреть, нет ли еще гриба». Частица *ли* вносит оттенок заинтересованности.

– Вопросительные бессоюзные высказывания со значением причины и следствия:

(18) – А конечно!.. Не ты наживал – тебе **ли** жалеть? (Горький, т. 4, с. 185);

– Вопросительные бессоюзные предложения с пояснительными отношениями:

(19) – И вот ныне я предлагаю тебе даже на выбор **два послушания**: хочешь **ли** ты в конторе сидеть, или – в келейники к отцу Антонию? (Горький, т. 8, с. 285).

Значение словосочетания *два послушания* поясняется вопросом с частицей *ли*, которая

выполняет в данном контексте и союзную функцию: *ли* – *или* выражает альтернативу.

Обращает на себя внимание использование вопросительных бессоюзных высказываний в романе «Жизнь Клима Самгина». В произведении такие предложения с частицей *ли* имеют свою специфику: в большинстве случаев они представлены как рефлексивные вопросы, которые являются основным синтаксическим способом передачи состояния героя. В романе вопрос такого типа в основном используется как форма выражения внутренней неуверенности, например:

(20) Клим долго, напряженно искал в себе: являлось ли у него сожаление, о котором догадывается Лидия? (Горький, т. 19, с. 175).

(21) Когда рабочий ушел, он несколько минут стоял среди комнаты, сунув руки в карманы, решая: следует ли идти к Варваре? (Горький, т. 20, с. 99).

(22) В продолжение минуты он честно поискал: нет ли в прошлом чего-то, что Варвара могла бы поставить в вину ему? (Горький, т. 21, с. 168).

Выделенные слова в вопросах отражают колебание говорящего, что соответствует значению частицы *ли*.

Особенности пунктуации в предложениях с частицей *ли* в текстах произведений М. Горького заключаются в наличии авторского тире, которое в основном ставится в двух случаях: в таких синтаксических условиях, где этот знак не регламентирован; для усиления позиции знака препинания.

В первом случае тире ставится, в частности, между главными членами предложения:

(23) Федосья. Сонюшка, Андрюша-то Рязанов – жив ли? (Горький, т. 12, с. 16).

Как считает Н.С. Валгина, авторское тире в такой позиции обозначает актуальное членение [Валгина, 2004, с. 191].

Не регламентированное правилами тире может также появиться после союзов, частиц, наречных слов [Шапиро, 1955, с. 338]. В нашем материале такие случаи зафиксированы. Например:

(24) Софья. О! Я хочу спасти вашего сына... Может быть, это научит меня помочь моим детям... Но – могу ли я? Сумею ли? (Горький, т. 12, с. 38).

С одной стороны, говорящий хочет спасти сына собеседника, с другой стороны, говорящий затрудняется это сделать. Тире усиливает такое противопоставление. Последовательное употребление частицы *ли* подчеркивает затруднение и неуверенность спрашивающего.

Во втором случае авторская индивидуальность проявляется в усилении позиции знака препинания, когда тире вытесняет запятую для повышения экспрессивности вопроса. Например:

(25) – Подкидыш ты народный! Понимаешь ли – о ком говоришь? Вот вы все так, гордионы, дармоеды и грабители земли, не знаете, на кого лаеете, паршивые псы! (Горький, т. 8, с. 333).

Авторского употребления знаков препинания в произведениях М. Булгакова не отмечено.

Выводы

1) Исследование демонстрирует многофункциональность вопросительных высказываний с частицей *ли*. Вопросы имеют различное синтаксическое оформление и обнаруживают отнесенность к разным функционально-семантическим типам. Прагматические возможности вопросных конструкций реализуются при употреблении их в конкретной речевой ситуации.

2) Вопросительные высказывания с частицей *ли* (*не ли*) могут выполнять первичные, вторичные, а также гибридные функции (совмещение первичной и вторичной функций).

3) Частица *ли* обладает большими возможностями использования: уточнение смысла вопроса, усиление различных прагматических значений, участие в формировании конструкций особого синтаксического типа и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., Кобозева И. М., 1983. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 42, № 3. С. 263–274.
- Бирюкова О. А., 2007. Семантико-прагматические функции и стилистические возможности частиц в художественном тексте (на материале прозы С. Довлатова): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток. 207 с.

- Валгина Н. С., 2004. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М. : Высшая школа. 259 с.
- Гурьева Н. Н., 1991. Текстовые функции частицы *вот* (на материале «Сказок» М.Е. Салтыкова-Щедрина) // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе : Материалы 4-й Тверской межвуз. конференции молодых ученых-филологов и школьных учителей. Тверь : Тверской государственный университет. С. 62–64.
- Дастамуз С., 2013. Коммуникативные свойства инфинитивных вопросительных предложений с частицей *ли* // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 2. С. 142–148.
- Иванчикова Е. А., 1979. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М. : Наука. 287 с.
- Николаева Н. М., 1985. Функции частиц в высказывании. М. : Наука. 167 с.
- Распопов И. П., 1955. К вопросу о частицах в современном русском языке (частица *ли*) // Русский язык в школе. № 6. С. 17–19.
- Русская грамматика, 1980. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука. Т. 2. 710 с.
- Стародумова Е. А., 1997. Русские частицы. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та. 68 с.
- Стародумова Е. А., 2002. Частицы русского языка: разноаспектное описание. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та. 291 с.
- Токарчук И. Н., 2010. Функционирование частиц в художественном тексте (К вопросу о стилистическом приеме и идиостиле) // Мир русского слова. № 4. С. 66–71.
- Шапиро А. Б., 1955. Основы русской пунктуации. М. : Изд-во Академии Наук СССР. 398 с.
- Шатуновский И. Б., 2008. Общие (полные) вопросы в русском языке // Динамические модели: слово, предложение, текст. М. : Изд-во ЯСК. С. 896–927.
- Шведова Н. Ю., 1960. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М. : Изд-во Академии наук СССР. 377 с.
- Ширяев Е. Н., 1984. Основы системного описания бессоюзных сложных предложений // Вопросы языкознания. № 1. С. 55–66.
- Seriya literatury i yazyka*, vol. 42, no. 3, pp. 263-274.
- Biryukova O.A., 2007. *Semantic and pragmatic functions and stylistic functions of particles in the literary text (based on the prose by S. Dovlatov)*. Cand. philol. sci. diss. Vladivostok. 207 p.
- Valgina N.S., 2004. *Pressing problems of modern Russian punctuation*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 259 p.
- Guryeva N.N., 1991. Text functions of the particle *vot* (based on the material of *The Fairy Tales* by M.E. Saltykov-Shchedrin). *Aktualnye problemy filologii v vuze i shkole: Materialy 4-y Tverskoy mezhvuz. konferentsii molodykh uchennykh-filologov i shkolnykh uchiteley*. Tver, Izd-vo TGU, pp. 62-64.
- Dastamuz S., 2013. Communicative attributes of infinitive interrogative sentences with the particle *li*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Philology], no. 2, pp. 142-148.
- Ivanchikova E.A., 1979. *Syntax of Dostoevsky's artistic prose*. Moscow, Nauka Publ. 287 p.
- Nikolaeva T.M., 1985. *Functions of particles in the utterance*. Moscow, Nauka Publ. 167 p.
- Raspopov I.P., 1955. On the problem of particles in modern Russian (particle *li*). *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 6, pp. 17-19.
- Shvedova N.Yu., ed., 1980. *Russian grammar*. Moscow, Nauka Publ., vol. 2. 710 p.
- Starodumova E.A., 1997. *Russian particles*. Vladivostok, Izd-vo Dalnevost. un-ta. 68 p.
- Starodumova E.A., 2002. *Particles of the Russian language: a multidimensional description*. Vladivostok, Izd-vo Dalnevost. un-ta. 291 p.
- Tokarchuk I.N., 2010. Functioning of particles in the literary text (on the issue of stylistic device and idiosyle). *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 4, pp. 66-71.
- Shapiro A.B., 1955. *Basics of Russian punctuation*. Moscow, Izd-vo Akademii Nauk SSSR. 398 p.
- Shatunovskiy I.B., 2008. General (full) questions in Russian. *Dinamicheskie modeli: slovo, predlozhenie, tekst*, Moscow, YASK Publ., pp. 896-927.
- Shvedova N.Yu., 1960. *Essays on the syntax of Russian colloquial speech*. Moscow, Izd-vo Akademii Nauk SSSR. 377 p.
- Shiryayev E.N., 1984. Basics of systematic description of conjunctionless complex sentences. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 1, pp. 55-66.

ИСТОЧНИКИ

- Булгаков – Собрание сочинений : в 10 т. М. : Голос, 1995–2000.
- Горький – Полное собрание сочинений : в 30 т. М. : ГОСЛИТИЗДАТ, 1949–1955.

REFERENCES

- Baranov A.N., Kobozeva I.M., 1983. Semantics of general questions in the Russian language (the category of attitude). *Izvestiya AN SSSR*.

SOURCES

- Bulgakov M.A. *Collected works. In 10 vols*. Moscow, Golos Publ., 1995-2000.
- Gorky M. *Complete works. In 30 vols*. Moscow, GOSLITIZDAT Publ., 1949-1955.

Information about the Author

Jiang Wei, Postgraduate Student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University, OPS Russkiy-2, 690922 Vladivostok, Russia, tszyan.wei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4334-1203>

Информация об авторе

Цзян Вэй, аспирант кафедры русского языка и литературы, Дальневосточный федеральный университет, ОПС Русский-2, 690922 г. Владивосток, Россия, tszyan.wei@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4334-1203>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.19>

UDC 811.161.1'355
LBC 81.411.2-1

Submitted: 18.05.2018
Accepted: 24.06.2018

ACCENT STRUCTURE VARIATION IN ADJECTIVES ENDING IN *-ОВЫЙ*

Aleksey A. Abyzov

Ivanovo State Polytechnic University, Ivanovo, Russia

Yuliya N. Zdorikova

Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russia

Abstract. The paper focuses on the specificity of functioning of a group of adjectives ending in *-овый* that are differently accentuated in the modern Russian language. Based on the concept of indispensable link between the norm and its variation, a two-stage experiment has been conducted, the results of which make it possible to characterize the specificity of accent variants given in orthoepic dictionaries and used in speech by native speakers of the Russian language. Test group of adjectives ending in *-овый* are considered from the viewpoint of their accentuation in reference books, and a comparative analysis of accentual options of lexical items is carried out on the basis of three orthoepic dictionaries of the Russian language. Various ways of correlation between the adjective alternants in the context are identified: 1) equal; 2) basic /acceptable; 3) stylistically different; 4) semantically different. The main conclusions are drawn about the wide degree of accent variation types, and consequently, on the dynamics of the accent norm in the given test group of lexical items. Both cases of complete coincidence and inconsistency of alternants in the analyzed reference book sources are indicated. The observations over the peculiarities of functioning of the considered adjectives in the student discourse, obtained as a result of the analysis of the students' survey, are also systematized. In general, we may conclude that students observe the accent norms when using the mentioned lexical items in speech.

Key words: pronunciation, norm of pronunciation, language norm, variation, orthoepic dictionary, accentual word structure, students' discourse, the Russian language.

Citation. Abyzov A.A., Zdorikova Yu.N. Accent Structure Variation in Adjectives Ending in *-овый*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 181-188. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.19>

УДК 811.161.1'355
ББК 81.411.2-1

Дата поступления статьи: 18.05.2018
Дата принятия статьи: 24.06.2018

ВАРИАТИВНОСТЬ АКЦЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА (НА ПРИМЕРЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ НА *-ОВЫЙ*)

Алексей Алексеевич Абызов

Ивановский государственный политехнический университет, г. Иваново, Россия

Юлия Николаевна Здорикова

Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия

Аннотация. В статье приводятся наблюдения над особенностями функционирования в современном русском языке группы прилагательных на *-овый*, имеющих разнообразные акцентные варианты. С опорой на положение о неразрывной связи языковой нормы и ее вариативности проведен двухэтапный эксперимент, результаты которого позволили охарактеризовать специфику отражения акцентных вариантов в орфоэпических словарях и речевой практике носителей русского языка. Рассмотрены словарные фиксации ударения в контрольной группе прилагательных на *-овый*, проведен сравнительный анализ акцентных вариантов

лексем по трем современным орфоэпическим словарям. Выявлены разные типы соотношения вариантов прилагательных на *-овый*: равноправные, основной / допустимый, различающиеся стилистически и по значению. Сделаны выводы о широкой степени вариативности акцентных типов слов и, как следствие, о подвижности акцентной нормы в контрольной группе лексем. Указаны случаи как полного, так и неполного совпадения вариантов в анализируемых словарных источниках. Систематизированы наблюдения над особенностями функционирования рассматриваемых прилагательных на *-овый* в студенческом дискурсе, полученные в ходе изучения результатов опроса студентов. Сделаны выводы о соблюдении акцентологических норм при использовании указанных лексем в речи студентов.

Ключевые слова: орфоэпия, орфоэпическая норма, языковая норма, вариативность, орфоэпический словарь, акцентная структура слова, речь студентов, русский язык.

Цитирование. Абызов А. А., Здорикова Ю. Н. Вариативность акцентной структуры слова (на примере прилагательных на *-овый*) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 181–188. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.19>

Языковая норма и вариативность

Современная орфоэпическая система русского литературного языка (как, впрочем, и любого другого живого языка) характеризуется наличием большого количества производных вариантов, что отражено в орфоэпических словарях (Горбачевич; Каленчук и др.; Орфоэпический словарь; Резниченко) и исследованиях (см., например: [Вербицкая, 2001; Костомаров, 2014]). В языкознании вариативность, или способность к постоянным изменениям, рассматривается в качестве одного из основных свойств любого естественного языка [Vishnevskaya, 2000], причем оно не является изолированным, а представляет собой способ «существования и функционирования всех без исключения единиц языка», обнаруживающий «специфические черты в пределах каждого уровня» [Солнцев, 1984, с. 31]. В этой связи центральными в исследованиях многих ученых-лингвистов в последнее время стали вопросы вариативности языковой нормы, прежде всего на фонетическом уровне.

По мнению многих исследователей, вариативность является следствием эволюции языка и связана с его историческим характером [Вербицкая, 2001, с. 26; Горбачевич, 1978, с. 3; Солнцев, 1984, с. 31]. Именно через варианты осуществляется развитие нормы [Едличка, 1976, с. 31], и при оценке нормативности необходимо учитывать все отклонения (варианты) [Вишневская, Абызов, 2016, с. 96]. Нередко «старый» вариант сосуществует с «новым» в течение определенного промежутка времени. Так, по утверждению К.С. Гор-

бачевича, хронологическое соотношение «старый (традиционный) вариант – новый (входящий)» является основным внутренним отличием вариантов слова, а их распределение на оси времени – главным аспектом характеристики [Горбачевич, 1978, с. 206]. При этом «в языке, отрегулированном и узаконенном в качестве правильного, общего, можно видеть систему обязательных манифестаций – принятых единиц и правил их использования. Они рисуются одновременно как неподвижная данность и – за пределами непосредственного наблюдения – как процесс непрерывных точечных смен, по мере накопления которых возникают серьезные преобразования» [Костомаров, 2014, с. 16].

Являясь фундаментальным свойством языковой системы, вариативность присуща всем уровням языка. Исходя из их иерархии, лингвисты выделяют следующие классы вариантов: орфоэпические (фонетические: производные и акцентные), лексические, грамматические (морфологические: словоизменительные и словообразовательные, синтаксические), стилистические.

Каждый уровень при этом характеризуется разным проявлением вариативности. «Интересно, что язык не только в разные эпохи с разной скоростью развивается, но и в разных своих частях по-разному. Морфология, произношение, фонетика развиваются очень медленно. Мы даже говорим, что после Пушкина не произошло никаких особых изменений в русском языке, что это тот же язык. Но в лексике, в стилистике, отчасти в синтаксисе изменения, конечно, совершенно очевидны» [Встречи с Костомаровым..., 2015, с. 40]. При

этом на фонетическом ярусе количество допустимых нормой вариантов больше, чем на других уровнях [Шахбагова, 1992, с. 57]. Кроме того, в области орфоэпии система «практически целиком определяет норму» [Петрова, 2013, с. 84]. Поэтому в произношении есть понятие образца, идеала, который часто ориентирован на прошлое [Скворцов, 1980, с. 48].

В лингвистике существует проблема классификации вариантов на фонетическом уровне ввиду терминологических разногласий (один и тот же термин трактуется по-разному, за основу классификации берутся различные критерии). Наиболее полное определение орфоэпического варианта, на наш взгляд, приводится в работе Т.В. Левиной: под этим термином понимаются относительно регулярно воспроизводимые модификации звуковой и акцентной структур слова, существующие в пределах литературной нормы и характеризующиеся тождественностью значения [Левина, 2003, с. 57].

В орфоэпии различаются собственно фонетические (произносительные) и акцентные варианты. Если первый тип отражает особенности функционирования фонемной структуры слова, то второй – его акцентной структуры. Фонемная структура слова определяется количественным составом и последовательностью фонем, свойственным только данному слову в многообразии его морфологических видоизменений. Акцентная структура слова характеризуется количеством, качеством, взаиморасположением и степенью выделенности слогов в слове. При этом различия в степени ударения, последовательное распределение сильного и второстепенного ударения, различное количество ударений в слове создают акцентные типы слов [Левина, 2003, с. 57–58]. Иными словами, под акцентным типом слов понимаются особые структурные единицы фонетической системы языка, складывающиеся из различного количества ударений в слове и различий в проминантности слогов [Торсуев, 1977, с. 79–84]. Акцентная структура слова в пределах одного акцентного типа складывается из распределения ударений по слогам слова [Левина, 2003, с. 58]. В артикуляторном отношении акцентные структуры и типы представляют собой динамические стереотипы, прочно входящие в артикуляторную базу и характер-

ные для фонетического строя языка [Торсуев, 1960, с. 49–50].

В целом акцентные варианты представляют собой, как правило, тождественные в плане содержания разновидности одного и того же слова с разной акцентной структурой.

В данной работе предложено описание словарной фиксации ударения в прилагательных на *-овый* и экспериментальных данных об их акцентологических вариантах в дискурсе студентов. Таким образом в научный оборот вводится новый материал, что определяет новизну исследования. Его актуальность обусловлена слабой изученностью вариативности орфоэпической нормы современного русского языка, в частности вариантов акцентуации в названной группе лексем.

Методика проведения эксперимента

В современном русском языке вариативность ударения наблюдается и в прилагательных, заканчивающихся на *-овый*, таких как *митинговый*, *лозунговый*, *поисковый* и мн. др. Причем одни варианты в парах могут различаться по значению, а другие – соотноситься как основной и допустимый, в ряде случаев действуют запретительные нормы.

С целью описания словарной фиксации ударения в данной группе слов, а также их функционирования в студенческом дискурсе нами были отобраны 15 контрольных лексем, имеющих различные акцентные структуры и принадлежащих к разным акцентным типам: *сливовый*, *оптовый*, *минусовый*, *митинговый*, *лозунговый*, *подростковый*, *бочковый*, *бредовый*, *вересковый*, *ворсовый*, *громовый*, *кирзовый*, *поисковый*, *лавровый*, *языковый*.

Методика эксперимента включала два этапа. На первом, предшествовавшем опросу информантов, проводилась сравнительная проверка акцентологии указанных лексических единиц по авторитетным орфоэпическим словарям современного русского языка: «Большому орфоэпическому словарю русского языка» (Каленчук и др.), «Словарю ударений русского языка» (Резниченко), «Современному орфоэпическому словарю русского языка...» (Горбачевич). На втором этапе эксперимента проводился опрос информантов

(67 человек – студентов негуманитарных факультетов Ивановского государственного политехнического университета и Ивановского государственного химико-технологического университета) в возрасте от 17 до 20 лет.

Экспериментальная часть: данные словарей

С целью выявления всего многообразия существующих акцентных вариантов контрольных лексем мы обратились к трем вышеуказанным словарям. Они имеют своей целью «объективное фиксирование явлений, отражающих динамику языкового развития. Авторы современных орфоэпических словарей стремятся к более полному описанию особенностей ударения наших дней» [Здорикова, 2014, с. 28]. Например, в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» фиксируется «реальное многообразие сосуществующих в литературной речи вариантов произношения и ударения», «в качестве рекомендуемых норм приведены в первую очередь те варианты произношения, которые освящены традицией русского литературного языка как языка культуры, а из новых произносительных явлений отобраны те, которые не только достаточно широко распространены, но и отвечают внутренним тенденциям языкового развития» [Каленчук, Касаткин, Касаткина, 2012, с. 3].

По мнению ученых, акцентные нормы в русском языке относятся к наиболее неустойчивым, что объясняется достаточно низкой, по сравнению с сегментными средствами, их фонологической значимостью [Трофимова, 2013, с. 72]. Действительно, по сравнению, например, с английским языком, в русском ударение нефиксированное, свободное, а значит подвижное, хотя в обоих языках акцентуация в пределах фонематического слова носит динамический (силовой) характер. Для установления нормативности того или иного акцентного варианта необходимо тем не менее обращаться к лексикографическим источникам.

15 контрольных лексем (8 трехсложных и 7 четырехсложных структур с вариативными акцентными типами), послуживших материалом для исследования, представляют собой лексические единицы, в которых наблюдается акцентная вариативность, отмеченная

не менее чем двумя источниками. При отборе учитывались все типы вариативности: акцентная структура и акцентный тип слова, равнозначные и допустимые варианты, а также устаревшие, устаревающие, нерекомендуемые, неправильные акцентные формы. Принимая во внимание невысокий фонологический статус словесного ударения в русском языке [Трофимова, 2013, с. 72], допускающий вариативность, можно предположить, что по акцентной характеристике будут совпадать слова в тех лексикографических источниках, которые менее отдалены друг от друга по времени издания. В таблице 1 систематизирован собранный экспериментальный материал, по-разному отражающий колебания в системе русского словесного ударения на современном этапе.

Выводы

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о широкой вариативности акцентных типов слова и, следовательно, о подвижности акцентной нормы. В ряде случаев наблюдается наличие вариантов той или иной лексемы в одном или двух словарях и отсутствие в другом: *митинговый*, *лозунговый*, *подростковый*, *ворсовый (-ой)*, *поисковый*. По ряду акцентных вариантов обнаруживается полное совпадение: *сли́вовый*, *опто́вый*, *ве́ресковый*, *ла́вровый* и *лавро́вый*, *языково́й* и *языко́вый* (в двух последних парах слов, представленных в таблице, разные акцентные типы выполняют дистинктивную функцию по семантическому признаку).

При общем совпадении пар акцентных вариантов, например, по слову *минусовый*, один из словарей фиксирует варианты *ми́нусовый* и *минусо́вый*, которые соотносятся как основной и допустимый (Горбачевич, с. 165). В одном из лексикографических источников фиксируются как правомерные оба акцентных типа слова *лозунговый* (Резниченко, с. 318), а в другом – вариант *ло́зунговый* выступает как единственно возможный, а вариант *лозунго́вый* приводится с запретительной пометой (Горбачевич, с. 155).

Встречаются случаи разновариантных основных акцентных типов слов (*бочково́й* и *бо́чковый*). Наблюдаются и стилистичес-

Таблица 1

Вариативность акцентной нормы словесного ударения (по материалам орфоэпических словарей современного русского литературного языка)

Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI в.: норма и ее варианты	Словарь ударений русского языка	Современный орфоэпический словарь русского языка. Все трудности произношения и ударения
<i>Сли́вовый</i> (!не рек. <i>сливо́вый</i>)	<i>Сли́вовый</i>	<i>Сли́вовый</i> (!не рек. <i>сливо́вый</i>)
<i>Опто́вый</i> (!неправ. <i>опто́вый</i>)	<i>Опто́вый</i> . «Неудивительно, если вы произносите данное слово по-иному. Норма ударения в нем изменялась, и в старинных словарях можно встретить даже <i>оптовой</i> ».	<i>Опто́вый</i> (!неправ. <i>опто́вый</i>)
<i>Ми́нусовый</i> и <i>минусо́вый</i>	<i>Ми́нусовый</i> и <i>минусо́вый</i>	<i>Ми́нусовый</i> (!допуст. <i>минусо́вый</i>)
Слово отсутствует	<i>Митинго́вый</i>	<i>Митинго́вый</i> (!устаревающ. <i>ми́тинговый</i>)
Слово отсутствует	<i>Лозунго́вый</i> и <i>лозунго́вый</i>	<i>Лозунго́вый</i> (!не рек. <i>лозунго́вый</i>)
Слово отсутствует	<i>Подрóстковый</i> и <i>подрóстко́вый</i>	<i>Подрóстковый</i> (!допуст. <i>подрóстко́вый</i>)
<i>Бо́чковый</i> (!допуст. <i>бо́чковый</i>)	<i>Бо́чковый</i>	<i>Бо́чковый</i> (!допуст. <i>бочко́вый</i>)
<i>Бредо́вый</i> (!у медиков <i>бредо́вой</i>)	<i>Бредо́вой</i> и <i>бредо́вый</i>	<i>Бредо́вый</i> (!допуст. <i>бредо́вой</i>)
<i>Ве́ресковый</i> (!не рек. <i>вереско́вый</i>)	<i>Ве́ресковый</i>	<i>Ве́ресковый</i> (!не рек. <i>вереско́вый</i>)
<i>Ворсо́вый</i> и <i>ворсо́вой</i> (!не рек. <i>ворсо́вый</i>)	<i>Ворсо́вой</i> и <i>ворсо́вый</i>	Слово отсутствует
<i>Громо́вой</i> (!допуст. старш. <i>громо́вый</i>)	<i>Громо́вой</i> и <i>громо́вый</i>	<i>Громо́вой</i> (!устарелое <i>громо́вый</i>)
<i>Кирзо́вый</i> (!допуст. <i>кирзо́вый</i>)	<i>Кирзо́вый</i> и <i>кирзо́вый</i>	<i>Кирзо́вый</i> (!допуст. <i>кирзо́вый</i>)
Слово отсутствует	<i>По́исковый</i> и <i>поиско́вый</i>	<i>Поиско́вый</i> (!устаревающ. <i>по́исковый</i>)
<i>Лавро́вый</i> и <i>лавро́вый</i>	<i>Лавро́вый</i> и <i>лавро́вый</i>	<i>Лавро́вый</i> (<i>ро́ща</i>) и <i>лавро́вый</i> (<i>ли́ст</i>)
<i>Языко́вой</i> и <i>языко́вый</i>	<i>Языко́вой</i> и <i>языко́вый</i>	<i>Языко́вой</i> (<i>речь</i>) и <i>языко́вый</i> (<i>ко́лбаса</i>)

кие акцентные типы: *бредо́вой* (!у медиков) и *бредо́вый*. Ряд вариантов имеет помету «устарелый»: *громо́вый*, в то время как вариант *ми́тинговый* имеет обозначение «устаревающий», демонстрируя динамику нормы (Горбачевич, с. 166). Многие лексемы приводятся с запретительными пометами: *сливо́вый*, *опто́вый*, *лозунго́вый*, *вереско́вый*, *ворсо́вый*.

Следует отметить, что в двух лексикографических источниках (Горбачевич; Каленчук и др.) приводится большая градация вариантов акцентных типов. По-видимому, наблюдаемая широкая вариативность акцентной нормы не в последнюю очередь обусловлена свободным характером словесного ударения в современном русском языке.

**Экспериментальная часть:
результаты анкетирования студентов**

На втором этапе эксперимента 15 лексем были предъявлены 67 информантам для акцентологического анализа, результаты которого представлены в таблице 2.

Выводы

Проведенный в студенческой среде эксперимент свидетельствует о еще большей вариативности функционирования акцентных типов указанных лексем, о существовании как нормативных реализаций, так и маргинальных акцентных вариантов. У некоторой части студентов вызвала затруднение акцентуация в ряде лексем (*сливовый*, *громовой*), либо не была отмечена вовсе (*вересковый*, *ворсовый*, *кирзовый*). Маргинальные реализации типа *языкувой*, *язымковый* и др. следует рассматривать в рамках статистической погрешности.

Заключение

Выявленная в ходе исследования акцентной нормы русских прилагательных на *-овый* тенденция к вариативности подтверждает тезис о динамическом, развивающемся характере языковой системы. При этом вариативность акцентных структур предоставляет говорящему большие возможности выбора той или иной произносительной модели, что мо-

**Результаты функционирования акцентных типов 15 контрольных лексем
на -овый в дискурсе студентов**

Контрольные лексемы	Результаты анкетирования студентов
сливовый	сли́вовый 53, сливо́вый 13, затрудн. 1
оптовый	опто́вый 19, оптов́ый 47, оптовый 1
минусовый	ми́нусовый 18, минусо́вый 42, оба вар. 7
митинговый	ми́тинговый 55, митинго́вый 11, митинговый 1
лозунговый	лозу́нговый 53, лозунго́вый 13, лозунговый 1
подростковый	подро́стковый 36, подро́стко́вый 33
бочковой	бочко́вый 4, бо́чковый 50, бочко́вый 13
бредовый	бредо́вый 2, бредо́вый 62, бредо́вый 3
вересковый	ве́ресковый 41, вереско́вый 20, вереско́вый 5, затрудн. 1
ворсовый	во́рсовый 58, ворсо́вый 11
громовой	громо́вой 28, громо́вый 10, гро́мовый 27, затрудн. 2
кирзовый	ки́рзовый 50, кирзо́вый 17
поисковый	пои́сковый 35, поиско́вый 31, пойсковский 1
лавровый	лаво́ровый: ро́ца 11, ча́ца 1, поче́сти 2, расте́льность 2, ве́нок 6, лавро́вый: ли́ст 63, ве́нок 1, проду́кт 1
языковой	языко́вый: ба́рьер 47, норма 6, лаге́рь 1, сти́ль 1, ву́з 1, обо́рот 1, языко́вый: студе́нь 3, колбаса 39, мы́шца 2, руле́т 1, нерв 1, отде́л 1, сти́ль 1, языко́вой 1, языко́вый 1

жет стать весьма релевантным в дальнейшем для кодификации в лексикографических источниках новых вариантов акцентной нормы слов в русском языке (в данном случае прилагательных на -овый).

Из анализа полученных экспериментальных данных следует, что большинство студентов высших учебных заведений соблюдают нормы акцентуации в русских прилагательных на -овый, выбирая либо основной, либо допустимый акцентные варианты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вербицкая Л. А., 2001. Давайте говорить правильно. М. : Высшая школа. 239 с.

Вишневская Г. М., Абызов А. А., 2016. Канадский языковой разлом (англо-французский билингвизм). Иваново : ИВГПУ. 200 с.

Встречи с Костомаровым..., 2015. Встречи с Костомаровым. К юбилею русиста: ученого, педагога, учителя : Избранные выступления и интервью В.Г. Костомарова, основателя и Президента Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. 76 с.

Горбачевич К. С., 1978. Вариантность слова и языковая норма. Л. : Наука. 240 с.

Едличка А., 1976. Проблематика нормы и кодификации литературного языка в отношении к типу литературного языка // Проблемы нор-

мы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах : докл. на IV заседании Междунар. комис. по слав. лит. яз. / под ред. чл.-кор. АН СССР Ф.П. Филина и проф. А.И. Горшкова. М. : Наука. С. 16–39.

Здорикова Ю. Н., 2014. Вариативность современной орфоэпической системы русского языка и кодификация // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. № 6. С. 27–30.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф., 2012. От авторов // Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / под ред. Л. Л. Касаткина. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. С. 3.

Костомаров В. Г., 2014. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб. : Златоуст. 220 с.

Левина Т. В., 2003. Эволюционные процессы в орфоэпической норме современного английского языка. Владимир : Изд-во ВГПУ. 125 с.

Петрова Т. А., 2013. Вариативность нормы как способность к сохранению актуальности языковой единицы // Естественно-гуманитарные исследования. № 1. С. 84–88.

Скворцов Л. И., 1980. Теоретические основы культуры речи. М. : Наука. 352 с.

Солнцев В. М., 1984. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. № 2. С. 31–42.

Торсуев Г. П., 1960. Вопросы акцентологии современного английского языка. М. ; Л. : АН СССР. 92 с.

- Торсуев Г. П., 1977. Константность и вариативность в фонетической системе. М. : Наука. 125 с.
- Трофимова Е. Б., 2013. Пространство нормы словесного акцента в русском языке // Мир лингвистики и коммуникации. № 4 (33). С. 72–83.
- Шахбагова Д. А., 1992. Фонетическая система в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). М. : Фоллис. 284 с.
- Vishnevskaya G. M., 2000. Phonetic Variation, the Pronunciation Norm of English and the Russian Learner // Фонетическая вариативность: билингвизм и диглоссия : Межвуз. сб. науч. тр. Иваново : Иван. гос. ун-т. С. 67–73.
- Edlichka A., 1976. Problems of the norm and codification of the literary language in relation to its type. Gorshkov A.I., ed. *Problemy normy v slavyanskikh literaturnykh yazykakh v sinkhronnom i diakhronnom aspektakh: Dokl. na IV zasedanii Mezhdunar. komis. po slav. lit. yaz.* Moscow, Nauka Publ., pp. 16-39.
- Zdorikova Yu.N., 2014. Variability of modern Russian orthoepic system and codification. *Vestnik gumanitarnogo fakulteta Ivanovskogo gosudarstvennogo khimiko-tekhnologicheskogo universiteta*, no. 6, pp. 27-30.
- Kalenchuk M.L., Kasatkin L.L., Kasatkina R.F., 2012. Authors' word. *Big orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress of the beginning of the 21st century: the norm and its alternants.* Moscow, AST-PRESS Publ. p. 3.
- Kostomarov V.G., 2014. *The language of the current moment: the concept of correctness.* Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 220 p.
- Levina T.V., 2003. *Evolutionary processes in the orthoepic norm of modern English.* Vladimir, VGPU Publ. 125 p.
- Petrova T.A., 2013. The variance of the norm as the ability to maintain the relevance of language unit. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, no. 1, pp. 84-88.
- Skvortsov L.I., 1980. *Theoretical basics of speech culture.* Moscow, Nauka Publ. 352 p.
- Solntsev V.M., 1984. Variation as a general property of the language system. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 31-42.
- Torsuev G.P., 1960. *Questions of the accentology of modern English.* Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ. 92 p.
- Torsuev G.P., 1977. *Consistency and variation in the phonetic system.* Moscow, Nauka Publ. 125 p.
- Trofimova E.B., 2013. The sphere of the Russian stress norm. *Mir lingvistiki i kommunikatsii* [World of Linguistics and Communication], no. 4 (33), pp. 72-83.
- Shakhbagova D.A., 1992. *Phonetic system in diachrony and synchrony (on the material of the British, American, Australian, Canadian variants of the English language).* Moscow, Follis Publ. 284 p.
- Vishnevskaya G.M., 2000. Phonetic variation, the pronunciation norm of English and the Russian learner. *Foneticheskaya variativnost: bilingvizm i diglossiya. Mezhevuz. sb. nauch. tr.* Ivanovo, Izd-vo IGU, pp. 67-73.

СЛОВАРИ

- Горбачевич – Горбачевич К. С. Современный орфоэпический словарь русского языка. Все трудности произношения и ударения: ок. 12000 заголовочных единиц. М. : Астрель : АСТ, 2010. 476 с.
- Каленчук и др. – Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с.
- Орфоэпический словарь – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. Изд. 3-е. М. : Русский язык, 1987. 704 с.
- Резниченко – Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 944 с.

REFERENCES

- Verbitskaya L.A., 2001. *Let's talk correctly.* Moscow, Vysshaya shkola Publ. 239 p.
- Vishnevskaya G.M., Abyzov A.A., 2016. *Canadian language rift (Anglo-French bilingualism).* Ivanovo, IVGPU Publ. 200 p.
- Meetings with Kostomarov. To the jubilee of a specialist in Russian philology: a scholar and a teacher. Selected speeches and interviews of V.G. Kostomarov, founder and President of the State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin.* Moscow, Izd-vo gos. un-ta russ. yazyka im. A.S. Pushkina, 2015. 76 p.
- Gorbachevich K.S., 1978. *Word variation and the language norm.* Leningrad, Nauka Publ. 240 p.

DICTIONARIES

- Gorbachevich K.S., 2010. *Modern pronunciation dictionary of the Russian language. All difficulties of pronunciation and stress: approx. 12,000 head words*. Moscow, Astrel Publ. 476 p.
- Kalenchuk M.L., Kasatkin L.L., Kasatkina R.F., 2012. *Big orthoepic dictionary of the Russian language. Literary pronunciation and stress*

of the beginning of the 21st century: the norm and its alternants. Moscow, AST-PRESS Publ. 1008 p.

- Avanesov R.I., ed., 1987. *Orthoepic Dictionary of the Russian language: Pronunciation, stress, grammatical forms*. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 704 p.
- Reznichenko I.L., 2008. *Dictionary of accents of the Russian language*. Moscow, AST-PRESS Publ. 944 p.

Information about the Authors

Aleksey A. Abyzov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Ivanovo State Polytechnic University, 8 Marta St., 20, 153037 Ivanovo, Russia, axxel68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0691-8184>

Yuliya N. Zdorikova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of the Russian Language, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Prosp. Sheremetevskiy, 7, 153000 Ivanovo, Russia, ulia_zdor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6124-8251>

Информация об авторах

Алексей Алексеевич Абызов, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Ивановский государственный политехнический университет, ул. 8 Марта, 20, 153037 г. Иваново, Россия, axxel68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0691-8184>

Юлия Николаевна Здорикова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, Ивановский государственный химико-технологический университет, просп. Шереметевский, 7, 153000 г. Иваново, Россия, ulia_zdor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6124-8251>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.20>

UDC 81'42:791
LBC 81.055.1

Submitted: 18.05.2018
Accepted: 14.06.2018

INTRALINGUAL CONNECTION BETWEEN THE NOVEL TEXT AND ITS FILM ADAPTATION: THE EMOTIONAL ASPECT

Ekaterina V. Nesmachnova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. This paper is devoted to studying intralingual connection between the novel text and its film adaptation: explication means of an emotional condition of the main character of the novel *Perfume: The Story of a Murderer* (Patrick Süskind. *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*) by P. Süskind and its German-language version with the same name directed by Tom Tykwer are analyzed. The object of the research is the verbal and non-verbal means of emotion explication associated with the implementation of the 'smell' concept that is a basic one in this novel. As a result of a comparative analysis of the novel fragments and the corresponding film action, it is established that when the film version is created, the original literary text is transformed, which actualizes the possibilities of non-verbal communication: the verbal series is supplemented with audio and visual content. It is shown that the revealed transformations change the emotional space of the literary text: hatred, which is the dominant of the emotional state of the main character in the novel, is replaced in the film version by positive (tenderness, love) and unintentionally negative (sadness, regret) emotions. Cinematographic tools selected for intralingual translation shift the focus of the character's perception expanding and changing his psychological portrait in the movie; positive emotions "humanize" the central character causing compassion in the viewer.

Key words: text, film text, emotions, film adaptation, transformation, verbal communication, nonverbal communication.

Citation. Nesmachnova E.V. Intralingual Connection Between the Novel Text and Its Film Adaptation: the Emotional Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 189-194. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.20>

УДК 81'42:791
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 18.05.2018
Дата принятия статьи: 14.06.2018

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ИНТРАЯЗЫКОВОЙ СВЯЗИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИИ: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Екатерина Владимировна Несмачнова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению интраязыковой связи художественного текста и его экранизации: анализируются средства экспликации эмоционального состояния главного героя романа П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» (Patrick Süskind. *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*) и немецкоязычной версии одноименного фильма режиссера Тома Туквера (Tom Tykwer). Объектом исследования выступают вербальные и невербальные средства выражения эмоций, которые в сознании главного героя неизменно связаны с запахами. В результате сопоставительного анализа фрагментов романа и соответствующих им киноцен установлено, что при создании киноверсии происходит трансформация исходного литературного текста, актуализирующая возможности невербальной коммуникации: вербальный ряд дополнен аудио- и визуальным содержанием. Показано, что выявленные трансформации изменяют эмотивное пространство художественного текста: ненависть как доминанта эмоционального состояния глав-

ного героя в романе заменяется в киноверсии положительными (нежность, любовь) и неинтенсивными отрицательными (скорбь, грусть, сожаление) эмоциями. Кинотекстовые средства, избранные для интраязыкового перевода, смещают фокус восприятия персонажа, расширяя и изменяя его психологический портрет в кинофильме; положительные эмоции «очеловечивают» героя, вызывая сострадание у зрителя.

Ключевые слова: текст, кинотекст, эмоции, экранизация, трансформация, вербальная коммуникация, невербальная коммуникация.

Цитирование. Несмачнова Е. В. Особенности выражения интраязыковой связи литературного произведения и его экранизации: эмоциональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 189–194. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.20>

Кино и литература: специфика взаимосвязи

В эпоху глобализации и технического прогресса визуализация современной культуры стала отражением стремления к скорости и полноте восприятия. Книга уходит на второй план в дискурсе развлечений, ее вытесняют кинофильмы и медиатексты. Кинематограф и телевидение служат источниками большинства цитат, крылатых выражений и клише, функционирующих в повседневной коммуникации. Социокоммуникативное пространство представляет собой сложную систему, в которой «сохраняются и транслируются знаки культуры» [Митягина, 2007, с. 104]. При этом, по словам В.А. Митягиной, культура проявляет себя как феномен коммуникации, поэтому кинематограф может рассматриваться как знаковая система, объединяющая достижения цивилизации с духовным и художественным потенциалами современного социума.

Кинематограф несет специфическую для эпохи и культуры нагрузку и реализует функции средств массовой коммуникации. Кинофильм обладает возможностью абсолютно овладевать сознанием людей, погружая их в свою реальность и управляя их эмоциями. Качество фильма определяется интерпретациями воспринимающих его субъектов, их количеством и разнообразием. Экранизация осознается зрителями как единственно возможная вторичная реальность [Кудрявцева, 2014, с. 58].

Произведение художественной литературы и кинофильм, созданный на его основе, не являются взаимозаменяемыми, что объясняет возможность экранизации литературных произведений: она, по утверждению Г.Г. Слышкина, неосуществима при абсолютной чуждости кино и литературы и бессмысленна при полном их совпадении [Слышкин, Ефремова, 2004, с. 30].

Сопоставительный анализ текстов литературных произведений и скриптов экранизаций берет свое начало с момента появления полнометражных звуковых фильмов, он широко использовался киноведами и режиссерами для осмысления особенностей взаимодействия кино и литературы, прежде всего, объективных закономерных трансформаций литературного произведения в процессе и в результате его экранизации.

Этой теме посвящено большое количество публикаций, что свидетельствует об исследовательском интересе к данной проблематике, а многие работы 1920–1930-х гг. таких лингвистов, как Н.Д. Анощенко, А.И. Пиотровский, Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, и сегодня не утратили теоретической значимости. Экранизацию, в которой основной целью является создание эквивалента художественного произведения, принято считать оптимальной. Ю.М. Лотман в своей работе «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» писал о том, что перевод литературного произведения на язык кино должен осуществляться с сохранением содержания, духа и слова [Лотман, 1998]. При этом до сих пор не существует системы критериев, позволяющих полно охарактеризовать отношения экранизации и литературного произведения как первоисточника.

Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей формирования содержательного плана экранного эквивалента литературного произведения на примере передачи эмоционального состояния главного героя романа П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» (Patrik Süskind. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders) и немецкоязычной версии одноименного фильма режиссера Тома Тыквера (Tom Tykwer).

**Специфика выражения эмоций
в романе П. Зюскинда
«Парфюмер. История одного убийцы»**

Средства выражения эмоций бывают двух видов: вербальные и невербальные (жесты, мимика, интонации, паузы, смех и т. д.), способные не только дополнить или усилить словесное выражение эмоций, но иногда и заменить его.

Внешнее поведение отражает внутреннее душевное состояние индивида, которое распознается по отдельным движениям рук и тела в целом, наклону головы, взгляду, выражению лица, интонации и модуляции голоса. Из этого следует, что слова, произносимые им, воспринимаются другим участником коммуникации в соответствии с тем, как именно они были сказаны, а не с тем, что было сказано.

Изучению внешних проявлений внутреннего состояния индивида посвящена фундаментальная работа Г.Е. Крейдлина «Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык», в которой выделяется десять дисциплин современной невербальной семиотики [Крейдлин, 2002, с. 22]. Наше исследование находится в русле четырех из них, а именно: паралингвистики (науки о звуковых кодах невербальной коммуникации), кинесики (науки о жестах и жестовых движениях), аускультации (науки о слуховом восприятии звуков и аудиальном поведении людей в процессе коммуникации) и ольфакции (науки о языке запахов, смыслах, передаваемых с помощью запахов, и роли запахов в коммуникации). Особую значимость для нашего исследования приобретают достижения ольфакции, поскольку специфика выражения эмоций в исследуемом романе связана с тем, что в качестве единственного средства выражения эмоций главного героя избран запах. С помощью своего уникального обоняния Жан-Батист Гренуй способен уловить любой запах, находящийся даже на дальнем расстоянии, а также разобрать его в своем сознании на составляющие и смешать с другими ароматами. Слова для Гренуя слишком скудны, они не способны выразить даже половины его эмоций, это подвластно лишь ароматам, в мир которых погружен главный герой.

**Сходства и различия средств выражения
эмоционального состояния
главного героя в романе
и его экранизации**

Эмотивное пространство текста формируется переживаниями автора и персонажа. Чувства, приписываемые П. Зюскиндом герою, являются объективными, а чувства, испытываемые автором и выражаемые им, носят субъективный характер. В контексте целого произведения эмоциональная структура персонажей имеет лишь относительную независимость от автора. Целостное эмотивное содержание предполагает обязательную интерпретацию мира человеческих эмоций и его оценку с позиции автора с целью воздействия и преобразования. В художественной литературе имеет место двойная психология: персонажей и автора, которые находятся в сложных отношениях, заключающихся в эмотивных смыслах, включенных в структуру образа персонажа и автора [Бабенко, Казарин, 2003, с. 122]. Эмоции Жан-Батиста Гренуя являются особой психической реальностью. Их совокупность отражает внутренний мир героя.

Эмоциональной кульминацией романа становится казнь героя. Описание этого события в романе и визуальное воспроизведение данной сцены на экране являются яркими примерами, демонстрирующими сходства и различия в использовании средств выражения эмоций.

Композиционное сходство обнаруживается в сцене прибытия Гренуя на собственную казнь. Главный герой, нанеся на себя неповторимые духи, содержащие запахи 25 невинных девушек, вызывает у толпы эмоциональный восторг:

(1) *Der Mann, der auf dem Richtplatz stand, war die Unschuld in Person. Das wußten in diesem Moment alle. Es überkam sie ein mächtiges Gefühl von Zuneigung, von Zärtlichkeit, von toller kindischer Verliebtheit, von Liebe zudem kleinen Mördermann, und sie konnten, sie wollten nichts dagegen tun. Sie liebten ihn* (Зюскинд, С. 285) / Человек, стоявший на лобном месте, был воплощенная невинность. В тот момент это знали все. Их захлестнуло чувство влечения, нежности, безумной детской влюбленности, любви к маленькому злодею, и они не могли, не хотели ему сопротивляться. Они любили его (Зюскинд, с. 94).

Аромат, созданный Гренуем, был столь совершенен, что вызывал только самые возвышенные и искренние чувства: нежность, влюбленность и, главное, любовь. Лексема *Liebe*, ее производные *Verliebtheit*, *liebten*, как и номинации других высоких и нежных чувств *Zuneigung*, *Zärtlichkeit*, направленно эксплицируют эмоции толпы.

В фильме данные чувства переданы следующим образом: люди в воскресных нарядах собрались, чтобы увидеть жесточайшую казнь самого ужасного убийцы, однако со слезами и с криками, что перед ними настоящий ангел, которого они безумно любят, становятся на колени. В романе сказано, что Греную достаточно было нанести на себя необыкновенный аромат, чтобы вызвать такой восторг, в фильме же для усиления эффекта используется музыкальное сопровождение, которое создает неоднозначный эмоциональный фон, а также надушенный платок: Гренуй наносит одну каплю духов на платок и сначала взмахивает им так, чтобы аромат, который показан как легкое золотистое свечение, развеялся по воздуху, затем отпускает платок – он летит прямо в толпу, и люди, вдохнув аромат, падают, будто разом лишившись чувств, а потом предаются плотским утехам.

Передача содержания сцены казни Гренуя на экране, несмотря на множество схожих моментов, связана с рядом трансформаций, повлиявших на изменение характера, эмоционального потенциала героя и восприятия его зрителями.

В фильме Гренуй способен вызвать к себе жалость и сострадание (*Unschuld in Person*), чего нельзя сказать о литературном персонаже – главный герой романа испытывает только ненависть и желает вызывать ее у людей по отношению к себе:

(2) *Grenouille stand und lächelte. Aber es war in Wirklichkeit kein Lächeln, sondern ein häßliches, zynisches Grinsen, das auf seinen Lippen lag und das seinen ganzen Triumph und seine ganze Verachtung widerspiegelte. Er erlebte in diesem Augenblick den größten Triumph seines Lebens. Und er wurde ihm fürchterlich, denn er konnte keine Sekunde davon genießen. Was er sich immer ersehnt hatte, daß nämlich die ändern Menschen ihn liebten, wurde ihm im Augenblick*

seines Erfolges unerträglich, denn er selbst liebte sie nicht, er haßte sie. Und plötzlich wußte er, daß er nie in der Liebe, sondern immer nur im Haß Befriedigung fände, im Hassen und Gehaßt werden (Süskind, S. 289–290) / Гренуй стоял и улыбался. Но в действительности не улыбка, а гадкая, циничная ухмылка змеилась на его губах, отражая весь его триумф и все его презрение. В этот миг он пережил величайший триумф своей жизни. И он ужаснулся, ибо ни секунды не смог им насладиться. То, чего он всегда так страстно желал, а именно чтобы его любили другие люди, в момент успеха стало ему невыносимо, ибо он сам не любил их, он их ненавидел. И внезапно он понял, что никогда не найдет удовлетворения в любви, но лишь в ненависти своей к людям и людей – к себе (Зюскинд, с. 95–96).

(3) *Er wollte ein Mal, nur ein einziges Mal, ins einer wahren Existenz zur Kenntnis genommen werden und von einem anderen Menschen eine Antwort erhalten auf sein einziges wahres Gefühl, den Haß* (Süskind, S. 291) / Он хотел один раз, всего один-единственный раз, быть воспринятым в своей истинной сути и получить от людей отклик на свое единственное истинное чувство – ненависть (Зюскинд, с. 96).

Рефреном в описании эмоционального состояния Гренуя в тексте романа выступает инициальное для лексического ряда слово *Haß*: *einhäßliches, zynisches Grinsen, er haßte sie, im Hassen und Gehaßt werden*.

Изначальным желанием Гренуя было добиться любви людей, впоследствии оно понимается им как ложное, на самом деле он стремится добиться ненависти, однако это уже невозможно, так как его духи не способны вызывать негативные эмоции. Впервые Гренуй проявляет и осознает единственное чувство, которое он способен испытывать, – ненависть (Haß). Текст романа насыщен негативными чувствами главного героя, однако в фильме они заменены на положительные (нежность (Feinheit) и любовь (Liebe)) и другие менее интенсивные отрицательные (скорбь (Kummer), грусть (Traurigkeit) и сожаление (Bedauern)), представленные средствами невербальной коммуникации и характеризующие больше внутреннее состояние героя, чем его отношение к другим людям. В фильм добавлена яркая сцена романтических фантазий Гренуя о его первой жертве, чей аромат он всегда помнит. Герой представляет себя вместе с девушкой со сливами: он берет ее за руку,

она обнимает его и затем они нежно целуются, но следом показана сцена, где она мертва, а по щекам Гренуя катятся слезы – свидетельство его скорби и сожаления об утрате не только аромата, но и самой девушки. Сцена выражает желание Гренуя любить и быть любимым. В этом искреннем и чистом желании обычного человека, представленном в фильме, заключается главное отличие кинообраза Гренуя от его исходного образа в романе. В экранизации произведения происходит изменение характера главного героя, осуществляемое посредством приема модуляции как адекватной замены: описанный в книге туман, представленный как запах самого героя (*Der Nebel war sein eigener Geruch / Туман был его собственным запахом*), удушающий по своей природе и неопределенный для его обладателя, является слишком абстрактным для его правильного восприятия зрителем.

Выводы

Таким образом, в результате сравнения фрагментов романа с кинотекстом, включающим в себя визуальный ряд как совокупность средств невербальной коммуникации (жестов, мимики, плача, восклицаний), а также музыку, создающую определенную атмосферу, и т. д., можно констатировать, что доминантой эмоционального состояния главного героя в романе является ненависть (Haß), которая в экранизации была заменена на положительные и неинтенсивные отрицательные эмоции. Экспликация последних в киноверсии романа осуществляется с помощью трансформаций, которые предполагают использование, прежде всего, средств невербальной коммуникации. Кинотекстовые приемы, избранные для интраязыкового перевода, смещают фокус восприятия персонажа, расширяя и изменяя его психологический портрет в кинофильме. Средства выражения эмоционального состояния Гренуя в фильме частично изменяют знак переживаемой им эмоции, при этом положительные эмоции «очеловечивают» главного героя, вызывая сострадание у зрителей и в какой-то степени оправдывая его жестокость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В., 2003. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М. : Флинта : Наука. 496 с.
- Крейдлин Г. Е., 2002. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М. : Новое литературное обозрение. 592 с.
- Кудрявцева Е. Л., 2014. Общество как «контекст» произведения искусства и феномен цитирования из художественных кинофильмов в связи с понятием национальной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. № 4. С. 58–66.
- Лотман Ю. М., 1998. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб. С. 288–373.
- Митягина В. А., 2007. Социокультурные характеристики коммуникативного действия : монография. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 356 с.
- Слышкин Г. Г., Ефремова М. А., 2004. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М. : Водолей Publishers. 153 с.

ИСТОЧНИКИ

- Зюскинд* – Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы. СПб. : Азбука-классика, 2002. 101 с.
- Süskind* – Süskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. Zürich : Diogenes Verlag AG, 1985. 306 S.
- Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders [The feature film «Perfume: The Story of a Murderer»], 2006. URL: <https://kat.cr/das-parfum-die-geschichte-eines-mrdrers-2006-t740524.html> (Accessed 28 September 2016).

REFERENCES

- Babenco L.G., Kazarin Yu.V., 2003. *Linguistic analysis of literary text. Theory and practice*. Moscow, Flinta; Nauka Publ. 496 p.
- Kreydlin G.E., 2002. *Nonverbal semiotics: Body language and natural language*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 592 p.
- Kudryavtseva E.L., 2014. Society as a “context” of art production and the phenomenon of feature films citation in connection with the notion of national identity. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost* [Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russian.

Series: Problems of Education: Languages and Specialty], no. 4, pp. 58-66.

Lotman Yu.M., 1998. Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics. *Ob iskusstve*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ. pp. 288-373.

Mityagina V.A., 2007. *Sociocultural characteristics of communicative action*. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2007. 356 p.

Slyshkin G.G., Efremova M.A., 2004. *Film text: the experience of linguistic and cultural analysis*. Moscow, Vodoley Publishers. 153 p.

SOURCES

Suskind P., 2002. *Perfume. The Story of a Murderer*. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ. 101p. (in Russian)

Suskind P., 1985. *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich, Diogenes Verlag AG, 1985. 306 p.

The feature film: Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. 2006. URL: <https://kat.cr/das-parfum-die-geschichte-eines-mrders-2006-t740524.html> (accessed 28 September 2016).

Information about the Author

Ekaterina V. Nesmachnova, Postgraduate Student, Department of Translation Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, nesmachnova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5316-9040>

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Несмачнова, аспирант кафедры теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, nesmachnova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5316-9040>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.21>

UDC 811.161.1'42
LBC 81.411.2-51

Submitted: 14.03.2018
Accepted: 11.04.2018

THE INTENTIONAL ASPECT OF THE RUSSIAN-LANGUAGE INFOGRAPHICS OF THE 21ST CENTURY

Margarita M. Makhrova

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovy, Vladimir, Russia

Abstract. The paper is devoted to the study of semiotically heterogeneous texts – infographics, which are an important element of modern communication and are used in various spheres of life. The paper deals with the problem of establishing cognitive connections in the Russian-language infographics. The author proposes her own data classification of print and electronic infographics depending on their purpose and usage range: infographic algorithm, infographic biography, infographic ad, infographic process infographic summary, infographic rating, infographic advertising, infographic recipe, infographic statistical scheme, infographic chronology, infographics of mixed type.

The aim of the study is to establish the author's intentions in Russian infographics of different types and to predict the perception of these intentions by the addressee of infographics taking into account their language characteristics.

It is proved that the main author's intentions of all types of infographics are giving information and having impact. Additional intentions (analysis, comparison, motivation, organization, gradation, interpretation, fixation, sequence, dynamics, stadiálnost, detail, functionality, explanation, entertainment, search, training, presentation, surprise, identification, evaluation, persuasion, practice, leadership, stimulation, call, proposal, attraction, recognition, presentation, communication) are identified depending on the type of infographics. The means of their implementation at the lexical, morphological and syntactic levels of utterances are characterized, and it is shown that additional intentions determine the way of perception of infographics.

The results of the study expand the understanding of semiotic heterogeneous texts and can be used to create information graphics in Russian, which will allow for effective communication with a variety of target audiences at a qualitatively new level.

Key words: infographics, semiotically heterogeneous text, author, addressee, intention, language level, informing, impact.

Citation. Makhrova M.M. The Intentional Aspect of the Russian-Language Infographics of the 21st Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 195-202. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.21>

УДК 811.161.1'42
ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 14.03.2018
Дата принятия статьи: 11.04.2018

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ИНФОГРАФИКИ XXI ВЕКА В ИНТЕНЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Мargarita Михайловна Махрова

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению семиотически неоднородных текстов – инфографик, которые являются важным элементом современной коммуникации и применяются в различных сферах жизни общества. Предложена авторская классификация статичных инфографик в зависимости от их назначения и ситуации применения: инфографика-алгоритм, инфографика-биография, инфографика-объявление, инфографика-процесс, инфографика-резюме, инфографика-рейтинг, инфографика-реклама, инфографика-рецепт, инфографика-статистическая схема, инфографика-хронология, инфографика смешанного типа.

Исследование нацелено на установление авторских интенций в русскоязычных инфографиках разных видов и прогнозирование восприятия этих интенций адресатом с учетом языковых характеристик инфографик.

Доказано, что основными авторскими интенциями всех видов инфографик являются информирование и воздействие. В зависимости от вида инфографики определены дополнительные интенции (анализ, сопоставление, побуждение, организация, градация, интерпретация, фиксация, последовательность, динамика, стабильность, детализация, функциональность, пояснение, развлечение, поиск, обучение, презентация, удивление, идентификация, оценка, убеждение, практика, руководство, стимуляция, призыв, предложение, привлечение, узнавание, презентация, общение), охарактеризованы средства их реализации на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях организации высказывания, показано, что именно дополнительные интенции определяют направление восприятия инфографики.

Результаты исследования расширяют представления о семиотически неоднородных текстах и могут быть использованы при создании инфографик на русском языке, что позволит осуществлять эффективную коммуникацию с разнообразными целевыми аудиториями на качественно новом уровне.

Ключевые слова: инфографика, семиотически неоднородный текст, автор, адресат, интенция, языковой уровень, информирование, воздействие.

Цитирование. Махрова М. М. Русскоязычные инфографики XXI века в интенциональном аспекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 195–202. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.21>

Инфографика как явление современного информационного дискурса

К актуальным проблемам современной лингвистической науки относятся, в частности, установление когнитивных связей между автором и адресатом инфографик разных видов и выявление особенностей вербальной и визуальной составляющих в семиотически неоднородных текстах [Юдина, 2010, с. 63]. В этой связи для исследования интересна такая форма современного информационного дискурса, как инфографика, или информационная графика. Согласно определению Э. Тафти инфографика представляет собой графический способ подачи информации, данных, знаний [Tufte, 2005, с. 11]. По мнению Р. Крама, сочетание визуализированных данных, иллюстраций и текста – это цельный сюжет, позволяющий передать от автора к аудитории сложную и объемную информацию в доступном и сжатом виде [Крам, 2015, с. 37]. Инфографики являются важным элементом коммуникации и применяются в различных сферах жизни общества – образовании, журналистике, рекламе, бизнесе, и, как правило, составляют автором для определенной аудитории – читателей журнала, слушателей лекции, клиентов или сотрудников компании [Мешавкин, 2015, с. 36]. При этом интенциональный аспект проявляется прежде всего в целевом намерении автора, которое совпадает с

основными целями инфографики: информированием и воздействием [Смикиклас, 2014, с. 130]. Адресатом инфографики может стать языковая личность, которая обратит внимание на грамотно и наглядно демонстрируемую информацию. Следовательно, дополнительной интенцией, которая необходима каждому автору, является доступность в передаче информации. По мнению исследователей, существенное значение для инфографики имеет легкость ее восприятия, что связано с выбором визуальной формы подачи материала и отражается на механизмах вербализации [Гончар, 2015, с. 64].

В зависимости от целей и ситуации применения можно выделить следующие виды статичных инфографик: инфографика-алгоритм, инфографика-биография, инфографика-объявление, инфографика-процесс, инфографика-резюме, инфографика-рейтинг, инфографика-реклама, инфографика-рецепт, инфографика-статистическая схема, инфографика-хронология, инфографика смешанного типа.

Наше исследование посвящено выявлению авторских интенций в инфографиках разных видов и прогнозированию восприятия этих интенций адресатом с учетом языковых характеристик инфографик. Было проанализировано 556 примеров русскоязычных инфографик разных видов, размещенных в электронных и печатных СМИ, социальных сетях, а также на официальных сайтах государственных учреждений.

В существующих определениях интенции исследователи делают акцент на различных аспектах данного феномена. В современной лингвистике интенция рассматривается с точки зрения коммуникативной структуры высказывания и зачастую отождествляется с его целью [Hoffmanova, 1997] или противопоставляется актуальному высказыванию как его потенциальное содержание [Ахманова, 2004, с. 250]. При толковании термина «интенция» мы исходим из значения латинского существительного *intentio* – «намерение», «замысел» – и выявляем в инфографиках разных видов обобщенное коммуникативное намерение автора, воплощенное в вербализованной текстовой составляющей инфографической структуры в целом.

Авторские интенции в инфографиках разных видов

Анализируя инфографики, мы учитываем тот факт, что потенциальный адресат не испытывает информационного голода и с трудом удерживает внимание в пределах однородного ряда данных, не является пассивным потребителем информации [Концевая] и весьма избирателен в выборе источников. Следовательно, удерживать внимание такого адресата автор инфографики может благодаря использованию в ней выразительного, образного визуального ряда и грамотного (то есть выстроенного с учетом фактора адресата) текста.

При создании качественной современной инфографики и формулировке ее лингвистического содержания согласно исследованию М. Смикикласа автору следует ответить на вопросы: кто является целевым адресатом инфографики; в чем заключается ее цель; где и откуда берутся данные и насколько они достоверны; почему информация важна для адресата; насколько инфографика будет доступна для понимания [Смикиклас, 2014, с. 40].

В инфографиках разных видов кроме основных, общих для них интенций (информирование и воздействие) прослеживаются дополнительные авторские интенции, выделив которые, можно прогнозировать направление восприятия инфографик адресатом.

Инфографика-алгоритм представляет информацию в виде последовательности дей-

ствий, при выполнении которых адресат получает новый объем информации. Наиболее часто встречающимися авторскими интенциями являются *побуждение, поиск, пояснение, развлечение, обучение*. На лексическом уровне они эксплицированы частотными словами с семантикой желательности или обязательности действия (*необходимо, нужно*); побуждения к действию (*выбираем, ищем, проверяем, смотрим*).

На морфологическом уровне интенции побуждения, поиска, пояснения, обучения эксплицируются посредством частого использования авторами инфографик-алгоритмов глаголов в формах повелительного наклонения 2 лица ед. и мн. ч. (*используй, проверь, найди, запомните, сохраните*). На синтаксическом уровне эти интенции передаются с помощью предложений с придаточными условия, апеллирующими к адресату инфографик, например: *Что делать, если встретились с медведем?; Если цвет и влажность отпечатков совпадают, значит, хищник ушел совсем недавно*.

В инфографиках данного вида интенция развлечения репрезентируется посредством конструкций из вопросительных предложений и альтернативных вариантов ответа, выбрав которые, адресат может получить необходимую ему информацию. Авторская интенция пояснения проявляется в дополнительных советах и указаниях для адресата, касающихся конкретных действий.

Адресат инфографики может рассматривать данный алгоритм в качестве потенциальной последовательности своих действий для решения какой-либо задачи или для критической оценки предложенной ему информации.

Инфографика-биография характеризуется сочетанием числовых данных и текста, которые находятся между собой в смысловой связи и относятся к конкретной личности. Автор прослеживает наиболее важные и знаковые этапы жизни (или ее периода) реального человека или литературного персонажа, подбирает конкретные факты и цифры. Дополнительные интенции в данном виде инфографик – *презентация, удивление*.

На лексическом уровне авторские интенции реализуются с помощью частого употребления слов с семантикой родства, становления, хронологии. На морфологическом уровне

отмечается преобладание глаголов прошедшего времени (*играл, изобрел, родился, создал, учился*) и глаголов настоящего времени с семантикой прошедшего времени (*пишет, поступает, создает*). Часто встречаются имена собственные: названия произведений или открытий, имена людей, связанных с личностью, биография которой представлена в инфографике. На синтаксическом уровне частотны словосочетания с управлением (*поступил в школу, изобрел шрифт* и др.).

Таким образом, автор описывает этапы жизни и творчества конкретной личности, удивляет объемом и качеством произведений, объектов, достижений, выполненных «героем» конкретной инфографики.

Адресат воспринимает «модель жизни» известного человека, узнает интересные факты о нем.

Инфографика-объявление предлагает или запрашивает разнообразные объекты и в этой связи бывает двух подвидов: с поиском или предложением. Авторские интенции (**презентация, поиск, общение, побуждение**) обусловлены запросом заявляющего. Адресатов данного вида инфографик также можно разделить на две группы: ищущие и предлагающие.

Автор реализует перечисленные интенции с помощью лингвистических средств. Интенции общения и презентации проявляются в инфографике-объявлении на лексическом уровне в использовании слов с семантикой свойств или качеств объекта или личности, которые необходимы или предложены. Интенции презентации, поиска или побуждения на морфологическом уровне передаются посредством использования глаголов настоящего времени 1 лица ед. или мн. ч. (*ищу, ждем*), глаголов настоящего времени 3 лица ед. ч. (*сдается, продается, требуется*). Частотны качественные прилагательные (*лучший, главный, внимательный, аккуратный, спокойный, комфортный*). На синтаксическом уровне интенции эксплицируются в часто встречающихся вопросительных предложениях: *Где ты, лучший маркетолог?* (побуждение к отклику потенциального адресата), *Хотим в команду профессионала!*; *Нуждаюсь в быстром интернете* (предложения с оптативным значением).

Таким образом, адресат, воспринимающий авторские интенции, должен отреагировать на инфографику-объявление, предложив необходимые объект или услугу или обратившись за ними.

Инфографика-процесс объясняет принцип формирования какого-либо явления. Автор представляет ключевые этапы развития разнообразных процессов от сути природных и технологических явлений до модели развития бизнеса. Интенции, характерные для данного вида инфографики – **детализация, стадийность, функциональность**. Их лингвистические особенности состоят на лексическом уровне в преобладании относящихся к тематике конкретной инфографики терминов с пояснениями; на морфологическом – в преимущественном распространении глаголов в формах настоящем времени (*выполняется, изменяется, поступает, формируется*); на синтаксическом – в преобладании простых двусоставных предложений, осложненных, как правило, обособленными обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами: *Газ реагирует с влажным воздухом, образуя крошечные капли серной кислоты*. Адресат осознает и оценивает явление или событие в полном объеме его формирования, развития и результативности.

Инфографика-резюме формируется тематическими блоками, в которых отражены биографические и профессиональные данные конкретной личности.

В отличие от традиционного резюме инфографика-резюме позволяет наглядно представить основные этапы карьеры конкретного человека с учетом достижений в работе и дополнительного образования. Автор кратко и четко излагает самые важные сведения о кандидате на должность. Они могут быть объединены в тематические блоки: образование, биография, работа, навыки, опыт, заслуги, стремления, пожелания. Таким образом, в инфографике-резюме выделяем следующие авторские интенции: **идентификации** (познакомить со специалистом, его биографией и планами), **оценки** (кандидат на должность, лучший специалист в своем деле), **убеждения** (доказать, что конкретный специалист будет незаменим на должности). В соответствии с ними создается и текстовая состав-

ляющая инфографики. Эти интенциональные особенности на лексическом уровне проявляются в большом количестве онимов, связанных с карьерой, творчеством и увлечениями конкретной личности. Характерны слова с семантикой хронологии, поиска, необходимости, функциональности. На морфологическом уровне перечисленные интенции реализуются частотными оценочными прилагательными (*первоклассный, внимательный, успешный, старательный, оперативный*). Убеждение в активности и возможностях конкретного человека передается также с помощью глаголов настоящего времени 3 или 1 лица (*работает, ищет, мечтает, пишет, знает, умеет, рисую, общаюсь, умею*). Синтаксически интенции выражены большим количеством словосочетаний с управлением (*опыт работы, владение языками, менеджер проектов*).

Адресат инфографики-резюме – потенциальный работодатель, который обращает внимание на содержание этих блоков, оценивая конкретные параметры.

Инфографика-рейтинг организует информацию в градационный ряд, сопровождающийся комментариями. Объекты инфографики выстраиваются от меньшего к большему, исходя из конкретных параметров, поясняемых автором (например, «самый кассовый фильм месяца», «самый быстрый хищник в мире»). В этом виде ярко проявляются авторские интенции *организации, градации и интерпретации*. Лексически они реализуются наиболее частотными для данного вида инфографик существительными *выбор, доход, победа, поражение, последствие, предпочтение, расход, рейтинг, топ, успех*; морфологически – аналитическими формами качественных прилагательных: *самый красивый (город), наиболее важные (признаки)*.

При этом адресат инфографики интерпретирует предлагаемый материал по-своему; хотя на основе данных инфографики-рейтинга у адресата опосредованно формируется позитивное и негативное отношение к тем или иным объектам и событиям.

Инфографика-реклама предлагает тот или иной вид товаров или услуг.

Автор стремится убедить адресата в пользе и необходимости какого-либо товара

или услуги [Шарина, 2015, с. 29], при этом подчеркивая достоинства рекламируемого объекта продвижения. Авторские интенции заключаются в *стимуляции, призыве, предложении, привлечении, узнавании*. Поскольку не все инфографики-рекламы адекватны интересу адресата, информация по-разному воспринимается людьми.

На лексическом уровне реализация стимуляции, призыва, предложения, привлечения и узнавания достигается частым употреблением слов с положительными коннотациями (*вкусный, ароматный, эффективный, модный*), имен собственных – названий рекламируемого объекта. На морфологическом уровне перечисленные интенции реализуются посредством глаголов повелительного наклонения (*попробуй, ощути, используй*), инфинитивов в оптативном значении (подробно об этой форме см.: [Алтабаева, 1995, с. 136]): *выбирать, пожелать* и др. На синтаксическом уровне интенции реализуются часто используемыми восклицательными предложениями типа *Торопись попробовать лучшее!*

Адресат воспринимает инфографику-рекламу как предложение приобрести какой-либо товар или посетить объект.

Инфографика-рецепт раскрывает последовательность приготовления блюда или напитка. Автор не только знакомит адресата с историей и процессом создания блюда, но и перечисляет ингредиенты, указывает технологические параметры, например, температуру и время приготовления. В некоторых случаях адресату предлагаются даже возможности сервировки блюда. В инфографике-рецепте проявляются такие авторские интенции, как *практика и руководство*. Автору важно подсказать адресату правильные действия. В этом виде инфографики на лексическом уровне преобладают слова таких семантических групп, как «Продукты», «Процессы», «Качества», «Количество», на морфологическом – инфинитивы в функции повелительного наклонения (*смешать, подогреть, промыть* и др.), наречия меры и степени (*слегка, чуть-чуть*), на синтаксическом уровне – инфинитивные предложения.

Адресат воспринимает инфографику-рецепт как поэтапную схему действий, которая приведет его к желаемому результату.

Инфографика-статистическая схема представляет данные опросов, исследований, большие объемы количественных данных, процентные соотношения. Преимущество данного вида инфографики состоит в том, что она наглядно и понятно демонстрирует сложные соотношения между разнообразными объектами и явлениями, позволяя адресату анализировать и делать выводы по какой-либо проблеме. В ней интенции *анализ, сопоставление* (фактов, цифр, объектов), *побуждение* реализуются с помощью различных лингвистических средств на разных языковых уровнях: на лексическом – частотными существительными *статистика, количество, состав, причины, отношение, итоги* или их синонимами; на морфологическом – частотными наречиями *все, того*; на синтаксическом – в диалогичных конструкциях из вопросительных предложений и статистической выборки с альтернативными вариантами ответа: *Планируете ли вы поставить дома елку? – Да, поставлю; – Нет, не планирую*; в частотных конструкциях с семантикой сопоставления: *более-менее, влияют – не влияют, беспокоит – не беспокоит*.

В инфографике данного вида текстовая составляющая представлена достаточно скупо. Потенциальный адресат фиксирует численные соотношения и делает собственные выводы о явлении или объекте.

Инфографика-хронология передает последовательность развития какого-либо события или явления. Инфографики с использованием временной шкалы создаются на основе не только исторических событий, но и важнейших вех в жизни и творчестве человека. Следовательно, к авторским интенциям относятся *фиксация, последовательность, динамика*. На лексическом уровне они представлены единицами с семантикой времени, длительности и периодичности. Частотны слова *встреча, начало, первый, появление*. Характерной особенностью инфографик-хронологий является использование для передачи динамики процесса отглагольных существительных (*поражение, посещение, появление, освобождение*). На синтаксическом уровне частотны словосочетания с управлением (*снятие Блокады, взрыв на заводе* и др.).

Выделение автором конкретных этапов в рамках целого хронологического периода позволяет адресату быстро сориентировать-

ся в материале и получить нужную информацию, а также осознать значимость события на фоне других событий.

Инфографика смешанного типа воспринимается как многокомпонентное произведение, сочетающее особенности нескольких видов инфографик и нескольких интенций.

Заключение

В ходе исследования было установлено, что основными интенциями автора инфографики являются информирование и воздействие. Поскольку инфографики бывают разных видов, каждый из них обладает и дополнительными авторскими интенциями, которые реализуются с помощью вербальной составляющей семиотически неоднородного текста.

В зависимости от цели автора в инфографиках разных видов нами были выявлены следующие интенции: анализ, сопоставление, побуждение, организация, градация, интерпретация, фиксация, последовательность, динамика, стабильность, детализация, функциональность, пояснение, развлечение, поиск, обучение, презентация, удивление, идентификация, оценка, убеждение, практика, руководство, стимуляция, призыв, предложение, привлечение, узнавание, презентация, общение.

В зависимости от вида инфографик и установленных авторских интенций на лексическом уровне выделяются отдельные слова или группы слов, объединенные общей семантикой, которые помогают адресату точно и адекватно воспринимать информацию, а также акцентируют его внимание на конкретных позициях или деталях инфографики.

На морфологическом уровне установлено преобладание определенных частей речи в разных формах: в инфографике-статистической схеме частотны наречия, в инфографике-рейтинге – аналитические формы качественных прилагательных, инфографика-хронология отличается большим количеством отглагольных существительных, в инфографике-процессе и инфографике-алгоритме преобладают разные формы глаголов настоящего времени, в инфографике-биографии частотны глаголы прошедшего времени, в инфографике-резюме – большое количество качественных прилагательных и глаголов настоящего времени

1 или 3 лица, в инфографиках-рецептах частотны инфинитивы и наречия меры и степени, в инфографике-рекламе – глаголы повелительного наклонения и инфинитивы с оптативным значением, а в инфографике-объявлении преобладают формы глаголов настоящего времени и качественные прилагательные.

На синтаксическом уровне в зависимости от типа инфографики и авторских интенций преобладают словосочетания с разными типами связи, вопросительные конструкции и сложноподчиненные предложения с придаточными причины и условия. Эти единицы позволяют автору инфографики не только информировать адресата и воздействовать на его внимание, но и вызывать ответную реакцию на конкретные положения инфографики.

Учитывая дополнительные интенции автора и восприятие разных видов инфографик адресатом, возможно осуществлять коммуникацию с разнообразными целевыми аудиториями на качественно новом уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтабаева Е. В., 1995. Оптативная семантика в бытийных высказываниях // Семантическая структура слова и высказывания : межвуз. сб. науч. тр. М. : МПУ. С. 135–139.
- Ахманова О. С., 2004. Словарь лингвистических терминов. М. : Едиториал УРСС. 571 с.
- Гончар И. А., 2015. Вербализация инфографики: специфика текстообразования (на материале видеogramм «Россия в цифрах») // Филологический класс. № 2 (40). С. 62–64.
- Концевая Г. Современная журналистская инфографика // Global international scientific analytical project. URL: <http://gisap.eu/ru/node/12593> (дата обращения: 11.09.2017).
- Крам Р., 2015. Инфографика. Визуальное представление данных. СПб. : Питер. 384 с.
- Мешавкин С., 2015. Краткая анатомия инфографики // Журналист. № 10. С. 35–37.
- Смикиклас М., 2014. Инфографика. Коммуникация и влияние при помощи изображений. СПб. : Питер. 152 с.
- Юдина Н. В., 2010. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? : монография. М. : Гнозис. 293 с.
- Шарина А. М., 2015. Особенности восприятия инфографики как нового инструмента коммуникаций в интернете российской и зарубежной аудиториями // Интернет-маркетинг. № 1. С. 26–34.
- Hoffmannová J., 1997. *Stylistika a Současná situace stylistiky*. Praha : Trizonia. S. 124–136.
- Tufte E. R., 2005. *Envisioning Information*. USA, Cheshire, Connecticut : Tench Printing. 126 p.

REFERENCES

- Altabaeva E.V., 1995. Optative semantics in existential utterances. *Semanticheskaya struktura slova i vyskazyvaniya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, MPU Publ., pp. 135-139.
- Akhmanova O.S., 2004. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow, Editorial URSS Publ. 571 p.
- Gonchar I.A., 2015. Infographics verbalization: special features of text formation (based on *Russia in numbers* videograms). *Filologicheskij klass [Philological Class]*, no. 2 (40), pp. 62-64.
- Kontsevaya G. Modern journalism infographics. *Global international scientific analytical project*. URL: <http://gisap.eu/ru/node/12593>. (accessed 11 September 2017).
- Kram R., 2015. *Infographics. Visual presentation of data*. Saint Petersburg, Piter Publ. 384 p.
- Meshavkin S., 2015. Brief anatomy of infographics. *Zhurnalist*, no. 10, pp. 35-37.
- Smikiklas M., 2014. *Infographics. Communication and influence through images*. Saint Petersburg, Piter Publ. 152 p.
- Yudina N.V., 2010. *The Russian language in the 21st century: Crisis? Evolution? Progress?* Moscow, Gnozis Publ. 293 p.
- Sharina A.M., 2015. Features of the perception of infographics as a new tool for communication on the Internet by Russian and foreign audiences. *Internet-marketing*, no. 1, pp. 26-34.
- Hoffmannová J., 1997. *Stylistika a Současná situace stylistiky*. Praha, Trizonia, pp. 124-136.
- Tufte E.R., 2005. *Envisioning Information*. USA, Cheshire, Connecticut, Tench Printing. 126 p.

Information about the Author

Margarita M. Makhrova, Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Pedagogical Institute, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovy, Gorkogo St., 87, 600000 Vladimir, Russia, marg.maslova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6770-9044>

Информация об авторе

Маргарита Михайловна Махрова, аспирант кафедры русского языка, Педагогический институт, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, ул. Горького, 87, 600000 г. Владимир, Россия, marg.maslova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6770-9044>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.22>

UDC 81'373.612.2
LBC 81.055.51

Submitted: 01.06.2018
Accepted: 28.06.2018

POETIC METONYMY AS A TYPE OF LEXICAL MEANING AND ITS REFLECTION IN LEXICOGRAPHIC PRACTICE

Arkadiy L. Golovanevskiy

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia

Abstract. The paper develops the theory of metonymy in the Russian language, and for the first time in Russian linguistics it is proposed to distinguish the actual and event metonymy. The actual metonymy is represented in figurative meanings of nouns that denote parts of the human body (hand, head, etc.), constructions (house, auditorium, etc.), clothes (hat, boots), metals, various containers, etc. Secondary values of place names, names of various artifacts are interpreted as event metonymy. Event metonymy is necessarily inextricably linked with time, optionally - with topos. Observations on the use of metonymy are carried out on the material of poetic works by A. S. Pushkin, F. I. Tyutchev, A. Blok, S. Esenin, E. G. Bagritsky. It is established that in the poetic texts of the twentieth century the event metonymy is used more frequently than in the works of the nineteenth century, for instance, it is represented in the poem *Retribution* by A. Blok. It is revealed that the meanings of lexical units as a result of event metonymy have not been recorded in the explanatory dictionaries of the Russian language, with one exception – the third edition of the dictionary of Dahl that was carried out by I. A. Baudouin de Courtenay. The conclusion is made about the necessity of lexicographical fixation of such words due to their highly informational and stylistic significance.

Key words: metonymy, metaphor, poetic text, Pushkin, Tyutchev, Blok, Esenin, Bagritsky.

Citation. Golovanevskiy A.L. Poetic Metonymy As a Type of Lexical Meaning and Its Reflection in Lexicographic Practice. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 203-209. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.22>

УДК 81'373.612.2
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 01.06.2018
Дата принятия статьи: 28.06.2018

ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕТОНИМИЯ КАК ТИП ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Аркадий Леонидович Голованевский

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия

Аннотация. В статье развивается учение о метонимии в русском языке и впервые в отечественной лингвистике предлагается выделять такие ее разновидности, как фактическая и событийная. Первая из них представлена в переносных значениях конкретных существительных, номинирующих части человеческого тела (рука, голова и др.), сооружения (дом, аудитория и т. п.), одежду (шляпа, сапоги), металлы, различные вместилища и многое другое. Как событийная метонимия интерпретируются вторичные значения топонимов, названия различных артефактов. Эта разновидность обязательно связана со временем, факультативно –

с топосом. Наблюдения над употреблением метонимии осуществлены на материале поэтических произведений А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А.А. Блока, С.А. Есенина, Э.Г. Багрицкого. Установлено, что в поэтических текстах XX в. событийная метонимия реализовалась чаще, чем в произведениях XIX в. Особенно широко она представлена в поэме А.А. Блока «Возмездие». Выявлено, что значения лексических единиц, возникающие как результат событийной метонимии, не фиксируются в толковых словарях русского языка, исключение составляет третье издание словаря В.И. Даля, осуществленное И.А. Бодуэном де Куртенэ. Делается вывод о необходимости лексикографической фиксации таких слов в силу их высокой информационной и стилистической значимости.

Ключевые слова: метонимия, метафора, поэтический текст, Пушкин, Тютчев, Блок, Есенин, Багрицкий.

Цитирование. Голованевский А. Л. Поэтическая метонимия как тип лексического значения и ее отражение в лексикографической практике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 203–209. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.22>

Дискуссионные вопросы изучения метонимии в отечественном языкознании

Изучение метонимии как одного из типов переносного значения слова связано с целым рядом проблем. Некоторые из них обозначил Д.Н. Шмелев в монографии «Проблемы семантического анализа лексики». Во-первых, он считал, что употребление термина «метонимия» двупланово: собственно лингвистическое и стилистическое. Это приводит зачастую к смешению понятий «значение» и «употребление». Во-вторых, он отмечал необходимость разграничения маркировки метонимических значений и общей возможности их применения. В-третьих, выдвигал требование унифицировать представление в толковых словарях метонимических значений на основе разрешения первых двух обозначенных проблем [Шмелев, 1973, с. 221–228].

В учебном пособии по лексикологии Д.Н. Шмелев несколько снизил дискуссионность в понимании метонимических значений и привел довольно объемный и открытый перечень различных типов метонимических переносов, не отказавшись в то же время от основных идей о понимании метонимии, изложенных ранее в научной монографии [Шмелев, 1977, с. 97–101].

В названной монографии исследователь подвергает сомнению взгляды Л.А. Булаховского на приводимые им примеры «метонимических изменений значений». К таким изменениям Л.А. Булаховский относил и синекдоху: *И слышно было до рассвета, как ликовал француз*. Метонимические явления широко распространены в языке и, по наблю-

дениям Д.Н. Шмелева, «воспринимаются как специальный стилистический прием» [Шмелев, 1977, с. 223]. Именно на этом основании А.П. Квятковский определяет метонимию как «распространенный поэтический троп, замена слова или понятия другим словом, имеющим причинную связь с первым» [Квятковский, 1966, с. 158–159]. Включение стилистического приема в метонимические изменения создает условия для широкого понимания метонимии, отвергаемое Д.Н. Шмелевым.

Бесспорно, прав Д.Н. Шмелев, заявляя: «Конечно, не с точки зрения метонимических изменений, а только как метонимическое применение слов можно рассматривать и случаи вроде читал Пушкина, слушал Бетховена и т. д.» [Шмелев, 1977, с. 106]. Это явление в языке обусловлено принципом экономии, и поэтому каждое имя автора (а их множество) не может приобрести индивидуального метонимического значения, но может свободно использоваться в формульном метонимическом употреблении. Этой формуле подчиняются и широко известные, и мало известные имена. Например: *Мы рифмы старые Раз сорок повторим. Пускать сумеем Гоголя и дым* (Есенин, с. 269); *Настал наш срок, Давай, Сергей, За Маркса тихо сядем, Чтоб разгадать премудрость скучных строк* (Есенин, с. 273); *Здесь он стоял... Здесь рвался плац широкий, Здесь Байрона он нараспев читал...* (Багрицкий, с. 291); *Его опустошает Демон, Над коим Врубель изнемог* (Блок, т. 2, с. 309).

Вклад в изучение метонимии внесли многие лингвисты. Ю.Д. Апресян, рассматривая регулярную многозначность существительных, глаголов, прилагательных, приводит

многочисленные примеры метонимического переноса [Апресян, 1995, с. 193–215], тем самым способствует совершенствованию лексикографической практики. Н.Д. Арутюнова в специальном разделе «Метафора и метонимия» сосредоточила основное внимание на употреблении словосочетаний и предложений с метафорическими и метонимическими компонентами и на функциях, выполняемых в предложении метафорой и метонимией.

В словарях семантика слова, возникающая в результате метонимии, как правило, не получает толкования, что сближает прямое и метонимическое значения лексемы, хотя последнее в любом контексте сохраняет свою переносность и метонимия как тип переносного значения сближается с метафорой. При этом «из двух возможных для метафоры функций первичной должна быть признана функция характеристики, а функция идентификации объектов – вторичной. <...> Для метонимии, напротив, типично выполнение идентифицирующей функции по отношению к конкретным предметам» [Арутюнова, 1999, с. 352].

Метонимия, в нашем понимании, создает такие значения слов, которые включаются в языковую систему по тем или иным формулам, но при этом, будучи отражением процесса человеческой или природной деятельности, изменяют, трансформируют свою функцию [Голованевский, 2013, с. 176–177], о которой и говорит Н.Д. Арутюнова. Такие типы значений, представляется, должны фиксироваться словарями как переносные.

Поэтический язык породил особый тип метонимии-метафоры, когда происходит одновременно «сдвиг в значении» и «сдвиг в референции». Из этих наблюдений нами сделан вывод о том, что базой для лексической неоднозначности могут служить не только прямые значения, совмещенные с одним из типов переносных, но и сами переносные значения – метонимия и метафора [Голованевский, 2013, с. 178]. Этот вывод подтверждается поэтической практикой. В языке поэзии образные средства не изолированы, а составляют систему, в то время как метонимия встречается в чистом виде довольно редко, чаще она соседствует с метафорой, нередко совмещается с ней в одной лексеме.

В настоящей статье обобщены наблюдения над метонимией в поэтических произведениях А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А.А. Блока, С.А. Есенина, Э.Г. Багрицкого. За основу метонимической типологии принята классификация, представленная в работах Д.Н. Шмелева и Н.Д. Арутюновой (полной классификации метонимических переносов до настоящего времени не существует). Проблему лексикографирования метонимических значений рассмотрим на примере трех типов метонимии (два из них традиционно выделяются исследователями и относятся, по нашей классификации, к фактической метонимии; третий тип определен автором статьи как **событийная метонимия**).

Фактическая метонимия в языке поэзии

Под фактической метонимией мы понимаем такие метонимические значения отдельных слов, которые номинируют человека, животный и растительный мир, артефакты и другие предметы, под событийной – торжества, печальные даты, войны, зрелищные мероприятия и др. (см. подробно: [Голованевский, 2017, с. 65]).

Перенос названия с вместилища (блюдо, бокал, кубок, амфора) на его содержимое: *И за столом у них гостям Носили блюда по чинам; Она не ведает, что дружно можно жить С кифарой, с портником, и с книгой, и с бокалом; Ты Эпикуров младший брат, Душа твоя в бокале* (СЯП, т. 1, с. 142–143); *Ни ссоры, ни упрёку Не нажил за бокал* (Тютчев, с. 60–61); *Приди – тебя здесь ждет и кубок круговой...* (Тютчев, с. 47); *Вдруг с кубком не слюбился Один из сыновей* (Тютчев, с. 61).

В поэтических произведениях обнаруживается совмещение прямого и метонимического значений лексем. Так, в стихотворении Тютчева «Певец» читаем: *Он кубок взял и осушил* (Тютчев, с. 90). В этом примере существительное *кубок* употребляется в прямом значении ‘сосуд’ (*взял кубок*) и в метонимическом значении ‘содержимое сосуда’ (*осушил кубок*). Таким образом, в метонимическо-метафорическом поле оказываются у Тютчева существительное и глагол. Ни в

СРЛЯ, ни в СЯП, ни в СОШ метонимическое значение слова *кубок* не указывается, по-видимому, потому, чтоместилище для того и служит, чтобы его наполняли содержимым.

В поэтическом тексте возможно совмещение метонимического и метафорического значений. Так, *поэтический кубок*, или *фиал*, наполняется не только вином: ... *И в кубок ваш все жарче и светлее Так вдохновение лилось* (Тютчев, с. 204–205); здесь *кубок* – поэзия П.А. Вяземского. У Пушкина поэтическое творчество – метонимический поэтический бокал: ... *И в поэтический бокал Воды я много подмешал*, – пишет он в «Евгении Онегине» (Пушкин, т. 2, с. 343).

В поэтическом тексте возможно также совмещение двух метонимических значений. Так, в названии стихотворения Блока «Сквозь винный хрусталь» (Блок, т. 2, с. 24) одновременно представлены: 1) перенос названияместилища на его содержимое, 2) перенос названия материала (стекла) на изделие из него.

Перенос названия материала на изделие из него – продуктивный поэтический тип метонимии. Чаще всего в этих значениях выступают существительные, номинирующие различные виды оружия, скульптуры, сооружения. Для Пушкина, Тютчева, Блока характерно употребление в данном метонимическом значении таких лексем, как *алмаз*, *броня*, *булат*, *гранит*, *медь*, *металл*, *мрамор*, *бронза*. Например: *У русского царя в чертогах есть палата: Она не золотом, не бархатом богата; не в ней алмаз венца хранится за стеклом* (СЯП, т. 1, с. 35); *В горьком опыта фиале Твой алмаз на дне горит*. (Тютчев, с. 62–65) (здесь *алмаз* – ‘алмазный перстень’); *Янтарь на трубках Цареграда, Фарфор и бронза на столе, И чувствв изнеженных отрада, Духи в граненном хрустале* (СЯП, т. 4, с. 876); *Под грозной броней ты не ведаешь ран* (СЯП, т. 1, с. 169); ... *И с целой армией в бронях и на коне Противу мальчиков воюют?* (Тютчев, с. 282); *И, задрожав, булат холодный Вонзился в дерзостный язык* (СЯП, т. 1, с. 179); *Снова ль, Гектор, мчишься в поле брани, Где с булатом в неприступной длани. Мстительный свирепствует Пелид?* (Тютчев, с. 59–60); *С душою, полной сожалений, и опершись на гранит, Стоял задумчиво Ев-*

гений (СЯП, т. 1, с. 547); *Стояла ты, младая фея, На миистый опершись гранит ...* (Тютчев, с. 136–137) (здесь *гранит* – ‘развалины гранитных стен замка’); *Но эти милые забавы Не затемнили образ твой, И в бронзе выкованной славы Трясешь ты гордой головой* (Есенин, с. 244); *Но, обреченный на гоненье, Еще я долго буду петь ... Чтoб и мое степное пенье Сумело бронзой прозвонить* (Есенин, с. 245); *В струнах ли мечтаешь укрыться златых? Металл содрогнулся, тобой оживлен* (Тютчев, с. 78); *Металла голос погребальный порой оплакивает нас* (Тютчев, с. 80).

Как метонимические в сочетаниях с существительными могут выступать прилагательные, например, у Тютчева: *И звоном меди православной все огласились высоты* (Тютчев, с. 254). *Медь православная* – ‘колокола православных церквей’. В стихотворении «17-е апреля 1818», в день 55-летия императора Александра II, поэт вспоминает: *На первой дней моих заре ... Я в келье был, И тихой и смиренной, Там жил тогда Жуковский незабвенный. Я ждал его, и в ожиданье ... Следил за медной бурей, подымающейся в безоблачном лазуре И вдруг сменной пушечной пальбой* (Тютчев, с. 276). Метонимически-метафорическое словосочетание *медная буря* в значении ‘частый и сильный колокольный звон’ базируется на метонимической семантике существительного *медь* и метафоре бури.

Метафоро-метонимическое сочетание существительного и прилагательного использует и Блок, например, в стихотворении «Пожар»: *Впереди скакун с трубой Над испуганной толпой. Скок по камню тяжело звонок. Голос хриплой меди тонок* (Блок, т. 1, с. 304).

Как видно из приведенных поэтических строк, метонимический перенос усиливает образность стиха, сочетаясь с метафорой (прилагательным, глаголом, существительным), и таким образом создается обогащенное образное поэтическое поле.

Этот тип метонимического значения в словарях отражается непоследовательно. В СОШ приводятся метонимические значения (без указания на их образность) лексем: *хрусталь* – 2. ‘Посуда и другие изделия из этого стекла’ (СОШ, с. 870); *бронза* – 2. ‘Художе-

ственное изделие из такого сплава' (СОШ, с. 60); *булат* – 2. 'Стальной клинок, меч' (СОШ, с. 63); *золото* – 2. 'Монеты или изделия из этого металла' (СОШ, с. 232) и некоторых других. При этом они не отмечаются у лексем *алмаз, янтарь, медь* и многих других. Мы считаем, что в авторской лексикографии эти метонимические значения должны быть зафиксированы, возможно, и без указания на их переносность. Такой подход, позволяющий отразить особенности употребления лексем *гранит, медный, алмаз* и других, реализован в «Поэтическом словаре Ф.И. Тютчева» (Голованевский, 2009).

Событийная метонимия в языке поэзии

Весьма распространенной в поэзии является оценочная характеристика события, отраженная в событийной метонимии, когда само событие не называется, а как бы шифруется указанием на время, в которое оно происходило, упоминанием его участников, топонимов, связанных с важными моментами данного события и другими факторами, имеющими непосредственное отношение к описываемым событиям. Как правило, в языке художественной литературы такой метонимический прием используется по «горячим следам» прошедших событий, поэтому он не вызывает затруднений в «расшифровке» темпоральных лексем, топонимов или антропонимов. При этом со временем, если эти номинации не закрепились в литературном языке в качестве словарных дефиниций в толковых словарях или не сохранились в памяти народа, то необходимы дополнительные разъяснения для точного понимания называемых дат и имен. Обратимся к поэтическим контекстам:

Снежные Балканы, Три Плевны, Шипка и Дубняк, Незаживающие раны, И хитрый и неслабый враг ... (Блок, т. 2, с. 279); *Раскинулась необозримо Уже кровавая заря, Грозя Артуром и Цусимой, Грозя Десятым января* (Блок, т. 2, с. 301); *Как тяжелый бык, копытом бьющий травы, Крутоголовый, полный страшных сил, Здесь пятый год, великий и кровавый, Чудовищную ношу протащил* (Багрицкий, с. 289); *Отдам всю душу октябрю и маю, Но только лиры*

милой не отдам (Есенин, с. 251). *Прочтешь не в буквах, а в другом, Что в той стране, где власть Советов, Не пишут старым языком. ... Лишь потому так неумело шептал бумаге карандаш* (Есенин, с. 252).

Из названных здесь имен и дат в словари различных типов вошли *Шипка, Октябрь, май*. И.А. Бодуэн де Куртэнэ в третьем издании словаря В.И. Даля сопроводил словарную статью «Шипка» такой иллюстрацией: «На Шипке все спокойно... Эти слова вошли в поговорку для обозначения, что мнимо все хорошо, а на самом деле скверно» (Даль, т. 3, с. 1436). *Октябрь* – 2. 'Великая Октябрьская социалистическая революция' (СРЛЯ, т. 8, с. 829–830). *Май* – Перен. 'О счастливой поре жизни и молодости' (СРЛЯ, т. 6, с. 499). Отметим, что результаты событийной метонимии имен собственных входят в лексическую систему языка, например, *Ватерлоо, Седан* стали нарицательными именами и служат для 'обозначения поражений, крушения завоевательной политики, старого режима какого-либо государства' (Голованевский, 1995, с. 23, 95). Такими именами стали *Порт-Артур, Цусима* и др. Употреблялись они в основном в публицистике, откуда и вошли в поэзию и различные словари.

Выводы

Учение о метонимии привело нас к пониманию того, что можно выделить два ее типа: фактическую и событийную. Первая из них свойственна переносным значениям конкретных существительных, обозначающих части человеческого тела (рука, голова и т. п.), сооружения (дом, аудитория и т. п.), одежду (шляпа, сапоги), металлы, различные вместилища и много другое.

К событийной метонимии отнесем вторичные значения топонимов, названия различных артефактов. История государств, отдельных городов, артефактов порождает событийную метонимию, обязательно связанную со временем, факультативно – с топосом. Событий вне времени не бывает.

Событийную метонимию широко использовали Блок, Есенин, Багрицкий. У Тютчева названия городов, государств обычно употребляются в фактическом значении с обозначением

нием их жителей. В результате употребления слов в метонимических значениях в языке поэзии образуются сложные метафоро-метонимические конструкции, совмещение прямого и переносного значений лексем.

В статье мы кратко рассмотрели лишь три типа метонимических значений, используемых в русской поэзии, в том числе и не выделяемую исследователями событийную метонимию. Понятно, что такими переносами она не ограничивается. Весьма продуктивными типами являются: 'Населенный пункт – жители'; 'Часть – целое' и обратное; 'Человек, животное – артефакт, который используется ими'; 'Учреждение – люди, работающие или находящиеся там' и др. Каждый из этих метонимических типов может стать предметом специального исследования. Только дальнейшее изучение использования метонимии в языке вообще и отдельного автора в частности может способствовать лучшему пониманию природы этого образного средства и возможности его лексикографической маркировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1995. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : «Языки русской культуры». 472 с.
- Арутюнова Н. Д., 1999. Язык и мир человека. М. : «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
- Голованевский А. Л., 2013. Тютчев – русская языковая поэтическая личность : монография. Брянск : «Курсив». 292 с.
- Голованевский А. Л., 2017. Концепт ФАКТ в мире языка // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 3. С. 63–75.
- Квятковский А. П., 1966. Поэтический словарь. М. : «Советская энциклопедия». 375 с.
- Шмелев Д. Н., 1973. Проблемы семантического анализа лексики. М. : «Наука». 280 с.
- Шмелев Д. Н., 1977. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». М. : «Просвещение». 335 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Багрицкий – Багрицкий Э. Г. Стихи и поэмы. М. : «Художественная литература», 1956. 335 с.

- Блок – Блок А. А. Собрание сочинений : в 6 т. Л. : «Художественная литература», 1980–1983.
- Голованевский, 1995 – Голованевский А. Л. Идеологически-оценочный словарь русского языка XIX – начала XX вв. Брянск : Брянский государственный университет, 1995. 170 с.
- Голованевский, 2009 – Голованевский А. Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. Брянск : Брянский государственный университет, 2009. 960 с.
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртэнэ. Изд. 3-е. СПб. : Тип. Товарищества М.О. Вольф, 1903–1909.
- Есенин – Есенин С. А. Стихотворения. Поэмы. М. : «Художественная литература», 1965. 551 с.
- Пушкин – Пушкин А. С. Сочинения : в 3 т. М. : Худож. лит., 1985–1987.
- Тютчев – Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. Л., «Советский писатель», 1987. 447 с.
- СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. с дополн. М. : «Азбуковник», 1997. 940 с.
- СРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. : в 17 т. М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1950–1965.
- СЯП – Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд. доп. М. : «Азбуковник», 2000.

REFERENCES

- Apresyanyan Yu.D., 1995. *Lexical semantics. Synonymic language means*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 472 p.
- Arutyunova N.D., 1999. *Language and human world*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 896 p.
- Golovanevskiy A.L., 2013. *Tyutchev as a Russian linguistic poetic identity : monography*. Bryansk, Kursiv Publ. 292 p.
- Golovanevskiy A.L., 2017. *Concept fact in the world of language. Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, iss. 3, pp. 63-75.
- Kvyatkovskiy A.P., 1966. *Poetic dictionary*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 375 p.
- Shmelev D.N., 1973. *Problems of the vocabulary semantic analysis*. Moscow, Prosveshchenie Publ. 335 p.
- Shmelev D.N., 1977. *The modern Russian language. Vocabulary. Textbook for students of pedagogical universities specializing in the Russian language and literature*. Moscow, Nauka Publ. 335 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Bagritskiy E.G., 1956. *Verses and poems*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. 335 p.
- Blok A.A. *Collected works in 6 vols*. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980-1983.
- Golovanevskiy A.L., 1995. *Ideological axiological dictionary of the Russian language of the 19th – early 20th centuries*. Bryansk, Izd-vo BGU. 170 p.
- Golovanevskiy A.L., 2009. *The poetic dictionary of F.I. Tyutchev*. Bryansk, Izd-vo BGU. 960 p.
- Dal V.I. *Explanatory dictionary of the Great Russian language. In 4 vols*. Saint Petersburg, Tip. Tovarishchestva, 1903-1909.
- Esenin S.A., 1965. *Verses. Poems*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. 551 p.
- Pushkin A.S. *Writings : in 3 vols*. Moscow, Kzudozh. lit. Publ., 1985-1987.
- Tyutchev F.I., 1987. *Complete collection of poems*. Leningrad, Sovetskiy pisatel Publ. 447 p.
- Ozhegov S.M., Shvedova N.Yu., 1997. *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow, Azbukovnik Publ. 940 p.
- Dictionary of the modern Russian literary language*. In 17 vols. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950-1965.
- Vinogradov V.V., ed., 2000. *Pushkin's language dictionary. In 4 vols*. Moscow, Azbukovnik Publ.

Information about the Author

Arkadiy L. Golovanevskiy, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of the Russian Language, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bezhitskaya St., 14, 241036 Bryansk, Russia, golovanevski@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4023-3138>

Информация об авторе

Аркадий Леонидович Голованевский, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036 г. Брянск, Россия, golovanevski@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4023-3138>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.23>

UDC 81'42:2
LBC 81.055.51

Submitted: 30.07.2018
Accepted: 22.08.2018

PARTICIPATIVE RITUALITY: MULTIMODAL RESEARCH ON RELIGIOUS COMMUNICATION IN THE CHURCH INTERIOR

Anna A. Petrova

Volgograd State University, Volgograd, Russia
Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Reinhold Schmitt

Institute of the German Language, Mannheim, Germany

Oleg E. Stulberg

Lutheran-Protestant Church of Sarepta, Volgograd, Russia

Abstract. In this article, the execution of a ritual as a component of religious communication is analysed. The ritual, in which the church community remembers the deceased, is celebrated in the evangelic church of Sarepta (Volgograd) on the last Sunday of the church year, the so-called 'eternity Sunday'. The study of the ritual is based on two scientific approaches: ethnomethodology and multimodal interaction analysis. These approaches make it possible to analyse the social and cultural practices of church visitors in conjunction with the organisation of church service.

Specifically, it becomes possible to:

- a) develop new scientific paradigms when analysing the actual use of the church interior,
- b) identify basic religious activities of communication in church,
- c) introduce new concepts into scientific use,
- d) present the ritual of remembrance in Sarepta as a complex, multimodally constituted religious event,
- e) focus the coordination of linguistic, physical and spatial activities of church visitors and clerics at different stages of church service and to understand their respective social content and communicative status.

For analysing the video recordings of the church service, the concepts of 'architecture-for-interaction' and 'social topography' are used, making it possible to discover new aspects of spatial influence on communication. The concept of 'architecture-for-interaction' provides the framework for answering the question of how the church interior in Sarepta contributes to the organisation of the ritual. Forms of situational use of space and the cultural knowledge underlying this use are captured with the concept of 'social topography'. From a structural viewpoint, the analyzed ritual in Sarepta is based on organization and division of responsibilities, consists of phases of structural non-simultaneity, has a three-positional spatial basis, and is structurally open. Because of these characteristics, the execution of the ritual can be described as 'participatory rituality'. Participatory rituality allows for a religious socialization which lets the community members participate as active and legitimate participants in religious communication and autonomously contribute to the execution of the ritual.

Key words: religious communication, religious socialization, participative rituality, ritual, church community of Sarepta (Volgograd), multimodal interaction analysis, architecture-for-interaction, social topography.

Citation. Petrova A.A., Reinhold S., Stulberg O.E. Participative Rituality: Multimodal Research on Religious Communication in the Church Interior. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 210-222. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.23>

УДК 81'42:2
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 30.07.2018
Дата принятия статьи: 22.08.2018

ПАРТИЦИПАТИВНАЯ РИТУАЛЬНОСТЬ: МУЛЬТИМОДАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕРКВИ

Анна Александровна Петрова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Райнхольд Шмитт

Институт немецкого языка, г. Мангейм, Германия

Олег Эткардович Штульберг

Евангелическо-Лютеранская церковь Сарепты, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье как часть религиозной коммуникации анализируется ритуал, совершаемый в последнее воскресенье церковного календаря («Воскресенье вечности») в евангелической церкви Сарепты (Волгоград), когда община вспоминает об умерших. Исследование проведено в русле этнометодологического и мультимодального подходов к интеракции, что позволило описать социальные и культурные практики при посещении церкви и в условиях проведения богослужений. При этом стало возможным: а) выделить новые научные парадигмы при изучении фактического использования пространства церкви; б) зафиксировать основные религиозные формы активности в процессе коммуникации в церкви; в) ввести в научный оборот новые концепты; г) представить религиозный ритуал в Сарепте как комплексное мультимодальное религиозное событие; д) зафиксировать в различных фазах совершения богослужения у членов общины и священнослужителей координацию языковой, телесной и пространственной активности и определить социальное наполнение и коммуникативный статус этих действий. В процессе изучения видеозаписей богослужения в Сарепте в научный обиход были введены новые понятия – «интеракционная архитектура» и «социальная топография», которые позволили раскрыть влияние пространства на протекание коммуникации. Понятие «интеракционная архитектура» введено при изучении влияния пространства церкви в Сарепте на религиозную коммуникацию и совершение ритуала, понятие «социальная топография» – при описании форм ситуативного использования пространства и культурных знаний, лежащих в основе этого использования. Исследуемый ритуал организационно разделен, состоит из фаз структурной разновременности, обладает трехпозициональной основной структурой и структурно открыт. Выявленные характеристики позволяют обозначить ритуал как «модель партиципативной ритуальности». Партиципативная ритуальность способствует религиозной социализации: представители общины являются активными и легитимными участниками совершения религиозного коммуникативного действия и способствуют развитию ритуала.

Ключевые слова: религиозная коммуникация, религиозная социализация, партиципативная ритуальность, ритуал, церковная община Сарепты (Волгоград), мультимодальный анализ интеракции, интеракционная архитектура, социальная топография.

Цитирование. Петрова А. А., Шмитт Р., Штульберг О. Э. Партиципативная ритуальность: мультимодальное исследование религиозной коммуникации в пространстве церкви // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 210–222. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.23>

Введение

В евангелическо-лютеранской церкви Сарепты (бывшей немецкой колонии, ныне входящей в состав Волгограда), в последнее воскресенье литургического календаря, в день поминовения усопших («Воскресенье вечности», или «День Вечности») проходит литургическое богослужение, составной частью которого является особый ритуал: зачитывание (оглашение) имен умерших и зажжение свечей в память о них. Согласно христианскому вероучению смерть человека не прекращает отношений, связывавших его с живыми людьми, что находит свое выражение в молитвенном поминовении умерших.

Настоящее исследование ставит своей целью с аналитической точки зрения и на ос-

нове эмпирического материала – видеозаписей богослужений в евангелическо-лютеранской церкви Сарепты, сделанных в 2016 г., – реконструировать специфику совершения литургического элемента ритуала «вспоминания об усопших» (или «поминовения усопших») в пространстве церкви на предмет выявления его основополагающих качеств, социальных и ритуализованных спецификаций, характерных для евангелическо-лютеранской общины Сарепты.

Актуальность такого исследования обусловлена научной новизной поставленной цели, связанной с обращением к социальным и культурным практикам при посещении церкви и в условиях проведения богослужений, и включающей: а) выделение новых научных парадигм при изучении восприятия реального про-

странства церкви, таких как мультимодальный подход к интеракции применительно к ритуализованному действию; б) введения в научный обиход новых концептов при исследовании базовых форм деятельности в пространстве конкретной церкви в различных фазах проведения богослужений, таких как социальная топография и интеракционная архитектура; в) реконструкции комплексного мультимодального религиозного события; г) изучения данной категории в русле мульти- и мономодальности; д) закрепления за выделенной категорией новых характеристик, предполагающих, что в условиях современного информационного пространства референтное событие, преломленное сквозь призмы дискурса (вербальное отражение в коммуникативном пространстве) и мультимодальности (аудиовизуализация, восприятие и продуцирование), предстает в другой ипостаси и приобретает новые характеристики.

Разработанность проблемы в науке

Охарактеризуем проблемы изучения пространства, в том числе пространства церкви, религиозного социума и религиозного дискурса в социологии (социологии религии) и языковедении, так как именно данные научные направления являются основными при изучении построения и функционирования модели интеракции в пространстве церкви.

Внимание социологов в последнее время нацелено на установление закономерностей социального пространства, выявление институциональных форм поддержания социально-пространственного порядка, многообразия и единства социально-пространственных взаимодействий и пространственных практик, социокультурных механизмов освоения пространства; представляется, что социальная реальность онтологически и пресуппозиционно пространственна.

Социологи (Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, И. Гофман, Г. Гарфинкель и др.) исследовали символический срез социального и социокультурного пространства. Г. Зиммелю принадлежит идея о пространственных проекциях социальных форм, под которыми он понимает структурирование пространства, локальную структуру, фиксированные локальности как

выражения социальных связей (социальные единицы, локализованные в пространственных формах), пустое пространство как выражение нейтральности. Пространство понимается им как основа социальной организации (принцип локальности), что для нас важно [Simmel, 1995a; Simmel, 1995б] (о социологии пространства Г. Зиммеля см. также: [Филиппов, 2008, с. 83–117]). Поскольку в нашу задачу не входит детальное изучение категории «социальное пространство» (в этом отношении существовали два принципиально различных подхода к пониманию пространства – Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля, впоследствии объединенные П. Бурдьё), присоединимся к мнению А.Ю. Барковской, которая считает, что А.Ф. Филиппов наиболее точно и емко определяет категорию «социальное пространство», а именно как: 1) порядок социальных позиций, например, статусов, сосуществующих таким образом, что занятие одной позиции исключает занятие другой, подобно тому, как в физическом пространстве вещи одной и той же природы не могут занимать в одно и то же время одно и то же место; 2) характеристику любого пространства (зоны, территории, места, региона, локала), поскольку его составляющие (границы, объекты) имеют социальное происхождение; 3) физическое пространство, поскольку на него проецируется принцип распределения и соотношения социальных позиций [Барковская, 2013, с. 54].

Изучение пространства церкви сопрягается и с изучением религиозного социума, и в этом аспекте в связи с нашей работой обнаруживаются два направления: синхронические и диахронические исследования религиозного дискурса и социологические исследования религиозных общин.

Применительно к социологии религии в контексте социологии православия приведем мнения М.Ю. Смирнова, И.В. Забаева, Д.А. Орешина, Е.В. Пруцкова о том, что в России только начинается социологическое описание современного православного духовенства: и в плане его социально-демографической характеристики, и в ракурсе сопоставления священников и монахов советского времени с нынешним поколением служителей культа, и в плане вертикальных и горизонтальных взаимоотношений внутри института священнослужителей, так-

же и по многим другим направлениям (образование, семейные отношения, приходская жизнь и т. д.) [Смирнов, 2014, с. 141].

Существуют также эмпирические исследования М.А. Подлесной и В.В. Мельниковой, проведенные в православном приходе, в которых рассматриваются сценарии жизненных стратегий взрослых инвалидов, а также отношение общества и его церковной части к их проблемам (нетрудоспособности и болезни в целом). На основе глубинных интервью с преподавателями мастерских при религиозной общине и групповых интервью с инвалидами предпринимается попытка определить роль церковной общины в преодолении последствий стигматизации и «испорченной идентичности» [Подлесная, Мельникова, 2015, с. 145]. Подобных социологических изысканий на примере других христианских конфессий мы не обнаружили.

Обращаясь к религиозному дискурсу, заметим, что наиболее изучены в разных аспектах религиозные тексты, описана речевая организация православной проповеди и молитвы; в отечественном языковедении приведенные направления основываются преимущественно на синхронно-диахроническом подходе, целью которого является раскрытие характера соотношения и взаимодействия фактов истории языка и его современного состояния (В.В. Потапов, Н.Л. Шамне, О.А. Прохвятилова и др.).

Термин «религиозная коммуникация» появился в связи с изучением религиозной языковой личности и определяется в настоящее время на основе нескольких подходов: теории функциональных стилей (Т.М. Кругликова, Л.В. Левшун, Н.Л. Мухелишвили, О.А. Прохвятилова, И.Ю. Ярмульская), теории дискурса, и, следовательно, религиозного дискурса (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Е.В. Бобырева, Е.В. Аверьянова, А.М. Морозова, А.В. Олянич), теолингвистики (А.К. Гадомский), теории речевых жанров, социоллингвистики (религиозный (православный) социолект, особенности проявления религии и конфессии на вербальном и невербальном уровнях – И.В. Бугаева). Анализируя коммуникативную компетенцию, в том числе и в невербальном аспекте, Е.В. Бобырева выделяет стадии ее развития: интуитивный дилетант, рефлексующий дилетант, рефлексующий практик, рефлексующий теоретик и компетентный теолог.

На нулевом или подготовительном уровне в процессе становления коммуникативной компетенции в рамках религиозного дискурса человек пытается использовать свои базовые знания культуры и общие навыки общения для установления контакта и поддержания общения в рамках религиозного института. На этом уровне, по мнению авторов, чрезвычайно важное значение приобретает ритуал. Участие в коммуникации нередко возможно без вербальной реализации, на первое место выступают в этом случае невербальные ритуальные действия: срабатывает принцип «делай как я». Человек, впервые пришедший в храм, старается вступить в невербальное общение, присутствуя на службе и повторяя то, что делают окружающие – зажжение свечи, поклоны, крестное знамение – все это первые шаги, во многом подготовительный этап вхождения в религиозную коммуникацию [Бобырева, 2013, с. 267].

С точки зрения взаимоотношения институциональности и дискурсивности следует отметить, что религиозный дискурс есть особый тип институционального дискурса с определенными ценностями, дискурсивными формулами, стратегиями, участниками, особенностью постановки целей, жанрами.

В рамках социологического подхода с позиции участников общения все виды религиозного дискурса распадаются на личностно-ориентированный и статусно-ориентированный дискурс. Последний может иметь институциональный и неинституциональный характер в зависимости от того, какие религиозные институты функционируют в социуме в конкретный исторический промежуток времени. Степень ритуальности религиозного дискурса исключительно высокая, поэтому (и в силу своей символической нагруженности) он обладает содержательной рекурсивностью и твердой формальной фиксацией [Богачевская, 2006]. Ритуал по своей сути является инициацией, или переходом одного из его участников в новый статус (конфессиональный, иерархический и т. п.). Ритуальная тональность общения жестко закрепляет иерархию в коллективе и обосновывает сформированную в нем систему ценностей [Paul, 1990, S. 11–17].

Совершенно ясно, что все указанные исследования являются мономодальными,

поскольку в них изучались либо текстовый и вербальный (звучащая речь), либо социальный пласты богослужений и проповеди.

Отечественными социологами и социолингвистами не проводились комплексные исследования, затрагивающие социальные, пространственные, вербальные структуры в конкретный момент богослужения, включенность в него религиозной общины как социума. В этом плане интересным представляется изучение экзотетического говорения, предпринятое Р. Шмиттом, Р. Филером и С. Ендич, в котором «на основе видеодокументов анализируется посещение церкви, в процессе которого участники эксперимента визуально воспринимают пространство церкви и вербально его обозначают и описывают объекты, находящиеся в поле их индивидуального внимания» [Schmitt, Fiehler, Öndüç, 2018, с. 152]. Метод экзотезы дал авторам возможность «выделить три концепта, отличающие индивидуальное восприятие пространства церкви: церковь как функциональное религиозное пространство, церковь как место, в котором изображаются фрагменты жизни Иисуса Христа, и церковь как архитектурно-исторический объект» [Schmitt, Fiehler, Öndüç, 2018, с. 152]. Таким образом, комплексное изучение религиозной коммуникации требует нового – мультимодального – подхода к интеракции, совмещающего социологический, культурологический и языковедческий подходы. Мультимодальный подход сформировался в рамках междисциплинарного исследовательского направления – «мультимодальности», главная цель которого – стремление изучать коммуникацию в пространстве в ее естественном состоянии, не редуцируя ее до какой-либо одной модальности: вербальной, аудиальной, визуальной (П. Бурдье, Г. Гарфинкель, И. Гофман, С. Холл, Г. Кресс, В. Лабов, Т. ван Лейвен, М. Халлидей и др.).

Подходы к исследованию и его задачи. Мы используем следующие подходы: этнометодологический и мультимодальный (взаимосвязь языка и кинесиковизуальных ресурсов); при этом мультимодальность как новое междисциплинарное научное исследовательское направление, первоначально выделенное в социологии, является для нас основным при изучении модели богослужения.

В нашем понимании «мультимодальность» не родственна «мультимедийности», или «мультимедиальности» (см. подробно: [Schmitt, 2015]). Поскольку мы изучаем интеракцию в пространстве церкви, а любая социальная интеракция по сути своей мультимодальна, то основополагающими являются методы включенного наблюдения (этнометодология) видеоанализа эмпирического материала и реконструкции, которые применяются с учетом бинарности категориальной структуры «симультанность – сукцессивность» и имплицитивности как единственно эмпирически верного и доступного в интеракции.

Предпринятые исследовательские действия позволят нам: а) зафиксировать динамическую, статическую и социальную активность прихожан в пространстве церкви в различных фазах или конкретной фазе богослужения; б) зафиксировать динамику и статику священнослужителей в пространстве церкви во время проведения ритуала богослужения; в) реконструировать модель совершения ритуала «поминание усопших» и определить ее социальный статус с точки зрения включенности / невключенности представителей общины в ритуализованное действие.

Для решения таких задач нам потребуются и новые понятия: «интеракционная архитектура» и «социальная топография».

Интеракционная архитектура и социальная топография. Понятия «интеракционная архитектура» и «социальная топография», впервые описанные Р. Шмиттом и Х. Хаусендорфом в рамках мультимодального подхода к исследованию интеракций и пространства интеракций являются центральными при осмыслении интеракционных и пространственно-аналитических отношений, связанных с процессами коммуникации, протекающими в определенных пространствах (помещениях) и социальных группах [Hausendorf, Schmitt, 2016].

«Социальная топография» – теоретическое представление об использовании определенного пространства, включающее знания людей о пространстве и его использовании, полученные в результате культурных и социальных практик – опыта, приобретенного на основе восприятия реального пространства (например, прихожане православной церкви знают, что в алтарную часть верующим входить нельзя).

В контексте нашего исследования социальная топография характеризует презентно структурированную ориентацию в сакральном религиозном пространстве церкви, первично предназначенном для совершения богослужений, в котором применимы объективно данные и пространственно обусловленные возможности, такие как ходить в отдельном пространстве, касаться объекта, осмотреть / увидеть что-либо, использовать объекты. Перечисленные возможности могут служить и основой для социальной классификации пространства: суд, школа, спортивная площадка, музей и т. п. Человек должен располагать знаниями о функциональности пространств; представление об их назначении и дает нам социальная топография.

Исследование коммуникации с использованием понятия «интеракционная архитектура» позволяет ответить на вопросы о том, как архитектура пространства обеспечивает, определяет, препятствует, дает возможность состояться интеракции и каким образом можно эмпирически реконструировать интеракционно-архитектурные импликации или «скрытые», но потенциально осознанно воспринимаемые (сенсорно и моторно обнаруживаемые / узнаваемые) и эмпирически зафиксированные формы проявления архитектуры.

Р. Шмитт и Х. Хаузендорф на основе аудиовизуальных документов и в рамках выше названных понятий демонстрируют возможности исследования интеракционного пространства церкви во время богослужения. Ключевыми характеристиками при изучении любого ритуализованного действия, в том числе в пространстве церкви, по мнению К. Белл, Г. Вагнера, Р. Шмитта, Х. Хаузендорфа, становятся: а) формализация, которая реализуется, например, в том, что составными частями ритуала «помяновение усопших» являются зачитывание (оглашение) имен умерших и зажжение свечей; б) повторение и инвариантность; в) опора на традицию. Ритуализованная интеракция представляет собой структурируемую и структурированную деятельность, иначе, структуру группы, находящейся за ритуалом или принимающей участие в нем [Bell, 1997; Schmitt, Petrova, 2018; Wagner, 2007].

Обратимся к анализу ритуала «воспоминание об усопших», проводимого в день по-

миновения усопших – «Воскресенье вечности» – в евангелическо-лютеранской церкви Сарепты г. Волгограда¹. Итак, анализ проводится с позиции мультимодального подхода к интеракции, позволяющего построить концепционную триаду: «интеракционная архитектура» – «социальная топография» – «интеракционное пространство».

Реконструкция ритуала «воспоминание об усопших»

Ритуал «воспоминание об усопших» представляет собой часть богослужения и совершается на 50-ой минуте службы. Начальными фазами ритуала являются: а) провозглашение пастором порядка ритуала; б) описание пастором ритуала; в) описание пастором участия прихожан церкви в ритуале «зажигание свечи».

А) Прежде всего, пастор проговаривает, то есть эксплицитно выражает то, что он разъяснит прихожанам правило совершения ритуала²:

22 я напомним еще раз правило (0.5)
23 э (1.0) как это (1.0)
помяновение усопших
происходит↓

Формулировка *я напомним еще раз* свидетельствует о том, что предполагаемые к совершению действия уже ранее многократно совершались, имеют отчетливо выраженный, кодифицированно закрепленный статус. Таким образом реализуется практика, ритуально зафиксированная в сознании прихожан как «опора на традицию».

Б) Далее следует конкретное описание ритуала с уточнениями: так как пастор зачитывает иногда несколько имен умерших от одной семьи, то он предлагает ставить свечи не за каждое оглашаемое им имя, но коллективно, за всю семью:

24 я буду зачитывать (-)
25 фамилии (.) имена ваших
близких и родных
26 э (1.5) поскольку в списке
находятся (1.0)
27 несколько имен э от одной
фамилии
28 то (1.0) я предлагаю
29 чтобы зажгли одну свечу на
семью

В) В заключение пастор объясняет последовательность действий прихожан во время возжигания свечей:

30 и ставили ее в подсвечник (0.5)

31 свечи надо зажигать

32 от алтарной свечи

33 которая находится на алтаре (5.5)

Объяснение ритуала важно с точки зрения того, как должны вести себя прихожане во время зажигания свечей и, главное, как они должны двигаться и что делать в пространстве перед алтарем и в пространстве алтаря.

Интересными в этой связи представляются два жестикуляторных указания пастора: прежде всего он показывает правой рукой на находящийся в полутора метрах от него в пространстве алтаря подсвечник, предназначенный для установки зажженных свечей (рис. 1). Затем он поворачивается к алтарю и указывает правой рукой на алтарную свечу, от которой необходимо зажигать свечи (рис. 2). Таким образом, основные позиции ритуала выражены мультимодально: вербально и жестикуляторно. При этом пастор ни вербально, ни жестикуляторно не указывает на свечи, предназначенные для возжигания и расположенные в форме креста на первой от алтаря скамье, от которых, собственно, и начинается путь прихожан к алтарной свече.

Рис. 1. Указание на подсвечник

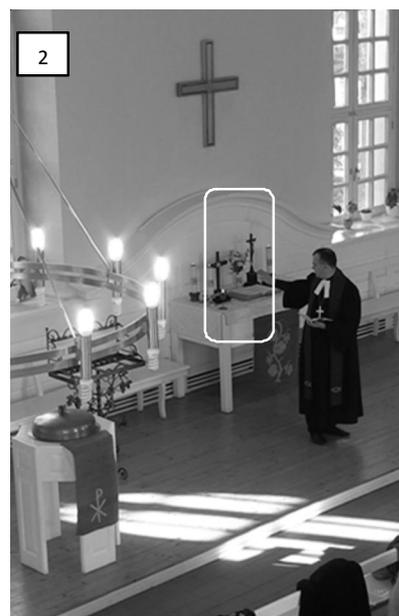

Рис. 2. Указание на алтарную свечу

Эксплицитно выраженные действия пастора обозначают роль прихожан: они, скорее, осуществляют его указания и принимают участие в ритуале. С этой точки зрения и в рамках традиционной формальной концепции ритуала религиозные действия в Сарепте обладают рефлексивностью и транспарентностью; они ориентируют на партисипативность (*participation* или со-участие), нежели на формальную ритуальность, что является здесь главным.

После краткой молитвы пастор приступает к оглашению имен умерших:

47 в воскресенье вечности

48 мы молим тебя

49 прими наши молитвы

50 за тех сестер и братьев

51 кто покинул этот мир

52 соединившись через святое крещение с тобой

53 имена которых мы называем (5.5)

Совершение ритуала. Мы выбрали для анализа из почти двадцатиминутного ритуала зачитывания имен умерших три сегмента, которые прототипичны для реконструкции модели «воспоминания об усопших», поскольку они связаны с базовыми аспектами ритуала. В нашем обозначении эти аспекты представляются как: 1) «структурная разновременность»; 2) «трехпозициональная основная структура», вскрывающая пространственную

организацию (или динамику пути) процесса за-
жигания свечей; 3) «структурная открытость»,
которая отчетливо проявляет признак партици-
пативности в совершении ритуала.

Важными деталями в ритуале являются
следующие: а) зачитываются имена умерших
от одной семьи, независимо от года их смер-
ти; таким образом, пастором оглашается от-
носительно много или несколько имен; б) све-
чи возжигаются не только в память об одном
умершем от семьи, но и за семью или семьи
одного умершего, так что модель ритуала при-
обретает генеалогический характер; в) ука-
занные позиции а) и б) способствуют различ-
ной временной последовательности в «огла-
шении имен» и «зажигании свечей» или в их
координации.

Исследуем **первый сегмент в ритуале** – «структурную разновременность». В ре-
конструированной нами модели ритуала не
может существовать четкой ориентации на
структурную одновременность совершения
действия, как, например, это локально про-
исходит в некоторых реформированных цер-
квях Германии, где оглашается имя одного
умершего в определенном году в определен-
ной общине, и помощник пастора или один из
членов общины, находясь в пространстве ал-
таря рядом с подсвечником, зажигает в па-
мять об умершем свечу. В нашем примере
фиксируется динамика движения представи-

телей семей в пространстве церкви: сначала
к скамье, где находятся поминальные свечи,
затем к алтарю, к алтарной свече и наконец
к подсвечнику, куда следует поставить све-
чу (рис. 3). Существуют случаи, когда пред-
ставители двух семей могут находиться в
пространстве алтаря, при этом имя умерше-
го первой семьи уже не является релевант-
ным для второй, но релевантно для общины
в целом (рис. 4).

Пастор оглашает три имени от семьи
«Шютц» (рис. 3)³:

68 шютц валерий владимирович (3.0)

69 шютц иван якубович (2.0)

70 шютц рихард иванович (3.0)

После трехсекундной паузы он зачиты-
вает следующее имя, но уже другой семьи и
делает более длительную паузу в пять с по-
ловиной секунд:

71 майер борис антонович (5.5)

Представителя первой семьи еще на-
ходится на пути к алтарю, в то время как
представитель второй семьи уже находится у
него, а через несколько секунд они оба стоят
у алтарной свечи, так что в поле зрения об-
щины на определенное время попадают пред-
ставители двух семей (рис. 4).

Пастор продолжает зачитывать имена
умерших, в то время как представитель пре-
дыдущей семьи еще находится в пределах
пространства алтаря.

Рис. 3. Структурная разновременность в ритуале (фрагмент 1)

Рис. 4. Структурная разновременность в ритуале (фрагмент 2)

Зафиксированы также случаи, когда семья не упоминается общиной (родственник отсутствует), однако это никак не отражается на протекании ритуала, поскольку важно в данной модели то, что община поминает всех умерших, в том числе и каждого поименно названного. Это свидетельствует, скорее, о категориальной, чем об индивидуальной ориентации ритуала, что и выражается иногда в несовпадении зачитывания имени умершего или умерших, телесно-пространственной репрезентации и видимой репрезентации тех умерших, представители которых отсутствуют на богослужении. Предпосылкой этого в первую очередь является децентрализованная, трехпозиционная пространственная структура значимых объектов: свечи на первой от алтаря скамье, алтарная свеча, подсвечник для зажженных свечей.

Исследуем **второй сегмент в ритуале** – «трехпозиционную основную структуру» процесса зажигания свечей. Рассмотрим импликации, заложенные в такой структуре. Участие / поведение представителей общины в совершении ритуала характеризуется тремя составляющими: оно вербально абстинентно (или вербально не обозначено), телесно-пространственно (связано с положением тела в пространстве) и отличается оп-

ределенной динамикой передвижения в пространстве. Например, все осторожно и медленно передвигаются в пространстве алтаря с зажженной свечой в руке, часто прикрывая ее свободной рукой, что продуцирует ситуацию, при которой несколько представителей общины находятся в пространстве алтаря, ожидая, когда один представитель семьи поставит свечу на подсвечник; кроме того, зажженная свеча иногда гаснет и прихожанин вынужден возвращаться к ней вновь. Обозначенная здесь импликация свидетельствует о децентрализованной пространственной основе совершения ритуала.

Следующая импликация связана с ситуацией, когда прихожанин забывает взять свечу со скамьи и, вступив в пространство алтаря, возвращается за его пределы, чтобы взять свечу. Иными словами, он вынужден скорректировать динамику своего движения и положения в пространстве церкви во время ритуала.

Другая важная импликация также «встроена» в трехпозиционную основную структуру процесса зажигания свечей и выражается в том, что представители общины должны четко придерживаться трех позиций передвижения в пространстве церкви в момент совершения ритуала, соответственно,

они продолжительное время находятся в поле зрения общины, иными словами, они обладают правом легитимного и продолжительного присутствия в пространстве алтаря и определенной длительностью репрезентации умершего. Последний символизируется и поминается (репрезентируется) не только оглашением своего имени и зажженной свечой (здесь, вероятно, можно говорить и о семиотической символизации умершего зажженной свечой), но и символическим путем представителей умершего к трем сигнификантным объектам: свечам на первой церковной скамье, алтарной свече и подсвечнику с зажженными свечами. Именно воспринимаемый всеми путь представителей общины и составляет основной вклад каждого прихожанина в совершение ритуала. Таким образом, трехпозициональная основная структура ритуала обладает важным качеством: она не продуцирует риски, но как интегрированная в интеракционную архитектуру гарантирует и обеспечивает партиципативность (со-участие в ритуале) представителей умерших.

Данная ориентация на participation предполагает **наличие третьего сегмента ритуала** – «структурной открытости», в которой имплицированы потенциальные возможности самостоятельного и индивидуального движения к трем сигнификантным объектам. В конце ритуала поминовения усопших, когда пастор, повернувшись к алтарю, совершает мо-

литву, пожилая женщина из третьего ряда скамеек, повторяет симультанно с молящимся пастором путь к алтарю и действия прихожан, как если бы пастор продолжал оглашать имена умерших. В это же время другая пожилая прихожанка, ободренная возможностью принять участие в ритуале, также координирует и повторяет всю динамику движения уже предыдущей женщины и прихожан в целом. Они вновь оказываются вместе с пастором в пространстве алтаря, у алтарной свечи, но уже в тот момент, когда ритуал оглашения имен умерших завершен (рис. 5):

97 просим тебя **за**⁴ этих людей
 98 держи их крепко
 99 твоею милостью в руках
 100 чтобы они всегда чувствовали вечную
 101 радость в царствии твоём

Поведение обеих женщин представляет интересным с той точки зрения, что обе прихожанки уже без официального повода оказываются легитимными и потенциальными участниками ритуала, позиционируют себя как члены общины, при этом их поведение в пространстве церкви, фиксируемое общиной и религиозными служителями (на службе присутствует пастор из Германии), не воспринимается как «ненорма» и, соответственно, не дестабилизирует и не прерывает ход богослужения. Такое возможно в том случае, если модель совершения ритуала структурно открыта.

Рис. 5. Структурная открытость ритуала

Выводы

В результате проведенного исследования нами были выявлены следующие важные конститутивные составляющие ритуала «помяновение усопших»:

- плацирование, или место в богослужении: через 50 минут после начала богослужения;
- длительность совершения ритуала: примерно 12 минут;
- участники ритуала: пастор, представители семей умерших родственников, представители общины;
- использование пространства: пастор – статически, прихожане – динамически;
- модальность совершения ритуала: частично деритуализованная транспарентная ритуальность (община) и ритуальность (пастор);
- координация: (частичная) одновременность в оглашении имен и зажигании свечей;
- категориальный базис ритуала: семья (группа);
- вербальная презентация умерших: в соответствии с принадлежностью к семье, генеалогическая; с лингвистической точки зрения высказывания пастора маркируются просодически замедленным темпом произнесения, многочисленными долгими и сверхдолгими паузами, короткими синтагмами с относительным замедлением ударных гласных и интонационно повторяющимися последовательностями восходящих движений тона и незавершенными мелодическими контурами;
- репрезентанты умерших: индивидуумы (индивидуально), представители семей и родственники.

В результате реконструкции элемента богослужения – ритуала совершения поминовения усопших – в евангелическо-лютеранской церкви Сарепты мы пришли к выводу о том, что он реализуется по модели, которую можно обозначить как «модель партисипативной ритуальности», или «партисипативного ритуализованного действия». Ритуал осуществляется при активном участии членов семей умерших, родственников, являющихся одновременно прихожанами церкви, задача которых состоит в поминовении усопших возжиганием свечей. Основным аспектом, импортируемым трехпозициональной основной структурой, обеспечивающей ритуал, стано-

вится аспект «светскости», выражаемый практически ориентированным поведением прихожан, направленным на действия со свечами (зажигание, защита пламени рукой, транспортировка к подсвечнику), что приводит к расширению структуры совершения ритуала. Импликации, заложенные в партисипативной модели, реализуются в том, что представители общины способны определить порядок и образ оглашения имен родственников. Модель характеризуется структурной открытостью, что ведет к созданию особой модальности совершения ритуала.

Нами исследовалась русско-немецкая община, которая является не только религиозным, но и культурным сообществом, объединяющим представителей социального меньшинства в регионе, и вполне вероятно, что именно этот аспект важен при проведении ритуала поминовения умерших в Сарепте.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Указанные здесь и далее в скобках цифры (например, 0.5) обозначают длительность паузы в м. сек. и сек.; стрелка фиксирует интонацию; цифры перед строкой в транскрипте, например, 22, 23 и т. д., являются номерами строк, приведенных в качестве примеров для анализа из транскрипта всей видеозаписи. Транскрипт выполнен по правилам, принятым в Институте немецкого языка г. Мангейма (Германия); в транскрипте нет пунктуации и, соответственно, выделение высказываний осуществляется посинтагменно.

² Видеозаписи богослужения, анализируемые в разделе «Реконструкция ритуала “воспоминание об усопших”», выполнены за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

³ По правилам транскрибирования аудио- и видеодокументов всем реальным именам в транскрипте присваиваются маски (вымышленные имена).

⁴ Координация текста транскрипта и фрагмента видеозаписи маркируется выделением шрифта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барковская А. Ю., 2013. Социологическая интерпретация категории «социальное простран-

- ство» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. № 1 (19). С. 49–55.
- Бобырева Е. В., 2013. Характеристики коммуникативной компетенции в рамках религиозного дискурса // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». № 2.1. С. 265–272.
- Богачевская И. В., 2006. Религиозный дискурс как объект философско-религиоведческой рефлексии // Культура народов Причерноморья. № 79. С. 119–121.
- Подлесная М. А., Мельникова В. В., 2015. Религиозная община в жизни инвалидов // Социологические исследования. № 10. С. 145–151.
- Смирнов М. Ю., 2014. Религиозная социология и социология религии: соотношение и взаимоотношения // Социологические исследования. № 8. С. 136–142.
- Филиппов А. Ф., 2008. Социология пространства. СПб.: «Владимир Даль». 285 с.
- Bell C. M., 1997. *Ritual. Perspectives and dimensions*. Oxford; New York: Oxford University Press. 351 p.
- Hausendorf H., Schmitt R., 2016. Interaktionsarchitektur und Sozialtopografie. Eine Konzeptklärung // *Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum* / Hausendorf H., Schmitt R., Kesselheim W. (Hg.). Tübingen: Narr (Studien zur Deutschen Sprache. Bd. 72). S. 27–54.
- Paul I., 1990. *Rituelle Kommunikation. Sprachliche Verfahren zur Konstitution ritueller Bedeutung und zur Organisation des Rituals. Kommunikation und Institution*. Vol. 18. Tübingen: Narr. 308 S.
- Schmitt R., 2015. Positionspapier: Multimodale Interaktionsanalyse // *Ko-Konstruktionen in der Interaktion. Die gemeinsame Arbeit an Äußerungen und anderen sozialen Ereignissen* / Dausendschön-Gay U., Gülich E., Krafft U. (Hg.). Bielefeld: Transcript. S. 43–51.
- Schmitt R., Fiehler R., Öndüç S., 2018. Exothese als Erhebungsmethode und Analysegrundlage // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 17, № 2. С. 151–169. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.17>
- Schmitt R., Petrova A. A., 2018. Das Lutherish-Protestantische Abendmahl Als Koordinationsproblem Und Positionierungsaufgabe: Beispiele Aus Russland Und Deutschland // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 4. С. 75–94. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.8>
- Simmel G., 1995a. *Soziologie des Raumes*. Gesamtausgabe. Bd. 7. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. S. 132–183.
- Simmel G., 1995b. *Über räumliche Projektionen sozialer Formen*. Gesamtausgabe. Bd. 7. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. S. 201–220.
- Wagner G., 2007. Herrschaft und soziales Handeln – eine Notiz zur Systematisierung zweier soziologischer Grundbegriffe // *Macht und Herrschaft. Zur Revision zweier soziologischer Grundbegriffe* / Gostmann P., Merz-Benz P.-U. (Hg.). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH Wiesbaden. S. 19–26.
- Barkovskaya A. Yu., 2013. Sociological interpretation of the category of ‘social space’. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], no. 1 (19), pp. 49-55.
- Bobyreva E.V., 2013. Communicative competence features within religious discourse. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie»* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”], no. 2.1, pp. 265-272.
- Bogachevskaya I.V., 2006. The religious discours as an object of philosophical and religious consideration. *Kultura narodov prichernomorya*, no. 79, pp. 119-121.
- Podlesnaya M.A., Melnikova V.V., 2015. The role of religious community in the life of disabled people. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 10, pp. 145-151.
- Smirnov M.Yu., 2014. Religious sociology and sociology of religion: interrelation and relationships. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 8, pp. 136-142.
- Filippov A.F., 2008. *Sociology of space*. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ. 285 p.
- Bell C.M., 1997. *Ritual. Perspectives and dimensions*. Oxford; New York, Oxford University Press. 351 p.
- Hausendorf H., Schmitt R., 2016. Interaktionsarchitektur und Sozialtopografie. Eine Konzeptklärung. *Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum*. Tübingen, Narr (Studien zur Deutschen Sprache. Bd. 72), pp. 27-54.
- Paul I., 1990. *Rituelle Kommunikation. Sprachliche Verfahren zur Konstitution ritueller Bedeutung und zur Organisation des Rituals. Kommunikation und Institution*. Tübingen, Narr, vol. 18. 308 p.
- Schmitt R., 2015. Positionspapier: Multimodale Interaktionsanalyse. Dausendschön-Gay U.,

REFERENCES

- Gülich E., Krafft U. (eds.) *Ko-Konstruktionen in der Interaktion. Die gemeinsame Arbeit an Äußerungen und anderen sozialen Ereignissen*. Bielefeld, Transcript. pp. 43-51.
- Schmitt R., Fiehler R., Öndüç S., 2018. Exothese als Erhebungsmethode und Analysegrundlage. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 2, pp. 157-169. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.17>
- Schmitt R., Petrova A.A., 2018. The Lutheran-Protestant Last Supper as a problem of Coordination and Positioning (the Case of Russia and Germany). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 4, pp. 75-94. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.8>
- Simmel G., 1995a. *Soziologie des Raumes. Gesamtausgabe. Bd. 7. Frankfurt a. M.: Suhrkamp*, pp. 132–183.
- Simmel G., 1995b. *Über räumliche Projektionen sozialer Formen. Gesamtausgabe. Bd. 7. Frankfurt a. M.: Suhrkamp*, pp. 201–220.
- Wagner G., 2007. Herrschaft und soziales Handeln – eine Notiz zur Systematisierung zweier soziologischer Grundbegriffe. Gostmann P., Merz-Benz P.-U., eds. *Macht und Herrschaft. Zur Revision zweier soziologischer Grundbegriffe*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH Wiesbaden, pp. 19-26.

Information about the Authors

Anna A. Petrova, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of German and Roman Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia; Senior Researcher, Research Laboratory “Intellectual technologies of text management”, Kazan (Volga Region) Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, petrova.anna@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4322-1324>

Reinhold Schmitt, Doctor of Sciences (Sociology), Member of the Department of Pragmatics, Institute of the German Language, R 5, 6-13, D-68161 Mannheim, Germany, reinhold.schmitt@ids-mannheim.de, <http://orcid.org/0000-0003-0981-8039>

Oleg E. Stulberg, Provost of the Lutheran-Protestant Church of Sarepta, Izobilnaya St., 10, 400026 Volgograd, Russia, sarepta1765@mail.ru

Информация об авторах

Анна Александровна Петрова, доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия; старший научный сотрудник НИЛ «Интеллектуальные технологии управления текстами», Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, д. 18, 420008 г. Казань, Республика Татарстан, Россия, petrova.anna@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4322-1324>

Райнхольд Шмитт, доктор социологии, научный сотрудник отделения прагматики, Институт немецкого языка, R 5, 6-13, D-68161 г. Мангейм, Германия, reinhold.schmitt@ids-mannheim.de, <http://orcid.org/0000-0003-0981-8039>

Олег Э. Штульберг, протест, пастор евангелическо-лютеранской церкви Сарепты, ул. Изобильная, 10, 400026 г. Волгоград, Россия, sarepta1765@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.24>

UDC 821.161.1.09“1992/...”
LBC 83.3(2=411.2)6,4

Submitted: 06.08.2018
Accepted: 27.08.2018

**SPLENDOURS AND MISERIES OF TOTAL PLAY
IN AKUNIN’S LITERARY OEUVRE**

**(Book Review: Snigireva T. A. Boris Akunin i ego igrovoy mir [Tekst] :
monografiya / T.A. Snigireva, A.V. Podchinenov, A.V. Snigirev. –
Saint Petersburg : Aleteya, 2017. – 178 p.)**

Natalya V. Prascheruk

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

УДК 821.161.1.09“1992/...”
ББК 83.3(2=411.2)6,4

Дата поступления статьи: 06.08.2018
Дата принятия статьи: 27.08.2018

БЛЕСК И НИЩЕТА ТОТАЛЬНОЙ ИГРЫ

**(Рец. на кн.: Снигирева, Т. А. Борис Акунин и его игровой мир [Текст] :
монография / Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, А. В. Снигирев. –
СПб. : Алетейя, 2017. – 178 с.)**

Наталья Викторовна Пращерук

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия

The monograph written by Ural researchers T. A. Snigireva, A. V. Podchinenov and A. V. Snigirev presents a systematic study of the literary phenomenon of Boris Akunin-Grigol Chkhartishvili. The authors apply the principle of play as a conceptual framework for analysis, which seems a justified (if not the only possible) research approach. This approach determines a strategy for interpreting the diverse literary material produced by the famous contemporary novelist both in terms of its form and content. Akunin himself prioritizes the principle of play not only as all-encompassing and embracing diverse aspects of the functioning and development of literary activity, but also as determining the specific nature of the worlds that

he designs /constructs /creates. In a powerful concluding section of the study, this approach is stressed in a cascade of Akunin-Chkhartishvili’s expressions that the authors of the monograph cite in lieu of conclusion.

However, the researchers move away from such clearly defined concepts, deepening their methodology to include their research subject into the paradigm of the so-called “scriptization of existence”. In these terms, Akunin’s art is no longer viewed from the conventional standpoint of the “detectivization” of contemporary literature (see: [Prascheruk, 2009]), but rather in a more complex ontological context in which humankind is seen to “increasingly transfer its being into

scripts (records) of various formats”. This approach allows the researchers to establish a context in which the unity and diversity of creative roles that are invariably imprinted in a written discourse may be depicted. Creative roles that people play continue to unfold here and now; moreover, play is likely to be an eternal phenomenon, as follows from the concluding phrase of the monograph – “*the play is going on...*” (p. 167). Therefore, the first chapter (*Roles*) is of a particular research interest. It perfectly illustrates how Akunin plays with readers’ expectations and their desire to identify the author’s personality. Would you like to “grab hold” of the author by understanding his comforting position? It never happens: the author discloses himself to the reader through at least three primary roles – as novelist, writer and blogger – as revealed or concealed behind an uncountable number of masks.

Nonetheless, possibilities for play are not unlimited and roles are not always performed brilliantly. If the roles of a writer – the creator of the Fandorin and other provincial series – and a blogger, in general, seem quite convincing, the role of the author of a positivistic utopia raises many questions, thus failing to satisfy a discerning reader involved in the play. This criticism may justly apply to Akunin’s works *Aristonomy* and *The Other Way*. On the one hand, both of these novels confirm post-structuralist ideas – in particular, J. Derrida’s view that the “centre simply closes off play” [Derrida, 2000, p. 446]. After all, Akunin’s recipe for transforming the world by helping people to develop a feeling of self-respect and dignity is nothing else but a centre, an attempt to engage in “a valid play based on fundamental immobility and soothing credibility”, thus perverting the idea of play as the phenomenon of freedom. On the other hand, the abovementioned novels might even more profoundly demonstrate that the positivist position is useless for solving the problem of establishing a “positively beautiful person” or a “positively beautiful” society. Indeed, one cannot but be surprised with Akunin’s naive statements (who not only has a degree in philology, but is undoubtedly also a sophisticated literary personage), such as the following: “...*Dostoevsky’s panic-stricken slogan ‘if there is no God, everything is permitted’ no longer seems to represent an indisputable truth to humanity.*

The word ‘God’ is no longer used either in the UN Declaration or in the constitutions of the majority of democratic states. It turns out that, even in the absence of faith in the Last Judgment, we have come to an understanding that it is necessary to live in a civilized manner, respecting ourselves and others, self-educating ourselves – that is, according to the laws of Aristonomy. Not out of the fear of punishment in the afterlife, but out of inner conviction” (p. 39). Is he is not aware of that, in his worldwide famous aphorism, F. Dostoevsky implied not the disappearance of the fear of afterlife punishment (“if there is no God”) but rather that every ‘aristonom’ created by human infirmity would always be followed by an uncountable legion of similar ideas? Because, ‘if there is no God’, there is no absolute value system: everything becomes relative and every ethical system (due to its imperfection) will be amended by subsequent systems. And what kind of play is this, if, without leaving the role of writer, Chkhartishvili non-ironically offers the reader a completely predictable list of modern aristonoms issued by politically engaged personalities? The authors of the monograph, therefore, accurately identify the most vulnerable components of Akunin’s play, while allowing the writer / novelist / blogger to speak freely and comprehensively.

The second chapter (*National Repertoire*) of the monograph is devoted to Akunin’s play in the context of a national discourse. It is impressive how carefully and comprehensively the authors of the monograph examine this phenomenon. They show how, in carrying and trying to get rid of the complex of the “absorbed” (by virtue of his origin), Akunin is attempting to play in the world arena on behalf of Russians, to whom the authors of the monograph delicately refer as a “titular nation”. Again, such play cannot be considered successful if, firstly, it is in many respects conducted according to stereotypical and far-from-always-functioning rules, and, secondly, when playing on behalf of Russians, one does not take into consideration the religious, i.e. Orthodox, constituency.

This seems rather short-sighted, as eventually it results in serious errors. This primarily concerns Akunin’s generalizations, be it a question of a particular Slavic pride as the source of slavophilism, the ‘breadth’ of the Russian

character interpreted purely in the psychological / mental sense without metaphysical overtones, or the androgynous fusion of the West and the East. Here, Akunin's witty statements not only fail to conceal a lack of depth in understanding the aforementioned problems, but even serve to make them more conspicuous. In the Fandorin series, this fact is mitigated by a poetic element whose floodwaters occasionally break the dam of the rational project discourse: "*A truly Russian, absolutely non-Confucian maxim flashed in his head – 'come what may!', and Fandorin rushed to meet the riskiest adventure of his life*" (p. 66). (It should be noted that irritatingly exploited "commonplaces" can be found even in this example). When investigating Akunin's perspective on the national discourse, the researchers draw attention to the fact that representatives of one culture tend to perceive other cultures through the mirror of their own patterns, which frequently results in persistent stereotypes (which Akunin reveals and constantly repeats to the reader), and it might extremely impoverish our understanding of the specifics of a certain culture. In this way, the mirror experiment undertaken by Akunin is considered to be very instructive for the attentive reader.

Akunin's series about Sister Pelagia deserves special treatment. In these books, the author's ideological construe is partly revised (especially at the beginning) by the vivid charm of provincial Russia emanating from the pages of Akunin's prose. This charm is supported by a masterfully performed intertextual play: all these elusive recognised elements from familiar literature masterpieces, with which every educated reader – as well as the writer – has obviously once had their own romance. The subtle interweaving of hidden references from *Demons*, *The Precipice*, *The Cathedral Clergy*, *The Black Monk* and other works of Russian classics, which can be recognized both in the twists of the plot and descriptions of characters, does complicate the play, making it highly varied and complex not only in terms of sense, but also in terms of content output. Another thing, which the authors of the monograph justly note, is that Akunin, being tired of endless correlations and references, ultimately undertakes a conscious exposure of intertextual links, thereby "ending" the intertextual play. Moreover, and this is crucial, such a play with

classics, which has by now acquired a large-scale character (in fact, Akunin was partly a pioneer of this process), raises the question of trends in contemporary culture as a whole. This relates, for example, to transformations in the status of mystery. In Russian classic literature, mystery almost always possesses an ontological nature, even in works structured around a conspiracy: these are puzzles of existence and the human soul, which can be understood through familiarization and self-identification, i.e. the self-disclosure of these secrets [Smirnov, 1996, pp. 27–34]. Akunin's prose is one of the most striking examples of how an ontological mystery turns into a charade, rebus and logical task. In order for this task to be resolved, only a key provided by a sophisticated postmodern intellect is required. It all leads to a number of questions to be considered: How does the author assess his own involvement in the processes of the deontologization and simplification of mystery (processes that became so widespread at the beginning of the century)? What proportion of this can be seen in terms of self-irony and / or whether Akunin himself can be treated as an active participant of this phenomenon?

The third chapter deals with Akunin-Chkhartishvili's play on and with history. With some justice, the authors of the monograph raise the issue of dialogue and show how Akunin relies on the principle of converse relations with historical realities and characters. This seems to be the optimal approach in the sense of empowering the author to make his adventurous narrations from the past fascinating to the reader. However, the researchers consider that history has not become a "strong player" on Akunin's "playing ground". Conversely, a genuine dialogue is replaced by its simulacrum. It seems that, using special narrative techniques underpinned by a pervasive irony, Akunin brings the interlocutor into the reader's "circle" (a domesticated version of a historical character); however, in reality, the image of the interlocutor is adjusted to suit Akunin's needs without any attempt to imbue the interlocutor with his own truth, allowing him to look at a situation through his own eyes. Otherwise, such psychological characteristics as the following are hard to explain: "*Alexander Yaroslavich was endowed with that rare and difficult kind of courage that motivates a statesman to sacrifice personal feelings, a good name and*

even honour for the sake of the good of his country” (p. 127). History in Akunin’s constructions is by no means a subject of dialogue; rather, it becomes an object, a field for his manipulations and experiments. For some reason, in this connection, Gogol comes to mind with his inquiries addressed to the positivist historian: “*You, armed with the contemporary short-sighted view, dare to think that you are right about events! Your conclusions are rotten. They are made without God. Why do you refer to history? History is dead to you; for you, it is only a closed book. Without God, no great conclusions can be derived from history; rather, only negligible and insignificant ones*”.¹ And this, naturally, does not concern the personal religious preferences of the author, but rather his ability/inability to look at Russian history from a converse perspective, i.e. in the context of the fateful spiritual choice of the nation.

Concluding my reflections on the published monograph by T. A. Snigireva, A. V. Podchinenov, A. V. Snigirev, I would like to note that this serious and instructive book was read from the beginning to the end with unflagging attention. One reason for this is the full realization of the authors’ goal – by involving Boris Akunin, the creator of a play on worlds, to carry on communication that would demonstrate their desire to perceive the other as

the representation of co-being. It seems a pity, that the play of the hero with whom the dialogue is being conducted “is not ended ...”. The reader would like to see his real life, his “complete death in earnest”. However, this must be the mystery that every creator would solve themselves.

NOTE

¹ Gogol N.V., 1990. To a Short-Sighted Friend. *Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami*. Moscow, Sovetskaya Rossia Publ., p. 185.

REFERENCES

- Derrida J., 2000. Structure, sign and play in the discourse of humanities. *Pismo i razlichie* [Writing and Difference]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., pp. 443-466.
- Prascheruk N.V., 2009. Detectivization of contemporary prose: To the question of the ontology of the process. Savkina I.L., Chernjak M.A., eds. *Kultovary: fenomen massovoy literatury v sovremennoy Rossii: sbornik nauchnykh statey*. Saint Petersburg, Peterburgskiy in-t pechati Publ., pp. 181-185.
- Smirnov I.P., 1996. *Dr. Zhivago: Novel of secrets*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 204 p.

Information about the Author

Natalya V. Prashcheruk, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University, Prosp. Lenina, 51, 620000 Ekaterinburg, Russia, pnv1108@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4407-5293>

Информация об авторе

Наталья Викторовна Пращерук, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет, просп. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Россия, pnv1108@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4407-5293>

«Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научной общественности с результатами современных исследований по проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительного изучения языков, теории языка и смежных дисциплин.

Авторами «Вестника ВолГУ» могут быть преподаватели, научные сотрудники и аспиранты высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений России, а также другие отечественные и зарубежные исследователи.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2018 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2018 года 764 руб. 00 коп. Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

**ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по адресу: 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100, Волгоградский государственный университет – главному редактору Шептухиной Елене Михайловне или высылаются по электронной почте на адреса: vestnik2@volsu.ru и istruslingva@yandex.ru.

Обязательно наличие сопроводительного письма, в котором должны содержаться следующие пункты: гарантия оригинальности статьи, отсутствия в ней недостоверных данных и плагиата; обязательство не подавать данный материал в другой журнал; информация о наличии/отсутствии потенциального конфликта интересов с членами редколлегии; данные о финансировании исследования (с пометкой об их конфиденциальности или необходимости опубликования); согласие с принципами, изложенными в разделе «Издательская этика» журнала (<http://l.jvolsu.com/index.php/publishing-ethics-ru>).

Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения.

2. Правила оформления статей.

Объем статьи не должен превышать 1 п. л.

Каждая статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

- 1) Индексы УДК и ББК.
- 2) Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках).
- 3) Имя, отчество, фамилия автора; ученое звание, ученая степень; контактная информация (место работы/учебы и должность автора, полный почтовый адрес организации, телефон, e-mail) на русском и английском языках.
- 4) Аннотация на русском языке и авторское резюме (Abstract) на английском языке.
- 5) 5–8 ключевых слов или словосочетаний (на русском и английском языках).
- 6) Текст статьи.
- 7) Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.1-2003, и References – список литературы на английском языке (латинским шрифтом), оформленный в соответствии с требованиями редакции. При необходимости – примечания, приложения.

2.1. Требования к авторским оригиналам на бумажном и электронном носителях.

- 1) Поля по 2 см с каждой стороны.
- 2) Нумерация страницы по центру внизу.
- 3) Шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал 1,5.
- 4) Файл должен быть создан в программе «Microsoft Word» и сохранен с расширением *.rtf; имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора.

2.2. Оформление библиографических ссылок и примечаний.

- 1) Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера источника и через запятую номеров соответствующих страниц.
- 2) Пристатейный список литературы, озаглавленный как «Список литературы», составляется в алфавитном пронумерованном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

3. После получения материалов рукопись направляется на рецензирование. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. После получения положительной рецензии редакция уведомляет авторов о том, что статья принята к опубликованию, а также направляет замечания рецензентов и редакторов, в соответствии с которыми необходимо исправить или дополнить статью. В случае отказа в публикации статьи редакция представляет автору мотивированный отказ.

Полнотекстовые версии опубликованных статей и их метаданные (аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках, список литературы) будут размещены в свободном доступе в Интернете на официальном сайте издания, на платформе Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU и других реферативных баз данных.

4. Более подробно с требованиями к статьям можно ознакомиться на страничке Издательства на сайте Волгоградского государственного университета: <http://www.volsu.ru> – и сайте журнала: <http://l.jvolsu.com>.
